

Фэнтезийная одиссея от признанного мастера отечественной
фантастики
АЛЕКСА ОРЛОВА

Стрела ГАБИНЧИ
УДАРНЫЙ ХИТ ОТ ИЗВЕСТНОГО АВТОРА
АЛЕКС ОРЛОВ
РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Суммарный тираж книг Алекса Орлова превышает 5 000 000 экз.

На правах рекламы
www.eksmo.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:
Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и
Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис
СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2

Зак. 1483

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

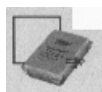
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

ФАНТАСТИКА
ЕСЛИ
№8(210)
ISSN 1680-645X

143 Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

ЭЛЕКТРИК

Не играйте с электричеством! И даже не заигрывайте с ним.

199 Мэтью ХЬЮЗ

ПОЛНЫЙ АБЗАЦ

Жизнь героя не знала полутонов: математика и комиксы были его делом. До тех пор пока он не стал объектом притязаний темных сил.

3 Фред ЧАППЕЛ

ПОХИТИТЕЛЬ ТЕНЕЙ

Верные друзья журнала уже знакомы с героем рассказа и его необычным ремеслом.

29 Даля ТРУСКИНОВСКАЯ

ТРОЯНСКИЙ КОТ

Коты не раз удивляли нас способностью читать, писать, сказывать сказки и строчить на швейной машинке. Но это еще не все их таланты...

49 Дмитрий ВОЛОДИХИН

ЛВЁНОК ИЗ ЭШНУННЫ

На самом деле яблони на Марсе уже давно отцвели. Много веков назад.

75 Мария ГАЛИНА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРЕКРАСНУЮ СТРАНУ!

Или Посторонним В...

125 Анна КИТАЕВА

ЧЁРНЫЙ ТАНЕЦ

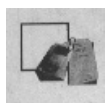
Тайфунам дают женские имена, смерчи же проносятся безымянными.
Просто мы с ними, слава богу, незнакомы.

187 Владимир ДАНИХНОВ

ВОПРОС ВЕРЫ

Друзья над проектами нашего героя только посмеивались, а вот враги
в его изобретение поверили.

109 Антон ПЕРВУШИН

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Долгожданная заключительная серия цикла скорее разочаровывает,
нежели вдохновляет.

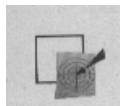
116 Аркадий ШУШПАНОВ

СТАРИКИ-ПОКОЙНИКИ

Однако хоронить их рано, считает критик.

113 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Традиции хороши лишь тогда, когда к ним относятся творчески.

245 Сергей АЛЕКСЕЕВ

ГЕРОЙ И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

Казалось, уж творчество этого классика фэнтези зачитано до дыр.
Однако и у него нашлось кое-что новенькое.

252 Дмитрий ВОЛОДИХИН

ЛЮБИМЫЙ ЛУННЫЙ ТРАКТОР

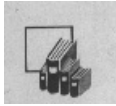
Извечный вопрос: что есть фантастика?

247 РЕЦЕНЗИИ

И фэнтези, и НФ, и сказки, и «страшилки», и даже новеллизации,
дебютанты, мастера и классики.

266 КУРСОР

Рукописи не только не горят, но и преобразуются в оперные либретто.

255

Николай ГОРНОВ
КОСТРЫ АМБИЦИЙ

Пусть читатели и относятся к ситуации спокойно, но давайте прислушаемся к страстному выступлению писателя и заслуженного ветерана фэндома.

259 Вл. ГАКОВ

ПЛАМЕННЫЙ КНИЖНИК

Создатель «Марсианских хроник», «Вина из одуванчиков» и в 90 не собирается уходить на покой.

269 **ПЕРСОНАЛИИ**

Образование и профессия у всех разные, а вот занятие одно, благодаря чему все эти не похожие друг на друга люди и оказались жильцами одного дома.

ФРЕД ЧАППЕЛ

ПОХИТИТЕЛЬ ТЕНЕЙ

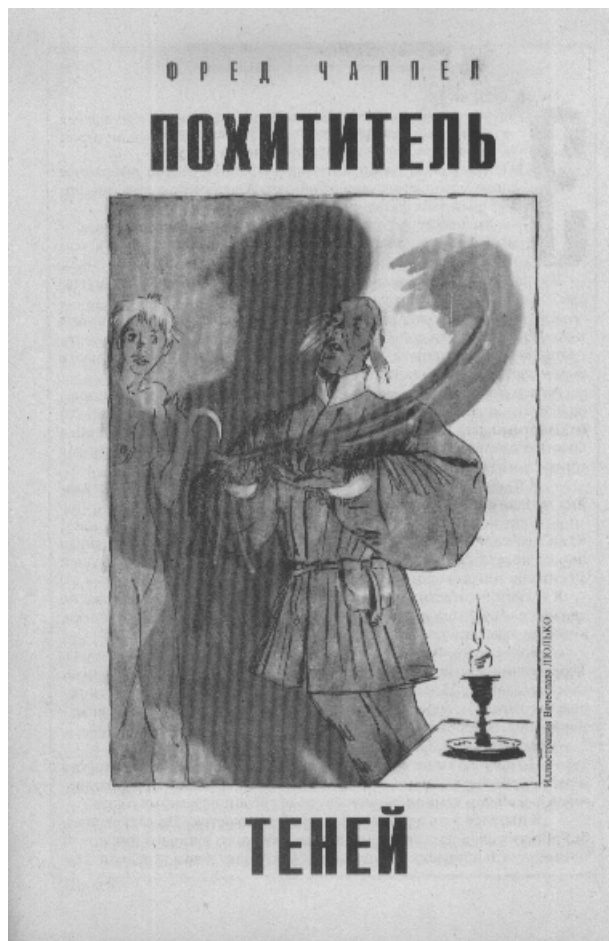

Иллюстрация Вячеслава ЛЮЛЬКО

Знаешь, кто я?

- Знаю. Вы - мастер Астольфо. Это все знают.

- Значит, тебе что-то известно о моем статусе?

Теперь нужно соображать побыстрее. Неудачно выбранное слово может стать оскорблением. А любое оскорбление может оказаться фатальным.

- Вы мастер Астольфо. Занимаетесь торговлей тенями. Самый богатый коммерсант в этой области и признанный эксперт по теням в городе Тардокко провинции Тлемия.

- В таком случае, у тебя, по сравнению со мной, имеется преимущество, - бросил он. - Вот я ничего о тебе не знаю.

Я не понимал, какое преимущество в том, когда тебя прижимают к стене полутемного коридора его большого особняка, а в горло упирается кончик его шпаги, не говоря уже о присутствии маячившего рядом зловеще-молчаливого громилы-слуги.

Астольфо не казался мне очень уж кровожадным типом. Скорее, человеком коренастым и довольно грузным, имеющим подчеркнuto беззаботный вид и беспечный взор, как правило, не загоравшийся яростью при виде врага. И все же шпага словно сама прыгнула ему в руку, когда его верзила привел меня сюда из сада.

- Я Фолко. Происхожу из благородной семьи, живущей в северных провинциях.

- Судя по выговору, ты, скорее всего, из Кадерии или из тех мест. Край невзрачных маленьких ферм. И еще совсем недавно ты взирал на мир поверх задней части мула, тащившего плуг. У тебя из-за ушей до сих пор торчат соломинки!

Я ничего не ответил на спокойно высказанную правду. И даже не удивился. Астольфо имел репутацию истинного мудреца и человека, который знает все на свете.

- Более того, Фолко - это имя, которое ты сам себе придумал. Твое истинное имя - Тупица, Дурень, Болван или столь же шутовское прозвание. Ты деревенский олух, пытающийся изобразить городского браво, и перелез через стену моего сада глухой ночью, вознамерившись обворовать мой дом.

- Это не так. Я пришел встретиться с вами и потолковать.

- Почему же ты не мог прийти при свете дня, постучать в ворота и дать о себе знать в приличествующей случаю манере? Проникновение в чужой дом темной полночью грозит бедой незваному гостю.

- Я пытался дать о себе знать со всей учтивостью. Но ваш человек без лишних слов прогнал меня, как назойливого вшивого нищего. Я посчитал, что привлеку больше внимания, войдя в дом украдкой. Надеялся, что вы оцените меня по достоинству и захотите узнать о цели моего появления.

Он опустил шпагу, но не вложил ее в ножны.

- Итак, ты составил план, и он сработал, как ты и надеялся. Должно быть, сейчас ты очень этим гордишься.

- Я кажусь вам гордецом?

Он окинул меня почти безразличным взглядом.

- Что же, посмотрим. Разноцветное трико и засаленный кожаный камзол, по-видимому с чужого плеча, черные туфли, скорее всего, сработанные шорником, с немодными квадратными носами. Ты очень мудро поступил, не захватив оружия, но два стальных кольца на ремне указывают, что обычно ты носишь рапиру или длинную шпагу, которая сейчас, несомненно, хранится у трактирщика в залог за карточные долги или выпивку. Короче говоря, ты горячий парень, бездельник, сбежавший с забытой богом фермы от флегматичного, толстокожего папаша. Ты один из десятков мужланов, которые каждый год меряют улицы Тардокко, чтобы толкать на тротуарах честных граждан и творить пакости после захода солнца. Этим вы, мессир Чурбан, ничем не отличаетесь от сотен вам подобных.

Его любезная речь достигла цели, пробудив во мне гнев. Хорошо еще, что я не взял с собой шпагу! Если бы я напал на Астольфо, тот, возможно, пропорол бы меня, насадив как поросенка на вертел.

- Если все, что вы говорите, правда, я должен приобрести манеры

поприличнее. Именно за этим я и пришел.

- Принимаешь меня за жеманного учителя танцев, щеголя-придворного, превзошедшего искусство целования ручек?

Он склонил голову влево.

- Нет. Ты считаешь меня великим грабителем, злодеем, крадущим тени дворян и наживающимся на их продаже. Ты уверен, что я постиг все тонкости искусства похищения теней, и надеешься, что я передам эти тонкости тебе, дабы ты мог уехать за границу: воровать, мошенничать и огребать громадные деньги. Ты собрался заплатить за обучение, хотя все, что звенит в твоих карманах, это один игл, четыре куэрди и двадцать дати.

Я так растерялся, что похлопал по карману камзола, дабы убедиться в отсутствии кошель, который, как оказалось, уже свисал с руки Астольфо. О его репутации ходили легенды, но как он это проделал? Я ни на миг не спускал с него глаз. Теперь я еще сильнее уверился в том, что мне следует иметь такого наставника.

- Признаю, что в моей голове бродили подобные фантазии. Боюсь, вы нашли меня безнадежно наивным.

- Я нахожу тебя отсталым. И скорее всего, безнадежно. Возьми свой кошель.

Астольфо швырнул мне кошель, но, потянувшись за ним, я поймал только воздух. Предмет, словно по волшебству, вернулся в его руку.

- Что за выходка?!

- Целью которой было показать, какой ты замшелый. И это мне удалось. Итак, каким образом ты собираешься аргументировать свою просьбу?

Тщетно обшаривая мозги в поисках стратагемы, я неожиданно сообразил, что спасти меня может только правда. Нет никакого смысла в том, чтоб пытаться обмануть, охмурить или обвести вокруг пальца такого человека. Я расскажу ему все, не умолчав о том, как огрел своего старшего брата Осбро лопатой по башке и обыскал его карманы, как украд из церкви чашу для причастия, как прибыл в Тардокко, спрятавшись на телеге с навозом, предназначенным для городских садов. А вдруг мой рассказ повеселит Астольфо и тот согласится взять меня в ученики? То, что позорит меня, может доставить ему несколько веселых минут.

Поэтому я рассказал ему все, даже тот случай, когда судомойка по имени Нана угостила меня сковородой по тыкве. И всего лишь за то, что я совал ручонки, куда, по ее мнению, доступа не было, да еще одновременно пытался стянуть с подоконника каравай.

А мастер Астольфо мрачно кивнул, словно предвидел все, что я скажу, и нашел мое повествование банальным. Но когда он взглянул мне в глаза, немигающе и пронзительно, вопрос застал меня врасплох.

- Какого цвета туфли Мутано? - осведомился он. - Только не смотреть!

- Черно-фиолетовые, с позолоченными пряжками.
- Чистые или пыльные?
- Немного грязи на рантах.
- Откуда грязь?
- Понятия не имею. И как я могу знать подобные вещи?
- Пустить в ход наблюдательность.
- И?..
- Что бы ты подумал, заметив на своей обуви следы подобной грязи?
- Что мы побывали в одном и том же месте, и я мог видеть его там, но сейчас не узнал.
- А еще?
- Что он тоже видел меня, но запомнил.

Астольфо снова оглядел меня с головы до ног и, кивнув, что-то пропел себе под нос.

- Как полагаешь: толкнуть его в кучу дерьма или этот кретин на что-то сгодится?

- Если этот кретин - готовый на все верный парень, он может очень даже пригодиться, - не задумываясь ответил я.

- А если он безумец? Что в этом случае?

- Если его безумие можно держать в узде, а еще лучше - направить в нужное русло, ему цены не будет.

- А если он одновременно и кретин, и безумец?

- В таком случае у меня не один, а два шанса на успех.

- Возможно, но только в том случае, если ты из тех, кто выполняет приказы немедля и не задавая вопросов.

Снова просвистев какой-то мотивчик, он сунул шпагу в ножны.

Именно этот жест окончательно убедил меня, что я пришел по правильному адресу и к правильному хозяину.

Он вложил шпагу в ножны, болтавшиеся у пояса, не задумываясь, не возясь, одним плавным движением. Я видел фехтовальщиков высокого класса, дуэлянтов и мастеров клинка, выигрывавших те поединки, в которых победить невозможно, и все они, даже самые прославленные, немного мешкали, когда приходилось вкладывать оружие в ножны.

Но Астольфо спрятал шпагу одним движением большого пальца левой руки, как это учатся делать актеры. Не глядя вниз. Не колеблясь. Шпага скользнула в ножны, и, насколько я понял, наш договор был подписан и скреплен печатью.

«Мастер Астольфо, - подумал я, - вы еще не знаете, что получили лучшего и самого прилежного ученика. Таких вам еще не приходилось обучать».

Что ж, это было давно, и с тех пор минуло тридцать две луны. Честно говоря, груз обучения оказался тяжел так, как я себе и представлял.

Первой и главной задачей было убедить мастера взять меня к себе. Я дал столько обещаний, наговорил столько наглой лжи, умолял, заклинал и пресмыкался столь усердно, что до сих пор краснею при воспоминании о том времени и не желаю вдаваться в подробности. После этого началась муштра. Одно задание следовало за другим: сунуть руку в маленький бархатный мешочек, топорщившийся изнутри рыболовными крючками, чтобы извлечь мелкую монетку, которую он туда положил; боксировать с безгласным Мутано и, как обычно, быть сильно побитым; учиться пользоваться квазилунным ножом, имеющим форму полумесяца, чтобы отрезать тени от их хозяев (сначала железные столбы, а потом и кошки); определять с завязанными глазами текстуру любой ткани, пробовать безумно дорогие вина, которые я не имел права глотать.

И бесконечные упражнения с различными клинками: обычным палахом, рапирой, саблей и ятаганом, но чаще всего и старательнее всего - с тем молниеносным, тонким, отточенным клинком в форме полумесяца, который Астольфо называл Избавителем.

Если вы любознательны, проделайте следующий эксперимент: выберите ясный ветреный день, прикрепите к шесту, достигающему вам до макушки, флажок из прозрачайшего голубого шелка и разрубите его надвое своим сверкающим Избавителем так, чтобы концы разреза оставались ровными, словно это сделал портной с верным глазом, сидящий со скрещенными ногами на своей подушке. Этому вы обязаны научиться, если хотите сколотить состояние, занимаясь похищением теней.

Конечно, Астольфо наотрез отказывался признать себя похитителем теней и знаменитым мастером этого искусства.

- Я торгую тенями, - пояснял он. - Клиенты приходят ко мне. Не я их ищу. Пусть воруют остальные, если им угодно. Я продаю то, что пользуется спросом.

И это чистая правда: я ни разу не видел, чтобы он брал тень украдкой, разве только на тренировках. Очевидно, воровское прошлое осталось позади. И все же за ним тянулся длинный хвост легенд, крайне полезных для его предприятий.

Самыми утомительными были математика и трактаты по теории. Я не любитель мозголомных игрушек, и долгий дождливый день за «Первозданной теорией теней» или «Книгой антикварных теней» Карникуса не самое мое любимое времяпрепровождение. Я ненавижу геометрию, хотя понимал ее пользу. Если собираетесь вырезать тень из того места, где она распластана в нише стены с тремя-четырьмя неровными углами, будьте любезны вспомнить о дугах, овалах и градусах. Но человек, нашедший применение изъеденным книжными червями страницам анонимного «Зеркала теней мира», есть великий ученый, до которого Фолко шагать и шагать.

Урокам, казалось, не предвидится конца. И частью обучения был запланированный обман, чтобы я не смог разобраться: где настоящее воровство, а где всего лишь тест. Возьмем для примера хотя бы нынешнее дельце. Вот мы стоим у бокового входа обшарпанного портового склада. Астольфо постучал условным стуком в ободранную дверь на кожаных петлях - два-один-два, и нас впустила парочка здоровенных грязных оборванцев, с которыми никому не хотелось бы встретиться в темном переулке. Один из них повел нас через лабиринт коридоров и остановился у маленькой двери без смотрового окошечка. Другой топал следом за нами.

В подобных обстоятельствах перепуганное тело не реагирует на разумные мысли. Я бросился на пол, одновременно выхватив кинжал из сапога, и, подобно ластившемуся коту, обвил ноги того, что повыше, подрезав ему ахилловы сухожилия. Тот взвыл удивительно высоким для столь косматого дикаря голосом, уронил абордажную саблю и отшатнулся к стене. Я мигом вскочил и выхватил шпагу, готовый защитить себя и Астольфо, поскольку предположил, что нас заманили в ловушку: богатство Астольфо было поистине баснословным, и попытки завладеть сокровищем, убив хозяина, случались весьма часто. Но сейчас он жестом успокоил меня.

- Уймись! Что ты делаешь?

- Этот тип пытался меня убить. Приставил саблю к моей спине.

Дверь открылась. Сморщенный желтолицый старикашка с одного взгляда понял суть происходящего и негромко осведомился:

- Что, Астольфо, привел мне убийцу?

Чувствовалось, что человек этот привык властвовать.

- Лучше приструни своего приспешника, Пекуньо! Он напал на Фолко сзади! Повезло ему остаться с целым брюхом! Почему он обнажил оружие против приглашенного тобою гостя?

Старик долго, испытующе смотрел на Астольфо, прежде чем кивнуть, после чего сделал знак второму громиле-слуге, который помог пострадавшему встать и уковылять в полумрак. Я глядел им вслед, думая, что пройдет немало времени, прежде чем раненый сможет отплясывать кадрили.

- Настали гибельные дни, Астольфо, - начал Пекуньо. - Я приказываю слугам обнажать оружие, провожая гостей в мою маленькую контору.

- Я не беру с собой чужаков, и ты не раз в этом убеждался.

Пекуньо снова кивнул.

- Мой человек Доло велик ростом, но слаб разумом. Но оставим это. Считай, что все улажено.

Когда мы вошли, я при свете дюжины свечей убедился, что хозяин еще меньше ростом, чем мне показалось на первый взгляд, и к тому же обременен горбом. Он был одет в черные тунику, штаны и туфли.

Только горло и запястья оттеняли белые воланы, даже не отделанные кружевом.

Он не торопясь осматривал меня. При этом лицо его оставалось совершенно бесстрастным.

Наконец он обернулся к высокому шкафу, вынул графин и три небольших бокала с позолоченной окантовкой и разлил вино.

Я последовал примеру Астольфо и, приветственно подняв бокал, одним глотком осушил содержимое, оказавшееся жгучим, приторно сладким и, по-видимому, дорогим.

- Рад снова видеть тебя, Пекуньо, - начал Астольфо. - Надеюсь, смогу оказать тебе более существенную услугу, нежели тот респект, что выказал твоему человеку мой не в меру резвый ученик.

- Об этом мы договоримся, когда ты назовешь цену, - объявил Пекуньо, - тем более что прошу я об очень скромном одолжении. И желаю услышать твое мнение об определенной вещи.

- Оценка?

- Можно назвать и так. Я приобрел тень. Ее представили на мое обозрение как любопытный и ценный раритет. Возможно, так оно и есть... при условии, что это не подделка.

- Каково ее происхождение? Ты можешь разыскать владельца?

- Если происхождение подлинное, я не посмею приблизиться к ее хозяину. Возможно, и ты, прославленный Астольфо, дважды подумаешь, прежде чем отважиться на такое.

- И что собой представляет эта сказочная тень?

- Давай посмотрим.

Пекуньо пересек комнату, приблизился к огромному дубовому, доходившему до самого потолка шкафу с тяжелой дверцей, вставил в скважину серебряный ключик, потянул дверь на себя и сделал знак Астольфо.

Кругленький мастер теней осторожно сунул руку в углубление и извлек самую роскошную тень из тех, которые мне когда-либо доводилось видеть. Цвет ее был мраком полуночи в густом лесу, когда ветер колышет усыпанные листьями ветви над головой, так что свет звезд проникает вниз узкими яркими стрелами. И в этой глубокой темноте проглядывали другие вкрапления: тонкая нить серебра здесь или алого там, а в общей текстуре время от времени вспыхивало приглушенное розовато-лиловое свечение. Будь это ткань, она непременно оказалась бы тяжелым бархатом. Но это была тень, не имевшая веса. Воздержусь от цитирования «Списка знаменитых теней» и остальных, изъеденных временем томов. Каждый, кто наблюдал торговлю тенями, поймет меня.

Прикосновения Астольфо были такими легкими, что, казалось, он вовсе не держит тень. Просто позволяет ей лежать на полураскрытых ладонях. Только так и следует обращаться с тенями, но для этого

нужно обладать необходимым опытом.

Он медленно поворачивал руки, словно согревая их у жаровни.

- Превосходный материал, - заключил он и, приблизив лицо к тени, осторожно вдохнул: - Сложный аромат, но с отчетливым запахом соли.

- Он закрыл глаза и продолжал: - Это тень старого морского волка, который, возможно, навсегда оставил море. Если это так, он сражался во многих битвах, и много бедняг-матросов нашли свое упокоение от его абордажной сабли на дне морском.

Он на секунду высунул язык, подобно змее, пробуя на вкус воздух.

- Не хотел бы видеть своим врагом владельца этой тени.

- Ты считаешь, что ее хозяин все еще жив? - осведомился Пекуньо.

- Я знаю людей из плоти и крови, но менее живых, чем эта тень. Тому, кто украл ее, лучше побережться.

- Я не крал ее и не знаю имени вора, - поспешно заверил Пекуньо. - Я всего лишь купил ее. И не собираюсь узнавать, каким образом она попала к продавцу.

- Прекрасно, - кивнул Астольфо. - Но в этом случае, не понимаю, чем могу помочь.

- Продавец утверждает, что это тень Морбруццо.

- Пират Морбруццо? - уточнил Астольфо с удивленными нотками в голосе. - Морской разбойник без совести и чести, заслуживший дурную славу даже среди своих сообщников? Злодей и негодяй, захвативший порт Ламию и обесчестивший королеву племени Димиани? Если речь действительно идет о нем, эта тень - редкое сокровище, и ее цена может оказаться выше, чем вы заплатили.

- Я расстался с небольшим состоянием.

- Я имел в виду не золото.

- Не золото? Значит, мою жизнь?

- Морбруццо славится своей жестокостью.

- Но если это не Морбруццо, а какой-то другой злодей?

- В таком случае цена понизится, но ты по-прежнему в опасности.

- Не можешь ли ты обрисовать мне ситуацию?

- Давай начистоту, - отрезал Астольфо. - Ты хочешь, чтобы я подтвердил, действительно ли это тень кровожадного Морбруццо. Потому я должен проверить, послал ли он кого-то из своих убийц по твоим следам. И в заключение мне придется посоветовать тебе: стоит нанять охрану или лучше избавиться от этого приобретения как можно скорее.

Пекуньо, поколебавшись, кивнул.

- Но если я возьмусь за эту работу, значит, по доброй воле подвергну себя смертельной опасности.

- Которая для тебя не нова.

- Собственно говоря, ты уже поставил меня в безвыходное положение, пригласив сюда.

- Есть немало тех, кто постоянно посягает на твою жизнь.
- Если я приму это небольшое задание, плата будет немалой.
- У тебя всегда непомерные цены.
- Ты получишь ответ через два дня, начиная с сегодняшнего. Я знаю, что за мной и Фолко начнут слежку, как только мы выйдем отсюда. Но я сделаю все, чтобы избавиться от «хвоста», когда мы станем возвращаться. А теперь, если ты прикажешь слуге вывести нас из этого лабиринта, обещаю, что наш горячий Фолко воздержится от очередного применения оружия.

- Разумеется, - улыбнулся Пекуньо.

Астольфо снова поместил тень в темный шкаф, а Пекуньо повернул ключик в замке, после, чего подошел к столу и поднял графин.

- Скрепим договор еще одним глоточком? - гостеприимно спросил он.

- Я еще не согласился, - покачал головой Астольфо. - Но когда мы заключим договор, бокал вина не помешает.

- Понимаю.

Пекуньо протянул руку к верхней полке, снял довольно большой медный колокольчик и позвонил. Почти сразу же открылась дверь, и на пороге возник слуга: худощавый желтоволосый парень в нелепо высоких сапогах. Если судить по этим сапогам, его ноги были неестественно велики. Даже больше моих.

- Будь так добр, Флорной, проводи наших гостей, - распорядился Пекуньо.

И мы последовали за этим типом по коридорам. Меня удивила его агрессивная манера держаться. Но Астольфо, казалось, ничего не замечал, рассеянно уставившись в пространство.

Когда за нами закрылась дверь склада и мы остались одни в зловонном переулке, я принялся сыпать вопросами, роившимися у меня в голове.

- Сейчас не время, - перебил Астольфо. - Прежде всего следует определить, кто именно за нами следит. На следующем перекрестке мы разделимся. Я пересеку улицу и зайду в кабачок. Ты свернешь направо, к пристани, сократишь путь, нырнув в короткий проход, и зайдешь в спину нашему преследователю. Разузнай все, что можешь, и сразу домой.

Когда я вернулся, оказалось, что Астольфо еще нет. Мутано, его немой, но отнюдь не глухой слуга, позволил мне хозяйничать в кладовой. Моей добычей были кусок сыра, ломоть ржаного хлеба и кружка эля, чтобы перебить вкус омерзительно сладкого вина Пекуньо. Я пустил в ход зубы, но когда принялся уничтожать припасы, Мутано знаком дал понять, что Астольфо уже прибыл и ожидает меня в библиотеке, той, что поменьше, где в жаровне всегда тлеют угли.

Тесной и мрачной, забитой заплесневелыми книгами с их убийственным для глаз мелким шрифтом.

Усевшись в кожаное кресло, он указал мне на табурет.

- Итак, кто, по-твоему, вынюхивал нас?

- Я никого не заметил.

Астольфо ненадолго задумался.

- Это означает, что по нашему следу не пустили сразу двух ищеек. Двоих ты увидел бы. И, скорее всего, засек бы неопытного щенка. Либо за нами никто не шел, либо это был старый, матерый волк. Мы, конечно, должны придерживаться второго предположения.

- Но с какой целью?

- Как это - с какой? Сберечь наши шкуры, да еще и позолотить их. Иначе говоря, остаться в живых и получить прибыль... Вот как, полагаю, все было на самом деле. Пекуньо не приобрел эту тень легальным порядком. Тень предложил ему человек, достаточно близкий к Морбруццо, или кем бы там ни являлся владелец тени. Настолько близкий, чтобы втереться в доверие к жертве воровства или предать ее. Это должен быть кто-то хорошо сознающий, сколько дадут за его голову. Первой его мыслью было подороже продать тень ее хозяину, а потом пойти на попятный и обратиться к Пекуньо. В этом случае он смог бы содрать денежки и с того, и с другого... Но у него могут иметься и другие мотивы.

- Кто же этот пройдоха?

- Скорее всего, очень пронырливый похититель теней. Трое хорошо известных мастеров этого ремесла недавно сошли со сцены. Рыжеволосый Рудджиеро, с изуродованной правой рукой, исчез из моего поля зрения две недели назад. Возможно, навещает своего вечно угрюмого дядюшку Педроро в надежде на наследство. Коварная серебристая женщина Флерайе и ее беспечный возлюбленный Белармо за последние несколько лет похитили множество известных теней. Их последнее дельце с тенью графини Тессании так просто им с рук не сошло. Все узнали имена похитителей, и парочка, по слухам, легла на дно где-то в глуши, поблизости от западных болот. Вот три возможных кандидата на роль продавца. Есть, конечно, и другие. Но произошла непредвиденная задержка. По какой-то причине Пекуньо чересчур долго хранил у себя эту тень. Он чувствует, как быстро растет опасность.

- Каким образом?

- Пекуньо, наверное, имел под рукой второго покупателя с толстым кошельком, иначе не ввязался бы в столь губительное дело. Он намеревался отдать тень, как только она попадет ему в руки. Покупатель выплатил бы всю сумму и немедленно удалился на край света, не оставив следов. Те, кто рыщет вокруг дома нашего друга, ничего не вынюхают. Но, получив тень, Пекуньо не захотел с ней

расставаться и начал кормить покупателя завтраками. В конце концов покупатель испугался и предусмотрительно предпочел исчезнуть. Чем дольше тень остается в одном месте, тем легче ее найти.

- Но ведь наверняка Пекуньо хотел содрать кругленькую сумму с посредника.

- Давай поразмыслим, - предложил Астольфо. - Каковы твои соображения?

- Прежде всего, он не разбойник, чтобы использовать тень, скрываясь по ночам в темных улочках в поисках добычи. И не дипломат, чтобы с ее помощью маскировать истинные намерения, кроющиеся за учтивыми словами. Не скульптор, не художник, не композитор, которым тень требуется, чтобы придать сочинениям нужную глубину и выразительность, не...

- Мы оба сгнием в гробах, прежде чем ты перечислишь все, чем Пекуньо не является, - перебил Астольфо. - Лучше скажи, как ты оценил его тень, когда увидел ее в комнате?

- Помещение было плохо освещено, но мне кажется, что она была жалкой, ничтожной, худой, изуродованной и подрагивала в неровном свете свечей. Именно такой, какую ожидаешь увидеть у одряхлевшего скряги-торговца.

- Как по-твоему: описал бы он свою тень теми же словами?

- Вы сами говорили, что люди редко создают верное впечатление о своих собственных тенях, но он, должно быть, подозревает, что его тень - не самая красивая в мире.

- И следовательно, его одолевает искушение...

Я немного подумал:

- Примерить эту.

- Окутать себя тенью того, кто сотни раз встречал опасность лицом к лицу, кто со смехом смотрел в пушечное жерло, скрещивал сабли с шестью противниками зараз, похищал принцесс и заставлял обожать себя... разве это не могучий соблазн?!

- Для мечтательного школьника, возможно. Но Пекуньо стар.

- Стар и почти не имеет иных возможностей, кроме как на всю жизнь остаться прикованным к конторе, бухгалтерским книгам и налоговым сборам. А завернувшись в тень, он почувствует биение другой жизни. Звуки и запахи смертельной схватки будут будоражить его застоявшуюся кровь; клочок тени, обвившийся вокруг бедер, подобен женской ласке.

- Значит, он сделает из нее игрушку?

- Она слишком полна жизни. Эманации выдадут ее - и его - местонахождение. Но единственный надежный покупатель Пекуньо сбежал, и наш друг уверен, что у него остался один выход.

- Хочет взять за нее выкуп? Разве этот выход не самый глупый из всех возможных?

- Совершенно верно. Но Пекуньо может попытаться сбить с толку тех, кто собирается превратить его в труп и вернуть тень.

Мне очень не хотелось спрашивать, но я все же осмелился:

- И каким образом он будет сбивать с толку преследователей?

- Наняв нас. Нас увидели у входа в дом Пекуньо. За ним наверняка следят сутками напролет. Они посчитают, что рано или поздно мы повезем эту тень покупателю, с которым заключена договоренность. И вот на этом этапе они нападут. Перережут нам горло, воткнут пики в наши животы и, весело треща, подобно довольным макакам, унесут сокровище.

- Вы правы, в планах старика мы значимся не более чем приманкой. Сейчас же пойдем в эту крысиную нору, где он обитает, вырежем у него печень с селезенкой и скормим бродячим котам. Терпеть не могу, когда из меня делают идиота.

- И?..

- Насладимся чувством мести.

- Мечь не отяготит наши кошельки.

- Заберем тень.

- И прихватим вместе с ней убийц. Ты уверен, что это действительно тень Морбруццо, пресловутого пирата?

- Вы описывали ее как тень спутника дерзкого капера.

- И все же, если она принадлежит Морбруццо, в гавани скоро появятся два его трехмачтовых судна, а заодно и принадлежащий ему военный шлюп. Он немедля подожжет Тардокко, если посчитает, что таким способом вернет тень.

- Но если это не Морбруццо, тогда...

- Тогда мы подумаем о деле хладнокровно. А пока нужно держаться настороже и каждую минуту ожидать нападения. Ты, я и Мутано будем нести вахту двадцать четыре часа в сутки, пока не сможем верно оценить ситуацию. Моя вахта - первая. Мутано разбудит тебя на третью.

Я ушел в скудно обставленную каморку, которую отвел мне Астольфо, и немного посидел, глядя в стену. Потом перевел глаза на стишок, который он заставил меня вырезать на изголовье кровати:

*Древенский олух Фолко,
Тень свою храни, и с толком.
Ибо труднее на свете всего -
Пытаться познать себя самого.*

Но неуклюжие вирши так врезались в память, что не располагали к работе мысли.

Был ли я настолько кровожаден, как хвастался? Убил бы я старика жестоко и безжалостно? Я никогда и никого не убивал, хотя проламывал головы и крушил кости в кулачных боях да вставлял

несколько живописных шрамов на шкурах грубиянов. Однако никогда не чувствовал потребности пускать кровь, даже во имя мести.

Но тут я понял, почему недавно так вспылал. Просто потому, что не был уверен: истинна эта история с пиратской тенью или мне хотят преподать очередной урок. Астольфо уже устраивал мне подобные проверки, включающие интриги, слежку, мелкое воровство, подделку купчих и так далее. Но прежде чем я был готов сделать последний шаг, он одергивал меня, заявляя:

- Пока ты не совершил ничего плохого. Но когда дойдет до дела, ты не должен говорить так громко и так свободно. Не должен немедленно обнажать оружие. Зато обязан прислушиваться к собеседнику и, что еще важнее, его интонациям... и тому подобное.

Я чувствовал себя одураченным. А вдруг история с Пекуньо - еще один урок?

Иногда я зримо представлял, как моя сладостная и задорная юность исчезает, словно капля дождя на пустынном песке, и тогда меня снова и снова преследовал вопрос: стоит ли обучение искусству похитителя теней столь тяжелых трудов? И как мне вообще пришло в голову этим заняться?

Мой брат Осбро отчасти помог мне прийти к этому решению. Он был старшим и умным сыном, тем, кто умел быстро считать и писать. Заядлый книголюб, он любил показать свое превосходство, цитируя какого-то заумного поэта или полузабытую сагу, а потом вопрошал с холодной издевкой:

- Ну, и что ты об *этом* думаешь?

В ответ я чаще всего пожимал плечами, поскольку не понимал ни единого слова из сказанного. Позднее, когда Астольфо нещадно гнал меня к полкам древних книг, я приобрел кое-какие знания и начал подозревать, что все эти мудрые изречения и многозначительные реплики, которые так любил цитировать Осбро, на самом деле бессмысленные цепочки слов, которые он сам связывал в строки.

Меня брат считал недоразвитым чурбаном, и со временем его чванство так допекло меня, что я решил пробить себе путь в жизни своим умом. Я много слышал о торговцах тенями, людях, которые их похищали и продавали художникам, преступникам, политикам и тому подобным типам. Людях, которые покупали тени и подгоняли их под вкусы изнеженных женщин и осмотрительной знати. Людях, которые похищали тени и держали у себя, пока их истинные хозяева не наполняли ладони похитителей золотом. Подобное искусство казалось чем-то вроде магии: преобразить вещь столь прозрачную и невесомую как тень, нечто почти не существующее, в золото и серебро, в акры земли и дома, экипажи и слуг. Добейся я такого, и получил бы доказательство, что я не тот болван, каким Осбро считал меня. Пусть протыкает дырки в земле и сажает репу или рубит мотыгой сорняки и

изрекает фальшивые перлы мудрости. Пусть влачит жалкое существование под близоруким взором нашего угрюмого папаши. А я с помощью дерзких и хитроумных планов, а также проворных пальцев сделаю из воздуха солидное, как гора, состояние.

После того как Мутано не слишком нежной рукой потрянул меня за плечо, я принялся обходить дозором выющиеся молчаливые коридоры, прислушиваясь к собственным шагам по каменным плитам, не видя ничего, кроме лунного света, просачивавшегося сквозь горизонтальные щели под потолком: ни мыши, ни бабочки «мертвая голова», ни жука. Воздух за окном не тревожили даже птичьи песни.

Я обыскал подвалы с гигантскими винными бочками, глиняными кувшинами масла и мешками муки и зерна. Все было в порядке, поэтому я вышел через маленькую дверь, поднялся по ступенькам и оказался в южном саду. Луна уже стала меркнуть, и по земле тянулись длинные неподвижные тени. Даже самый легкий ветерок не шевелил ветви деревьев.

И тем не менее я почувствовал чье-то присутствие и в тот же миг увидел над садовой оградой грузную фигуру. Незнакомец протиснулся мимо наконечников копий, дыбившихся по верху ограды, и стал спускаться. Столь своевременное столкновение с вором казалось чересчур легкой удачей, и в голове прозвучало одно из высказываний Астольфо: «Если так просто увидеть одного, значит, обязательно есть еще и второй».

Я ступил с выложенной плитами дорожки в темное убежище плакучей ивы. Возможно, вор успел увидеть меня, но, если повезет, выйдет из укрытия, чтобы присоединиться к сообщнику, при условии, что я не шевельнусь.

К сожалению, мне не повезло. Он мгновенно оказался здесь, в путанице гибких прутьев. Но я услышал шорох листьев по кожаной одежде, схватил горсть хлыстов-ветвей и, не оборачиваясь, стегнул наотмашь. Таким образом я сразу определил, где находится враг. В моей руке тут же очутился кинжал. Нет смысла выхватывать шпагу, которая тут же запутается в этом переплетении зелени.

Грабитель удивленно охнул, и, поскольку этот звук мог привлечь его сообщника, я подумал, что неплохо бы стравить их друг с другом, поэтому издал громкий мучительный стон, словно меня пронзили насквозь. И в самом деле, второй беспечный глупец ринулся в гущу ветвей, а когда появился слева от меня, я со всей мочи пнул его в то место, где, по моим расчетам, должны были находиться его колени.

Он проломил хрупкую преграду и врезался в грудь своего товарища. Столь неожиданная атака застала последнего врасплох. Проглотив проклятье, он всадил кулак в лицо неуклюжего простака. Не запутайся его шпага в ветвях ивы, он, возможно, прикончил бы беднягу. А так

лишь уложил на землю потерявшего сознание друга и поднял шпагу, готовясь насадить его на «вертел».

В моих ушах снова зазвучал голос Астольфо: «Мало чести, мистер Вор, в том, чтобы убить лежащего».

Сам не зная почему, я произнес эти слова вслух. Противник развернулся и попытался поднять шпагу, но острие моей уже было прижато к тому месту, где билось его сердце.

- Слишком поздно, - пробормотал я. - Пожалуй, лучше бросить оружие на землю.

Он так и сделал, правда, очень неохотно.

- А теперь пойдём, потолкуем с хозяином дома, - велел я и, когда он показал на неподвижное тело сообщника, добавил: - Оставь его здесь. Вдруг садовнику понадобится удобрить розы навозом.

Я подтолкнул пленника к черному ходу, и мы вошли в переднюю, где нас уже ожидал Мутано. Он провел ладонями по тунике, рукавам и бедрам незваного гостя и, не найдя оружия, повел нас на кухню, где на тяжелой мясницкой колоде сидел Астольфо, болтая ногами, будто школьник, сидящий с удочкой на мосту.

Между кирпичной печью и длинной стойкой стоял складной табурет, на который Мутано грубо толкнул незнакомца.

Астольфо внимательно оглядел его, закрыл на секунду глаза и наконец объявил:

- Кузен, полагаю. Не родной брат. Имеется некоторое сходство с тем, чьи сухожилия ты подрезал своим кинжалом, Фолко. Смотри, сколько неприятностей ты нам доставил! Этот явился отомстить за твою выходку. Нечего было кататься по полу, подобно псу в дерьме... Я прав, чужак? Вижу, ты уроженец острова Туманов, как и тот, другой. Так что между вами должна быть некая связь. Единственный вопрос, который сейчас имеет смысл, таков: это Пекуньо натравил тебя на нас? Его работа? Или вторжение - твоя идея?

Верзила уставился в дубовый пол. Тогда Мутано вцепился в его жесткие черные локоны и откинул голову так, чтобы он взглянул в лицо Астольфо. Выражение его собственного лица оказалось абсолютно бесстрастным.

- Час поздний, - заметил Астольфо. - Скоро рассветет, а я еще не сомкнул глаз.

Он кивнул Мутано, который оторвал руку незнакомца от сиденья табурета и одним движением сломал ему мизинец.

Бедняга не закричал, но его глаза едва не вылезли из орбит, на лбу выступил пот, а физиономия из синевато-черной приобрела цвет матового эбена.

- Я Блебоно, - прохрипел он. - Доло - мой кузен. Он покалечен и потерял жалованье из-за этого человека, который стоит рядом с вами. Я пришел получить возмещение за ущерб. У Доло много детей,

которых нужно кормить.

- Фолко молод и иногда слишком опрометчив, - вздохнул Астольфо. - Ему еще многому нужно учиться. И на его месте я непременно усвоил бы, что если он применит этот трюк с валянием по полу против опытного бойца, тот пригвоздит его к доскам одним ударом. И глупец останется извиваться в пыли, как пронзенная шпагой змея.

Я хотел возразить, но, к счастью, передумал.

- Ты пришел по собственной инициативе? Пекуньо тут ни при чем?

Блебоно шаркнул ногой и кивнул.

- Расскажи нам немного о старом мешке с золотом. Он уже нанял новых слуг? Каких посетителей он принимал последнее время?

Островитянин пожал плечами.

- Послушай, я могу придумать еще кое-какие вопросы. Три или четыре. Не больше. Но у тебя осталось только девять целых пальцев. Расскажи о посетителях.

Когда Мутано снова вцепился в руку парня и стиснул большой палец, тот выдавил:

- Я не работаю на старика. Только мой кузен. Это он у него на службе.

- Пусть так, но братец наверняка любит посплетничать и выкладывает тебе все секреты хозяйского дома. Расскажи о его гостях.

- Доло говорил об одном. Молодой парень, костлявый, скрытный. Почти не разговаривал.

- Это он принес Пекуньо тень на продажу?

- Принес? Нет. Говорил о тени. Так и пыжился от гордости. Сказал, что у него есть хорошая тень, высшего сорта.

- Расскажи мне о ногах этого продавца теней.

Блебоно непонимающе таращился на Астольфо. Пот капал с его носа. Он покачал головой.

- Большие ноги? Большие ноги у коротышки? - допытывался Астольфо.

- Доло сказал, все дело в сапогах. Мой кузен Доло, он очень смеялся. Большие сапоги, достигающие до бедра. На тощем недомерке.

Астольфо раскачивался взад-вперед, казалось, размышляя о сотне вещей сразу. Вдруг он плавно соскользнул на пол и велел Мутано:

- перевяжи сломанный палец этого болвана. Дай ему медную монету и кружку эля. Позаботься, чтобы он никогда больше не попадался мне на глаза. Швырни его дружка в тачку, выкати к пристани и сбрось в переулке. Во второй половине дня принесешь мне в библиотеку баранины, хлеба и графин с вином, а до той поры чтобы в доме было тихо. Фолко идет спать, а проснувшись, прочтет три руководства по фехтованию, которые найдет в большой библиотеке. Когда он покончит с руководствами, отведи его во двор и поупражняйтесь на деревянных шпагах. Если он начнет извиваться в грязи, придави его, как дождевого червя. Вбей ему в башку, что в больших сапогах могут прятаться

маленькие ноги.

Выслушав категоричный приказ, Мутано кивнул и ухмыльнулся. Его любимейшим занятием было тыкать в меня деревянным оружием, пока моя плоть не вспухала, подобно хлебной опаре.

Наутро я поднялся поздно, с ноющими ребрами, и позавтракал пшеничным хлебом и фруктами, запивая все это мягким белым вином, которое посчитал старым. Вино было сделано в моей родной местности, и его вкус напоминал о том, как изменилась моя жизнь. Казалось, прошло много-много времени с тех пор, как я видел простую честную грудку навоза или один из несуразных каменных сараев, так часто встречающихся на юге. И все же вино не пробудило во мне ни малейшего желания вернуться к уткам и гусям, коровам и ослам.

В доме оставались только вечно недовольный чем-то повар и младшие слуги. Мутано и Астольфо ушли, хотя сложенная записка, начертанная аккуратным почерком Астольфо, гласила, что мне необходимо быть готовым к еще одному визиту к Пекуньо. Я использовал неожиданно свалившиеся минуты безделья, чтобы погреться на солнышке и помечтать об одной служаночке из кабачка, расположенного в области Хамарии. Кабачок назывался «Девичья печаль», приятное местечко для вечерней выпивки и сладкой ночи. Если мне снова удастся раздобыть золотой игл...

Но тут мои мысли приняли более серьезное направление. Я честил себя всеми нехорошими словами за то, что как глупец тратил серебро на сласти, в то время как мне следовало бы совершенствовать свое воинское искусство, изучать биографии знаменитых теней и их хозяев, тренировать зрение, чтобы различать силуэты даже во тьме, и испытывать собственное терпение, разгадывая математические головоломки. Вряд ли Астольфо тратил свою юность и деньги на пустые забавы. Вот уж никогда не думал, что тяготы воровского образования так сильно напоминают те, которые приходится выносить будущим священникам в семинарии!

Вторая встреча с престарелым богатым торговцем должна быть иной. Мы уже говорили об этом, и Астольфо дал мне краткие указания. Он хотел, чтобы я хорошенько изучил все детали внешности Пекуньо и определил, появились ли какие-то отличия по сравнению с предыдущим визитом. От меня требовалось пристально наблюдать за его тенью.

На этот раз в полутемную маленькую контору нас проводил не хромой темнокожий уроженец острова Туманов, а тот тощенький парнишка, что два дня назад показывал нам дорогу к выходу. По какой-то причине он размалевал себе физиономию и ужасно походил на грустного клоуна Петральчио, героя ярмарочных комедий. Слой грима оказался так

толст, что черты лица невозможно было различить. Наиболее характерной была походка. Самой заметной деталью туалета - высокие черные сапоги.

Парнишка шагал преувеличенно агрессивно, словно желая убедить сомневающихся, что он на самом деле дерзкий молодой браво. И все же шпаги он не носил, что было странно. Его манеры казались мне смехотворными, возможно, потому что совсем недавно я и сам держался подобным образом и, скорее всего, по тем же причинам.

Он привел нас в комнату, поклонился и ушел, подобострастно пятясь, что производило неприятное впечатление. Я украдкой взглянул на Астольфо, чтобы проверить его реакцию на столь странное создание, но тот почти не обращал внимания на слугу.

Пекуньо, как и раньше, предложил нам вина. Я попытался отказаться от вязкого приторного сиропа. Но поднятой брови Астольфо оказалось достаточно, чтобы я заткнулся. Астольфо также оказался прав, предполагая, что старик захочет изменить внешность. В нашу первую встречу он тоже не казался воплощением силы, но сейчас стал еще более хрупким и словно еще больше усох. Теперь бремя лет казалось еще более тяжким, как и его горб. Рука с графином так сильно тряслась, что хозяйин, опасаясь за крохотные бокальчики, позволил нам самим взять их с лакированного подноса.

- Итак, мастер Астольфо, - спросил он, потирая руки, словно желая их согреть, - сделал ли ты какие-то выводы насчет тени Морбруццо?

- Не все мои выводы окончательны, поэтому я хотел бы сначала прояснить условия.

- Каким образом?

- Если я пожелаю подтвердить подлинность этого имущества и его принадлежность пирату, мой гонорар будет равняться семистам иглам. Если я решу заявить, что это не подлинник, плата составит три тысячи.

- Я не совсем понимаю...

- Погоди немного, и после моих объяснений ты наверняка предпочтешь заплатить более высокую цену. Но прежде чем ударить по рукам, я должен собрать кое-какую информацию. Чем больше ты мне расскажешь, тем больше придется платить и тем больше это тебе понравится.

Тонкая, почти неуловимая улыбка мелькнула на морщинистом лице Пекуньо.

- Твои игры, мастер Астольфо, всем хорошо известны. Почему я должен тебе подыгрывать?

- Я всегда играю серьезно и по-крупному. Вот что, как я полагаю, произошло: тень Морбруццо была предложена тебе человеком, якобы находившимся у него на службе. Одним из его команды убийц. Возможно, даже офицером. Первым помощником? Судя по выражению твоего лица, я попал в точку. Морбруццо нанес либо тяжкое

оскорбление чести этой особы, либо серьезный урон кошельку или здоровью. Прилюдно дал пощечину, ударил исподтишка, смошенничал за карточным столом или несправедливо разделил добычу... Последнее? Понимаю.

- Но откуда ты знаешь, что именно мне сказали? Даже если в моем доме есть твои шпионы, они не могли ничего донести. Разговор состоялся с глазу на глаз.

- Теперь этот человек уверяет тебя, что не имеет отношения к моему искусству, что он не похититель теней. Что он всего лишь оскорбленный моряк, который, стремясь успокоить раненую гордость, единственный раз в жизни пошел на воровство и готов продать тебе тень за ничтожную часть ее истинной цены. Он жаждет отделаться от нее, чтобы никто не заподозрил в нем преступника. Уверяет, что боится Морбруццо, который может прийти за ней, а заполучив желаемое, уберется, оставив за собой море крови.

- Ты словно сам присутствовал при разговоре!

- Давай-ка снова рассмотрим твоё приобретение.

Пекуньо подошел к шкафу и, повозившись с замками, открыл высокую дверцу и извлек тень.

- Пожалуйста, поднеси ее к центру комнаты, - велел Астольфо. - Фолко, мой человек, расставит свечи, как я его научил. Так мы сможем лучше оценить тень.

По его сигналу я обошел комнату, вынимая свечи из ниш, и под внимательным взглядом Астольфо сгруппировал вместе всю дюжину в углу стола, где стоял графин. Только потом Астольфо плавным движением принял тень на руки.

Я расположил свечи так, чтобы свет падал на фигуру Пекуньо, и теперь присмотрелся к отбрасываемой им тени. Сначала я вообще не смог ее найти и подумал, что неверно поставил свечу, расположив так, что между ней и Пекуньо оказался посторонний предмет. Но тут я сумел ее различить. Она разительно отличалась от той, какой была чуть раньше, превратившись в едва заметный темный лоскуток, изогнутый, будто побег дикой яблони, тонкий и бледный, почти невидимый, едва касавшийся пятки старика. Казалось, он при малейшем дуновении ветерка упорхнет, словно последний листок с зимнего дуба.

- Сейчас мы поближе глянем на края, - продолжал Астольфо, и когда поднес тень к свету, я заметил, что она тоже изменилась. Розовато-лиловое свечение, тлеющее в глубинах, теперь пульсировало, подобно бьющемуся сердцу гонца-сорохода. Тень вроде бы обрела объем, и тонкие серебряные стрелки, пронизывавшие ее, стали шире, словно получили собственную жизнь. Я всем своим существом ощущал невероятную силу, излучаемую тенью.

- Видишь эту кромку? - Астольфо провел кончиком пальца по месту

рядом с краем тени. - Весьма искусный разрез. Фолко, взгляни. Каким инструментом можно это сделать?

Я присмотрелся, но не нашел ни малейшей неровности, следов разрыва или начала разреза.

- Я назвал бы этот инструмент квазилунным.

- Вроде такого?

Из внутреннего кармана широкого ремня с пряжкой в виде головы леопарда Астольфо извлек маленькое сверкающее лезвие - полумесяц.

- Серебряное, отточено и отполировано в мастерской Гревейя?

- Если вы так считаете.

- Друг Пекуньо! - воскликнул Астольфо. - Твое превосходное южное вино вызвало у меня нестерпимую жажду. Не можешь ли приказать слуге, который сейчас подслушивает за дверью, принести фляжку с водой?

Растерявшийся Пекуньо с необычайной для него поспешностью просеменил к двери и широко ее распахнул. И действительно за дверью обнаружился тощий парень с огромными ногами в высоких сапогах. Уличенный в шпионаже, он, однако, не потерял самообладания. Только слегка улыбнулся, поклонился и сказал:

- Сейчас принесу воды.

- Было бы неплохо, - кивнул Астольфо и, дождавшись ухода парня, повернулся к Пекуньо: - Инструмент, которым вырезана приобретенная тобой тень, применяется только теми, кто сделал это своей профессией. Это любимый нож воров. Твой слуга знаком с холодным оружием лучше, чем ты можешь предположить. Покидая нас, он не имел шпаги, но, вернувшись, будет вооружен.

Старик встрепнулся:

- Что происходит?!

- Не расстраивайся. Возможно, сейчас мы впервые увидим, как наш Фолко справляется с ситуацией и держит оборону против искусного противника. Я доверяю ему защитить нас от твоего преступного слуги. Признайся ты с самого начала, что именно он и есть похититель тени, я смог бы сэкономить тебе время и деньги. Теперь же нас ждет несколько неприятных моментов.

Слуга, вернувшийся с флягой и глиняными кружками, стал разливать воду. Мы молча ждали. Как и предсказывал Астольфо, теперь на поясе у него висела короткая абордажная сабля с широким лезвием, какие обычно носят моряки.

- Прежде чем ты вновь вернешься к своим обязанностям, я хотел бы задать тебе пару вопросов. Любопытство когда-нибудь меня погубит, - вздохнул Астольфо, глядя на него.

Парень стоял в небрежной позе. На губах по-прежнему играла легкая улыбка.

- Каким именно образом ты отравил тень, которую продал Пекуньо? Есть несколько способов сделать это. Некоторые могут навсегда погубить товар. После применения других его до определенной степени можно восстановить. Нам необходимо знать... ФОЛКО!

Его предупреждение оказалось весьма своевременным, ибо хотя я и видел, как пальцы парня дернулись и потянулись к рукояти сабли, все же поразились скорости, с которой оружие вылетело из ножен. Но я уже был наготове и, метнувшись к парню, отразил выпад, направленный в живот Астольфо. Несколько мгновений мы стояли друг против друга. Гарда против гарды. Скращенные лезвия. Наконец я левым предплечьем оттеснил его и так же мгновенно оттолкнул. Он был настолько сублильным, что на моей стороне, похоже, было преимущество силы.

Но он оказался еще и вертким, как стрекоза, и хоть отлетел назад, все же равновесия не потерял. И снова наградил меня наглой ухмылкой.

И тут все началось всерьез. Удары наносились и парировались... выпад за выпадом... шаг вбок... отступление и наступление. Не думал, что работенка окажется такой горячей! Я старался изо всех сил, но мой противник прекрасно изучил искусство вовремя уклоняться, и зачастую моя шпага поражала лишь воздух. Он владел на удивление эффективным приемом, вернее, плавным, быстрым, боковым движением, которому мог позавидовать горностаи, и к тому времени, как противник задышал чуть чаще, я уже громко пыхтел. Наконец он сделал быстрый вращательный выпад, направленный мне в плечо, и я, пытаясь увернуться, зацепился за ножку стола и повалился на спину. Шпага со звоном укатилась в дальний угол.

Я решил, что настал мой последний час, тем более что лежал беспомощный, оглушенный, наблюдая, как острие сабли медленно приближается к моему носу... и тут парень вдруг исчез из вида. Там, где он только что находился, возник темный туман, откуда раздался пронзительный жалобный вопль.

И тут же послышался жизнерадостный, издевательский голос Астольфо:

- Фолко, твоя дуэльная тактика, за которую ты продолжаешь цепляться, а именно - привычка чуть что валиться на пол, никогда не найдет признания в руководствах по ведению боя. Не понимаю, почему ты продолжаешь упорствовать?

Я быстро вскочил. В этот момент мне не хотелось смотреть на Астольфо. Вместо того я уставился на темную неясную массу, которая маячила надо мной. С этого угла стало понятно, что это тень Морбруццо. Она вздымалась и колыхалась, как пар над горшком. В ее глубинах явно что-то происходило. Мало того, из нее доносилось нечто вроде повизгиванья и тявканья, словно на кого-то напала стая терьеров.

Потом Астольфо широким размашистым жестом удалил тень.

Искусство метания теней - любимая тема бесед тех, кто профессионально занимается торговлей, похищением этого имущества, а также воинов, придворных, завсегдатаев таверн, священников и бумагомарателей. Я читал множество отчетов, приведенных на множестве пыльных страниц, но никогда не наблюдал ничего подобного ранее. Даже став свидетелем происходившего, я не совсем понимал, что именно узрел. На моих глазах кругленький лысеющий коротышка - мастер теней изогнулся под определенным углом, вытянул правую руку, описал ею широкий полукруг, расслабил ладонь и чуть согнул пальцы. Я был уверен, что, если попытаюсь проделать такой же маневр, моя рука прорвет тончайшую ткань тени и окажется пустой.

Но Астольфо отвел тень, открыв слугу Пекуньо, правда, теперь разительно изменившегося. Прежде всего он оказался не мужчиной. Светлые волосы были коротко острижены, одежда представляла собой беспорядочные, словно изъеденные кислотой лохмотья. Высокие сапоги остались нетронутыми, но бедра, до которых они доходили, были округлыми и гладкими, ничуть не похожими на мужские. Гибкая фигурка с маленькой грудью, вне всякого сомнения, принадлежала женщине, а привлекательное личико, с которого стерся грим, могло считаться даже пикантным.

Она пыталась заговорить, но не смогла. В глазах стояли страх и смятение.

- Ах, Пекуньо, если бы ты признался, что взял эту женщину к себе в дом, скольких неприятностей мог бы избежать! - заметил Астольфо.

Старик сокрушенно покачал головой:

- Я посчитал возможным оставить ее у себя. И для себя. Я уже далеко не тот, каким был когда-то.

- Твои тщеславие и продажность дорого тебе обошлись, угрожая не только кошельку, но и здоровью. Разве ты не знаешь, что женщина принадлежит к знаменитой парочке похитителей теней? Это пресловутая Флерайе.

Пекуньо от неожиданности разинул рот и потрясенно уставился на женщину.

- К-конечно, не знаю, - заикаясь, пролепетал он.

- Она и ее сообщник, неотразимый капер Белармо, были партнерами во множестве весьма хитрых эскапад. Несколько лет подряд они успешно втирались в доверие, обманывали, воровали и грабили, получая неплохие доходы. Большая часть успехов достигнута за счет того, что Флерайе очень хороша собой. Разве не так, Фолко?

- Э-э-э... да. Это правда, - пролепетал я, сумев наконец оторвать взгляд от несомненных достоинств блондинки и огромных, серых, медленно влажнеющих глаз.

- Не обращай внимания на ее слезы, - посоветовал Астольфо. - По желанию она может лить их, как из канистры.

Глаза, будто по волшебству, высохли и полыхнули алой яростью.

- Несколько лет назад наши дорожки пересекались, и Флерайе спасла своего Белармо от участи, которую я готовил ему. Позднее я, возможно, раскрою свой план во всех подробностях. Но, как я понимаю, они поссорились. Более того, я уверен, что купленная вами тень принадлежит именно ее возлюбленному.

- То есть она не имеет никакого отношения к Морбруццо? - уточнил Пекуньо.

- Этот неистовый пират наверняка уже успел бы вернуть свою тень, где бы ее ни прятали и какую бы цену ни запросили. Нет, это тень Белармо.

Астольфо продолжал удерживать тень у плеча.

- И ты видишь, в каком она ужасном состоянии? Флерайе немало поработала, чтобы напитать ее ядом. Смена красок, которую мы видим, тошнотворные оттенки и тона - явные тому доказательства.

- Яд...

Едва слышный шепот Пекуньо казался эхом самого себя.

- Разве она не подстрекала тебя завернуться в тень? Не расписывала, каким бравым ты будешь выглядеть, когда она придет в твою спальню? Но гнев и ревность, бушующие в глубинах этой тени, высосали твою мужскую силу и еще больше тебя состарили. Разве не так?

- Чистая правда, чистая правда, - причитал Пекуньо. - И если ты достанешь из глубин тени саблю, которую она туда уронила, и дашь мне...

- Нет-нет, - отказался Астольфо. - Ничего подобного. Я спас твою жизнь, и теперь ты у меня в долгу. Ровно на три тысячи золотых иглов. Остальные три тысячи я получу от Белармо, когда мы спасем его из той гнусной дыры, где его пытаются.

- Он еще жив?

- Будь он мертв, то есть если бы любовница избавилась от него, его тень выглядела бы бледной и жалкой, почти безжизненной. Но сейчас она находится в полной гармонии со своим хозяином, отражая его состояние. Полагаю, всему положила начало ссора любовников, причиной которой стала ревность.

- Грязная кабацкая девка! - выплонула Флерайе. - Потаскуха с титьками, как причальные тумбы! Зад - как бочонок для мусора!

- И поэтому ты подкупила его людей, и они ополчились на него, а ты осуществила свою месть, - кивнул Астольфо. - Но тут ты сообразила, как получить несколько лишних монет и довершить унижение Белармо, а заодно и моего друга Пекуньо.

- Последнее время у меня нет настроения нянчиться с

самодовольными фатами, - отрезала Флерайе.

- И все же единственный способ избежать виселицы - сказать, где можно найти твоего любовника. Спасая его, ты спасаешь себя. За остальные преступления тебе полагается трюм в плавучей тюрьме, направляющейся в жаркие широты. Но теперь самый момент признаться, поскольку твой дружок, в конце концов, немногим лучше пирата. Однако если он умрет, тебя уж точно пошлют на казнь. Думаю, ты недолго сможешь вынести еще одно пребывание в плаще из тени Белармо. Ярость, бушующая в его духе, пока тело лежит в оковах и подвергается пыткам, делает прикосновение тени почти невыносимым, не так ли?

После этого девица призналась, что Белармо лежит в подвале склада в Смердном переулке, и объяснила, как туда попасть. А потом, окинув мастера злобным взглядом, добавила:

- Осмелюсь предположить, Астольфо, что мы еще встретимся. И, возможно, в следующий раз тебе повезет куда меньше.

- Возможно, к следующему разу Фолко научится лучше орудовать шпагой.

Итак, Пекуньо получил в награду жизнь и остаток здоровья. Астольфо стал богаче на шесть тысяч иглов. Белармо был спасен от мук. Моей же наградой стали бесконечные учебные поединки с Мутано и, как следствие, черные, будто оникс, и пурпурные, словно закат, кровоподтеки. Поверьте, обучение ремеслу похитителя теней дается нелегко, и я не стал бы так бездумно рекомендовать его всем тем, кто познакомился с моей историей.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Fred Chappell. Thief of Shadows. 2010. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ТРОЯНСКИЙ КОТ

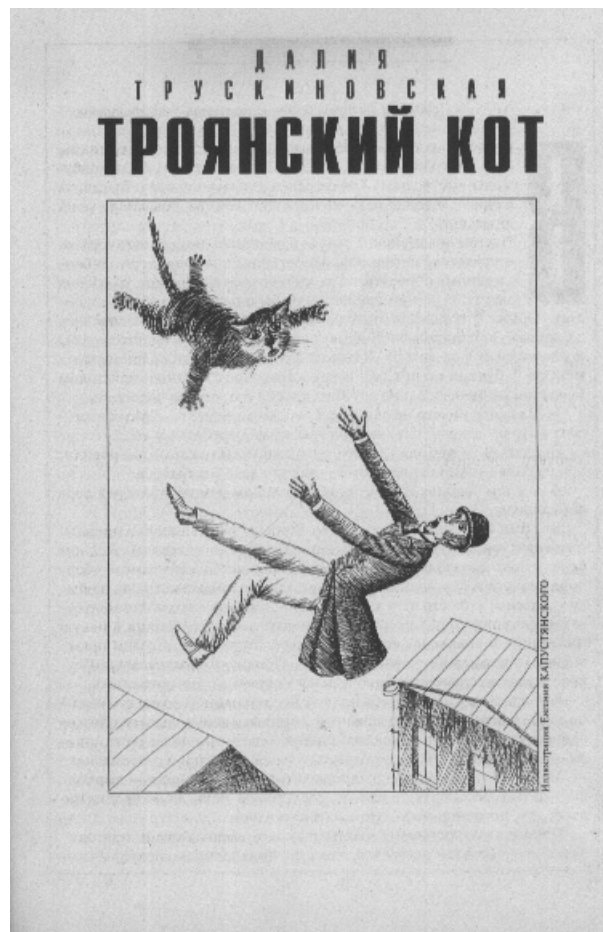

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Евдокии Кудрявцевой - с искренней благодарностью.

В ночь с 5 на 6 июля 1898 года домовладельцы, живущие на Большой Купеческой, их семьи и постояльцы были разбужены выстрелами. Перестрелка длилась недолго. Выглянув в окна и убедившись, что нигде нет пожара, обыватели улеглись спать.

Наутро полицейские сыщики обходили дома справа и слева от участка, недавно приобретенного негодником Зибенштейном, спрашивали о количестве выстрелов, о прочих звуках, о точном времени пальбы и о тому подобных глупостях. Обыватели поняли, что револьверной стрельбой баловались в будущем Зибенштейновом доме, который строили с прошлого года и уже подвели под крышу. Владелец оптового склада колониальных товаров Лабуцкий по вечерам играл в трактире с частным приставом Беренсом на бильярде и по дружбе спросил его, что случилось.

- Да вроде ничего не случилось, - сказал Беренс. - Может, студенты дурака валяли. Стекла в первом этаже перебиты, и все.

Студентов не поймали, собранные сыщиками гильзы выбросили, стекла Зибенштейн купил новые - так это дело и забылось.

А меж тем особняк, еще не став настоящим домом, приобрел первого жильца.

Это был столичный житель Адам Боннар, забравшийся в провинциальный город по важной причине - он служил в частном сыском бюро и преследовал плохого человека, лишившего жену самого обер-полицмейстера фамильных бриллиантов. Бриллианты отнюдь не были украдены, а просто исчезли при очень сомнительных обстоятельствах - фигурировали там и тайные визиты полицмейстерши в некую гостиницу, и вранье насчет помирающей тетушки, и сплетни прямо в каком-то гомерическом количестве. Потому-то пострадавший супруг через подставное лицо обратился к светилам частного сыска.

Как Адам, идя по следу, оказался в недостроенном доме, кто именно там его встретил, чья пуля вошла в сердце, когда в подвале образовалась яма глубиной в целых два аршина, куда потом подевались лопаты - не суть важно. Тело неудачника злодеи закопали и разбежались.

Менее всего они могли предположить, что такая смерть - вернейший путь к бессмертию. Уже на следующую ночь Адам бродил по особняку, плохо понимая, что с ним случилось.

Привычка сопоставлять факты и делать выводы очень пригодилась - вскоре Адам догадался, что стал привидением, привязанным к дому надолго - видимо, до того дня, когда найдут его прах, захоронят по-человечески и отпоют. Но особняк Зибенштейна строился на века, пол в подвале замостили каменными плитами, и мало надежды было, что кому-то придет в голову под ними ковыряться.

Адам погоревал и понял: нужно чем-то занять себя. Он привык жить деятельно, весело и боялся, что скучное существование привязанного к дому привидения - вернейший путь к безумию.

Он наблюдал за строителями, видел их мелкие хитрости, бродил по саду, слышал, как за высоким забором в кустах дважды в неделю возится парочка, и вычислял: отчего дважды в неделю, кем служит кавалер, если в иные дни занят, и почему бы им не пожениться.

Сперва его мир был ограничен этим забором. При попытках перелезть или перепрыгнуть (Адам мог теперь подскакивать на сажень в высоту) бывшего сыщика отбрасывало нечто вроде прозрачной натянутой простыни. Но однажды ночью он обнаружил, что обойщики и декораторы не заперли ворота. Ночь выдалась лунной, и от щели между створками начиналась светлая дорожка. Адама осенило, он пошел по ней - и даже пересек улицу.

Покойный сыщик был убежден в своей незримости - ведь слонялся же он по вечерам среди маляров и паркетчиков, а его никто не видел. И он даже испугался, услышав хриплый бас:

- Ого! Еще одно несчастное создание навеки к сей скорбной юдоли

прилепилось!

Адам еще не отвык при опасности хвататься за револьвер, вот только оружия теперь не имел - непонятным образом вся его одежда, включая хитрые новомодные подтяжки для носков, перешла в призрачное состояние, а револьвер - дудки!

- Не трепещи! - прорычал бас. - Пива желаешь ли?

- Пива? То есть как?

Адам за то время, что состоял в привидениях, ни аппетита, ни жажды не испытывал, что его немного огорчало - при жизни он был любителем хорошего застолья, и часы, проведенные в хорошей компании, считал самыми полноценными. Ему сильно не доставало ритуала - с усаживанием, расправлением салфетки, поклонами кельнера или полового, шутками сотрапезников, сосредоточенным выбором блюд и вин, тостами и кулинарными комментариями.

- А вот! - и перед Адамом предстал бородатый призрак в коричневой рясе, с непокрытой головой и бочонком на плече.

- И что, оно... льется?.. - растерянно спросил Адам.

- И как еще льется, чадо! Имя свое почтенное соблаговоли изречь.

- Адам Боннар, к вашим услугам.

- А я, чадо, брат Альбрехт, бенедиктинского ордена недостойная овца.

Подноси уста!

- Как это - уста?

- Кознями сатанинскими я пивом-то снабжен, а кружки мне не дали. Вот - брожу, чая обрести собрата, кой подержал бы для меня бочонок, а я для него подержу. В одиночку пить не то чтобы несподручно, а вовсе даже невозможно.

Призрачное пиво оказалось неплохим, и Адам подивился тому, что у призраков сохраняются вкусовые ощущения. Вот только пить, приспособившись к дыре в бочонке, оказалось неудобно.

- Соседи, стало быть, - сказал брат Альбрехт. - Сие славно и пользительно. Будет с кем словцом перемолвиться. Тебя, чадо, как угораздило?

Адам рассказал историю с бриллиантами.

- Ну и дурак ты, чадо, - заметил брат Альбрехт. - Заманить себя позволил - вот и слоняйся теперь до скончания века, пока умом не тронешься, как наш гусар. Хотя он, может, в безумии преставился, того знать не могу, ибо на вопросы не отвечает, а чуть что - за саблю хватается.

- Тут и гусар есть?

- А также гусарова кобыла! Я полагаю, он лет с сотню как переселиться изволил. И с кобылой вместе. Ты, чадо, знай - я в скорбной юдоли четыреста лет обретаюсь, я тут старший. Был еще рыцарь Тагенбург, да пропал, а веселый был рыцарь! Сядет, бывало, под окошком и поет, и поет! Заслушаешься! Сдается, извели рыцаря.

Не всем пение нравится, а сосудам сатанинским так и вовсе оно противно.

- Кому?

- Бабам! Ибо всякая баба есть сосуд скверны и вместилище соблазна, - брат Альбрехт вздохнул. - Есть у нас и свое вместилище, у реки является. Я туда не хожу, дабы не оскверниться. Тагенбург от старости позабыл, у которого окна свои серенады распевать, то там, то сям садился. А голос-то людишкам слышен...

- Как это слышен? - удивился Адам. - Я в своем доме нарочно кричал: сам себя слышу, а маляры меня - нет.

- А это, чадо, нашего закона исполнение. Не понять, кара или награда, а только чего в смертный час сильнее всего желал - то и получаешь. Только радости от того мало. Тагенбург вот желал для красавицы такое спеть, чтобы услышала и снизошла... то есть на ложе грешной страсти снизошла. Ну вот, ему голос дан. Я, когда меня обломками башни завалило, в бред впал, пить просил, но не воды, а пива. Вот оно, пиво. А ты, чадо, чего желал?

- Я бриллианты найти желал, - признался Адам. - Думал, у них бриллианты при себе...

- Ох ты, святой Гервасий и все присные его! Искать тебе, чадо, теперь те камушки до второго пришествия, - сделал вывод отец Альбрехт. - Вот отчего ты остался, а не вознесся. Я для пива сдуру остался, ты - для камушков. Тот сосуд скверны, что у реки шатается, тоже чего-то, видать, горячо возжелал. Оттого-то ты, полагаю, и не мог выйти за пределы забора - тебе казалось, будто камушки где-то там, в доме.

- Так вот, вышел же!

- По лунной дорожке?

- Да!

- Это тебе удача выпала. По лунной дорожке далеко зайти можно. Главное - метку оставить. У тебя, чадо, талеры или фердинги при себе есть?

Адам покопался в карманах, сильно сомневаясь в успехе - если револьвер не перешел в призрачное состояние, то и деньги, видно, тоже. Но несколько монеток, завалившихся за подкладку, все же отыскались - наверное, сила, создавшая призрачную плоть, их просто не заметила.

- Клади сюда, в крапиву, - велел отец Альбрехт. - Теперь ты и без лунной дорожки дойдешь до сего места. Ибо тут твое имущество - имеешь право! Но учти - выходить за ворота можешь только ночью. Шастать по своему обиталищу - когда угодно, а за пределы - от восхода до заката.

- Это как? - удивился Адам.

- От лунного восхода до лунного заката, бестолковое чадо!

Посидели на лавочке у ворот, выпили еще пива, потолковали о

сосудах скверны и с рассветом разошлись.

Иметь приятеля для призрака - сперва праздник, потом - дело привычное, наконец - тяжкий крест. Отец Альбрехт рассказал все монастырские истории и повторил их раз двести, Адам рассказал все подвиги частного сыскного бюро и повторил их раз триста, после чего оба как-то одновременно устали от дружеского общества, и даже бездонный бочонок с пивом был бессилен помочь. А время шло, события мельтешили, опять людишки стреляли, пушки грохотали, дома рушились, особняк неоднократно поменял жильцов, над подвалами, оставшимися от бенедиктинского монастыря, возвели дивное здание в двадцать этажей, на которое и смотреть было страшно.

Разумеется, за это время Адам не нашел и следа пропавших бриллиантов, хотя раскрыл несколько преступлений поблизости от особняка просто так, из любви к искусству, чем очень порадовал отца Альбрехта. Жаль, что донести имя главного злоумышленника до людей не удалось.

В один прекрасный день Адам сидел в особняке, который теперь, как в конце позапрошлого века, опять занимала одна семья, и смотрел телевизор. Сам он включать эту штуковину не мог, вся надежда была на хозяйку, красивую женщину, целыми днями смотревшую бесконечные истории про других красивых женщин. Отец Альбрехт, который мог приходить в особняк, от телевизора наотрез отказался. Он сказал, что в земной жизни вместилища соблазна многим ему напакостили, и вовсе незачем смущать собственный покой, глядя, как они предаются разврату.

Вошел супруг дамы, к которому Адам чуточку ревновал.

- Ну, все о'кей, можно собираться, - сказал он. - Послезавтра вылетаем - и целых две недели я твой!

- На Сардинию? - спросила женщина.

- Как ты просила - на Сардинию! Просто лежать на берегу и балдеть! А что?

- Но ведь это не какая-нибудь рыбацкая деревня? Там есть хоть пара ресторанчиков?

- Наверное. В отеле точно что-то есть. Но мой тебе совет - все ценное оставить дома. Давай-ка собирай свои блестяшки, я их запру в сейф.

Адам, хотя и охотился за бриллиантами, не очень в них разбирался. Из любопытства он проследил, как супруги собирают бархатные коробочки с украшениями в железную коробку и как прячут ее в замечательный сейф, отыскать который совсем непросто - он вмурован в перекрытие между этажами, и дверца открывается в ванную. Перед тем как на две недели проститься с побрякушками, хозяйка поочередно доставала их и вспоминала, когда и за что они были подарены.

- Теперь главное - не забыть включить сигнализацию, - сказала она.

- Этим пусть Столешников занимается. Я его попросил - он эти две недели у нас поживет. Будет по вечерам включать свет и музыку.

- Это ты хорошо придумал.

Столешников был подчиненным хозяина, подчиненным-неудачником: все попытки сделать из него по старой дружбе делового человека были обречены на крах скорый и беспощадный. В конце концов, он стал чем-то вроде доверенного лица и исполнителя мелких несложных поручений, это его устраивало, да и хозяина тоже - кто-то же должен организовать ремонт холодильника и доставку дров для камина.

Этот человек Адаму нравился - он был тихий, кроткий, деликатный, старался лишней раз о себе не напоминать. И он был благодарен за все, как будто не получал награду за труд, а просил милостыню. Еще Столешников любил интересные книжки, и Адам заранее радовался тому, что будет через плечо читать всякие заковыристые истории про английских, французских и американских сыщиков. Это было лучше всякого телевизора.

Хозяева уехали, четыре дня Адам со Столешниковым жили в особняке душа в душу. На пятый - стряслась беда.

Адам вышел прогуляться и выпить пива с братом Альбрехтом. К тому времени он уже имел четыре маршрута за пределами двора, помеченных монетками. Один удалось проложить прямо к многоэтажному дому, под которым лежали почти истлевшие косточки брата Альбрехта. Больше монеток не было.

- Ходил к мосту, гусара встретил, -- рассказывал брат Альбрехт. - Чем дальше, тем хуже. Уже и саблей машет, когда скачет на кобыле по мосту. Раньше просто в полнолуние садился верхом, носился по городу, выезжал на мост галопом и посреди реки рушился в воду. Теперь же - с саблей. Людишек пугает до полусмерти.

- Отчего его видят? - спросил Адам.

- Я ж тебе, чадо, толкую - видать, перед дурацкой своей кончиной возжелал, чтобы все видели, как он несется по наплавному мосту и в пучине гибнет. Вот оно и сбылось. И мост уж не тот, он лет сто как каменный, а наш дурак никак не угомонится... вот кара так уж кара... чадо! Слышишь? У тебя там что-то делается неладное!

Адам помчался к особняку. Теперь и он разбирал голоса. Брат Альбрехт, взгромоздив на плечо бочонок, летел следом.

В особняке их встретил Столешников. Точнее сказать, Столешниковых было двое. Один лежал на полу, скрючившись, держась за простреленный живот, а другой сидел рядом на корточках, пытаясь зажать рану, да только как ее зажмешь призрачными пальцами?

- Ого, чадо! - сказал брат Альбрехт. - Вот тебе и соседку даровали.

- Что тут было? Кто это вас? - спросил Адам. - Где он?

Призрачный Столешников посмотрел на него снизу вверх - и вскочил.

- Милицию вызвать надо! Милицию!

Еще не зная своих новых способностей, он взмыл под самый потолок.

- Угомонись, чадо. Не можем мы никого вызвать, увы нам, - горестно ответил брат Альбрехт. - Ибо не слышат нас и не понимают.

- Я вас спрашиваю, что тут было! Отвечайте живее! - требовал Адам.

- Да какая уж тут живость... - проворчал брат Альбрехт.

- Пришли трое! Я сигнализацию не включал, они как-то догадались! Где сейф - они знали... а как я мог помешать?.. Что хозяева уехали - знали, все знали!..

- И что сейф?

- Выдернули, сволочи! У них домкрат с собой был... Унесли сейф!

- А вас - ножом?

- Да, я лежал, все видел... Я их запомнил! Я их узнаю!

- Запомнил, узнаю! - передразнил брат Альбрехт. - Чадо ты неразумное!

- погоди, погоди! - перебил его Адам. - Какое у вас, Столешников, было последнее желание? Самое последнее?

- Догнать, отнять! Что я теперь Антонычу скажу?..

- Ничего ты ему не скажешь. Ибо говорить с людишками ты вряд ли сумеешь, - сообщил приятную новость брат Альбрехт.

Столешников не сразу осознал свое положение. А когда понял, что одна жизнь завершилась и другая началась, - зарыдал..

- Ну вот... - брат Альбрехт вздохнул. - Ну как ты, чадо, мог им противостоять? Они - хуже пьяных ландскнехтов, а ты что? Ты - ягненок. Ну, не уберег, и что же теперь? Смирись, вытри нос, что тебе, горемычному, еще остается? Скорби, но в меру!

- Но он хотел догнать и отнять! Значит, он может полететь следом! Послушайте, господин Столешников, вы теперь, в нынешнем состоянии, умеете летать!

- Догонит - а дальше что? - разумно спросил брат Альбрехт. - Как отнять-то? Ты, чадо, лучше помоги его отсюда увести. Смотреть на свою брентную плоть тяжело, мысли зарождаются безумные.

Монах был прав, но объяснить эту правоту новорожденному призраку удалось с большим трудом.

Во дворе особняка Столешников уже не рыдал, а говорил тихо и горестно:

- Он мне во всем доверял... он мне операцию оплатил... он меня в санаторий за свой счет отправил... я за него умереть был готов...

- Ну вот и представился. Рассвет скоро, чадушко Адам, - сказал брат Альбрехт. - Пора мне в подвал. А за этого страдальца не бойся. Рук на себя не наложит. Ныть будет - это уж точно, ныть и скулить, но не более.

- Не может быть, чтобы последнее желание не исполнилось, - упрямо твердил Адам.

- У тебя же не исполнилось.

- Исполнится! Или ты, чертов угодник, наврал про желания?!

- Эй, потише, потише! -- закричал брат Альбрехт. - Очумел, взбесился! Он вместе с бочонком перемахнул через забор, Адам - следом.

- Да ну тебя! Пошел прочь! - выкрикивал брат Альбрехт, летя вдоль улицы. Адам преследовал его, напрочь забыв, где метки.

Вдруг монах остановился и даже подался малость назад.

- Сгинь, рассыпья, сгинь, рассыпья, Люцифер проклятый! - возгласил он.

Дорогу ему заступил не Люцифер, не Асмодей и не кто-то помельче из всего адского воинства, а всего лишь кот - большой черный кот. От прочих четвероногих своего племени он отличался тем, что явно не знал чувства страха, да еще зеленые глаза полыхали ярче, чем полагалось.

Адам увидел кота - и тоже испугался, хотя, казалось бы, чего уж бояться привидению?

И тут кот заговорил:

- Скажите, любезные, как выйти к собору Святого Гервасия, что у реки?

- Прочь, Люцифер, прочь! Изыди, сатана! - завопил брат Альбрехт и запустил в кота бочонком. Но призрачный бочонок вреда животному не причинил.

- погоди, не ори! На что Люциферу собор Святого Гервасия? - спросил озадаченный Адам. Коты ему и в прежней жизни были симпатичны.

- Ты, любезный друг, кажешься мне разумным, - сказал кот. - Конечно же, я не Люцифер. Я Дамиан Боэций и совершаю увеселительное путешествие.

- Ты не Дамиан Боэций, - твердо возразил брат Альбрехт. - Дамиановы труды я читал! Он был богобоязненный старец чистейшей жизни и кристальных помыслов! А ты - бес!

- Я полагал, что встретил разумных собратьев по несчастью, - кот покачал головой. - А тебе демоны мерещатся. Сейчас я вам явлюсь, и вы все поймете.

Светлые иголки выросли из черной кошачьей шубы, слились, образовалось облачко, затрепетало, вытянулось, и полминуты спустя перед братом Альбрехтом и Адамом стоял благообразный полупрозрачный старец. При этом кот остался на своем месте и от такого чуда не пострадал.

- Он наш! - воскликнул Адам. - Но, господин Боэций, что это значит?

- Я всю земную жизнь провел в обители, но перед смертью очень жалел, что не повидал мир, - признался старец. - Я ведь ушел в обитель еще мальчиком. И вот я остался в своей обители, жил в книгохранилище и тосковал. Сколь горестно было мое бытие! А у нас имелась полка с запрещенными книгами, и один молодой брат по

ночам приходил их читать. Я при жизни их не трогал, а в новой жизни... раз уж я все равно стал призраком... я решил - большого вреда не будет... Стоя за его плечом, я вычитал кое-что важное. Оказывается, привидение, привязанное к месту, где лежит бранный прах, может путешествовать! Для этого нужно найти кота, имеющего особые способности, и с ним договориться! Так-то, чада мои! Таких котов мало, но я искал и ждал, ждал и искал! Кот был ниспослан мне, и теперь я использую его, подобно тому, как премудрый Одиссей перемещался во чреве Троянского коня, смотрю на диковинки и помогаю коту прокормиться.

- Договориться с котом? -- недоверчиво спросил брат Альбрехт. - Нет-нет, такому не бывать! И кот - дьявольское отродье, и ты мне доверия не внушаешь! Ты не Дамиан Боэций, а бес!

- Как знаешь, любезный брат, - кротко ответствовал старец. - А коли вздумаешь последовать совету, ищи кота, который умеет летать. Он-то тебе и нужен. Договориться с ним несложно - он отзывчив на ласку. Так где тут собор Святого Гервасия?

- Прямо и направо, - монах показал рукой. - Но я пойду за тобой следом. Если ты бес - ты и близко не сможешь к нему подойти! И тут уж я посмеюсь над твоим позором!

- Благодарствую и прощайте, мои любезные, - сказал на это старец и превратился в облачко. Оно окутало кота, съежилось, втянулось в светлые иголки, иголки исчезли, и кот преспокойно отправился в указанном направлении.

- Ложь, ложь, ложь... - бубнил брат Альбрехт. - Нас учили опасаться! Соблазн и ужас!

- Но это моя единственная возможность найти бриллианты! - воскликнул Адам. - И для господина Столешникова это единственная возможность найти своих убийц и похитителей сейфа!

- На что тебе теперь эти камушки, бестолковое чадо? - спросил брат Альбрехт. - И что может сделать этот несчастный со своими убийцами? Плюнуть им в рожи - и то бессилён.

Он поспешил за котом, чтобы убедиться в его бесовской сути, а Адам полетел в особняк к Столешникову. Тот сидел во дворе и горестно вздыхал.

- Сударь, у нас есть способ вернуть сейф, - сказал ему Адам. - Даже не способ, а идея. Но ничего, кроме нее, нет. Я уже давно знаю о жизни только то, что показывает телевизор. Может, вы осведомлены лучше. Не слыхали ль вы о летающих котках?

- Мне только сумасшедших тут не хватало, - ответил Столешников. - Это мысль... лучше всего мне было бы сойти с ума, ничего не знать и не помнить...

Адам невольно вспомнил про безумного гусара.

- Нет, два спятивших привидения для одного провинциального города

- это уж слишком. Коты, коты... где бы разжиться валерьянкой?..

- Как вызвать милицию? Никто ведь не догадается сюда заглянуть... приедет Антоныч - он и найдет... ох, что он обо мне подумает?..

- О покойниках плохо не думают, это грех. Валерьянка, валерьянка... у хозяйки были какие-то успокоительные шарики, но как их вынести во двор?..

Адам знал, что призрачными руками не открутить крышку вещественного пузырька. Но все же полетел в особняк и попытался. За этим занятием его застал брат Альбрехт.

- Смиренно каюсь, - сказал монах. - Я дурак. Это и впрямь мудрый Боэций! Он сидел на ступенях соборной лестницы, и с ним ничего не случилось! Чудо, чудо!

- Котов искать надо. Двух. Мне и господину Столешникову, - проворчал Адам. Задача была непростая, обременительная и трудоемкая, но она его радовала - наконец-то он мог действовать.

- Но сперва пиво.

Следующие сутки были потрачены на возню с соседскими котами. Сидя у мусорки, Адам подстерегал их и обращался к каждому особо с ласковыми словами и призывом «кис-кис». Некоторые чуяли привидение, прижимали уши и шипели. Нежности к Адаму не испытал ни один.

Люди в мундирах появились два дня спустя - кто-то из знакомцев Антоныча привез обещанную технику, две дорогие рации вместе со стационарной установкой, чтобы передать Столешникову, и обнаружил сперва открытую дверь, потом мертвое тело. Адам, сидя на шкафу, наблюдал, как молоденький белобрысый следователь изучает обстановку, как его помощники ищут отпечатки пальцев там, куда нормальный человек руками не полезет, как упаковывают для выноса тело. Он понял, что найти преступников будет очень трудно - придется вызывать хозяев особняка, выяснять, кто мог знать про сейф, про его содержимое, и задавать множество иных вопросов. А время шло, и ценности, наверное, давно попали к новому владельцу.

Но кое-что полезное Адам все же узнал. Он слышал, как расспрашивают женщину, которая следила за порядком в особняке, он сообразил, как строится допрос. И первым делом пустил в ход знания, пытая бедного Столешникова. Плохо было, что он никак не мог записать ответы.

- Помяните мое слово, чада, это все затеял какой-нибудь сосуд скверны и вместилище соблазна, - подсказал брат Альбрехт. - Они знают цену украшениям!

- Ты бы лучше придумал, где и как взять валерьянку.

- Послушай, чадо, смирись, - брат Альбрехт похлопал Адама по плечу.

- Оставь свои труды. Может, такой кот один лишь на все мироздание и был, достался Боэцию...

- Я от безделья устал хуже, чем от трудов, - ответил Адам. - В кои-то веки я могу заняться делом!

- Я в сем состоянии долее, нежели ты, а желания творить дела не испытываю.

- Потому что ты и при жизни был бездельником!

С Адамом случилось то, чего раньше ни с одним привидением не случалось: у него родилась мечта.

Он мечтал о работе так, как ни один Ромео не мечтал о своей Джульетте. Ведь если договориться с котом - можно будет ходить по всему городу днем и ночью и даже пользоваться кошачьими лапами! А когтистые лапы на многое способны!

Он поделился со Столешниковым, но тот впал в жестокую хандру, сидел на одном месте, раскачиваясь, вздыхал и охал. Безумный гусар носился где-то далеко, а о женщине, которая иногда являлась на речном берегу, брат Альбрехт рассказывать отказался. Был бы кот - можно было бы и до нее добраться...

Вскоре прилетели с Сардинии хозяева особняка, и разговаривал с ними в комнате, где нашли тело Столешникова, пожилой крупный мужчина с почтенной сединой и таким лицом, будто он знает все на свете. А молоденький следователь был отстранен от дела исключительно из-за своей молодости и неопытности, и Адам ему сочувствовал.

Но тот, видно, переживал из-за убийства, которое ему не позволили раскрыть, и однажды вечером Адам встретил его возле особняка. Следователь обходил его неторопливо, разглядывал окна, изучал забор. А потом свершилось второе по порядку чудо - первым Адам считал появление Дамиана Боэция.

Навстречу следователю вышел из кустов Хавчик из соседнего дома. Адам проверял этого матерого котяру на любовь к привидениям, и когти пролетели сквозь бесплотную руку с непостижимой скоростью. Видимо, Хавчик был или в прекрасном настроении, или голоден. Он, задрвав хвост, подошел к следователю, а тот опустил на корточки, чтобы исполнить ритуал чесания под мордочкой и за ухом.

- Может, хоть ты их видел, дружище? - спросил следователь. - У меня дома такой же зверь сидит - он, если бы видел, догадался бы, как доложить...

Вот этот зверь и требовался Адаму. Откуда-то возникла уверенность: он обязан быть летучим! И Адам помчался к брату Альбрехту мириться, потому что без монаха не мог бы выследить, где живет следователь.

Дело захватило его! Жизнь приобрела смысл! Мечта являлась в образах! Адам уже показывал мохнатой лапой на буквы, а следователь составлял слова!

- Безумствуешь и сумасбродствуешь, чадо, - изрек брат Альбрехт. -

Это тебе искушение. Ты должен мирно жить, а не вселяться в грешную котовью плоть. Вообрази, какие соблазны тебя ожидают!

- Не вселяться, а так, временно... Если я еду куда-то в извозничьей пролетке, нельзя сказать, что я в нее вселяюсь. Брат Альбрехт, ты ведь можешь далеко залетать, не то что я! Не ради себя прошу - ради господина Столешникова!

Это было не совсем правдой, но и не ложью.

- Мыслишь, чадо, он, когда убийцы и покража найдутся, опомнится и повеселеет?

- Мыслю так!

- Держи бочонок. С ним носиться несподручно. Вот ведь как получается... - брат Альбрехт почесал в затылке. - Это ведь, выходит, будет доброе дело? Дивно! Выходит, и мы можем творить добро?

- Обязаны, - весомо сказал Адам.

Вернувшись, монах доложил: точно, живет юнец с родителями, имеет на содержании кота, который в талии потолще его самого будет. Кот вряд ли что летучий - с таким пузом не разлетишься. Но на роже написано: многое понимает и мало кого уважает.

- Звать юнца Алексеем, лет ему от роду двадцать пять, а нрав у него упрямый - дальше некуда, - завершил свой доклад брат Альбрехт.

- Ты к коту подойти пробовал? Он как - шипел?

- Нет, не шипел. Глядел, как ландскнехт на вошь.

- А сам-то ты как к котам относишься? - наконец догадался спросить Адам.

- А чего к ним относиться? Зловредные твари, многие из них служат сатане.

- Он это учуял. Я сам должен с ним потолковать. Может, договоримся?

- А как, чадо? На лунную дорожку надежды мало - там, как к этому Алексею идти, сплошные повороты.

- Разве она по крышам не пролегает?

- По крышам? Крепко ж тебя припекло, чадо.

Хотя Адам уже более ста лет пребывал в призрачном состоянии, и падение с крыши ему ничем не грозило, он порядком струхнул, когда пришлось перепрыгивать через улицу. Но азарт победил, и вскоре Адам стоял возле дома, описание которому брат Альбрехт дал такое:

- Демонами охраняем и развратными девками подпираем!

На самом деле это был самый что ни на есть правильный югендстиль, и Адам в земном своем существовании прямо мечтал снять квартиру в таком новомодном доме, со множеством лепнины на фасаде, с полуобнаженными кариатидами у дверей и всякими причудливыми гипсовыми цветами на потолке.

Дорожка окончилась как раз у парадного, и Адам не сразу решился войти. Он понятия не имел, что может случиться с привидением, нарушившим закон так далеко от места упокоения тела. Образуется

прозрачная упругая стенка и не пустит дальше? Некая сила отшвырнет обратно в особняк? Явятся невообразимые демоны и повлекут на мучения?

Адам очень осторожно сделал первый шаг - и ничего не случилось. Тогда он влетел в подъезд.

Брат Альбрехт учил его проходить сквозь стены - как полагается, правым плечом вперед и с особым движением локтя. В особняке это получалось - ну так там и стены родные. Адам принял нужную позу и просочился в прихожую Алексеевой квартиры. Время было позднее, все спали, а вот кот вышел навстречу. Посмотрев на него, Адам сразу понял - с этим каши не сваришь. Но попытаться стоило.

- Киса, кисонька, - позвал Адам, нагнувшись. - Хорошая киса!

Кот сжался и прыгнул, целясь передними лапами в Адамову голову. То есть призраков он мог видеть, и это радовало. Плохо было, что зверюга, лихо пролетев насквозь, повис на шубе и сорвал со стены вешалку.

Адама вынесло на лестничную клетку.

- Нет, он не безнадежен, - сам себе сказал Адам. - Я с ним договорюсь любой ценой! Причем этой ночью! Неизвестно, когда еще ляжет лунная дорожка - и куда она поведет.

Он вернулся в квартиру. Кот сидел посреди прихожей с ошарашенным видом, рядом лежала вешалка с куртками и шубой.

- Киса, ты никуда не денешься. Тебе придется поладить со мной. Я, правда, не знаю, как убедиться в твоей летучести, но способ найдется! - сообщив это коту, Адам вошел в комнату. Там его ждала радость несказанная пополам с горем: книжные полки, сплошь заставленные юридической литературой, и полная невозможность вытащить эти книги с изумительными названиями на корешках. Как бы пригодилась сейчас когтистая кошачья лапа! Как бы ловко цепляла она корешки книг!

Но мохнатый красавец был неумолим. Он шипел, замахивался лапой и совершенно не желал впускать в свое десятикилограммовое тельце призрачного постояльца.

За сто с чем-то лет, проведенных вне человеческой плоти, Адам полностью утратил чувство времени. Спешить ему было некуда. Вот он и проворонил час, когда Луна скрылась, и лунная дорожка - с ней вместе.

Кот уже позволял прикоснуться к себе бестелесным пальцам, он уже слушал ласковые слова и не прижимал ушей, когда Адам ощутил какую-то неловкость - словно бы кто-то, подойдя сзади, встряхивал его за плечи. А потом сильные пальцы вошли в его затылок, ухватились в голове за что-то болезненное и повлекли Адама прочь из комнаты, сквозь закрытое окно, сквозь крону липы, неведомо куда, спиной вперед.

Он закричал. Незримая сила пренебрегла криком. Она волокла Адама, безразличная к воплям и брыканью, на уровне четвертого этажа, потом опустилась чуть пониже. Адам умолк и безнадежно смотрел вверх, на небо. Он все яснее понимал, что за отчаянную вылазку полагается кара - может, даже слепота, чтобы больше не видеть лунной дорожки.

И тут он заметил летящее метрах в пяти над ним причудливое пятно. Оно планировало, поворачиваясь, оно снижалось понемногу, и вдруг до Адама дошло - да это же кот! Кот с растопыренными лапами, наслаждающийся неторопливым полетом, чуть-чуть рулящий хвостом! Адам протянул к нему руки, но коту и в голову не приходило прибавить скорости, он блаженствовал в счастливой невесомости, распластавшись на теплом воздушном потоке, словно грелся на солнышке, и его глаза были зажмурены.

- Киса, кисонька, кис-кис! - закричал Адам.

Кот приоткрыл глаза.

- Кисонька, помоги, выручай! Кисонька, миленький, сюда, сюда! - звал Адам.

Кот растопырил когти на передних лапах и стал снижаться. Адам протянул к нему руки, рванулся - и пропали вдруг ледяные пальцы из затылка.

На брусчатку узкой улицы зверек и привидение опустились одновременно.

- Главное - захотеть, - прошептал Адам. - Главное - очень захотеть... Как я мог забыть об этом?.. Ну, здравствуй, кисонька... будем дружить?.. будем?..

Зверек стоял в круге света под старинным фонарем. Теперь Адам мог его разглядеть и подивиться тому, какими разными бывают коты. Тот, в квартире следователя, был царственный и вечно недовольный бездельник в великолепной рыжей шубе. Этот оказался маленьким, самой что ни на есть плебейской расцветки, серо-полосатым, но вот когда он открывал глаза, сразу становилось ясно: котик не простой. Глаза у него занимали чуть ли не половину мордочки.

- Пойдешь со мной? - спросил Адам. - Нам нужно о многом поговорить. Ты ведь понимаешь меня? Вот только непонятно, как я буду тебя кормить. Но я придумаю!

Кот облизнулся и пошел прочь. Возле подъезда он обернулся, посмотрел на Адама очень выразительно, и Адам понял это так: тут я живу, если хочешь, следуй за мной.

Оказалось, что кот умеет просачиваться в щель шириной в полтора вершка. Привидению этого было более чем достаточно. Кот уверенно побежал вверх по лестнице и перед дверью четвертого этажа заорал очень требовательно. В переводе на человеческий язык этот мяв означал: да что вы там, с ума посходили, дрыхнете, когда кот под дверью

помирает с голоду!

Видимо, хозяева привыкли к котовым подвигам. Дверь отворилась и заспанный голос сказал:

- Опять! Вот поставлю на окна решетки...

Запомнив номер квартиры и дом, а вместо метки употребив пуговицу, оторванную от сюртука, Адам полетел к особняку. Неземная сила больше его не беспокоила, и он строил домыслы - чем именно удалось с ней сладить. Но ни до чего не додумался и отыскал Столешникова. Тот сидел на месте, где недавно был сейф, и маялся угрызениями совести.

- Ну, сударь, у нас появился шанс, - сказал ему Адам. - Итак, вы полагаете, будто один из ваших убийц раньше работал в заведении, поставляющем сейфы, и сам установил этот железный ящик между этажами.

- Я узнал его, - ответил Столешников, - да что толку?

- Толк будет! У нас есть кот!

Столешников так посмотрел на Адама, что слова уже не требовались.

- Вы можете вспомнить его имя?

- Говорил же вам - фамилия то ли Кожедубов, то ли Кожемякин. А имени не было - на что оно? Роста - моего, лысый, только на висках седые волосы. Нос длинный, восточный такой нос... Оставьте меня в покое, господин Боннар. Тут уж ничем не поможешь... хотя спасибо за сочувствие...

- Жаль, что мои убийцы давно на том свете. Я бы с ними разобрался! А ваших отыскать теперь - проще пареной репы.

- Вы очень хороший человек, - сказал на это Столешников. - Но вы бессильны против системы.

- Какой системы?

- Вы еще не поняли? Мы из одной системы попали в другую, и тут тоже свои запреты, свои возможности, но главным образом - свои невозможности...

- А вот посмотрим.

Привидения могут слоняться и днем, но во мраке они лучше себя чувствуют. Поэтому Адам пошел на дело, когда стемнело. Он знал, что сейчас уж никто не вцепится в затылок, раз метка оставлена. О том, что за сила присматривает за призраками и для каждого из них определяет свои загадочные правила, он не думал. Это было для него так же непостижимо, как таблица Менделеева, из-за которой он много лет назад вылетел из гимназии.

Метка лежала у дверей котовьего жилища. Адам проник внутрь и обнаружил кота в дальнем углу квартиры - там, где трудился за столом его хозяин. Хозяин тыкал пальцами в кнопочное устройство, а кот лежал рядом и заигрывал - подбивал лапой хозяйскую руку, отчего на цветной доске перед устройством, судя по возмущенным возгласам,

появлялась ахинея.

Адам видел такое в особняке и примерно представлял, какая от этой штуки возможна польза. Оставалось слиться с котом так, как это проделывал Дамиан Боэций. Старец, прожив столько лет сперва в человеческой плоти, потом в призрачной, обрел совершенно детскую безмятежность и простодушие - ему и в голову не пришло объяснить, каким образом он вселяется в животное.

- Кыш, брысь! - вдруг закричал хозяин. Кот, видно, рассердил его всерьез - и сам это понял. Он попытался с места вскочить на книжную полку - на самый верх, где, видимо, имел надежное убежище. Но не допрыгнул, ухватился за книжные корешки и вместе с толстыми томами рухнул на стол, прямо на кнопочное устройство.

Хозяин уставился на цветную доску, ахнул и заорал;

- Лопнуло мое терпение! На мусорку жить пойдешь!

Он кинулся ловить кота, тот очень ловко спрятался под диван, но там его настигла швабра. Кот помчался к двери, толстый сердитый хозяин - за ним, Адам - за хозяином, и все вместе оказались в прихожей. Там коту негде было спрятаться, и карающая швабра нависла над ним, и Адам перепугался до полусмерти - этот пузатый дурак мог искалечить драгоценное животное! Что тут может сделать призрак? Да ничего!

Однако Адам крепко запомнил рассуждения брата Альбрехта о сильных желаниях. Главное было - захотеть спасти кота, изо всех сил захотеть, и тогда что-то обязательно произойдет!

Адам кинулся между котом и шваброй.

Нет, швабра не отскочила, не сломалась, и хозяин не заорал благим матом, встретившись взглядом с привидением, хотя Адаму и казалось, что удалось на мгновение стать зримым. Просто человек вдруг окаменел, потом вздохнул, опустил свое страшное оружие и, ворча, пошел прочь.

- Обошлось, брат, - сказал коту Адам. - Видишь, оказывается, я могу немало. Иди сюда, не бойся, я не дам тебя в обиду.

Кот понял, подошел, Адам опустился на корточки, обнял его и увидел, как из звериной шубки вырастают те самые острые светлые иголочки...

... Два дня спустя молодой следователь Алексей Воронин постучался в кабинет к своему прямому начальству, подполковнику Ефремову.

- Входи, Лёша. В чем дело?

- Вадим Сергеевич, вы мне верите?

- Верю. А что?

- Я похож на сумасшедшего?

- Нет, не похож.

- Или на любителя дурацких розыгрышей?

- Опять же не похож. А к чему ты клонишь?

Лёша положил на стол лист распечатки.

- Вот, почитайте.

И подполковник Ефремов прочел:

Сударь, сейф из дома на Большой Купеческой унес мерзавец, который сам его поставил. Фамилия - Кожедубов или Кожемякин, рост выше среднего, плешив, виски седые, нос длинный. Извольте проверить его алиби.

- Это что за странный доклад?

- Это я обнаружил у себя дома на мониторе ноутбука. Ходил принять душ, ноутбук был включен, прихожу - а там это... Откуда взялось - не знаю! Фамилии незнакомые, по делу о краже сейфа такие не проходили!

- Насколько я помню, дело передали Марчуку.

- Да, я понимаю, он опытнее. Но это ведь появилось у меня!

- Он проверял фирму, которая ставила сейф, но там уже два раза сменилось руководство, в документах кавардак. Кожедубов или Кожемякин? Лёша, давай договоримся - если у тебя забрали дело, то ты должен заниматься другими делами, а не самодеятельностью. Теперь объясни внятно - откуда фамилии?

- Я не знаю, товарищ подполковник. Я сказал правду.

- То есть сообщение мистическим образом оказалось на мониторе?

- Так точно.

Окно подполковничьего кабинета было открыто, но Ефремов сидел спиной к нему и не видел, что на подоконнике примостился полосатый кот самого простецкого и беспородного вида. Пока молодой следователь отвечал на вопросы, этот кот вошел в кабинет, бесшумно соскочил на пол.

- Может, ты переутомился? - таким образом Ефремов, как ему казалось, дал спятившему сотруднику хороший способ отступить, сохранив лицо и не испортив отношений к начальством.

- Тогда, товарищ подполковник, и мой кот переутомился. Он забился под кресло и там шипел, потом вылез, стал наскакивать на пустое место.

- У тебя дома призраки, что ли, завелись?

- Не знаю, кто там завелся. А этого Кожедубова-Кожемякина нужно проверить.

- В свободное от работы время! - вдруг заорал подполковник. - Мистик на мою голову! Калиостро!

Адам вздохнул с облегчением.

Мир, который он видел кошачьими глазами, ему не слишком нравился - был каким-то тусклым, однако острый кошачий слух его порадовал. Нюх тоже мог пригодиться в той новой жизни, которая ожидала его, если удастся договориться с Ворониным.

Кот вскочил на стол.

- Это что еще такое? - удивился подполковник.

Кот похлопал лапой по распечатке и так посмотрел на Ефремова, что

матерый сыскаръ, материалист до мозга костей, прочитал во взгляде: сударь, тут чистая правда.

Потом кот перескочил на подоконник и отправился в полет.

Обернувшись, он увидел в окне две человеческие физиономии, Лёшину и ефремовскую. Нужного эффекта он достиг - и старший лейтенант, и подполковник были основательно ошарашены. Теперь нужно было лечь пушистым брюшком на теплый воздушный поток и взять курс на Большую Купеческую.

Там, сидя на разломанном полу, ждал Столешников, которому было очень плохо, и Адам думал, что, если убийц поймают и накажут, а сейф с содержимым вернут хозяину, то желание Столешникова сбудется полностью, и бедолагу, может, переведут из привидений в какое-то иное качество.

Для себя он хотел одного - потрудиться еще немного. Безделья он хлебнул полной мерой - так, может, неведомая сила хотела его бездельем за что-то наказать, да промахнулась? Или же сила выжидала, пока он поумнеет и найдет себе занятие получше, чем слоняться с пивным бочонком на плече или вместе с кобылой прыгать раз в месяц с моста в речку?

Странная мысль посетила его - отчего люди в земной своей жизни так редко поднимают голову вверх? Вот и он сам - все носом в землю тыкался, высматривая и выслеживая. А посмотрел бы на небо - может, и увидел бы летящего кота. И задумался бы - по каким таким делам летит загадочное создание? И, может, что-то понял бы. И пожелал бы удачи тому, с кем дружит этот кот...

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ЛЪВЁНОК ИЗ ЭШНУННЫ

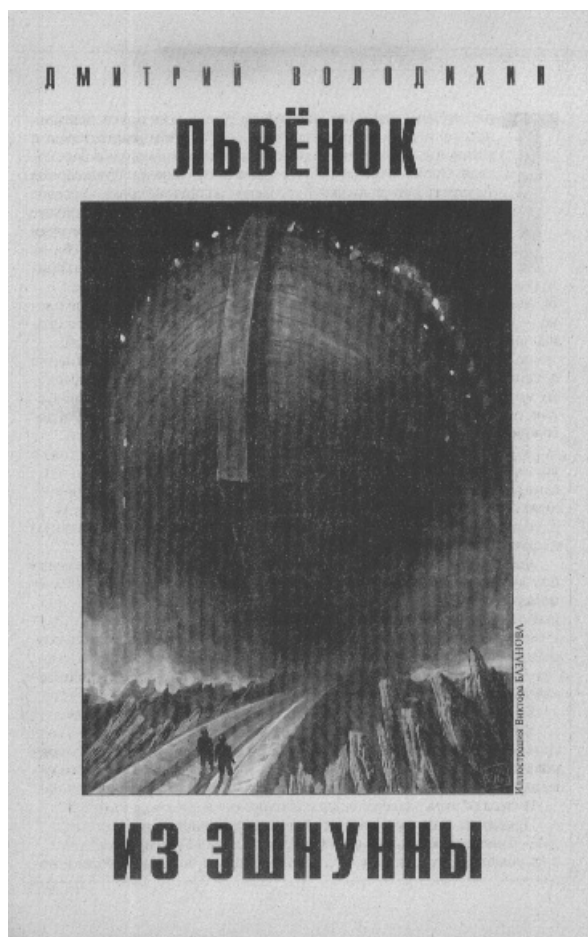

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Три тысячи девятьсот девяносто шесть мужчин и женщин всходили на корабль, выстроенный из ливанского кедра и умащенный ароматическими притираниями, словно царское тело. Срок, назначенный их терпению, вышел, настало время торжества и радости. Все, кому назначено было веселое странствие, облеклись в одеяния из белого виссона, столь же чистого, как снежные венцы на головах гор, украсили руки браслетами из сверкающего золота, грудь - ожерельями из драгоценной меди, а лица - масками из ослепительного орихалка. О, как много увидело небо улыбающихся лиц!

Правитель могучий, возложив на чресла шкуру барса, а на левое плечо - цепь из чистого серебра с изображением быка, встал перед своим народом. От него исходило сияние мелаammu, слепившее глаза.

- Вы знаете, какой дар предстоит вам принять во исполнение древнего договора. Но никто из вас не устремится навстречу веселому миру Анхестов, пока не выразит согласие. Итак, я, царь Уггал-Салэн, обращаюсь к вам, избранные: желаете ли вы воспользоваться договором?

- Да! - таков был ему ответ. Тысячи глоток исторгли это слово с восторгом.

- Люди Царства! Я иду с вами. Но прежде хочу знать, есть ли среди

вас хоть один человек, желающий другой судьбы.

В молчании прошел миг, другой. Лишь слабый ветер пел вечную песню, да ручьи шептали в ответ.

Вдруг один из вельмож государя, светловолосый великан, сделал шаг в сторону сходней. Обернувшись к онемевшей толпе, он сбросил маску и молвил:

- Я, эбих Алаг Карн, не верю им.

Из толпы вслед за ним устремилась девушка с глазами цвета созревших фиников:

- Я, Негат, дочь тамкара Анагарта, говорю вам: еще не поздно остановиться.

Вторая маска полетела за борт. В толпе послышался ропот.

Уггал-Салэн воздел руки:

- Отвергшие да уйдут с миром. Тот, кто пожелал растоптать сокровище, достоин своей судьбы. А теперь я еще раз взываю ко всем, кого одолевают сомнения: пойдете ли вы дорогой Алага и Негат?

И тысячи ртов разверзлись ради слова «нет». Правитель подошел к левому борту и крикнул:

- Слышала ли ты нас, о мать чисел, великая Гештинанна?

Существо с туловищем и головой женщины, ногами коровы и носом хищной птицы, темнокожее, ростом выше самых высоких людей, откликнулось снизу:

- Вот мой прибор для письма, великий царь. Вот таблица с именами всех избранных. А вот два имени, заглаженные на ней в знак того, что двое твоих подданных отвергли договор. Ритуал исполнен до конца, Уггал. Нет причин, по которым вам следовало бы задержаться на земле Ринх.

- Что ж, - ответил ей правитель, - дай нам силу уйти отсюда.

В это время двое отвергших покинули сходни. Гештинанна сделала им знак остановиться.

- Я не стану препятствовать вам, если захотите вернуться на корабль. Те молчали.

- Какой смысл в вашем упрямстве? Вы слишком долго ждали награду, чтобы теперь отказаться от нее... Почему?

Она не услышала ни слова в ответ.

- Вам предстоит развеяться без следа.

Тогда мужчина сделал шаг вперед и произнес:

- Только в том случае, если ты говоришь нам правду. Если же нет, то нас ждет иной исход.

- Кажется мне, ничто не свидетельствует о лживости наших слов, - ответила Гештинанна.

- Маворс говорил иначе.

С этими словами Алаг Карн взял женщину за руку и повел ее прочь от сходней.

Гештинанна отложила инструменты для письма, отложила таблицу с именами избранных и взялась за молот из ясеня. Ибо корабль стоял на вершине высокой горы, днище его было обшито медными пластинами и намазано коровьим маслом, а покоился он на двух полозьях из нетающего льда, идущих наклонно к подножию - нижнюю часть их скрывал туман; ковчег удерживался от спуска в гущу тумана двумя устройствами из глины, ремней, сухожилий и растительных волокон: чтобы глинянно-ременные «ладони» отпустили его, требовалось выбить распорку из дерева танг, в незапамятные времена доставленного сюда с берегов Мелуххи. Гештинанна, существо могучее, существо высокой власти, хотя и не высшей, нанесла первый удар.

С корабля донеслись крики радости.

Гештинанна ударила во второй раз.

На корабле кто-то крикнул: «Нет, я не должен быть здесь!». Прочие же ликовали.

Гештинанна в третий раз обрушила молот на распорку, и та, поддавшись, наконец-то вылетела, освободив сжимающую силу сухожилий.

Наверху бесновались избранные в масках. Там смеялись и плакали, выкрикивали имена богов и пели древние гимны... Но вот над общим шумом возвысился рык правителя:

- Прощай, о Гештинанна! Прощай, великая!

- До свидания, - вполголоса ответила птиценося.

Отвернувшись от деревянного короба на полозьях, она негромко начала отсчет:

- Ту.

Треск сухожилий, душащих тонкие глиняные конструкции.

- Дал.

Сухие щелчки переламывающихся стержней.

- Ки.

Глухой стук кусков глины, падающих на каменистую почву.

- Хут.

Стон удерживающих ремней.

- Мах.

Ремни лопаются разом.

- Ша!

Корабль, содрогнувшись, сдвинулся с места. Громада с тысячами душ начала неотвратимое движение вниз, по бесконечной ледяной линейке.

- Скажу вам честно, Ольга, такое декольте я последний раз видел года четыре назад, такие волосы - лет двадцать назад, а таких бровей вообще никогда не видел. Вы фантастически, невыносимо красивы.

Если бы не наблюдал все это перед собой, то не поверил бы, что такое возможно. И все-таки я говорю вам: нет.

Вы не ослышались.

Вам давно ни в чем не отказывали? Не мудрено.

Доцент Гольц не отказал вам, когда вы попросили у него мой домашний номер. Не пытайтесь изобразить святую невинность, номер вы могли узнать только у него.

И ведущий научный сотрудник Отдела ксеноархеографии Витенька Мальцев тоже не смог вам отказать, когда вы пришли к нему подобным образом декольтированной и ангельским голосом попросили ту часть моего доклада об инциденте на Ледяной линейке, которая не засекречена, а всего лишь «для служебного пользования»... Что-то вы не слишком смущены. И я начинаю подозревать, что... и та, вторая часть доклада вам... но как? Там ведь офицер императорской службы охраны, к тому же, помнится, женщина преклонных лет. Ах, она была в отпуске, и ее заменял полковник Борщев... Отдаю должное вашей предприимчивости, но... И протокол ведомственного бюро внутренних дел тоже?! Вы? Вы! Но там же... но это же... Пришли с добрыми намерениями и надеетесь на мой здравый смысл и мое снисхождение? Вы! Это уголовное преступление. Туда ведь только члены Госсовета и сам монарх... Вы! Да... вы. Уж. Да... Н-да... Нам надо выпить чаю. Подождите. Сейчас я...

Да, плохого чая я не держу. Пуэр, пятнадцать лет. Очень, знаете ли, проясняет сознание, особенно с утра... Стоп. Разумеется. Вы просто сидите и разговариваете со мной... с любым мужчиной... а ему, то есть мне, с каждой минутой все меньше хочется отпускать вас. Так не пойдет. Нет, мадемуазель Ольга, решительно, так не пойдет. Чего бы вы не узнали, а защищать диссертацию по княжеству Ринх вы у меня не будете. Да, я раньше был гораздо более смелым человеком. По той причине, главным образом, что еще и гораздо более глупым. Да, я отбыл два года на рудниках Цереры. И правильно. Правильно меня тогда отправили на каторгу. По делу отправили. Счастлив, что потом восстановили в научном звании, вернули степень и прежнюю должность. Претензий не имею. Ни малейших. Всего доброго.

Что вам еще?

Ни при каких обстоятельствах.

Просто не будете у меня писать, да и все тут.

Нет, не обязан.

Я отлично понимаю, сколько времени вы потратили, и уверен, что у вас были шансы потратить его на что-нибудь более здоровое.

Ну и что?

Вы не знаете, чего хотите коснуться. И... просто нет.

Нет.

Нет.

Что ж, поищите.

Извольте! Обратитесь к профессору Александропулосу, пожалуйста! Он был на Марсе последний раз восемь лет назад, а сейчас уже и поездки той не помнит - до такой степени скрутил его склероз. Нехорошо выдавать маленькие тайны коллег, но в конце концов вы и там напрасно потратите время.

Браннер никогда ничего не знал. Это прекрасный, удивительный популяризатор, но, знаете, он просто не по тому делу.

Токарев знает даже меньше Браннера. И он даже не популяризатор.

Антонов неделю назад скончался. Не знали? Мир праху его. Настоящий был ученый, и человек прекрасный. Экономисту эпохи Дуд никто не знал лучше него. Это я вам как профессионал говорю.

Что? Трескин? Чудесно. Идите. Идите к нему! Прекрасно. Восхитительно. Час назад он связывался со мной и пытался с моей помощью понять невероятно простое и ясное место в манускрипте эпохи Дон. Эпохи Дон, барышня! Вам это что-нибудь говорит? Полуустав Экватор-1, чистовик, стандарт. Вы понимаете, что надо было доктору Трескину не учить марсианскую палеографию со студенческой скамьи, чтобы не прочитать экваториальный полуустав эпохи Дон? А? Я вас спрашиваю! Молчите. Лучше молчите. В любом случае, вы можете безо всяких сомнений обратиться к Трескину, уверен, Сергей Сергеич вам не откажет. Он не столь желчное создание, как я. Определенно. И вреда никому не будет. Вот только время свое...

Что?

Что?

Так.

Простите.

Давайте закончим этот разговор. Простите.

Я понял. Вы назвали Георгия Евграфовича Горелова. Академика Горелова, лауреата Карамзинского креста за 2090 год. Так вот, милостивая государыня, сообщаю вам официально: как только вы покинете мой дом, я немедленно свяжусь с Георгием Евграфовичем. Мы неплохо с ним поработали два года назад, когда издавали академическую биографию Дага Тэнга, первого археографа-полевика на Марсе. Полагаю, Горелов меня помнит, и мое слово для него не пустой звук. Уверяю вас, я сделаю все необходимое, чтобы он вам отказал. Именно так. Не надейтесь. О, вы до такой степени уверены в себе? Что ж, мне придется сделать большее: он даже не примет вас. Простите. Именно поэтому я и вынужден был перед вами извиниться. Простите, но будет именно так. Ради бога простите, но я не вижу иного выхода из создавшегося положения.

А теперь всего доброго. Рад был с вами познакомиться.

Что? Что это вы... Что это вы затеяли? Сейчас же прекратите.

Немедленно! Ну что это такое, право слово... Так не годится. Это нехорошо, в конце концов! Вы думаете разжалобить меня всеми этими дамскими играми со слезами и прочими глупостями? Вот у меня чистый платочек... не нужен вам чистый платочек? Ну, перестаньте... перестаньте же, я вам говорю! Что за напасть мне на голову... Собирался поработать всласть, а тут вы. Ох, да не хотел я вас обидеть.

Ладно.

Ладно.

Послушайте...

Ну, хватит, хватит...

Я не собираюсь удовлетворять вашу просьбу, поскольку это в принципе невозможно. Но я хотя бы расскажу вам, по какой причине вы получили отказ. И, кстати, уверен, что и без моей просьбы Горелов бы тоже отказал вам. Так что не огорчайтесь, сделали бы вы эту ошибку, поделившись со мной своими планами, не сделали бы - результат был бы один и тот же. Отказ. Георгий Евграфович знает даже больше меня, у него с Марсом свои счета... Полно! Достаточно с вас и того, что я нарушу ради ваших слез аж три подписки о неразглашении, одна другой страшнее - если вспомнить то, чем будет мне грозить любое лишнее слово, сказанное вами.

Успокоились?

Слушаете?

На разработку этой темы в светских учебных и научно-исследовательских учреждениях наложен негласный, но весьма строгий запрет. И те из ксеноархеографов, кто знает, в чем тут дело, с этим запретом абсолютно согласны. Итак, ею занимается строго ограниченный круг лиц, а в тесном смысле - всего четыре человека, входящих в Комиссию 085. От исторического факультета Московского императорского университета - ваш покорный слуга. Только из-за того, что был когда-то очевидцем и участником... Иначе бы... вряд ли. Очевидцем чего? Наберитесь терпения. От Общества ксеноисторических исследований имени цесаревны Марии Даниловны - упомянутый вами Горелов. От Бюро общественной безопасности - генерал-лейтенант Махов. А от синодального Департамента прикладного богословия - архимандрит Макарий Введенский.

Почему?

Ответ прост: существуют сферы, с которыми науке не следует соприкасаться.

А теперь не отвлекайтесь и слушайте внимательно. Больше вы этого никогда ни от кого не услышите.

...Деревянная громада катилась по льду, постепенно набирая ход.

Мягкие горбы тумана, легшего на пути ее, готовились принять

корабль, готовились вобрать пристанище избранных в свое нежное, слегка колышущееся лоно.

Скрытая гора, главная святыня царства Ринх, открывалась перед избранными во всем великолепии. Черный камень ее склонов летел навстречу кораблю, расходился направо и налево, а потом убегал за корму и там исчезал. Высокое темное небо с двумя лунами пребывало над горою в неподвижности и чистоте.

Корабль двигался вниз со все большей и большей скоростью. Вот он идет не быстрее человека. Вот его уже не перегонит дикий онагр.

А вот уже и царская колесница, запряженная четверкой коней, отстала бы от него... Ветер засвистел в ушах избранных. Стихли крики восторга, смолк ропот тех, кто все еще сомневался в своей судьбе, хотя и не пошел за Алагом и Негат. Ужас леденил сердца, мешаясь с восторгом. Ковчег стремился к своей цели у подножия горы, ни на миг не притормаживая, ровно, его нисколько не трясло и не подбрасывало. Ледяные полозья оказались чудесно ровными.

Правитель Уггал-Салэн стоял впереди всех, вцепившись в канат, коим крепилась к палубе передняя мачта. Когда все его подданные сели на лавки, устранившись скорости спуска, он все еще продолжал стоять, ибо не желал показать своего страха и беспокойства.

Туман, простиравшийся непроницаемым серым холстом от склона горы до линии горизонта, надвинулся на ковчег, взбурвился над ледяными линейками и поглотил корабль.

- Ну-с... Для начала напомните мне шесть величайших легенд марсианской полевой археологии. Да-да.

Мало ли! Не подготовились! Хе-хе, вот к пролитию слез в нужный момент вы оказались в высшей степени готовы.

И что?

Я могу и передумать.

Я вас внимательно слушаю.

Без предисловий, пожалуйста. Считайте, что сдаете своего рода зачет. Именно! Зачет по байкам полевику.

Да, бункер «Хэппинесс»... Там сумасшедший Даг Тэнг и впрямь нашел первое подземное сооружение марсиан из тех, что известны науке. И там вымерла последняя семья марсианских цариц, правивших в эпоху Лом. После того как прочие друг друга истребили в последней войне... И там был обнаружен первый марсианский кодекс.

Да.

Превосходно.

На самом деле, не Даг, не последняя группа марсиан и не в том месте. Это я вам как специалист говорю!

Но пусть будет так, красивая ведь легенда...

Не смешите меня! Даг Тэнг умер от страсти к виски «Кланторп». А

«Бифитер» он в рот не брал, относился к нему с презрением. Твердо установленный факт. И, кстати, я его понимаю. Не факт, разумеется, а Тэнга.

Вторая? Ах, да. Как Толя Антонов нашел «Сказание о Бал-Гаммасте» в бункере «Берроуз». И будто бы полный список. Прямо сразу - полный список! И будто бы... Впрочем, какая разница? Да пусть будет, тоже красивая легенда. И Толя был стоящим человеком. Правда, в «Берроузе» он нашел нечто такое, по сравнению с чем все это «Сказание о Бал-Гаммасте» просто детский лепет. Но... пусть будет. Однако это третья легенда, а не вторая, милсдарыня. А в таких случаях правильная последовательность очень важна.

Вспомнили? Превосходно.

Точно, Борис Чех из Грозного перевел первую марсианскую билингву, найдя аналогию с раннешумерской клинописью. Верно. Хотя, конечно, Бубер нашел эту аналогию на полгода раньше, но... Мелочь, в сущности.

Что ж, с четвертой все верно. Франсуаза Ледрю, точно, нашла архив княжества Ринх. В том смысле, что, конечно, не весь и не совсем архив. Во всяком случае, они сами это архивом не считали... Но... Какие были времена! Ах, Франсуаза-пышечка, Франсуаза-душечка... Да почему бы нет? Ну, нашла. Сама. Да. Подробнее? Зачем? Если вас интересует княжество Ринх, то с переводами всего того, что нашла милая Су, вы должны были ознакомиться очень давно. Задолго до того, как у вас созрела преступная мысль прийти ко мне.

Пятая... хе-хе... ваш покорный слуга, барышня, тоже не лыком шит. Кодекс дворцового этикета Империи Дуд-Харт... Кстати, это Сиверс придумал назвать союз прайдов красивым словом «империя». Не знали? Теперь будете знать...

Конечно же. Шестая. Хм. Горелов и Булкин откопали список алларуадских царей в бункере «Новый пустяк». Хм. Знали бы вы, какое сокровище Горелов тремя годами раньше откопал... вернее, у Макса Бакста отобрал... вернее... не важно. И от чего, кстати, он потом год лечился. Неважно, неважно. Ха! Будешь лечиться, когда пришлось добровольно лечь под нож и пожертвовать хирургам частицу мозга... Опасная у полевого археографа работа, Оля, хорошенько это запомните. Впрочем... неважно. Определенно, неважно. Определенно. Просто ерунда этот ваш список. Его еще раньше нашли на Земле. Англичане, в Эреду. Еще в 1978 году, Холлингсворт и Клуни, при раскопках Абу-Шахрайна.

Что ж, знаете. Более или менее. Для вашего уровня это еще на удивление прилично. Именно, вы меня приятно удивили. Не надейтесь. Не больше того, что я уже обещал. И того-то много...

Нет.

Нет.

Знаете, нет. Вообще, в нашей жизни люди бесстыдно редко произносят слово «нет». Это ведь целая наука - говорить «нет», когда все остальные слова неуместны. То есть говорить его вовремя. Так вот: нет.

Я и говорю вам: нет.

А теперь продолжим.

Вы, вероятно, полагаете, что для вашей темы... которую вы не будете - подчеркиваю! - не будете разрабатывать... так вот, для вашей темы важна четвертая легенда. Но это совсем не так. Не столь уж принципиален вопрос, как там на самом деле происходило и кто там все это добро нашел первым: Ледрю, Разу или Дессэ. Просто... Наша история, из-за которой... из-за которой... в общем, из-за нее вам эта тема и не достанется... она... в смысле, извините, история, связана с номерами три, пять и шесть.

Понимаете ли, уверен: понимаете, девушка с таким деколь... э-э-э... с таким научным руководителем не может не понимать: историки - что земной цивилизации, что ксено - в общем, все порядочные историки недолюбливают дух сенсаций. Эванса уважают, Шлимана - не очень. В нашей специальности ценят аналитический ум, навыки критики источников, способность к обоснованным, здравым обобщениям. В конце концов, умение честно трудиться. Да что я вам азы-то... Пятьдесят-шестьдесят лет назад, и тридцать, и даже двадцать еще лет назад, когда полевики, что ни сезон, то все доставляли с Марса рукописи и целые кодексы, переворачивавшие наши представления о Древней Месопотамии, раскрывавшие колоссальные пласты самой марсианской истории... ну... тогда было в академическом мире одно поветрие. Люди нарочито отворачивались от самого интересного, от самых безумных находок и брали себе спокойные, классические темы. Да вот хоть экономика эпохи Дуд, которой Антонов отдал полжизни. Или тот же имперский дворцовый этикет... Видите ли, некоторые темы, слишком «горячие», что ли, слишком «жареные», могут сломать человеку репутацию. Мол, был такой вот серьезный человек, да погнался за успехом у журналистов... потом начнут искать журнализмы в его текстах, потом пойдут насмешечки в духе «как же быстро вы работаете, я этому до сих пор не научился»... и так далее. Антонов, короче говоря, выйдя на нижний уровень «Берроуза», отыскал среди прочего полную книгу пророчеств княжества Ринх.

Подберите челюсть.

Да, мировая наука не знает и, даст бог, никогда не узнает об этом памятнике. А вы вот как только узнаете, собственно, уже узнали... Охо-хо, грехи моя тяжкие... И чем скорее забудете, тем лучше. Я говорю серьезно.

Итак, Антонов добыл такую ценность и... не стал ею заниматься. Иначе говоря, сделал внешнее каталожное описание - очень кратко, -

сделал соответствующую запись в экспедиционном дневнике и сдал кодекс в Фундаментальную научную библиотеку МГУ.

Антонов - серьезный человек. Ему эти пророчества неинтересны. Рассказал своему ученику, Егору Горелову, а тот - такой же серьезный человек. И ему неинтересно. Вот так.

Семь лет я работал в бункерах на дне кратера Медлера. Там как раз область неглубокого залегания имперских бункеров... И у меня на руках оказывались то хроники Империи Дуд-Харт, то делопроизводство, то отдельные «чины» дворцовых ритуалов. Притом большей частью - россыпь. Разрозненные документальные комплексы, за что ни возьмись, все без начала и конца... Великая была удача, когда в руки пришел Этикетный кодекс целиком. Я за один вечер выпил три бутылки шампанского и был в лежку. Хуже, чем от водки... э-э-э... впрочем, вам это, милая барышня, знать не надо. Так вот, в нижней точке кратера обнаружилось захоронение маворсийцев, притом у самой поверхности. В Империи их терпели и даже какое-то время склонялись к тому, чтобы сделать государственной... Что? Найди десять отличий с нашим христианством? Может быть... Я бы не стал до такой степени упрощать, но с другой стороны... Знаете, вот если вы этим займетесь, может выйти очень живая, перспективная тема. Подумайте. Рекомендую. Тут целина, пашня непаханая, и вроде источников за последние семь лет прибавилось...

Дело ваше.

Далековато мы с вами ушли от темы разговора. Извините.

Я повел речь об этом захоронении только по одной причине: был там склеп, где погребли конгжи. Не знаете? Что - ну то есть? То есть как бы - что? Должны были знать еще на третьем курсе. Конгжи - антифилософ. Или нечто в этом роде. Империя любила избыточность в культуре, там обожали людей со специальностью, которая бывает востребована только в очень редких, только в особых, можно сказать, обстоятельствах. Конгжи призывали тогда, когда требовалось разгромить какую-нибудь интеллектуальную конструкцию. Философскую. Историческую. Ритуальную. Реже - религиозную. Эпоха Дуд религиозных споров не любит, императоры Дуд-Харт их терпеть не могли, но... как видно, были частные заказчики. Короче говоря, конгжи-маворсиец был погребен с «парадным», то бишь начисто перебеленным списком своих сочинений. «Против системы счисления Аонита», «Против понятия о знании, выработанном в школе почтенного воеводы Маддана Горта», «О противном здравому смыслу новом ритуале умасливания беременных садовниц». И так далее... Среди прочего попался мне лист «О лживых и подлых пророчествах княжества Ринх про избранные души». Там высокоученый конгжи обрушивается со всей силой риторического дара на некую книгу пророчеств княжества Ринх. Приводя в свидетели, конечно же, и

своего пророка... Мне это было совершенно неинтересно. Я поступил точно так же, как и Антонов до меня: сделал краткое описание и оставил рукопись в архиве Научного центра, который у нас тогда был на окраине марсианской фактории Королёв.

Да, представьте, неинтересно. Меня тогда совершенно не трогал весь этот мистицизм.

Именно.

Вы, пожалуй, слишком сильно демонстрируете свое удивление. Слишком сильно, если говорить об элементарной корректности.

Превосходно. Извинения приняты.

Я тогда с милой Су... э-э-э... с доктором Ледрю... составил доброе знакомство. Ну и рассказал ей об этом листочке. Она - представьте себе! - не обратила ни малейшего внимания. Ее интересовал только Ринх. Исключительно Ринх. А Ринх... его ведь никто не любил. Это самая древняя часть марсианской цивилизации. Оттуда марсиане растеклись во все стороны. Начиналось же все именно там. И там, кстати, есть пара бункеров, относящихся ко времени эвакуации с Земли. Все на Марсе вышло из Ринха. В Ринхе аристократия жила так, как никто не жил на Марсе. В Ринхе технологии были на порядок совершеннее всего, что имели прочие марсиане в любой другой стране или же вольном прайде. И никто не любил Ринх. В Империи его считали средоточием варварства, теменью какой-то. Вольные княжества относились к нему по-разному, но в союз предпочитали не вступать. То ли боялись, то ли... все-таки, наверное, отчасти брезговали. Человеческие жертвоприношения. Рабство в самых свирепых формах. Рабочие армии на полях. Нищета подавляющего большинства и огромные накопления в государственных амбарах. Поклонение каким-то демонам... Соседи предпочитали к ним не лезть. Военные экспедиции ринхитов живо сплывали соседей, и общими усилиями их отбивали. А когда и княжество Ринх приняло доктрину полной самоизоляции, это устроило всех.

Понимаете, мы чувствовали тогда, что чем дальше от тайны эвакуации, тем здоровее будут наши академические репутации.

Изменилось?

Хе-хе.

Что?

Давайте честно: сейчас большинство полагает совершенно так же. Не знаю, к худу это или к благу, но... как говорится, так есть.

Что мы знаем? Давайте с азов. До шумеров в Междуречье существовало великое царство Алларуад, превосходившее в технологическом отношении все, чем располагала Месопотамия, не то что при шумерах, а еще и в поздней Ассирии. По представлениям алларуадцев, они когда-то заключили завет с единым Богом, защищавшим Царство от величайших напастей, покуда последний

царь не разорвал этот завет. Примечательная личность... Бал-Гаммаст Копье Урука, он же сын Барса, он же Лев Баб-Аллона, он же «все выдавший». На нем Царство кончилось. Рухнуло. Распалось. Чуть ли не погибло от потопа. Или от нашествия иноплеменников. Но небольшая его часть, на севере, у самой границы, странным образом держалась. Где, скажите, будьте любезны. Да-да. Зачет продолжается. Да почему бы нет?

Нет, Эреду тут ни при чем. Эреду настолько южнее...

И Лагаш тут ни при чем. Ну что же вы!

О-о... совсем плохо. Да нужно ли вам защищать магистерскую диссертацию? При таких-то знаниях...

Отлично. Стоило вас раздражить, как вы начали думать.

Конечно же, Эшнунна. Древняя славная Эшнунна.

Знаете ли, мы до сих пор даже на пушечный выстрел не приблизились к пониманию того, что там произошло. Чем мы располагаем? Тремя последними таблицами «Сказания о Бал-Гаммасте», то бишь о «все выдавшем». Найденными, заметьте, на Марсе. Рядом с марсианским списком одного же сказания, тем самым, до которого докопался Антонов. И все! Ничего, ноль, домыслы, ерунда, оккультизм какой-то. Да чуть ли не уфология! Плюс кое-что, о чем никто не должен знать.

Когда по умирающему Царству прокатилась первая волна смуты, в Эшнунне появился некий царевич. По кольцу на безымянном пальце в нем узнали незаконнорожденного сына последнего царя. Впрочем, царские дети у алларуадцев не считались незаконнорожденными, даже если появлялись на свет вне брака... Но это так, к слову. Его прозвали Львёнком. За ним люди пошли как за последней надеждой. Он отразил какое-то нашествие. Кажется, гутиев. И... пропал. Вознесся на Марс. Мало того, не один вознесся, а с тысячами алларуадцев и сотнями шумеров. Но как?! На чем? Все технические достижения Царства позволяли лучше, чем соседи, растить хлеб, лучше строить дома, лучше воевать, лучше делать посуду, ну, лучше обрабатывать металл. Но только не заниматься сборкой космических кораблей! И не прорубать подземные бункеры в марсианских условиях. И не ставить купола, под которыми были чистый воздух, приемлемая температура... да там сады цвели! Ячмень давал по три урожая в год! Вы понимаете? Мы сейчас не в состоянии обеспечить на Марсе такую отдачу агрокультуры, какая была в раннем Ринхе. При Львёнке из Эшнунны.

Но как? Как, я вас спрашиваю?

Теория Сканлона?

Сканлон - старый маразматик.

Теория Гурвича?

Гурвич - маразматик молодой, вот и вся разница.

Концепция лемурийской культурной рецепции? За такие концепции надо приговаривать к расстрелу со взломом.

Еще раз, честно: во-первых, мы просто не знаем. Во-вторых, нам страшно влезать в это, поскольку все серьезные люди боятся опозориться, прикоснувшись к какой-то дурацкой мистике... И даже не только это. Я говорил однажды с Антоновым... у него, да и у меня... кляду!., у всех нас была общая интуиция: в это нельзя лезть. Не только мне, Антонову, Горелову, Франсуазе. Туда не стоит лезть исторической науке в целом.

И хватит об этом...

Когда я нашел лист маворсийского конгжи, о Ринхе почти ничего не знали. И, кстати, из порядочных специалистов с ним готова была возиться одна только Франсуаза. Но для нее Маворс со всеми учениками и последователями были за пределами исследовательских интересов.

Зато потом профессор Булкин, который тоже с Франсуазой... м-м-м... познакомился... Да-да! Услышал от нее про эссе маворсийского конгжи и указал, что в неразобранных материалах Дессэ, которые тот нарыл на горе Павлина - перед самой смертью от рук черных археографов, кстати, - есть какая-то «карта пророчеств»... Чуть ли не тех самых, к коим прицепился милейший конгжи. И тут Су, не будь дурой, принялась разрывать наследство Дессэ всерьез. И ей пошло везение - дай бог каждому. Забавно только, что во всем «архиве Ринха» «карта пророчеств» занимала самое скромное место. Это было всего лишь содержание книги пророчеств, а вот сама книга Су не попала. Про находку Антонова она не знала и до сих пор, кажется, не знает.

Единственная великая женщина-полевик?

Не понимаю вас...

Ах, принижая ее умственные способности!

Да нет же. Она ведь все-таки разобралась в находках Дессэ... Особенно когда ей чуть-чуть подсказал ее новый... хм... знакомый Морис Разу...

Что?

Неуважение к памяти?

А подите-ка вы прочь. Разговорились.

Немедленно!

Хорошо, извинения приняты.

Заметьте, Булкин - нормальный академический ученый. Его весь этот мистицизм тоже нимало не интересовал. Даже в самой ничтожной степени. Пророчества, видите, какие-то. Его вообще тогда интересовал только один вопрос: когда алларуадцы перенесли на Марс - в конце четвертого тысячелетия до новой эры или в начале третьего, когда в Междуречье уже всю хозяйничали шумеры? Булкина содержательные вопросы не волновали, одна только чистая хронология - вот его стихия.

Но был у него один ученик. Тот самый Макс Бакст. От Булкина он

узнал о ринхитских пророчествах... Я себе представляю, как ему старина Булкин со смехом... насчет всех этих дел... Он, знаете, был мастер сарказма! Макс загорелся. Выпало ему несколько лет работать в Королёве, и он там нашел мой отрывочек - тот самый! Начальником у Макса оказался тогда как раз Горелов, а не кто-нибудь иной. Как на грех! Макс просчитал дважды два, воспытал еще больше и в порыве откровенности рассказал о своих предположениях Горелову. А Егор... то есть Георгий Евграфович... заразился на Марсе одной... в общем... страшной штукой от маворсийского кодекса и потому маворсийских текстов принципиально сторонился. Но о книге пророчеств, обнаруженной еще бог весть когда Антоновым, он Баксту рассказал. Мимоходом рассказал. Вот, мол, есть один курьез: Антонов когда еще с Ринхом соприкоснулся, а теперь этим самым Ринхом бредят, но о книге пророчеств никто не вспоминает. Рассказал - и забыл о своих словах! Понимаете, просто он малость подтолкнул ученика Булкина. Работал с Булкиным, то и дело ездил с ним в бункер «Новый пустык», ну и оказал любезность его ученику. Фактически подарил докторскую. Горелов - щедрый человек.

Между тем Макс был личностью иного склада. Не как Антонов, не как Булкин, в общем... не как все мы.

Вы понимаете, в этом все дело. Он был... Как бы правильнее сказать? Ему требовалось другое.

Так.

Похоже, я бестолково объясняю. Да по глазам вашим вижу. Перестаньте.

Н-да.

Два года не брал учебные курсы - и вот уже не в форме... Разучился объяснять стратиграфию Трои на пальцах. Ладно, попробую еще раз.

Итак, чего хотели мы все, когда шли в полевую археографию? Вернее, вообще в историческую науку - тут специализация роли не играет... Да ничего особенно не хотели, кроме одного: существовать внутри процесса. Пребывать в состоянии поиска, работать над расшифровкой, затем над реконструкцией социальных структур. Нам нравилось анализировать, а потом обобщать, а потом - тем из нас, у кого был дар слова, - популяризировать... Нам просто нравилось заниматься своим делом, и все. Мы все чокнутые, барышня. Мы фанаты. Мы психи. Мы этим живем, и нам очень хорошо.

А Макс фанатом не был. Ему по душе пришелся дух сенсации, а не дух работы. Он хотел успеха. Вы только поймите меня правильно: честолюбивый человек для науки - нормальное дело, ничего плохого. Честолюбивый, но не тщеславный. Макса, к сожалению, мучило именно тщеславие. Нет, низости в его характере не водилось. Он не искал возможности украсть чужую работу, сфальсифицировать результат, раздуть какую-нибудь пустышку до небес... Ему хотелось

настоящей, крепкой славы. Такие люди даже чужой успех любят, им, кстати, очень удаются историографические труды. Сдвиг-то, по сути, небольшой, не всякий его заметит: в науке надо быть ориентированным на результат. Ориентироваться на процесс - ошибка, выходит исследование ради исследования. Но Макс вляпался в иную ошибку: ему требовался не результат, а внешние атрибуты результата - какие-то разговоры о личности и биографии ученого, школа, ученики, поклонники, треп в масс-медиа... А у нормального исследователя, господи помилуй, биография должна состоять из переходов от одной темы к другой. По мере того, как удаётся закрыть предыдущую, разумеется.

А тут - книга пророчеств! В перспективе - блеск, сенсация, большой шум и проникновенные интервью с молодыми прекрасными журналистками. Макс взялся за пророчества ринхитов всерьез, как ни за что другое в жизни не брался. Свет у него клином сошелся на этих пророчествах. Он был, что называется, крепкий середняк. Не дурак, не бездельник, но как-то... без искры что ли. Принялся за перевод, а там древнейшая ринхитская иератика - как раз клинопись начала заменяться подобием алфавитного письма... Интереснейший, кстати, период. Вам бы им заняться! Знаете, что реформа письменности шла в марсианских княжествах тремя волнами?

Ну конечно, вам подавай Ринх!

Ладно. Хорошо.

Вернемся к Баксту.

Он просто кое-чего не понимал. Древнейшая иератика это... это... в общем, это набор головоломок. И он встал. По-настоящему встал. Понял кое-какие азы и застрял. Сунулся к Булкину: помогите, дорогой учитель! Тот, естественно, отмахнулся. У него тогда период правления Уггал-Банада не вытанцовывался, он по трое суток, бывало, не спал, глаза, говорит, болели как проклятые. А тут к нему ученик лезет с какой-то ерундой. Так что Булкин еще очень вежливо послал Макса подальше. Это Булкин потом открыл, что у ранних алларуадцев было аж два Уггал-Банада, да еще два просто Уггала, они это имя любили, бог весть почему... Три месяца жизни потратил, но свел концы с концами. Молодец, силен! Я бы не допетрил, милостивая государыня, там у него материал был чудовищной сложности. Ну, Макс - к Горелову: помогите, дорогой начальник. Горелов, даром что добрый человек, а возиться тоже не стал. Он готовил учебник по имперской скорописи, загружен был так, что только дым из ушей не валил, а в остальном Георгий Евграфович производил впечатление, которое легче всего передать двумя словами: «Сейчас перегорю!». И он послал Макса гораздо менее вежливо, чем Булкин.

Тогда Макс пошел со своей печалью ко мне. Мол, помоги, будешь потом соавтором. И я... Вы, кстати, кофе хотите?

Вам как, со сливками или черный? Сладкий или несладкий?

Отлично.

Сходите на кухню, кофе прямо на столе, сливки во фризере, сахар тоже где-то там, наверное, обитает... уверен, вы найдете.

Постойте. Мне сделайте чаю. Пуэр, пятнадцать лет выдержки, коробка на подоконнике, никакого, разумеется, сахара. Сахар к чаю - нонсенс и бескультурие. Ясно вам? И отучайтесь от кофе. Полевики кофе не пьют. Марс учит ценить чай.

Как почему?

Там до сих пор не научились выращивать чай.

...Туман отпустил кедровый ковчег. Сырые серые щупальца потянулись было за кораблем, но тот вырвался, полетел дальше, дальше, и туман отступил.

Священная гора осталась позади. Две сверкающие линейки, по которым двигался ковчег, утратили резкий наклон. Теперь они тянулись по невысокой насыпи, почти параллельно земле. Но сила инерции была такова, что неотвратимое стремление громадины почти не затормозилось.

В сердца правителя и его подданных закрался новый трепет. Перед ними открывалось безбрежное теплое море. Волны с нежностью перебирали прибрежную гальку - словно юноша, ласкающий волосы возлюбленной. Небесная бирюза растворялась в морской лазури.

Вот только меж горой и морем оставался небольшой участок линейки, и стоило ковчегу, миновав туман, доехать до него, как исчез весь уют посмертного бытия избранных. Без малого четыре тысячи мужчин и женщин ощутили странное состояние: будто на несколько мгновений они вновь стали живыми, вышли из-под защитного купола на поверхность и теперь мучаются от удушья, замерзают от лютой стужи. Корабль наполнился криками, стонами, хрипом. Кто-то завопил, что их все-таки обманули и спаслись только те двое, оставшиеся на горе. Кто-то принялся сыпать проклятьями. Кто-то, пытаясь перекричать остальных, обратился за помощью к древним богам... Всех объяла тоска от того, что на ковчеге есть два пустых места.

Море приближалось очень медленно...

Вдруг все мучения прекратились. Деревянный короб, катившийся по линейкам, словно окутался невидимым облаком веселья. Хмель разом вошел в души. Радостное неистовство заставило людей забыть о сквернословии, исторгло смех и благодарственные гимны. Избранные обнимали и целовали друг друга.

- Посмотрите, - вскричал правитель Уггал-Салэн, - уроды на пути!

Далеко впереди, у самого побережья, стояли двое в странных и уродливых нарядах. Головы их были закрыты округлыми капюшонами, лица - масками из прозрачного материала, поблескивавшего на

солнце.

Корабль несся прямо на них.

- Итак, Макс пришел ко мне, драгоценная Ольга. И пообещал соавторство.

Что я сделал в ответ, как вы полагаете?

Хм... Не думал, что я настолько предсказуем...

Ах, ну да. Раз его Булкин послал, а потом Горелов послал, то и я должен был послать, дабы завершить арифметическую последовательность. Резонно.

Конечно, я его послал. Во-первых, я занят был серьезными делами, я на имперский дворцовый этикет по восемь дней в неделю тратил... Во-вторых, зачем быть чьим-то соавтором, когда сам можешь написать что-нибудь приличное?

Макс не отвязался. Опять пришел ко мне и говорит: «Ты знаешь, кто такой Маворс?». Я ему, естественно, отвечаю: «Да с первого курса!». Тогда он мне: «Ничего ты не знаешь, а я вот с недавнего времени получил достоверные сведения, согласно которым...» И тут его понесло. С таким жаром он пел мне о том, что в злосчастной книге пророчеств через слово говорилось: «Маворс повержен! Маворс не победит! Маворс никого не спасет! Маворс - лжец!». Я ему: ничего интересного, господин Бакст. Из числа марсианских религий треть - строго против Маворса, треть к нему индифферентна, а последняя треть выросла из Маворса, и худо о нем в тамошних общинах говорить не принято, хотя толкуют его волю все по-разному. Ну, был такой пророк на заре марсианской цивилизации. Ну, добрый, кажется, был человек. Затем его и убили, как водится. «Вот я и говорю, - сообщает мне Бакст, - что ничего ты не знаешь. Видишь ли, друг мой, Маворс - это Львёнок из Эшнунны».

Тут меня пробрало. Я все-таки был намного моложе Горелова и в два раза моложе Булкина. У меня еще панцирь не вырос, так сказать. И Макс нашел в моих хитиновых доспехах уязвимое место, сунул туда свой крючок и зацепил, хитрец. Да-да.

Я принялся тогда у него выспрашивать, откуда дровишки... А он мне: «Да это точно был царевич, сын Бал-Гаммаста. Я своими силами перевел, что некое светозарное существо посетило Львёнка в Эшнунне. Правда, не понял, что это за существо. К сожалению, немного не хватает навыков по палеографической части... Оно, это самое непонятное, задало ему вопрос: «Ты - царь, сын царя и наследник Царства. Ты избавил Эшнунну от гутиев. Вокруг тебя собираются люди, трепещат и благоговей. Но знаешь ли ты, что потоп Смуты уже близок и вскоре он затопит последний город, блюдущий законы древнего Царства? Вижу я, ты понимаешь это. Тогда ответь: что способен ты отдать ради спасения своего народа?». Львёнок

соглашался отдать что угодно без сомнений и без рассуждений. И его можно понять: по всей стране алларуадцев резали; они брали по две чужие жизни за одну свою, но гибель их все-таки приближалась. Тогда существо предложило ему: «Мы - сила, которой поклоняются суммэрким (так они называли шумеров) и враждебная твоему богу. Если поклонишься нам и заключишь с нами договор, мы перенесем тебя, твою семью и твой народ в безопасное место. Там все будут сыты, одеты, обуты, и ни один враг до вас не доберется». Тот долго колебался, но когда у стен города появилась огромная армия мятежников, согласился. Поклонился он им... И, представляешь, они, светозарные эти, перенесли царевича с его людьми на Марс».

Вот так.

Извините, сударыня, вам я не предлагаю коньяк. А сам...

Так.

Я, помнится, рефлексивно спросил Макса: «Ты в своем уме? Бесы перенесли народ Эшнунны на Марс?». А он заговорил как-то странно, похоже, его самого зацепила эта книга: «Ну почему же бесы... Надо с уважением относиться к чужой религии». Хорошо же. Отлично! Заменяю, говорю, «бесов» на «демонов». Макс тогда с некоторым раздражением принялся объяснять мне, что корректнее было бы употреблять вместо слова «демоны» словосочетание «старые боги» - как их звали шумеры, соседи и соперники алларуадцев. Потом присмотрелся к выражению моего лица, плюнул в сердцах и спросил: «Продолжать или закончим этот разговор?». Я... я... чувствовал тогда, что надо бы отказаться. Что я двигаюсь куда-то не туда. В какую-то ямину. Однако... любопытно ведь! И он продолжил: «Я не понимаю, как это у них получилось, но царевич и тысячи алларуадцев вместе с ним оказались на Марсе, получили бункеры, концентраторы кислорода, сложнейшую агротехнику и... я вот называю то, что вроде бы понял, современными словами, а некоторые вещи, на которых держалась раннемарсианская цивилизация, для меня - белое пятно, не могу прочитать. Понимаю лишь, что благодать продержалась пятьдесят лет. А потом... древние... боги... подступили к Львёнку вновь и сообщили, мол, простого поклонения за такие блага уже не хватает. Пора дать большее. И велели договориться с народом о том, что из каждого поколения три тысячи девятьсот девяносто шесть избранных смогут пользоваться своим телом до того, как ему исполнится пятьдесят лет. Потом тело получают... я не понял кто... но... тоже какие-то, знаешь ли, светозарные. Души же будут ждать смерти тел в медных сосудах, а к тому моменту, когда последнее из тел утратит признаки жизни, на священной горе царства Ринх должен быть готов деревянный ковчег, предназначенный для плавания в страну отдохновения душ - сладостный Анхестов. Там души получают новые тела, совершенные, прекрасные, и будут вечно наслаждаться всеми мыслимыми

удовольствиями. Львёнок подумал и на этот раз отказался. Тогда народ, возмущенный его отказом, как-то вдруг взбунтовался, началась... не знаю... я перевел как «первая великая замятия». А Львёнок не захотел крови. Он сложил оружие, отдал царский венец и сказал бунтовщикам: «Напрасно я принял титул царя, ибо после того, как отец мой Бал-Гаммаст покинул Царство, истинного государя у нас не было. Напрасно я поклонился злу, ибо следует отказываться ото всех даров тьмы. Но теперь я вижу ясно, что эти существа намерены обманывать и мучить нас, нарушая договор. И я слагаю с себя знаки царской власти. Я также считаю себя свободным от этого договора и всех вас своею волею освобождаю от него». Вот почему его называли Маворсом, это ведь по-алларуадски значит «свободный». Свободный от договора. У Львёнка оставалось полдня до казни, и он успел сделать набросок высших этических заповедей, прежде чем его выкинули из бункера на поверхность планеты, заменив самозванным царем».

Знаете, Ольга, я ему поверил. Из-за одной детали, о которой Макс просто не мог знать. Понимаете, милая барышня, для марсиан ритуал был всем. Из-за ошибки в ритуале могла начаться война. Хороший знаток ритуалов чаще всего становился вторым лицом после монарха, а то и самим монархом. Ритуал высвечивал всю жизнь их цивилизации от величайших дел до ничтожнейших. И дипломатический ритуал - что в Империи, что в малых княжествах, что у вольных прайдов - гласил: на Марсе правителя можно именовать любым способом, но только не словом «царь». Ибо истинного царя вне древнего дома быть не может. И лишь правители Ринха - как выяснилось, потомки самозванца - называли себя царями, упорно не обращая внимания на то, что соседи никогда не давали им титула выше княжеского.

Я, поколебавшись, согласился помочь ему с переводом.

Из чистого любопытства.

Да еще лелея чувство профессионального превосходства над Максом. Хе-хе. Этого... вам сейчас не надо... но потом поймете. Может ббифб. Ведь по гамбургскому счету... впрочем...

Извините, я налью себе вторую.

Извините.

...Несколько мгновений отделяло кедровый ковчег от столкновения с незнакомцами. Корабль, не мог затормозить. У безобразных пришельцев оставался выбор - соскочить с насыпи вниз или принять своими телами удар деревянной туши. Они стояли и неотрывно смотрели на приближающийся ковчег. Они застыли, будто не смея пошевелиться. В последний момент один из них все-таки заставил себя отпрыгнуть, а второй, раскинув руки, шагнул навстречу своей гибели.

Корпус чуть вздрогнул, повергая дерзкого смельчака наземь. Дерево глухо стукнуло о плоть, сокрушая ребра, дробя череп.

Минуло два или три вдоха, и среди счастливцев, направлявшихся в страну отдохновения душ, появился новый человек в одеяниях из белого виссона, с золотым браслетом, медным ожерельем и орихалковой маской. Неловким движением он поднял маску и улыбнулся. Зазвучали смешные слова какого-то варварского языка.

Избранные с радостным смехом приветствовали его на истинной речи. Сердца их наполнились ликованием: еще один взыскующий решил присоединиться к ним!

Лишь правитель Уггал с печалью молвил своим подданным:

- На корабле все-таки осталось одно незанятое место...

На миг среди людей в масках воцарилось настороженное молчание.

И тут нос корабля вспорол морскую волну.

Странствие окончилось.

Прибыли.

- Вдвоем мы продвигались по рукописи очень быстро.

Бакст работал, как сумасшедший, как настоящий. Днем и ночью. У него даже какой-то лихорадочный огонек появился в глазах. Как оказалось, он был прав, когда говорил, что ринхитские пророки через слово именуют Маворса лжепророком. Но так было только в самом начале книги. А дальше текст сделался до крайности однообразным. Прежде всего, ринхиты согласились расплачиваться телами за... за все. За жизнь новой цивилизации, в сущности. Покровители ринхитов научили их правильно питаться, следить за своим здоровьем с необыкновенной тщательностью, продлевать жизнь физического тела разного рода составами - то лекарственными, то... ну... это, разумеется, не надо воспринимать серьезно... однако... в целом, это были магические средства. Простые ринхиты жили до двухсот пятидесяти лет. Аристократия - не более чем до пятидесяти. Потом их ритуально умерщвляли, а остальные двести лет телами пользовались... те, кого Макс осторожно именовал «старыми богами». Когда умирало последнее тело в очередном поколении аристократов, их души... э-э-э... что-то вроде психоматриц, но условно мы их называли душами... так вот, их души собирали на ковчеге, который строился на Скрытой горе, чтобы в определенный день и час отправиться в плавание.

Верно, с горы.

Более того, как вы понимаете, известно, что никакой Скрытой горы нет и никогда не было - геологи подтверждают это со стопроцентной уверенностью. Есть столообразное всхолмие, весьма невысокое, где аномально часто бывают туманы. Притом всегда в верхней, равнинной части...

Путешествие с горы?

Это все, что вас удивило?

Хе-хе. И вы собирались всерьез заняться Ринхом... Да-да. Я по лицу вижу, что вы до сих пор не оставили это намерение.

Поймите, речь-то шла о путешествии в иную реальность, а не куда-нибудь вниз по реке!

А вас не удивило, что во время путешествия на корабле не должно быть ни одного живого человека? Только ду... психоматрицы? Не удивило? Ах, вы не успели об этом подумать. Ну, конечно же... Разумеется.

Послушайте, душа моя, да ведь все это, по большому счету, мелочи, если сравнить с тем милым, трогательным обстоятельством, что предсказание об отправке очередного ковчега делалось в тот день, когда объявляли имена очередной «жертвенной элиты» - ринхитской аристократии, отдававшей тела. Иными словами, за двести с лишним лет. Один раз за двести сорок четыре года. Дата и время с точностью до часа, объявленные в пророчестве, неизменно совпадали с тем, что получалось, когда пророчеству приходило время сбыться. Либо... они точно знали срок, отпущенный для жизни всем и каждому... либо... попахивает шулерством.

И так - сотни раз.

Без малого пять тысяч лет. Очень однообразный текст пророчеств.

Вы понимаете? Вы понимаете, я надеюсь?

Ни рожна вы не понимаете.

Да помолчите.

Просто помолчите, а я, пожалуй, накапаю себе третью...

Марсианская цивилизация уничтожила себя незадолго до того, как мы вышли в космос. Соответственно... соответственно... три последних пророчества распространялись на период после ее гибели. К первому мы не успели. Третье... третий ковчег... о!., вот этого вам ни в коем случае... ни-ни.

Избавьте меня...

Послушайте лучше насчет второго. Этого нет во всех тех записях, к которым вы получили доступ. Это вообще знают всего семь человек, включая государя императора, патриарха Максима и вашего покорного слугу. Вы станете восьмой.

Итак, второй из этих трех ковчегов должен был рвануться по Ледяной линейке навстречу иной реальности... ровно в тот день, когда мы окончили перевод книги.

Вы ведь знаете, что такое объект Ледяная линейка? Имеете представление?

Отлично. Уже легче. Отличненько.

Он... он... Макс сказал мне тогда: «Неужели ты не хочешь встретиться со старыми богами?». Я еще подумал тогда: до чего же ты странные

вещи говоришь, Макс, видно, малость перебрал, переводя этакую мистику на русский литературный. И заявляю ему со смехом: «Да мне и моего одного хватает. Их вообще, по-моему, много-то и не нужно». Тут он рассердился. Очень рассердился. Да вы представить себе не можете. Вроде бы нормальный человек, ученый, вежливый... Н-да... разумный... Хм. Бегаёт по комнате, шипит, точно рассерженный кот, мешая русские слова, экспрессивные, простите, тюркизмы, алларуадский, шумерский - насколько он его знал, а знал он его омерзительно, плюс еще что-то совершенно непонятное, даже мне не знакомое. Я удивился.

Нет, барышня, не тому, что он взъерепенился.

Ну, переработал человек, с кем не бывает!

Я удивился другому: Макс чешет на каком-то языке, мне абсолютно не знакомом. Мне! И - Макс... Да откуда, в конце концов?

Я спросил. А он мне: «Я? Незнакомые слова? Не помню такого». Мне оставалось пожать плечами - совершенно у человека ум за разум зашел. Конечно, я задал еще пару вопросов...

Ладно. Опустим для краткости.

Не важно.

Другое важнее. Макс неожиданно успокоился и спрашивает у меня самым ровным, совершенно дружелюбным тоном, будто и не он тут бесился минуту назад: «Разве тебе не интересно узнать, оживет ли последний осколок марсианской цивилизации прямо у нас на глазах?».

И я попался. И я разделил с ним какое-то дикое, нервное, лихорадочное состояние, когда тебе кажется, что море по колено и горы по плечо...

«Хорошо, - отвечаю я ему, - нам нужен вездеход. Срочно. Надо доложить...» А он меня перебивает: «Не надо никому докладывать. Тогда мы с гарантией ничего не успеем. Ни-че-го. Нам просто не дадут. Время уйдет на утряски, уговоры, да ты сам все знаешь про наше начальство».

Мы пошли угонять вездеход из ангаров Научного центра.

Чистую правду вам сообщаю, барышня! Цените. Во всех подробностях. Я, законопослушный человек, точно знавший, как расколоть начальство на вездеход за полчаса, дал себя уговорить на жутчайшую авантюру. Постфактум не раз думал: да какое затмение на меня тогда нашло?

Механик попытался воспротивиться. Мы ведь без предписаний... Но куда там, мы с Максом драться полезли, мы крепко его побили, бедного механика, а ведь он, по сути, был абсолютно прав.

Знаете, за что меня отправили на каторгу? Извольте, как на духу: за два закрытых перелома механиковых ребер, за сотрясение мозга, полученное им при падении, за расквашенную губу да еще за подбитый глаз. И... моего там был только глаз. Я, конечно, был несколько не в

себе, но не до такой степени. А вот Макс - до такой. Очень даже до такой... Он ударил механика ногой, когда тот уже валялся на полу. И я не остановил его. Мне казалось более важным - поторопиться.

Что?

Да выздоровел механик.

За несколько дней его на ноги поставили.

Два года каторги?

Я полагаю, за дело. Глаз - чепуха. Но я ведь не остановил Макса...

Мы ломались через сопки на вездеходе как сумасшедшие. Мы ни о чем не думали, кроме одного: успеть! Любой ценой успеть! Макс будто заразил меня... И мы явились к Ледяной линейке минут за сорок до... не знаю, как назвать.

Представьте себе: два чудика в скафандрах, ветер несет пыль, холод такой, что подогрев с ним не справляется, марсианский день - стало быть, подобие земных сумерек. Под ногами у нас - два бесконечных рельса Ледяной линейки... да... хе-хе... пейзажик, м-мать.

Знаете, пожалуй, четвертую я пить не стану. Что-то... мне... слишком уже. Подайте-ка со стола таблетки. Да. Спасибо, душа моя...

Так. На чем я остановился? Вырезвил этот сильно бьет по мозгам... Ах да... два бесконечных рельса Ледяной линейки. Перед нами они восходят на холмы и там теряются в тумане. Как раз был туман, какая-то аномалия: там в принципе не должно быть туманов... А у нас за спиной рельсы продолжают на две сотни шагов и там ныряют под каменную осыпь.

Мы стоим и ждем. Лихорадочное возбуждение понемногу уходит. Начинаю понимать, каких дров наломал. Вот горячая каша в моей башке уже наполовину остыла. Пора садиться в вездеход и ехать обратно. Пора придумывать, какие слова говорить в свое оправдание, какими глазами смотреть на несчастного парня, брошенного в гараже. Идиот! Какой же я идиот! На что купился?

И тут он появился. Совершенно неожиданно.

Настоящий деревянный ковчег. Колоссальный. Будто строили его не люди, а титаны. Корабль выпрыгнул из тумана, сверху. Он с чудовищной скоростью несся на нас, и над бортами его я видел странный блеск, будто множество металлических деталей посверкивало на солнце. Величественная, прекрасная громада, совершенные линии... Ковчег ужасал и одновременно вызывал восторг. Неожиданно я почувствовал, что не желаю уходить с его пути. Он нес с собой счастье, его словно окутывало счастье! Ничего более сильного и более радостного я не испытал за всю свою жизнь. Светлое чувство, необыкновенная легкость, полная ясность мысли и чудесная яркость переживаний. Я как будто ощутил себя совершенно другим человеком.

Что вы сказали?

Нет, «курнуть травешки» мне как-то не приходилось. Недостаточно эмансипировался для этого, надо полагать. Но почему вы вдруг?..

А, для сравнения. Н-не знаю... Любопытно, никогда не подходил с этой точки зрения...

Тогда я почувствовал зов: «Плыви с нами! Присоединяйся к нам! Ты обретешь счастье на целую вечность!». Я боролся. Время шло на секунды, всего пять или шесть секунд. Я боролся. Даже молиться пробовал. Но меня звали к себе так убедительно!

И...И...

Я отпрыгнул в последний момент. Меня что-то отдернуло. А Макс пошел ковчегу навстречу.

Потом на этом месте нашли пустой разорванный скафандр и ни малейших признаков мертвого тела. Просто немного крови внутри...

Я не знаю.

Да я просто не знаю!

Я приличный историк, меня уважают коллеги, мои книги стоят в серьезных библиотеках, но я не готов к таким вещам. Я рад, что спасся. Но я не знаю, что случится, если меня еще раз так позовут. Сам я... не смог. А удастся ли меня вот так выдернуть за миг до...

Я ничего не знаю, барышня. Я ученый.

Что?

Я не ослышался?

Вам нужен день, когда в нашей реальности появится третий ковчег?

Вы, очевидно, не понимаете, для чего я вам это рассказал. А я рассказал вам все это в утешение. Есть некоторые сферы, куда науке лезть не следует. И вы туда не полезете. Но хотя бы будете знать, чего избежали.

Послушайте...

Да что за ерунда!

Я ведь еще не все рассказал. Еще осталась самая малость. Полагаю, она вас убедит.

Ковчег проехал мимо меня. И я не смел повернуться к нему, уходящему, поскольку зов был еще очень силен. Минуло несколько мгновений. И тогда я содрогнулся от крика. Я услышал, нет, я почувствовал столь сильный вопль, будто несколькими тысячам людей одновременно причинили боль раскаленным железом, будто им разом нанесли глубокую рану. Они кричали долго, не останавливаясь, захлебываясь болью, переходя то на хрип, то на визг. Я пытался заткнуть уши пальцами, но крик звучал не в ушах, а прямо в голове! Вдруг все стихло. Оказывается, я опустил на корточки... Поднявшись, я все-таки дерзнул обернуться. Но за спиной у меня уже ничего не было. Только марсианский пейзаж: рельсы, камни, песок, поднятый ветром...

Не убедил?

Так.

Тогда давайте покончим со всеми этими соплями. Год, день и час, когда со Скрытой горы сойдет последний ковчег, вы от меня не узнаете.

Наш разговор окончен.

Что... вы...

Ах вот оно как.

Очевидно, вы заранее решили заплатить эту цену.

Превосходная грудь. Чудесная кожа. И очень милый пупок.

Вы очень хороши.

И все же я говорю вам: нет.

МАРИЯ ГАЛИНА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРЕКРАСНУЮ СТРАНУ!

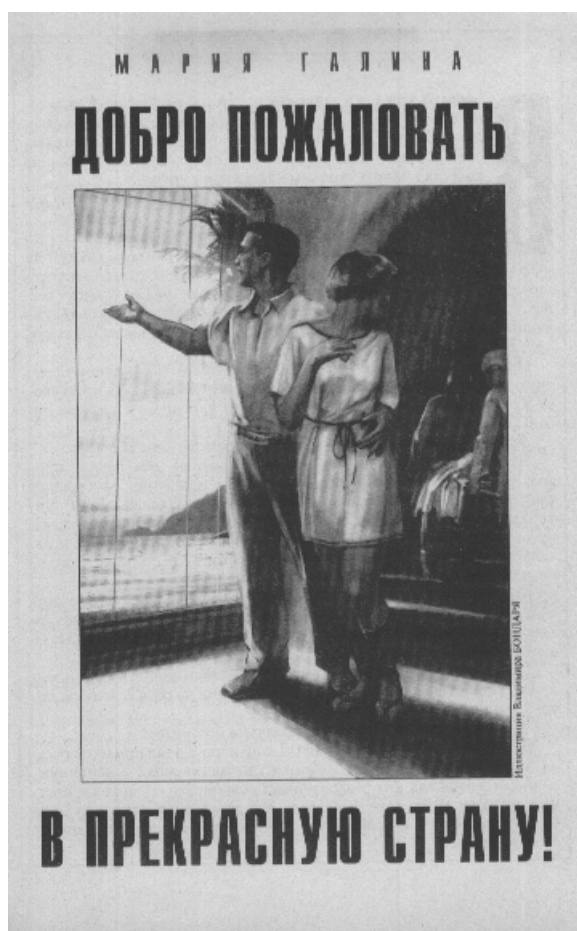

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

В очереди перед ней стояли две девушки немногим старше ее, но

сами по себе, без родителей, стройные и длинноногие, и они приплясывали под музыку в наушниках - каждая под свою, и вещей у них всего ничего: чемоданчик с ручкой и на колесах у одной, стильный рюкзачок у другой...

Почему одних отпускают без родителей, других - нет? И вообще: почему одни - такие, а другие - совсем не такие?

Она исподтишка дала пинка тяжелой сумке, которую мать побоялась сдавать в багаж, и отвернулась, но тут же уперлась взглядом в раздраженное отцовское лицо. «Столько денег угрохать, - явственно читалось в его глазах, - два года не ездить к морю, и ради чего? Они же нас унижают, будь мы какие-нибудь американцы, нас бы пропустили вон в тот коридор, где безвизовый въезд, а тут стой, как будто второй сорт...»

Она знала, что за унижение отца расплатится мать - мелкими придирками по любому поводу. А мать отыграется на ней, ведь не на своем же любимом Пасике... Называют пацана, словно он кот какой-нибудь, и потом еще что-то хотят от него.

Это вообще нормально: ненавидеть и презирать своих родителей?

На бетонном полу линии, желтые и красные, обозначали призрачные коридоры, очередь продвигалась медленно, за красную запретную черту пускали по одному, мать замешкалась, отец прикрикнул на нее, чиновник сделал замечание отцу, отец хотел огрызнуться, потом передумал. Чиновник был иностранцем, да еще и начальством, а отец робел перед теми и другими, хотя старался этого не показывать.

Безразличный взгляд чиновника обежал ее лицо, вниз, на паспортную фотку, опять вверх. «Ему плевать, красивая я или нет, лишь бы похоже. Наверняка ему уже давно надоели эти туристы. Лезут и лезут, а он сиди тут, проверяй документы...»

Тут чиновник неожиданно улыбнулся, и стало видно, что он немолодой, усталый и добрый дядька, напускающий на себя важность, потому что так надо.

- Добро пошшаловать, - сказал он и подмигнул.

Она не сумела улыбнуться в ответ и по дороге в зал прилетов ругала себя - наверняка те две девчонки улыбаются легко и непринужденно, и жизнь для них разворачивает совсем другие, яркие и цветные полотна. «Я бы тоже улыбалась, как заведенная, если бы у меня были такие ноги... И майка с таким вырезом... И если бы рядом не было родителей».

В зале прилетов было полутемно, прилетевшие пассажиры сбивались в кучки, отец оглядывался в поисках представителя турфирмы, мать прижала к себе Пасика, словно ему угрожала опасность, их чемоданы стояли горкой на полу - почему они не взяли тележку, тут же есть тележки!.. Вон, то ли пакистанцы, то ли индусы. Целых три тележки, на них горой тюки, спортивные сумки, чемоданы. Женщины в шальях

громко переговаривались, мужчины в высоких тюрбанах отвечали им пронзительными высокими голосами.

- Им ничего, - сказал отец сквозь зубы, - их даже не проверяли. А нас чемоданы открыть заставили. Тоже мне, зеленый коридор.

Мимо прокатил на самокате, отражаясь в гладких плитках пола, аэропортовский служащий - солидный, в черном костюме, галстук и очках в золоченой оправе. Галстук чуть сбился набок.

Алые строчки пробежали сверху вниз по электронному табло на стене.

- Анкета, восемьдесят вопросов, характеристика с работы, справка из банка... Деньги у Большевых занимал, чтобы на счет положить! Ради чего? Лучше бы в Турцию слетали. Туда виза не нужна.

- Большевы говорили: это что-то особенное, - ответила мать, чуть задыхаясь: она пыталась удержать Пасика, который молча, но яростно высвобождался из ее объятий.

- Это трюк. Трюк для привлечения туристов. Нищая страна... Ты же видишь. Большевы, уроды, подставили: повелись на рекламу, вот и пришлось врать, что, мол, это нечто особенное - кому хочется лохом оказаться.

- Не такой уж Большев и лох, - мать поджала губы, - он в последнее время вон как в гору пошел... Квартиру взяли по ипотеке, машину сменили.

Невысказанный упрек прятался в ее сдержанном тоне.

В темном панорамном окне отражался зал с пассажирами. Двух ее независимых сверстниц нигде не было видно: куда они, интересно, делись? Встретил кто-то, сами уехали? Зато у стойки сам собой образовался человечек с табличкой на палочке: он тянул руку вверх, поднимая табличку с ярким логотипом турфирмы - улитка со смешными рожками парила на белых пушистых крылышках под белым пушистым облаком. Человечек тоже был смешной, в полосатых штанах на подтяжках и полосатой жилетке, табличка возвышалась над его круглой головой, по лысине пробежал малиновый отсвет электронного табло.

Она похлопала отца по руке, чтобы обратить его внимание на человечка, но отец раздраженно отмахнулся, как от мухи.

Пасик вырвался наконец из рук матери и молча пошел к выходу. Мать побежала за ним. Пасик иногда делался таким странным... И эти пустые глаза...

- Даже не встретили, - отец продолжал говорить в пустоту, словно не заметив, что матери рядом уже нет, - я в суд подам! Вернемся, и сразу в суд подам! Они обязаны...

- Папа, - устало сказала она, - вон там...

- Ты хоть помолчи...

Она сжала губы и отвернулась. Жаль, самолет не разбился, прекратить разом все мучения...

Человечек в полосатых штанах растерянно топтался на месте, Пасик уже был у выхода; мать, прихрамывая в новых туфлях-лодочках, торопилась за ним... Автоматическая дверь услужливо распахнулась, за ней в теплой густой ночи плавала стайка подсвеченных изнутри пустых автобусов, луна проплывала над ними, точно рыба-луна, большая и непривычно зеленая, совсем рядом со входом раскинуло белые цветы незнакомое низенькое круглое дерево... Тут матери удалось втолкнуть Пасика обратно, стеклянные створки сомкнулись; темнота за ними вновь стала плоской и ровной, как стена.

Ей вдруг захотелось домой. Она мечтала об этой поездке, но сбывшаяся мечта оказалась бледной и пресной. С ней всегда так было.

Человечек всплеснул пухлыми ручками, уронил табличку и заторопился к ним, смешно загребая остроносыми ботинками.

- Что же вы! - приговаривал он на ходу укоризненно. - Я же волнуюсь, вас нет и нет. Все есть, а вас нет. Как же это можно!

Говорил он с чуть заметным акцентом, немного шепелявя, отчего походил на большого обиженного ребенка.

- Это безобразие, - отец чувствовал себя слегка виноватым, оттого что не заметил встречающего, и напирал особенно энергично. - Мы уже час здесь болтаемся!

- Но я встречал, - оправдывался человечек, - я же стоял вот тут! И все стояли вот тут! Мы вас так ждали! Я даже объявление дал.

Он кивнул на табло, где вместо расписания самолетов теперь светилась красным их фамилия - семью приглашали подойти к стойке турагентства. Она готова была поклясться, что этого объявления миг назад еще не было.

- Я им так и сказал, - он энергично кивнул круглой головой, - без вас мы никуда не едем!

Отец смягчился.

- Смотрите клиентов не растеряйте с таким-то сервисом, - сказал он назидательно и, демонстративно кряхтя, покатил чемодан к выходу. Мать заторопилась следом, держа за руку Пасика. Пасик не вырывался - вот чудо-то!

Человечек забежал вперед, словно хотел услужливо распахнуть перед ними двери. Однако двери распахнулись сами, и запах мокрой горьковатой зелени и белых цветов маленького дерева обнял ее, как будто она вошла в теплую, прозрачную, дрожащую зеленую воду.

На освещенном двумя сонными фонарями пяточке остался всего один автобус; дорога уходила во тьму, вдалеке, на фоне зеленоватого, усыпанного крупными чистыми звездами неба просматривалась линия гор - на гребне самой высокой горы горел желтый огонек; еще несколько стекали в ложину, словно кто-то бросил в складки мягкой ткани горсть фосфоресцирующих бусин. Цикады трещали так, что

воздух, казалось, шел мелкой рябью, отчего очертания гор и присевших в их тени огней дрожали и расплывались в окружающей бархатистой тьме.

Волоча тяжелый рюкзак, она на минуту остановилась, чтобы в одиночку приветствовать чужой, незнакомый мир.

Дерево вздрогнуло и уронило ей в руку белый цветок.

* * *

На повороте она оглянулась: освещенный изнутри аэропорт походил на аквариум, где плавали диковинные рыбы. Потом он вдруг померк, а после и вовсе погас, словно в нем вдруг выключили подсветку. Под колесами автобуса разматывалась мокрая темная дорога, отблеск фар плясал по ней, как свет на реке; на очередном повороте столб света упирался в стену низких деревьев со светлыми стволами и темными листьями. Иногда навстречу выплывали, точно нахальные привидения, фосфоресцирующие дорожные знаки.

Мать с отцом впереди ехали молча: темные головы синхронно покачиваются, точно у манекенов. Как только автобус установится у гостиницы, они снова оживут и побегут к багажнику выгружать чемоданы.

На каком-то особенно резком повороте заложило уши, и она поняла, что они поднимаются в гору. Пасик сидел рядом с ней, сложив руки на коленях и глядя в темноту.

- Сглотни, - посоветовала она, - а то уши заложит.

Пасик послушно сглотнул.

- Я боюсь, - сказал он шепотом.

- Брось, они тут всю жизнь туристов возят.

- Не, я просто боюсь. Какое-то все не такое... Ты их видела?

- Кого?

- Этих. Думаешь, их нет, а они есть. И смотрят.

Он схватил ее пальцы, ладошка у него была мокрая, но она не отняла руки. Вообще-то Пасик был лапушка, хотя и какой-то чудной: днем он большей частью молчал, но по ночам садился на постели и разговаривал сам с собой на незнакомом языке, а потом вставал с кровати и начинал бродить по квартире... Тогда приходила мать, обнимала его и уговаривала лечь, иногда он начинал отбиваться, иногда покорно ложился и засыпал; между веками у него светлела полоска глазного яблока, и ей становилось страшно. Матери тоже было страшно: она знала, один раз даже слышала, как та тихонько плачет на кухне, а отец обозвал мать курицей и сказал, что, мол, с пацаном все в порядке, это возрастное, пройдет...

Отец ужас как хотел сына и до сих пор не мог простить ей, что она

имела наглость родиться первой. Как будто это от нее зависело.

- Опять выдумываешь, - сказала она и улыбнулась.

Самое странное, что она все-таки его любит, Пасика. Чудно: вроде бы должна ненавидеть. Ну, ревновать. Иногда ей казалось, что только она одна его и любит - мать так боится за него, что на любовь уже времени не остается, а отец видит не настоящего Пасика, а какого-то придуманного правильного сына.

- Я никогда не выдумываю, - серьезно ответил Пасик. - А вот ты все время выдумываешь. Себя все время придумываешь. А потом расстраиваешься.

- И вовсе ничего похожего, - сердито возразила она. - Как можно придумывать себя?

- Как в кино. Когда кажется, что надо так, а на самом деле все не так. Потому что никогда не получается как в кино.

Пасик порой проявлял пугающую пронизательность.

- А на самом деле ты и так хорошая. Правда.

- Спасибо, Паська, - сказала она серьезно. Она вовсе не чувствовала себя хорошей. Если честно, она себя ненавидела. Так ненавидела, что, если случайно видела себя в зеркале, торопливо отворачивалась - только чтобы не видеть этой фигуры, этого лица, этих ужасных волос. Ну почему, почему у нее такие волосы?

Пятнышко теплого света приблизилось, потом рассыпалось на несколько отдельных огоньков. Они проезжали крохотную деревушку в долине, затерявшуюся в зарослях жасмина и шиповника; освещенные веранды густо оплетены виноградом, и не видно, сидит на них кто или нет... Ей на миг захотелось оказаться там, сидеть на веранде, пить, что там они пьют, слушать музыку, смотреть на проезжающий автобус и гадать, что там за люди, куда они едут. Может, тогда бы ей захотелось оказаться в этом автобусе, в темноте, в пути, в конце которого будет ждать что-то новое, совсем не то, что было прежде.

Но деревушка осталась позади, и автобус, вильнув задом, миновал два крутых дорожных поворота, прошел впритирку к светящемуся полосатому столбику, а затем, перебравшись через перевал, съехал вниз и остановился, выпустив облако синего дыма, растворившегося в темном нежном воздухе.

Маленький сопровождающий слез со своего сиденья рядом с водителем и широко развел ручки, точно распахнул объятия.

- Приехали! - он подпрыгнул от нетерпения, словно им вот-вот предстояло оказаться в лучшем месте на Земле. - Приехали! Добро пожаловать в «Лесной приют».

Трехэтажный, оплетенный плющом дом стоял на асфальтированном пятачке, его со всех сторон обступал лес. Обычный гостиничный корпус с балконами, тянущимися вдоль фасада... Чего еще ждать от места с таким банальным названием?

В холле вокруг чемоданов суетились давешние пакистанцы - как это они так быстро добрались?

Сонная красивая девушка вручила им ключи.

- Второй этаж по коридору и налево, - сказала она и отвернулась к другому гостю, но отец остановил ее.

- Вай-фай у вас, надеюсь, входит в стоимость номера?

- Что? - переспросила девушка, недоуменно моргнув, - но у нас нет вай-фая.

- Кабель? - отец был обескуражен, но не слишком: - Подключиться можно?

- У нас вообще нет электронной связи, - сказала девушка терпеливо, - никакой.

У нее был чистый русский, гораздо лучше, чем у представителя турфирмы.

- Я хочу видеть управляющего, - сказал отец железным голосом.

О, подумала она, началось.

Скандалы, которые закатывал отец, были бурными, неуправляемыми и всегда заканчивались одинаково - его поражением.

Управляющий оказался высоким смуглым человеком, до того красивым, что на него было даже неприятно смотреть. Представитель турфирмы, суетившийся рядом, расстроено сжимая пухлые ручки, по сравнению с ним казался смешным уродцем. Впрочем, смешным уродцем по сравнению с ним казался и отец.

- Интернета нет, - сказал управляющий равнодушно. - Законодательно запрещено.

- Как же вы находите клиентов? - отец даже растерялся. - У вас туризм - основная статья дохода. Я читал.

- У нас представительства, - пояснил управляющий. - А почта работает. Старая добрая почта.

Отец извлек мобильник и уставился на него. Она заглянула через плечо: сигнала не было. Хотела достать свой мобильник, чтобы окончательно в этом убедиться, но передумала. Следить за препирательствами было гораздо интереснее.

- Но у меня контракт срывается, - отец все еще полагал, что это досадное недоразумение как-то можно уладить, - переговоры...

- Мне очень жаль, - сказал управляющий, и по голосу было понятно, что ему совершенно ничего не жаль.

- Я в суд подам... - отец начал багроветь, краска пошла с висков и залила лоб и щеки, - упущенная выгода... ваш сервис... это никуда...

Представитель турфирмы так и стоял, прижав к груди пухлые ручки, когда отец обернулся к нему, он в испуге отскочил, но управляющий остался равнодушен.

- Вы же подписывали визовое обращение, - сказал он терпеливо. - Там сказано, что вы обязуетесь не пользоваться современными

средствами связи во время пребывания здесь.

- Где это сказано? - отец не умел проигрывать и потому продолжал упираться.

- Внизу. В самом конце.

- Кто же читает все, что там мелким шрифтом...

Управляющий пожал плечами.

- Тогда мы улетаем, - отец поднял голову и скрестил на груди руки. Он хотел выглядеть решительным и жестким, а вместо этого казался смешным; ей стало стыдно: все, кто еще остался в холле маленькой гостиницы, смотрели на них. Девушка за конторкой, человечек в подтяжках, управляющий - с профессиональным терпением, остальные - с любопытством. Только пакистанцы не обращали внимания - они деловито затаскивали тюки вверх по витой лестнице с резными перилами. Лифта тут тоже не было.

- Завтра же. Поменяйте нам билеты на завтра. Это, надеюсь, возможно?

- Вряд ли, - управляющий был терпелив как врач-психиатр. - У вас чартерный рейс. Вы, конечно, можете отказаться от билета и купить новый. Это вам обойдется... - он назвал сумму.

Отец раскрыл рот, потом закрыл его, он стоял красный, глаза слезились. Ей даже стало его жалко.

- Вы приехали сюда отдохнуть, - сказал управляющий ласково, - мы сделаем все, чтобы ваш отдых был полноценным. Ну зачем вам во время отпуска думать о работе?

Отец молчал. Пасик, словно не замечая происходящего, сидел в кресле и с интересом рассматривал яркий проспект, мать стояла рядом, тревожно переводя взгляд с мужа на сына - кому из них первому понадобится помощь и поддержка?

- К нам не так просто попасть, - сказал управляющий, - мы очень тщательно отбираем клиентов. Знаете, скольким ежегодно отказывают в визе?

Отец расслабился, вздернутые плечи опустились.

- Я же говорил... - маленький агент еще сильнее прижал к груди пухлые ручки, - я же говорил...

- Все в порядке, Шарлик, - ласково сказал управляющий. - Ты сдал группу, я ее принял. Давай бумаги, я подпишу.

Все, словно по команде, закончилось, новые постояльцы начали расходиться, перебрасываясь ничего не значащими замечаниями. Красавица за конторкой раскрыла затрепанную книжку в бумажной обложке: шрифт был незнаком, но brunet с пистолетом на обложке недвусмысленно намекал на шпионский роман. Ногти у конторской девушки были в красно-розовую полоску, блестящие, словно карамельки.

Отец вертел на пальце старомодный ключ с номерной бирочкой, как

если бы ничего не произошло, и уже открыл рот, чтобы прикрикнуть на бестолковых домашних, которые ни с того ни с сего застряли в холле, но тут входная дверь распахнулась. Веселые загорелые люди, возбужденно переговариваясь и хохоча, тащили, помогая друг другу, огромную рыбу; хвост ее выскользнул из рук и волочился по полу, отчего за рыбой и рыбаками тянулся широкий мокрый след.

Управляющий улыбнулся, сказал что-то по-английски, те отвечали ему, перебивая друг друга, широко разводили руки, показывая, то ли какую рыбу они поймали, то ли какую упустили. Маленький человечек Шарлик подбежал к рыбакам, ухватил рыбу поперек туловища и, натужно пытаясь, потащил ее куда-то вбок; из открывшейся двери пахло жаром и вкусными запахами, у плиты в дыму сновали люди в белых колпаках. Рыбаки все скопом ринулись туда. Шарлик замахал на них руками, словно выгоняя случайно залетевших в комнату птиц, после чего они, продолжая хохотать и размахивать руками, стали подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж. Деревянные ступеньки поскрипывали.

- Где это такие ловятся? - Отец с завистью смотрел в широкие загорелые спины.

- В заливе, - красивый управляющий тоже направился к лестнице, выразительно поглядев на медный циферблат огромных часов в холле.

- Далеко?

- Что вы. Тут все близко. Снасти можно арендовать у нас, любые. Кроме динамита, конечно.

- Я бы хотел прямо с утра.

- Разумеется. Здесь все для вас. Завтра в семь утра у крыльца будет ждать коляска.

- Коляска?

- Экипаж с лошастью. Двуколка. Так, кажется, это называется? - Он улыбнулся и посторонился, пропуская их: - Отдыхайте. Бар в гостиной, все включено. Завтрак в восемь, но советую встать пораньше, здесь потрясающие рассветы.

И, когда они уже проходили мимо, шепнул ей на ухо:

- Пожалуйста на балкон. Специально для вас. Подарок от фирмы.

Дыхание у него было таким горячим, что у нее покраснела щека.

Лишь только она зашла в номер и бросила вещи, побежала на балкон.

Но тот был пуст. Внизу лежала долина, слева и справа ее охватили горные отроги, темные и мохнатые, а сверху...

По черному небу перекатывались зеленые и алые волны, в их складках, точно рыбы в сети, трепыхались чистые холодные звезды, под ними тяжелым серебром топорщилось огромное выпуклое море. Апельсиновый зеленоватый, точно подгнивший с боку, шар луны висел над морем, а снизу, из глубины, навстречу ему поднимался огненный

столб света...

Подарок фирмы? Специально для меня?

Она оглянулась. В раскрытую балконную дверь было видно, как мать разбирает вещи, отец, заложив руки за спину, что-то выговаривает ей, а Пасик просто сидит на кровати, уставившись в одну точку.

Она даже не знала, хочется ли ей, чтобы все поскорее закончилось, и она могла наконец пойти спать, или чтобы этот диковинный танец покрывал длился и длился. Так что она просто стояла и смотрела, пока луна не нырнула в море, а зеленые и алые призраки не побледнели и не погасли.

* * *

- Не хочу! Не хочу! А-а...

- Что ты, сыночка, что ты!

Она проснулась от крика. Опять, конечно, Пасик.

- Тут страшно! Стоят, смотрят, трогают, а-а...

- Пасинька... ну кто тебя трогает? Вот мама с тобой.

- Ты точно мама?

- Сыночка, ты что? Ну вот же я... смотри, все хорошо, вот я, вот папа.

Давай свет зажжем.

В соседней комнате вспыхнул свет - и сразу нежно-синее окно, в котором смутно проступали зубчатые контуры дальних гор, стало глухим, черным.

Она выдернула из-под себя подушку - белую, мягкую, пахнущую лавандой - и с размаху нахлобучила ее на голову. Теперь крики из соседней комнаты стали поглуше, но, честно говоря, ненамного.

И других постояльцев, подумала она, Паська наверняка перебудил. Ничего, пускай тоже помучаются!

- Да утихомирь же ты его! Спать не даете!

О! Это уже отец. Хозяин в доме, блин!

- Перед людьми стыдно!

Отца всегда очень беспокоило, что подумают совершенно посторонние люди. Она вдруг осознала, что в этом отец очень похож на нее. Это семейное. Мы кровь от крови. Гнилая кровь от гнилой крови.

- Я боюсь, боюсь, заберите меня отсюда. Они смотрят на меня.

- Пасинька, ну кто на тебя смотрит? Тут же никого нет.

- Не хочу, не хочу... Давайте поедem домой!

- Тш-ш... Поедем. Скоро поедem.

Голоса за закрытой дверью постепенно стали затихать, затихли... Полоска света погасла. И оказалось, что небо за окном совсем светлое, лиловое, с нежным зеленоватым отливом, как голубиная

грудка.

* * *

- Такая красивая девушка - и сидит одна!

На террасе было пусто. Она прихлебывала кофе и листала глянцевый проспект.

Пошлейшая фраза, с которой обычно начинают знакомство тупые уроды. Но не с ней. С ней вообще никто не знакомился. Никак. Никогда.

Она подняла глаза от проспекта.

Наша страна занимает не так много места на карте, однако по праву славится своими ландшафтами. Великолепные пляжи и живописные бухты прекрасно подойдут любителям отдыха на воде, а горы не только украсят собой пейзаж, но и обеспечат активный отдых любителям зимних видов спорта: вершина Двух Дев, самой высокой горы, и летом покрыта снегом. Альпийские луга и леса горного пояса предоставят влюбленным укромные уголки для интимных пикников, а путешествие по модным бутикам столицы, где можно найти новинки сезона, вышедшие из-под лекала лучших модельеров мира, станет прекрасным развлечением для женщин с тонким вкусом. Их мужьям понравятся табачные изделия и пенковые трубки, носящие фирменное клеймо наших мастеров. А местная кухня, которой по праву славится...

Управляющий выглядел моложе, чем ей показалось вечером. Быть может, оттого что сейчас он был в джинсах и рубашке с распахнутым воротом, а не в официальной скучной паре, как вчера.

- Почему вы не поехали в город с госпожой Броневской и вашей матушкой? - Он так и сказал «матушкой». - У нас прекрасный шопинг. Лучшие модельеры мира считают за честь...

- Знаю. Я читала проспекты. Сплошное вранье.

- Вовсе нет. Наши проспекты никогда не врут. Так почему не поехали?

Он глядел на нее участливо, как врач. Она неохотно разлепила губы.

- Не хотела видеть, как она будет унижаться перед этой... отец говорит, эти Броневские...

- Очень богатые, да, - кивнул управляющий, - он какой-то нефтяной магнат. Но, видите ли... мы меняем всем гостям довольно ограниченную сумму денег. Тут ведь все очень дешево. Гораздо дешевле, чем в Лондоне или Париже. А кредитные карточки здесь не в ходу. Только наличные. Так что здесь все равны - и олигархи, и клерки.

- Коммунизм? - спросила она кисло.

- Что вы. Просто мы можем позволить себе быть щедрыми.

Он доверительно наклонился к ней через стол.

- Знаете, это вам не Куршавель какой-нибудь. Это место никогда не

станет модным. Сюда слишком трудно попасть. Кстати, ваш отец отправился на рыбалку как раз вместе с господином Броневским. Тут превосходная рыбалка.

«И будет лизать ему зад прямо в лодке, или где они там», - подумала она.

- У нас есть и другие экскурсии. Римские развалины. Замок принца Людвига Второго, шедевр архитектуры позднего барокко. Аквариум. Все входит в стоимость путевки. Индивидуальные туры. Или групповые. Как пожелаете.

Групповые туры... это секс бывает групповой, а туры - коллективные... Черт, о чем это я?!

Она покосилась на управляющего, словно тот мог прочесть ее мысли, и неожиданно для себя покраснела.

- Женевьева, портье, все устроит, только скажите... Это ее работа - доставлять вам радость. Вот ваш брат, ему устроили замечательную поездку. В соляные копи. Тут в Средние века были соляные копи. В них работали осужденные на смерть преступники. Они спускались туда и никогда больше не видели солнечного света. Там, во тьме, остается только слух и осязание... и они на ощупь вырезали скульптуры. Из соли. Целые залы скульптур... подземные залы. Теперь там подсветка. Полупрозрачные стены. Красные, зеленые кристаллы. И тихо. Вода иногда капнет в соляное озерцо. Круги разбегаются... и застывают.

А она думала, Пасик уехал с матушкой... Черт, она тоже назвала ее матушкой. Это, кажется, заразно.

Чистый холодный луч солнца пробежал между пальцами управляющего, коснулся ее пальцев. Она вздрогнула.

- А знаете что, - управляющий улыбнулся, - если вы соблаговолите составить мне компанию... Мне надо вниз, в деревню. Вы, наверное, видели, когда проезжали.

У нее перед глазами встала горстка огоньков в отрогах гор.

- Знаете, как это бывает, - он уже поднимался с плетеного кресла, - проезжаешь, видишь чью-то жизнь. И на миг как бы проживаешь ее, и она кажется прекрасной. Но на самом деле это просто жизнь. Иногда полезно узнать ее поближе, чтобы в этом убедиться.

Интересно, подумала она, откуда он так хорошо знает русский? Наверное, сын каких-нибудь эмигрантов. Так теперь и не говорят совсем.

- Они поставляют нам продукты. Например, эти сливки, - он кивнул, указывая подбородком на стоящий на столе крохотный кувшинчик с трогательными незабудками на боку. - Сыр. Колбасы. Мне как раз нужно заказать новую партию.

Он наклонился к ней, от него шел сухой жар, словно она сидела рядом с горящим костром.

- Мы поедем в коляске, по лесной дороге. Там, в лесу свет совсем

другой - зеленый. Как на дне моря. Мне иногда жалко, что я ни с кем не могу разделить эту красоту. Красота существует, если ты можешь показать ее кому-то, иначе зачем она нужна?.. Кстати, как вам вчерашнее зрелище?

- Вы сказали, это специально для меня, - буркнула она.

- Я пошутил, - он опять улыбнулся. Еще бы, с такими зубами! - Но я хотел, чтобы вы на это посмотрели.

- Это северное сияние, - сказала она мрачно, - я видела фотки. В Интернете. Но оно бывает только на севере, да и то зимой.

- Вы все-таки невнимательно читали проспекты, - он по-прежнему улыбался. - Это одна из наших достопримечательностей. Уникальное явление. Представьте себе ночной лов рыбы: теплое море, фонарь, опущенный в воду, вокруг него роятся рыбы... Как бабочки, что летят на свет. Хрустальное пятно там, внизу, в зеленоватой толще воды... Когда вынимают сети, кажется, в них живое серебро. Капли падают в воду, словно жидкий свет в море света. А дальше, до горизонта, лунная дорожка, мрак, и над всем этим цветные сполохи, изумрудный, алый... ну, вы видели. Наши гости просто в восторге.

- Слишком красиво, чтобы быть правдой.

- Вас не проведешь. Это искусственное северное сияние. Мы заказываем его в Китае. По сходной цене. Сейчас все всё заказывают в Китае. - Он пожал плечами. - Так поедете? А то знаете, как бывает, иногда откажешься только из неловкости, чтобы никого не утруждать, а потом ругаешь себя... за упущенные возможности. День обещает быть прекрасным.

И правда, какого черта? Наверняка она кажется ему неуклюжей уродиной, ну так что с того? Это же просто поездка. Ничего больше. Тем более она никогда, ни разу в жизни никуда не ходила с парнем. Да еще с таким красивым... Она вернется и расскажет все Алевтинке. Правда, Алевтинка наверняка не поверит. Решит, что она все выдумала.

- Поеду, - она кивнула, скорее самой себе, - а... как вас зовут?

- Винченцо, - сказал он. - Так меня зовут. Южное имя, южная кровь.

Он вдруг стал очень серьезен.

- Я бы на вашем месте был осторожнее. Люди с таким именем коварны, они носят под плащом кинжал... И бьют врага в спину. И еще таким нельзя доверить девичью честь.

Она отодвинула от себя чашку так решительно, что кофе выплеснулся на белоснежную крахмальную салфетку.

- Поехали, - сказала она, - и нечего надо мной смеяться.

- И в мыслях не было, - серьезно ответил он.

* * *

- Понравилось? - Винченцо тряхнул вожжами, гладкая гнедая лошадь пошла чуть быстрее, но все так же бесшумно - лесная дорога была, как ковром, устлана опавшими сосновыми иголками. Пятнистый свет плясал на лошадином крупе.

- Они как будто были рады мне, - сказала она удивленно.

- Конечно, рады. В деревне довольно однообразная жизнь. Каждый новый человек здесь событие. Ну и потом, они зависят от гостиницы. Вино, молоко, мясо - все, что мы у них закупаем для наших гостей.

В кустах у дороги возились пестрые птицы: когда они расправляли крылья, казалось, с места на место перелетают синие вспышки света.

- Вам ведь понравилось вино? То, которое вы пробовали в трактире? Они поставляют его нам. Бочками.

- Да, - сказала она неуверенно, - наверное.

От вина слегка шумело в голове.

- Мы не экспортируем вино, но медали на международных выставках все-таки получаем.

- В городе все по-другому, - она вздохнула, - тут все ведут себя так, словно впереди много времени. Полно времени. И никуда не надо спешить. Просто жить, и радоваться, и любить друг друга. Мне бы хотелось...

Винченцо пожал плечами.

- Остаться там, да? Я часто это слышу. От гостей. Не обольщайтесь. Я ведь для того и повез вас. Чтобы вы избавились от чувства потери. От чувства, что настоящая жизнь проходит где-то рядом, пока вы живете не своей, не той, что вам предназначена. Поддельной.

- Откуда вы знаете? - прошептала она.

- Я хороший психолог. Иначе бы не работал здесь. Я понимаю своих клиентов. У вас-то еще простой случай, можно сказать, классический. Пасторальная жизнь? Ну да. Косьба летом, в сентябре сбор винограда. В конце октября режут свиней. Знаете, как режут свиней? Уверяю вас, это неприятное зрелище. Тягостное. Свиньи очень умны, знаете ли. Привязываются к своим хозяевам, как собаки. Поэтому им у нас никогда не дают имен. Чтобы все время помнить: это просто ходячие фабрики мяса.

- Я думала, вам положено... говорить хорошее...

- Дуреха, - сказал он ласково, - нам положено, чтобы люди уезжали от нас счастливыми. По крайней мере, не такими несчастными, какими приезжают сюда. Вы полагаете, чтобы сделать человека счастливым, надо его развлекать, пока у него дым из ушей не пойдет? Человек будет развлекаться как нанятый и все время думать: что не так? Почему он не чувствует себя счастливым? Ведь вроде все как надо. Он ведь развлекается. Он же так старается! Он столько денег на это потратил! Знаете, сколько самоубийств приходится на праздники? По

всему миру. Потому что люди ждут, что наконец-то они смогут доставить себе радость. А радости нет, сколько ни ходи в гости, ни смотри на фейерверки, ни надевай горные лыжи... Счастье тут, - он прижал смуглую сильную руку к груди, и на тонком белом полотне рубашки она была, точно темная птица, - мы помогаем вырастить его. Вот наша задача. Чтобы вы вернулись счастливой. И дальше жили счастливо. Ну, по мере наших скромных сил, конечно.

- Вы просто зарабатываете деньги.

Шорх-шорх, коляска задевала ветки кустарников, и тогда с них осыпались розовые лепестки незнакомых цветов. Шиповник? Вроде нет.

- Ну да, - весело согласился Винченцо, - мы делаем свою работу. И делаем хорошо. Хорошая работа стоит денег. Заметьте, не очень больших денег: вы же могли позволить себе эту поездку. Сколько получает ваш батюшка?

- Папа? - Она пожала плечами. - Ну...

- Не так много, верно? Какой у вас автомобиль? Корейский?

- Откуда вы знаете?

- И наверняка покупали уже с пробегом. Ну и все остальное примерно того же рода. А здесь вы можете позволить себе ровно то, что и этот олигарх Броневский. Разве плохо?

- Наверное, нет, - сказала она неуверенно.

- Мы ведь очень маленькая страна. Десять километров побережья. Ну, перепад высот, конечно, ландшафты... Знаете, как грызутся за туристов? Чего только не придумают! Вот нам и пришлось разрабатывать свой подход. Поэтому, - он натянул вожжи и, когда лошадь прекратила свое туп-туп-туп, перекинул их через передок, - мы думаем о каждом клиенте. Буквально о каждом. Вот вы заполнили визовую анкету, верно? Почти сотня вопросов. Как вы думаете, для чего?

Лошадь опустила голову и стала обрывать траву на обочине дороги. Вокруг вдруг стало очень тихо, как бывает в лесу, где каждый звук существует словно сам по себе. В кронах крикнула какая-то птица, вдалеке ей отозвалась другая.

- Не знаю, - сказала она тихо. - В Штаты тоже заполняют, и в Англию. Я знаю, подруга оформляла. Она говорила, много вопросов, и все какие-то дурацкие.

- У нас не совсем анкета. Это опросник. Он помогает узнать о вас как можно больше. О каждом нашем госте. Чтобы мы могли учесть все ваши пожелания. Буквально все. В пределах наших скромных сил, конечно. Чтобы помочь вам научиться быть счастливыми.

- Паскудство какое-то. Все равно что медосмотр.

Тут он и вовсе расхохотался.

- Точно! Когда человек ложится, скажем, в клинику... или, там, в

санаторий оформляется, он же сдает анализы! И никто не возражает! Это же для пользы дела. Видите, я с вами совершенно откровенен... Нельзя же работать все время, верно ведь? Устроим себе выходной.

Он нагнулся и извлек из-под сиденья сумку-холодильник.

- Тут есть такая полянка, как будто специально для пикника. Всего два шага, вот за эти кусты, и...

Она медлила. Ну да, пикник. Она же мечтала об этом, разве нет? О том, что окажется с этим Винченцо наедине. Что они будут вот так сидеть, как в каком-то чертовом кино, бутылка вина, салфетка... Вокруг деревья, птички поют... Вот паскудство: каждый раз, когда она на него смотрит, у нее замирает внизу живота. Не какое-то там сердце, а вот тут...

- Знаете, в чем прелесть здешних лесов? - Он легко выпрыгнул из коляски и протянул ей руку. - Здесь нет комаров. Ни комаров, ни слепней.

Если она не обопрется о его руку, она будет выглядеть глупо? Почему это вообще должно беспокоить? Он просто наемный работник, он же сам сказал!

Она выбралась из повозки, стараясь сделать это как можно ловчее, но получилось только хуже: она зацепилась юбкой за какой-то крючок, чуть не упала... да еще юбка задралась и теперь он видит, какие толстые у нее бедра. Ну почему, почему она такая неуклюжая? Все бы отдала, чтобы быть как одна из тех девчонок в аэропорту!

Какие у него сильные руки!

А поляна для пикника выглядит точно так, как надо: темно-зеленый упругий мох, какие-то маленькие беленькие цветочки, по краям папоротник, верхушки резных перьев свернулись улиточками... Стволы сосен уходят вверх, и, если задрать голову, кажется, что вершины сходятся на острие, такие они огромные. Сквозь ветки процеживаются отвесные лучи - столбы красно-золотого света, словно вдобавок к настоящим соснам их обступили призрачные, состоящие только из света и воздуха.

Она села на мох, зачем-то старательно натянув на колени юбку. Тем временем Винченцо доставал из сумки запотевшую бутылку розоватого вина, раскладывал на салфетке теплый еще, румяный хлеб и белый нежный сыр...

Если бы я была не я! Как, наверное, хорошо чувствуют себя люди, которые сами себе нравятся! Она ощущала свое неуклюжее тело, под мышками наверняка темные круги, и еще, когда она последний раз побрила ноги? Ну, паскудство, не помню! Наверняка он думает: вот ведь страшилище, а туда же!

- Пластиковые стаканчики - хлам, барахло! - говорил тем временем Винченцо, откупоривая бутылку. - Стаканы должны быть стеклянными. Вот как эти. Чтобы свет играл в вине. Вот оно розовое, видите? А вот

уже зеленоватое, смотрите, какой оттенок! Вино нельзя просто пить, вином надо любоваться.

За роскошными перьями папоротника переступала, шумно дышала и хрупала лошадь. Отсюда она казалась большой, темной и даже страшноватой.

- А дикие звери тут водятся? - спросила она, просто чтобы не молчать.

- Барсуки, - сказал Винченцо, - лисы. Пятнистый олень. Его раньше называли королевским.

- Волки? Медведи?

- Что вы! Иначе мы бы с вами не сидели здесь. Разве мы бы позволили, чтобы нашим гостям грозила хоть какая-то опасность?.. Чем вы занимаетесь у себя дома?

Он просто чтобы поддерживает разговор, подумала она.

- Учусь.

- У вас, наверное, много друзей.

У нее вообще нет друзей. Алевтинка не в счет. У нее было совершенно четкое ощущение, что Алевтинка терпит ее только потому, что самоутверждается на ее фоне.

- Знаете, - Винченцо откинулся на локте, - я должен извиниться перед вами. Я ведь обязан был устроить вам какую-нибудь экскурсию. Мы тщательно подбираем группы, чтобы спутники подходили друг другу. Чтобы между ними завязывались прочные отношения. Которые могут продолжаться потом, по возвращении. Вы удивитесь, сколько судебных изменений благодаря таким вот случайным встречам. Но я воспользовался возможностью... Мне просто нравится на вас смотреть. Видеть вас. И я подумал...

Если бы это слышала Алевтинка, она бы удавилась от зависти, мелькнуло у нее в голове.

- Ну, ведь, подумал я, вреда нет. Есть еще время, завтра мы постараемся устроить для вас что-то особенное. Совершенно эксклюзивное. А зато я...

Это он мне говорит? Мне?

- Знаете, какая женщина привлекательнее всех? Та, что не осознает своей красоты.

Он издевается, что ли?

- У нас на юге, откуда я родом, таких женщин носят на руках. Ради них совершают безумства. Тициан рисовал таких. Он понимал в этом. Прожил почти сто лет и скончался от чумы, ухаживая за больным сыном. Когда он уронил кисть, император счел за честь поднять ее для него...

Теперь он наклонялся к ней, и рука его, горячая и сухая, легла ей на бедро, на ее ужасное, толстое бедро, а затем переместилась выше. Зеленый свет смыкался над ними, они были точно на дне моря. Вот же паскудство, сколько раз она воображала себе, как это случится, именно

так вот, с таким вот партнером, с таким красавцем, на таком вот пикнике...

Она оттолкнула его руку и вскочила, неуклюже, задев серебряное, покрытое сыпью водяных капель ведерко, из которого торчало высокое горлышко бутылки вина. Того самого, которое, если так посмотреть - розовое, а если так - зеленоватое. Ведерко упало на бок, из него вывалились подтаявшие кубики льда.

- Вранье, - закричала она пронзительно, в запотевшем боку ведерка отразилось ее лицо, искаженное, с ушедшим назад лбом и кривым носом-рыльцем, - все это вранье! Это для того, чтобы я... была всем довольна, да? Чтобы все так, как мне хотелось? Вся ваша паршивая страна, весь ваш паршивый туризм - все паскудство. Я... я папе пожалуюсь!

Она заплакала, толстые плечи тряслись под натянувшейся майкой с розовым сердечком на груди, но ей было все равно, как она выглядит.

Теперь он гладил ее по голове, пытался обнять и прижать к себе, словно он и был ее папой, которому она хотела жаловаться.

- Что ты, - бормотал он, - ну прости, ты, оказывается, еще совсем маленькая, ну... ты была такая красивая, я просто... На вот носовой платок, ну-ка вот так... прости меня, дурака...

- Я пожалуюсь папе, он пожалуется вашему начальству, и вас уволят, - сказала она мстительно и шумно сморкнулась в платок.

- Но у меня нет начальства. - Он опять улыбался, но уже по-другому, как-то очень по-домашнему, беззащитно. - Я и есть начальство. Ну, хочешь, я сам себя уволю? Вот приедем, и сразу уволю...

- «Мы для наших гостей...» - передразнила она, и лицо ее жалко скривилось, - бла-бла-бла...

- Хотел тебе понравиться. Расхвастался. Извини.

Он вздохнул, нагнулся и стал собирать остатки пикника в большой пластиковый пакет.

- Тут не полагается сорить, знаешь ли, - бормотал он, движения его показались ей суетливыми и неловкими. - За это ого-го какой штраф! Ужасный просто штраф!

Лошадь все так же стояла, опустив голову в низкий куст, и шумно вздыхала, объедая ветки. Лучи падали теперь косо, и в них парили стайки всякой воздушной мелочи.

Она тяжело забралась в повозку, уже не заботясь о том, изящно ли это у нее получается, все равно лицо пошло красными пятнами, как всегда, если она плакала, нос распух, а под глазами багровые круги. Ну и фиг с ним.

Он уселся на место кучера (так это называется?), подобрал поводья. Вид у него был виноватый и какой-то пришибленный, он даже не казался больше таким уж красивым.

- Ладно, - сказала она великодушно и вытерла нос тыльной стороной

ладони. - Не надо уволюваться. Живите.

Назад они ехали мирно, как брат с сестрой, словно то, что случилось между ними, давало ей право не стараться больше ему понравиться, и оттого что можно выглядеть глупой или смешной, она испытала странное облегчение. Она даже попросила, чтобы он дал ей вожжи и какое-то время причмокивала, потряхивала и тянула, пока не надоело. А надоело быстро: править лошадью, оказывается, не так уж и интересно. Просто такое занятие - и всё.

* * *

Отец вроде бы все еще не вернулся со своей рыбалки, да и матери нигде не было видно. Ну сколько можно торчать в этих самых бутиках? Лучше бы она поехала с ней и с этой Броневской, что ли... По крайней мере сейчас было бы не так паршиво. Хотя мало радости смотреть на себя в зеркале, а когда торчишь в примерочных, без этого никак.

Зато Пасик сидел на веранде, ел мороженое и болтал ногами. Кажется, он был в хорошем настроении, потому что улыбнулся ей. Все-таки он лапушка. Странно, что они, несмотря ни на что, все-таки ладили. Может, подумала она, вся беда в том, что он слишком впечатлительный, слишком болезненно все воспринимает, дома ему даже телевизор смотреть запрещают.

- Привет, - она присела рядом и улыбнулась. Ну да, Пасик, конечно, странный, но ей иногда казалось, что он нормальнее всех. Хорошо все-таки, когда есть братик. Интересно, с кем он ездил в эти самые копи.

- У тебя майка в зелени, - Пасик облизнул ложку.

Она оглядела себя.

- А, да.

Это, наверное, она на гадском пикнике вытерла о майку руку и не заметила. На белом всегда все видно.

- Ты с кем-то валялась?

- Пасик, ты что?

Она беспомощно открывала и закрывала рот, словно вытащенная из воды рыба.

- Раз майка в зелени, - пояснил Пасик и вновь запустил ложку в мороженое. Мороженое было слеплено из трех шариков: розового, белого и коричневого. И сверху посыпано чем-то, ореховой крошкой, что ли.

- Я была на пикнике.

- Я и говорю.

Он набрал в ложку мороженое сразу с трех шариков.

- У них тут здорово!

Не может быть, думала она, он говорит как... как любой паршивый

пацан его возраста. Он никогда так не говорил. Никогда. Она попыталась подступиться с другой стороны.

- Как тебе экскурсия? - спросила она тем фальшиво дружелюбным тоном, которым говорят со смертельно больными близкими или, напротив, с абсолютно здоровыми, но совершенно чужими и глубоко безразличными тебе людьми. - В соляные копи? Интересно было?

- Голые бабы, - он хихикнул. - Они там вырезали из соли голых баб, каторжники эти. В темнотище. Сидели в темнотище, как кроты... а потом щупали их, ага. Тетка эта сказала. Ну, которая меня туда водила. Потушили свет. Говорит, а теперь подойди, потрогай. Я даже лизнул, она соленая... Вот смехота.

Она попятилась, не отрывая от него глаз, потом повернулась и вбежала в холл гостиницы: часы с маятником мерно тикали, маятник время от времени ловил и отбрасывал красноватый солнечный луч, и солнечный зайчик прыгал по стойке, за которой Женевьева, подперев белокурую голову рукой, читала все тот же боевик с красавцем-мужчиной на обложке.

Услышав шаги, она подняла взгляд и улыбнулась. Глаза у нее были синие и ногти сегодня тоже синие, в ярко-голубую крапинку.

- К вашим услугам? - сказала она полувопросительно, в голосе - ни малейшего следа фальши или наигрыша: профессиональная приветливость и доброжелательная готовность помочь.

- Мой брат... - она запнулась, не зная, что сказать. «Пасик ведет себя странно? Но он всегда ведет себя странно. Да, но не так странно... по-другому. То есть... вот паскудство!»

- Да? - вежливо переспросила Женевьева.

- Кто водил его на экскурсию? Кто это был?

- Мадам Кавани. Дипломированный педагог, работает с трудными детьми. Наш давний сотрудник. Мы всегда обращаемся к ней, когда...

- Что она с ним сделала?

- С вашим братом? Ничего. - Она удивленно хлопнула ресницами. Синие глаза, синие ногти... - Не волнуйтесь, у нас гостями занимаются лучшие специалисты.

- Какие специалисты! Это не Пасик, он никогда себя так не вел!

- По-моему с ним все в порядке. - Она кивнула в сторону террасы, где Пасик, по-прежнему болтая ногами, деловито выскребал из вазочки остатки мороженого. - Он разве жаловался?

- Нет.

- Если у вас какие-то претензии... Лучше подождать вашего батюшку. - Тоже говорит «батюшка», как Винченцо, машинальна отметила она. - И если что-то не так, мы обязательно разберемся. Обязательно. А вот и он, кстати!

И Женевьева улыбнулась, словно это ее любимый отец вернулся с рыбалки.

Отец вошел шумно, вместе с розовым, обгоревшим на солнце Броневским, они вдвоем, ухая и веселясь, тащили огромную рыбу - точь-в-точь как вчерашние американцы; отец придерживал локтем распахнувшуюся дверь, за Броневским волочились снасти - какие-то удочки, катушки.

- Папа! - она и забыла, когда обращалась к нему так. - Папа, послушай...

Он отмахнулся, без обычного, впрочем, раздражения.

- Иди, доча, мешаешь...

«Дочей» он ее тоже давно уже не называл. Кажется, вообще не называл. Может, выделяется перед Броневским?

- Папа... - повторила она, - с Пасиком... Пасик...

Отец побледнел волной, краска сошла сначала с загорелой лысины, потом с румяных щек.

- Что? - спросил он шепотом, глядя на нее страшными остановившимися глазами. - Что с Пасиком?

- Не знаю, - она замялась, - он...

Не надо было его так пугать, надо было подождать, пускай бы сам...

- Пасик! - отец рванул дверь на веранду, Пасик слез со стула и пошел навстречу, улыбаясь во весь рот.

- Ух ты, какая рыбища! Папка, ты молодец!

- Пацан, - сказал Броневский и потрепал его по стриженной макушке. - Хороший пацан!

- Ты что, дура? - щеки отца обрели свой нормальный цвет, потом покраснели. - Ты чего пугаешь?

- Я только... - она запнулась.

Пасик взбежал по винтовой лестнице наверх и оттуда, перевесившись через перила, показал ей язык. Опять, точь-в-точь как вчера, из кухни набежали повара в белых колпаках, утащили рыбу... Отец проводил их веселым взглядом, а Броневский все продолжал дружелюбно похлопывать его по плечу.

- Пошли ко мне, ага? Обмыть бы надо.

Они бок о бок прошли в курительную, при этом отец называл Броневского Коляном.

Она так и осталась стоять посреди холла.

Женевьева, чуть заметно улыбаясь, поглядела на нее из-за конторки, пожала плечами и опять вернулась к своему детективу.

«Надо идти наверх, в номер, - думала она, - но мне страшно. Я боюсь Пасика. Раньше, когда, он был странный, не боялась, теперь боюсь. Это вообще не Пасик. Какой-то другой пацан. А отец не видит. Как он может не видеть, это ж его сын! Может, мама...»

На огромной двуспальной кровати мать раскладывала только что купленные тряпки - ворох жакетов, юбок: почему-то всегда видно, когда вещь от кутюр, даже если покрой простой и на первый взгляд ничего

особенного. Мать и сама выглядела шикарно, даже как будто помолодела.

- В косметическом салоне были, - говорила она, прикладывая к груди очередную жакетку и придирчиво разглядывая ее перед зеркалом. - Нравится, да? Жаль, ты с нами не пошла, там такие консультанты, такие стилисты... Тебе точно бы подошло что-то женственное и чтобы вырез побольше. У тебя тициановский тип, а одеваешься как пэтэушница какая-то. Вон, майку зеленую вымазала. Ничего, мне эта майка все равно никогда не нравилась. Вернемся, я тобой займусь. Летом и у нас распродажи бывают, мне Броневская эта говорила, она вообще ничего оказалась, хорошая тетка, училась в педву, представляешь? У нас на факультете, только годом раньше. Я вроде помнить должна, но не помню...

- Мама, - она запнулась, потом осторожно спросила, - ты Пасика видела?

- Ага, - мать повернулась к зеркалу боком, живот у нее куда-то ушел, странно, наверное, белье тоже купила правильное. - Эта Кавани сказала, что он легко поддается социализации. Что просто надо было снять блоки...

- Какие блоки?

- Откуда я знаю, какие блоки? Она психолог, ей лучше знать. Специалист. Малый просто расцвел. Завтра они едут в зоопарк, он только об этом и говорит... Как раз хорошо, я завтра записалась на процедуры: косметолог сказала, что еще пару дней, и кожа будет как новая, представляешь? А у этой Броневской проблемы с волосами, кто бы мог подумать?

- А тебе не кажется...

- Может, с нами поедешь? Я прямо вижу, что с тобой можно сделать! Волосы под темное золото, кожу осветлить чуть-чуть, помаду розовую. Ты будешь точно как эта... Мария Магдалина, у них в музее висит. Тициан, подлинник. А та, что в галерее Уфицци, - подделка, они говорят. Тут такая история была с этим Тицианом...

Она попятилась и остановилась, только когда уперлась спиной в стенку.

Опять Тициан!

- Сейчас, когда с Пасиком полегче стало, надо бы тобой заняться. А то растешь, как трава в поле. Красивая ведь девка вымахала! Вернемся, посажу тебя на диету, чтобы чуть-чуть сбросила. Много не надо, сейчас полненькие как раз в моду входят, кожа сама очистится, надо только диету правильную подобрать. Гляди, что я тебе купила, настоящий Тиффани, начало двадцатых, серебро, эмаль. Видишь клеймо?

- Подделка, - с трудом выговорила она.

- Ничего и не подделка, дуреха, сертификат вот. Как раз под твой новый имидж, коллекционный образец... это тут дешево, а хоть в

России, хоть в Америке, знаешь, сколько это вообще стоит? А Броневская себе Фаберже купила, представляешь? Ну и глаз у нее! Поглядела, сразу говорит: а ведь это Фаберже, мон дье... Отец, погляди, как тебе?

- Ты у меня красавица. - Отец, радостный, оживленный, стоял в дверях, потирая руки. - Надо же, как тебе идет эта штука. Ну, и я неплох!

Он, улыбаясь, плюхнулся в солидное толстоногое кресло.

- Броневский-то... Мы с ним отлично сыгрались. Он ведь меня к себе позвал.

- Ох! - мать прижала ладонь к губам. - Правда?

- Знаешь, сколько он мне положил? Для начала причем? И доля в предприятии... и... он сказал: когда рыбачишь вместе, то сразу видно, на кого можно положиться, на кого нет. Как вернемся, чтобы я сразу ему звонил, по приватному номеру. Приступаю, и без всякого испытательного срока!

Отец вскочил, прошелся взад-вперед по комнате. Он даже ходит по-другому, подумала она, плечи развернуты, голова поднята...

- А порыбачили мы и правда неплохо. Уж я эту рыбу вываживал-ываживал... надо же, у нас и снасти одинаковые, ну, у него подороже, конечно. Ну и поговорили о том о сем...

- Знаю я, о чем вы, мужики, когда нас рядом нет... - сказала мама и улыбнулась.

- Да ладно, - отец подошел к ней сзади, обнял за плечи, зеркало отразило их обоих, оживленных, радостных, почти красивых. - Ты вон у меня какая... давай, надевай вот эту штуку с открытой спиной и пойдем, пойдем к Броневским, ужинать пойдем, они как раз звали к себе за столик... Пойдешь с нами, доча?

Она молча замотала головой.

- Ну, правильно, чего тебе за нами таскаться? Тут наверняка кто-то помоложе имеется, - он подмигнул ей, потрепал по голове и стал переодеваться к ужину.

Дверь за ними захлопнулась, а она все стояла, глядя в окно: в меркнувшем закатном небе медленно разворачивались алые и зеленые полотнища.

* * *

Женевьева все так же сидела за конторкой, омытая чистым и холодноватым утренним светом: она что, бессменно тут дежурит? Правда, обложка была уже другая - брюнет держал в руках не пистолет, а томную блондинку, обнимая ее за тонкую талию. Брюнет, впрочем, был точно как вчерашний.

- Доброе утро, - Женевьева улыбнулась и подняла глаза от книги. Ногти у нее были на сей раз зеленые, в желтую полоску, и глаза тоже зеленые. Контактные линзы у нее сменные, что ли?

Наверняка Женевьева считает ее круглой душой - после вчерашнего-то. Ну и плевать!

- Я хотела бы на экскурсию, - она похлопала ладонью по ярким проспектам, стопкой лежащим на конторке.

- Конечно, - Женевьева чуть прикрыла глаза и начала перечислять: - Старый город. Средневековые постройки, ратуша, готический собор, улочка ремесел, кофейни, прогулка в коляске по кольцу бульваров, набережная... Еще можно устроить экскурсию к римским развалинам. Термы, мозаика, восстановленный подземный храм Митры. Участие в тайном обряде посвящения. Как, подойдет?

- Не знаю. - Она задумалась. - А это одиночные экскурсии или... - она кисло усмехнулась, - групповые?

- Как хотите. Если вы тяготитесь общением или стремитесь к одиночеству, можно даже обойтись без экскурсовода. Вас доставят и заберут обратно в оговоренное время. А хотите в зоопарк с вашим братом? Он как раз сейчас...

Она замотала головой.

- Нет. Не хочу с братом.

- Вы правы. Что взрослой девушке делать в зоопарке?

Ей опять показалось, что Женевьева слегка улыбнулась, как улыбается человек, знающий некую тайну.

- Что-нибудь очень простое.

«Мне не нужны ваши изыски. Я просто хочу убраться отсюда на целый день. Никого не видеть. Ни тебя. Ни Винченцо. Ни мать с отцом. Никого».

- Прогулку на катере? На глиссере?

- Хорошо, на глиссере.

- Обед в гроте?

Хватит с нее пикников.

- Просто в ресторане. Есть у моря рестораны?

- Конечно. Настоящая портовая таверна. Ну, то есть, - Женевьева подмигнула, словно разделяя ее понимание, - конечно, для туристов. Но туда и местные жители ходят, уже лет триста. Так что можно считать, настоящая. Почти.

...Расторопный официант принес креветочный коктейль, что бы это ни значило, и сибаса, украшенного ломтиками лимона.

Таверна и правда была самая настоящая, то есть как в кино - темные потолочные балки, белые стены, барная стойка с батареей бутылок, декоративные рыбачьи сети, развешенные по окнам вместо занавесок. Веселые люди в парусиновых блузах и синих штанах толпились у стойки, переговариваясь между собой и перебрасываясь шутками с

барменом. Шутки она не понимала, но поскольку они сопровождались взрывами хохота...

На нее никто не обращал внимания.

Как она и хотела.

Она ждала какого-то подвоха, сама не зная, какого именно, но это оказалась просто экскурсия, бесхитростная, как миллионы таких же экскурсий в разных уголках земли. Крохотный катерок на подводных крыльях вырвался из бухты, обогнул маяк, вдалеке открылась панорама города - красные островерхие крыши, над ними гора, утопающая в зелени, дальше еще горы, синеватые, растворяющиеся в летней дымке.

Катер застопорил, рулевой - немолодой просоленный дядька, обращавшийся с ней дружелюбно, как с любимицей-дочкой, - спросил, хочет ли она поудить рыбу, но ей подумалось, что в такой хороший солнечный день не должна гибнуть даже рыба. Впрочем, искупаться она согласилась и по канатной лесенке спустилась в теплую зеленоватую воду, такую прозрачную, что казалось, невесомое тело парит над садом, полным странных цветов и разноцветных птиц.

Удивительно, но когда она карабкалась обратно на борт, тело так и осталось невесомым, словно в благодарность за доставленное удовольствие старалось выказать ловкость и молодую гибкость.

Далеко в море другие гибкие темные тела выбрасывали себя из воды и падали обратно, поднимая тучу круглых хрустальных брызг. Рулевой крикнул что-то на своем языке, показывая на них рукой, а потом на ломаном английском объяснил, что тот, кто увидит играющих дельфинов, будет целый год счастлив в любви.

А она их видела первый раз в жизни.

Солнце было везде, даже у нее в волосах, она смеялась и откидывала их рукой. Что она себе такого навоображала страшного?

Ну да, тут все какое-то слишком хорошее. Но это потому, что они просто очень стараются. Маленькая страна, живет туризмом. Вот и угождают каждому клиенту. А ведь семейка ее еще та... Правда, отец вроде стал почти человеком, да и мама определенно переменялась, в кои-то веки для дочки постаралась, купила не то, что нужно, а то, что красиво. Просто так, ни с того ни с сего. Браслет от Тиффани, надо же. Надо поискать в сети про этого Тиффани, как приедем. Интересно, что скажет Алевтинка? Впрочем, Алевтинка в настоящих драгоценностях ничего не понимает, все какие-то фенечки, пластик, дешевка...

Пару часов спустя катер пришвартовался к причалу, и она спрыгнула на теплые доски, сухие, пахнувшие дегтем. Она подобрала свои шлепанцы, которые так и стояли тут, сиротливо ожидая, пока вернется хозяйка, но надевать не стала, а несла в руке, чтобы почувствовать тепло, поднимающееся от ступней вверх, до самого сердца.

Кто-то сел за ее столик.

Она неохотно подняла взгляд - ей не хотелось ни с кем разговаривать, ни с какой подсадной уткой, ни с одним как бы случайно оказавшимся рядом соотечественником, наверняка молодым и наверняка неженатым. Просто хотелось сидеть, пить холодную перье и ковырять ложечкой креветочный коктейль.

Она узнала девушку.

Только та была теперь одна, без подруги, и выглядела как... Линялое платье с одного боку было почему-то мокрым, на шее какой-то грязный платок, покрашенные ресницы слиплись...

- Простите, я, - девушка говорила торопясь, задыхаясь, она быстро и коротко взглядывала на дверь, - я видела... вас в аэропорту. Да? Вы стояли... за нами. За мной и Мариной, еще мальчик с вами был, да?

- Да, - ответила она осторожно.

- Вы... ты... послушай, тут вот что...

Кто-то прошел сзади, она вздрогнула, сжалась и втянула голову в плечи.

- Вы же уезжаете скоро, да?

- Ну... через неделю.

- Тогда, пожалуйста, - девушка протянула сжатый кулачок и стала что-то совать ей в руку, над сибасом и морским коктейлем. - Я очень прошу! Вот это... передайте. Там адрес есть. Это ничего, это просто маме. Пускай она в посольство обратится. Или куда... я не знаю, вы ей скажите, чтобы она обязательно... Куда-то же можно обратиться?

Она сморщилась, по щекам, оставляя черные дорожки туши, потекли слезы.

- У тебя неприятности? - она спросила, чтобы отвязаться, и без того понятно, что девки влипли, но она-то тут при чем?

- Неприятности? - губы ее собеседницы искривились. - Ну да, неприятности... Можно и так сказать.

- Почему ты просто не позвонишь домой?

- Ты что, дура? Как отсюда позвонишь? У тебя мобила разве работает?

- Нет, но есть же обычные телефоны.

- Где ты видела хоть один телефон? Отсюда нельзя позвонить. Понятно? И Интернета нет. Вообще нет. А почту они просматривают. Всю.

Рехнулась, что ли? Ну да, Интернета нет, и как-то это непривычно: ни в почту залезть, ни в ЖЖ написать, но, с другой стороны, в любой деревне его нет, и ничего, живут, а тут это такая принципиальная фишка; в конце концов, две недели можно и без мобилы продержаться.

- Ну ладно.

Хоть бы отвязалась эта сумасшедшая, ей-богу!

- Передам, о'кей. А подруга где твоя?

- Маринка? - Рот девушки снова скривился. - Нет больше Маринки.

Нету - и всё. Ясно? Ну, чего уставилась? Ох, - она спохватилась и начала хватать ее руками, цепко и быстро, - прости. Это я... ну, ты прости... только передай маме... адрес там... А я уж... только передай!

Веселый бармен отставил веселый шейкер и медленно выбрался из-за стойки. Он вдруг оказался очень большим, широким, почти квадратным. Улыбаясь, он подошел к столику и положил руку на плечо девушке, которая сидела спиной к стойке и лицом к выходу, словно ждала опасности именно оттуда.

- Извините, барышня, - сказал бармен и, словно играючи, приподнял девушку за плечо, отчего она сначала сжалась и попыталась стать совсем маленькой, незаметной, а потом дернулась, как тряпичная кукла, и стала медленно выниматься из-за стола. Стул под ней опрокинулся и упал, но веселые люди у стойки не обратили на шум никакого внимания. - Комплименты мэд, ю ноу?

Бармен продолжал подталкивать девушку к выходу, в какой-то момент той удалось вывернуться, и она бросилась обратно к столику, отчаянно выкрикивая:

- Адрес! Маме! Умоляю! Не забудь...

Шейный платок развязался, и на высокой белой шее с двух сторон проступили синие пятипалые пятна.

Она так и осталась сидеть, ковыряя ложечкой коктейль из креветок.

Записка нагревалась в стиснутом кулаке. Она подумала, что бармен вернется и потребует, чтобы она отдала бумажку ему. И что ей тогда делать - она тут чужая и заступиться некому, а бармен большой и сильный. Но бармен, вернувшись, прошел прямо к стойке, мимоходом пожав плечами, словно извинялся за чужую глупость. Она слышала, как он бросил какую-то реплику посетителям, те засмеялись, смех перекрыл звон бокалов... Она сунула записку в сумочку, бросила на стол купюру с изображением незнакомого усатого человека и пошла к выходу, ожидая оклика или чужой руки на плече. Никто ее не остановил. Такси, которое должно было доставить ее в гостиницу, уже ожидало у входа, и старомодный и смешной шофер, увидев ее, выбрался со своего сиденья, торопливо обежал черный высокий автомобильчик и распахнул дверцу.

Она хотела незаметно достать записку из сумочки по дороге в гостиницу, но в зеркальце были видны глаза шофера, а она знала, что если ты видишь в зеркале глаза другого человека, то и этот другой, в свою очередь, видит тебя. Надо закрыться в ванной, подумала она, там можно прочесть записку без помех.

Автомобильчик полз вверх, как большой черный жук, с обочин потянуло запахом мокрой травы, очертания дальних гор заволкло туманом, одно крохотное облачко сползло со склона и улеглось на кроны сосен...

Они миновали деревушку в долине, там уже зажглись окна, на террасе

в кресле-качалке сидел старик и смотрел на дорогу...

* * *

Женевьева сидела за конторкой и все еще читала эту свою книгу. Похоже, до завтра она ее одолеет. И что тогда? Возьмется за следующую? Наверняка у нее под прилавком целая пачка таких мерзких пейпербэков. Впрочем, услышав, как хлопнула входная дверь, Женевьева подняла голову и улыбнулась.

- Как отдохнули? Понравилась экскурсия?

- Да, - сказала она честно. - Очень.

- На завтра что планируете? Мы можем организовать прогулку верхом. Через перевал к пасеке. Попробуете альпийского меда. А после ужина - ночной лов рыбы. Это наша гордость! Представьте себе: теплое море, фонарь, опущенный в воду, вокруг него роятся рыбы. Как бабочки, что летят на свет. Хрустальное пятно там, внизу, в зеленоватой толще воды... Когда вынимают сети...

Женевьева вдруг показалась ей женской копией Винченцо. Фигня какая-то, нет, совсем не похожа. Во-первых, блондинка, во-вторых...

- ...то кажется, - продолжила она, как во сне, - в них живое серебро. Капли падают в воду - словно жидкий свет в море света. А дальше - до горизонта - лунная дорожка, мрак, и над всем этим - цветные сполохи, изумрудный, алый... Спасибо. Мне хотелось бы это увидеть.

- Вот и хорошо, - Женевьева улыбнулась. - Добрый вечер, господин Броневский. Как рыбалка?

- Отлично, - Броневский под руку с женой направлялся на ужин, за пару дней он загорел до кирпичного оттенка. - Все по высшему разряду. Только, э... надо решить одну небольшую проблему.

- Предоставьте это нам, - Женевьева улыбнулась. - Не в первый раз.

- Если надо, я... за дополнительные услуги.

- Что вы? Все включено. Прошу к столу. - Женевьева захлопнула книжку, заложив страницу пальцем, и кивнула девушке как старая приятельница: - Вам тоже следует поторопиться на ужин. Сегодня - живая музыка! Ваши, кстати, уже вернулись.

По витой лестнице она поднялась в номер.

- Привет, - она вдруг поняла, что соскучилась.

Может, и хорошо, что они поехали все вместе? В конце концов, предки оказались вовсе не такими занудами, как она боялась, и не изводили ее своими нотациями.

- Поймали сегодня рыбу?

- Поймали, - отец был занят тем, что вдевал запонки, массивные, яшмовые, раньше она их у него не видела.

- Большую? Как вчера?

- Да-да, - он не отводил от запонок сосредоточенного взгляда. - Большая рыба. Огромная.

- Как она называется?

- Главное, Броневский доволен, - невпопад ответил отец. - Ты понимаешь, он когда-то имел дело с одной пакистанской фирмой. Они его кинули. Наверное, поэтому...

- Что - поэтому?

Отцу удалось наконец справиться с запонками, и он, повернувшись к зеркалу, начал повязывать галстук. В зеркале было видно, что руки у него дрожат.

- Надо быть современным. Жестким. Сейчас такая конкуренция. И переодеваться к обеду. Это очень важно - переодеваться к обеду.

Мать, нарядная, в золотисто-зеленом полосатом шелковом платье с открытыми плечами, подошла к нему сзади и, выглядывая из-за его белого рубашечного плеча, стала причесываться.

- О чем ты вообще говоришь, дорогой?

Отец встряхнулся, снял с вешалки пиджак.

- Это... просто рыбалка, - он потер переносицу с такой силой, что на ней осталось красное пятно. - Приятно, но утомительно. Доча, ты с нами?

- Да, - сказала она, - с вами. Сейчас. Только в ванную схожу.

Но дверь в ванную комнату была закрыта. Она несколько раз дернула ее, чтобы убедиться, хотя и так было понятно, что она заперта изнутри.

- Пасик в ванной, солнышко, - сказала мать неразборчиво, поскольку красила губы.

- Что он там так долго делает?

- Не знаю, солнышко. Просто сидит в ванной. Он сказал, что спустится чуть позже... Пойдем, дорогой, не надо заставлять Броневских ждать.

Они вышли рука об руку, хлопнула входная дверь, в ванной зашумела вода, стихла.

Она еще раз дернула ручку.

- Пасик!

- Отстань, тварь, - огрызнулся Пасик из ванной.

Она взяла со столика сумочку и достала записку. На сложенной вчетверо бумажке крупным детским почерком было выведено:

Г. Коноп, ул. Красногвардейская 8, Перепелице Людмиле Ивановне.

Цифра «8» расплывалась и, скорее, походила на девятку. А может, это и была девятка. Или шестерка.

Она развернула записку.

Мамочка! Мы с Маринкой попали в ужасную историю. Маринка (густо зачеркнуто). Они сказали (зачеркнуто). Срочно поезжай (размытое пятно) и в посольство и скажи (размытое пятно) вернуться, или прямо в правительство, что угодно, ты только не

волнуйся, но тут на самом деле очень плохо, все оказалось совсем не так, и я не знаю...

Она пожалала плечами. Дура девка, такие вечно попадают в какие-то истории, думают, раз ноги длинные, весь мир принадлежит им, а если этот мир им не вручают в подарочной упаковке, перевязанный ленточкой, начинаются скандалы всякие, истерики. Надо будет, как приедем, засунуть это в нормальный конверт и отправить в Конотоп по адресу, хотя номер дома, честно говоря, и не разобрать. То ли восемь, то ли шесть... ну, это уже пускай у почтальона голова болит.

Нужно сегодня лечь спать пораньше, завтра длинный день, она никогда, никогда в жизни не ездила верхом, а ведь это, наверное, круто.

Пасик так и продолжал сидеть, запершись в ванной, свинство какое! Она стащила с себя сарафан, пахнувший дегтем и морской солью, переступила через него и влезла в вечернее платье, которое мать аккуратно разложила на кровати. Оторвала ярлык, повернулась, разглядывая себя в зеркале. Надо же, обычно то, что покупает ей мать, и надевать-то стыдно, а тут в кои-то веки... И она вроде похудела - нет? Она придирчиво оглядела себя. А если и правда покрасить волосы в рыжий цвет, завтра она уже не успеет, а послезавтра - может, действительно поехать в город с матушкой и этой задницей Броневской? Сходить к стилисту, пускай подберет оттенок волос и косметику, да и глупо упускать возможность закупиться, когда еще удастся сюда выбраться...

Снизу, с веранды донеслись звуки виолончели. Оркестр, вспомнила она, и, торопливо пригладив волосы, поспешила из номера - в конце концов совершенно не обязательно сидеть за одним столом со старыми уродами, они вроде и не настаивают, у них свои дела.

В холле ей пришлось посторониться, два деловитых человека разворачивали носилки, укрытые простыней, под которой явственно вырисовывались очертания человеческого тела. За носилками в молчаливой скорби шла пакистанская женщина, она прикрывала рот уголком темного платка, но было видно, что под глазами у нее багровые пятна, а смуглая кожа посерела. Невидящим взглядом женщина скользнула по ней и пошла дальше, ступая по блестящим плитам холла крошечными ногами в смешных, расшитых блестками тапочках. Винченцо, деловитый, в черном костюме, что-то говорил носильщику, у входа стоял фургон, водитель, опершись о капот, курил и нетерпеливо отбивал ногой ритм, вторя доносящимся с веранды звукам виолончели.

Дверь захлопнулась, Винченцо озабоченно бросил взгляд на часы, потом обернулся к ней.

- Приношу свои извинения, - сказал он. - Неприятное зрелище.

- Что случилось? - музыка с веранды влетела в холл и билась о

закрытую дверь, точно огромная ночная бабочка.

- Несчастный случай, - Винченцо пожал плечами. - Семье будет выплачена компенсация, конечно. Все это так неловко. Я ведь как раз хотел тебя пригласить поужинать со мной. Зарезервировал столик у окна. Там, под окном, цветут жасмин и жимолость.

- Правда? - она подумала, что платье это ей к лицу и вообще все получается очень удачно. - Я... принимаю приглашение.

До чего он все-таки красив! Просто дух захватывает.

- И я попросил официанта, чтобы зажгли свечи. И поставили розу в бокале.

- Слишком красиво, чтобы быть правдой, - сказала она и улыбнулась.

- Как можно подделать музыку? - он протянул ей руку, и она оперлась о нее. - Как можно подделать красоту? Все это - для вас. Для тебя. Целая страна - к твоим услугам.

- И опять ты врешь, - она улыбнулась.

В панорамном окне было видно, как фургон, выпустив облачко сизого дыма, спускается по серпантину.

- Где? - возмутился Винченцо. - Когда?

- Ты говорил, тут безопасно. Совершенно безопасно. Помнишь, тогда... А я-то завтра собиралась прогуляться верхом. И если лошадь, скажем, понесет...

- Что ты, солнышко? - он, направляя ее твердой, сильной рукой, подвел к маленькому столику в углу веранды: ужин был сервирован на двоих, и розовое пламя свечи отражалось в серебряном колпаке, под которым скрывался сюрприз от шеф-повара. - Если тебе так спокойнее, я сам поеду с тобой. Но я говорю правду. У нас за все время не было ни одного несчастного случая. Мы заботимся о своих клиентах.

- А это что? - Она расправила на коленях хрустящую салфетку. - Этот пакистанец, или кто он там? С ним-то что? Несчастный случай? Вот видишь! Врешь и даже не краснеешь. Ты вообще краснеешь когда-нибудь?

Пакистанская женщина так и осталась стоять в сгущающихся сумерках, ее фигура сделалась сначала смутной, а потом и. вовсе неразличимой...

- Вовсе нет. - Винченцо улыбнулся и согнутым указательным пальцем подозвал официанта, маячившего в почтительном отдалении. - Никакого обмана, радость моя. Мы заботимся о туристах. Мы выполняем все пожелания туристов. Но они не туристы. Они иммигранты.

Но она уже не слушала, потому что официант принес меню.

Как в кино, думала она. Как я и хотела. Как в кино. Красивая женщина с красивым мужчиной. Красивая музыка. Красивые розы. Странно, все, как я хотела, а получается как-то немножко скучновато, но хорошая,

правильная жизнь и должна быть немножко скучной, так? Если папу и правда возьмет к себе этот Броневский, у меня всегда будет такая жизнь. Всегда-всегда. Где я захочу. С кем я захочу. Как приятно чувствовать себя наконец-то на своем месте. Получить то, что тебе положено.

А отражение в этом серебряном колпаке смешное. Как в кривом зеркале. На самом деле она вовсе не такая толстая. А у Винченцо вовсе не такие красные глаза - это все пламя свечи. Шикарные свечи, тут вообще все шикарное. Когда они купят себе новую шикарную квартиру, она найдет такие свечи, отправит предков куда-нибудь подальше и устроит вечеринку... Позвать Алевтинку или нет? Надо позвать, пускай обзавидуется.

Потому что Алевтинка - просто жалкая дура. А вот она - другое дело. Вон с какой завистью смотрит на нее та выдра за соседним столиком. Еще бы! Ей стоит только моргнуть, только улыбнуться, и Винченцо будет ее.

И она улыбнулась.

Хит сезона

Сказка о потерянном времени

И вот наконец американский канал ABC показал финальный эпизод телесериала «Lost», озаглавленный незатейливо - «The End». Почти шесть лет фантастический сериал, известный у нас

под названием «Остаться в живых», удерживая внимание десятков миллионов зрителей по всему миру.

Таинственный остров

По общему мнению экспертов, «Lost» поменял базовые представления о том, как должен выглядеть современный телесериал. Подтверждением являются высокие рейтинги, огромное количество фан-клубов, престижные награды - «Эмми» и «Золотой глобус». В то же время финал сериала разочаровал очень многих и заставил говорить о «напрасно потерянном времени». В чем же причина?

Нельзя сказать, что режиссер Джеффри Джейкоб Абрамс и сценаристы Джеффри Либер и Деймон Линделоф, придумавшие «Lost», совершили революционный переворот. Но определенную новизну в каноны фантастических сериалов они внесли однозначно.

До сих пор сквозная история была принадлежностью «мыльных опер», считалось, что эпизод НФ-телесериала должен быть сюжетно закончен - как отдельный рассказ. То есть могли наличествовать общее фантастическое допущение («Квантовый скачок», «Звездные врата»), сквозные персонажи («Доктор Кто», «Светлячок») и даже «бродячая» легенда, которой полностью посвящены некоторые из эпизодов («Виктори», «Секретные материалы»), однако принцип законченности сохранялся долго и жестко, считался форматным требованием жанра,

Создатели «Lost» покусились на него, введя сквозной сюжет и таким образом потребовав от зрителя, чтобы тот смотрел их шоу от начала до конца, один эпизод за другим: если включиться в сериал в середине, то понять, что там к чему, затруднительно. Это был рискованный эксперимент, однако оказалось, что современный зритель готов к подобному испытанию и с удовольствием поддержал новые правила игры.

Успех «Lost» уже пытаются воспроизвести, но пока неудачно. К примеру, сериал «FlashForward» («Вспомни, что будет»), который показывали на том же канале ABC, строился по схожему принципу, однако не собрал достаточную аудиторию и был закрыт после первого сезона.

Значит, в «Lost» кроме нарушения основополагающего принципа было что-то еще.

В известной новелле «Четыре цикла» гениальный аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес утверждал, что всю совокупность литературных сюжетов можно свести к четырем вариантам: штурм и оборона укрепленного города (Троя), долгое возвращение (Одиссей), поиск (Ясон и аргонавты), самоубийство бога (Христос и Один). Создатели сериала «Lost» умудрились так или иначе обыграть все четыре базовых сюжета, объединив их вокруг одного из самых

притягательных образов - таинственного острова.

«Робинзонада» привлекает людей, поскольку в ней проявлена жажда освоения неизведанных земель и извечное стремление навести порядок на диких территориях. Но таинственный остров - это не просто клочок суши в бескрайнем океане, требующий культивирования. Это еще и фронтир, позволяющий испытать себя и попутно сбросить маску цивилизованности. Элементарное выживание сочетается здесь с необходимостью дать ответы на глобальные вопросы бытия, а сама обстановка (оторванность от общества, отсутствие информационного обмена с большим миром) позволяет переосмыслить жизненные ценности, которые до того казались незыблемыми.

Поэтому выбор места действия в сериале «Lost» выглядит беспроблемным. Однако «робинзонада» сама по себе не способна долго удерживать внимание публики. Вспомним историю реалити-шоу «Последний герой» - если первый сезон смотрела и обсуждала вся Россия, то последующие, даже с участием поп-звезд, не вызвали сколько-нибудь значимого отклика.

Для того, чтобы заставить зрителей пять лет и шесть сезонов возвращаться к экранам, создатели «Lost» прибегли к простому ходу: разбили пространство острова на «уровни» (или «локации»), каждый из которых содержит свою тайну. Сначала мы наблюдаем за «робинзонадой» выживших в авиакатастрофе; затем узнаем, что на острове проживают беспощадные «другие»; в следующем сезоне нам сообщают, что остров - это испытательный полигон компании «DHARMA Initiative»... и так далее. Персонажи пытаются найти ответы, но количество вопросов все время растет. Это создает широкое поле для интерпретаций, недаром любимым занятием фанов стало обсуждение различных гипотез, которые исчерпывающе объяснили бы происходящее на экране. Создатели сериала подогревали этот интерес, сохраняя повышенную секретность во время съемок очередных эпизодов и обещая раскрыть все тайны острова ближе к финалу.

К сожалению, свое обещание они не сдержали.

В ожидании ответов

Хорошо известно золотое правило драматургии: если в начале спектакля на стене висит ружье, в финале оно должно выстрелить. В «Lost» было очень много «ружей», но далеко не все они прогремели.

Одной из фирменных затей сериала стали игры со временем. С самого начала экранное действие было разделено на две временные линии - нам показывали происходящее на острове (настоящее время) и подробно рассказывали о прошлом персонажей (прошедшее время, флешбэк). Когда зритель уже привык к такому разделению, ему подкинули новый сюрприз, показав будущее (флешфорвард). Потом и

сами персонажи начали прыгать туда-сюда во времени, а в конце концов оказались в альтернативной реальности.

Наибольший интерес у зрителя вызывали именно эти прыжки - потому что им не было дано какого-либо внятного объяснения. Особое свойство таинственного острова? Какое же? А ведь с определенного момента перемещения во времени и связанные с ними парадоксы стали сюжетообразующими: без них финальный сезон просто рассыпается на отдельные, слабо связанные фрагменты. Но ответов так и не нашлось...

После завершения «Lost» стало ясно, что главной целью создателей сериала было сохранить напряжение, интригу. Любое внятное разъяснение происходящего снижает темп и сужает поле для маневра, и, отказавшись от него, можно достаточно долго проделывать разнообразные фокусы, не сильно заботясь о связности и достоверности,

Но зрители-то почувствовали себя обманутыми! Создателям сериала даже пришлось выступить с отдельной лекцией, в которой они попытались расставить точки над *i*: дескать, все необходимые ответы даны, а вы просто недостаточно внимательны. Однако лекция только добавила хвороста в пожар полемики, потому что предложенное объяснение тут же выявило массу ляпов и оборванных сюжетных линий, которые, как оказалось, ведут в никуда.

Лучшее оправдание себе и коллегам придумал один из сценаристов сериала Карлтон Кьюз. «Любой мой ответ будет куда менее ярким и оригинальным, чем тот, который подскажет вам ваша фантазия», - заявил он. Польстил самолюбию, ничего не скажешь!

К вопросу о фантастическом допущении

Считается, что фантастическое произведение должно содержать в себе три элемента: чудо, тайну, достоверность. С этими элементами в «Lost» полный порядок. Чудом является сам остров, тайн в сериале хватает, а впечатления достоверности удалось добиться за счет превосходной игры актеров и тщательно прописанных биографий ключевых персонажей.

Однако фантастика тем и отличается от других жанров, что в ней немалое значение имеет фантастическое допущение, положенное в основу повествования. Больше того, от выбора этого самого допущения напрямую зависит, насколько далеко от объективной реальности мы уходим, насколько высок может быть полет фантазии автора.

Пять лет создатели «Lost» твердили, что загадки острова имеют рациональное (даже естественнонаучное!) объяснение. Это делалось прежде всего потому, что метафизика и мистика дают возможность для более вольной трактовки происходящего, не ограниченной рамками

формальной логики и законами известного нам мира. Если автор опирается на мистику, теряют смысл любые гипотетические построения - ведь мы не можем в опоре на рациональные рассуждения предсказать, куда приведет нас чужое воображение. К примеру, вполне можно удовлетвориться гипотезой о том, что все события на острове - чей-то сон или галлюцинация.

Создателей сериала категорически не устраивала ситуация, при которой фаны прекратили бы придумывать гипотезы и искать ответы самостоятельно. Поэтому они решились на заведомый подлог. И когда пришло время, выдали не просто сверхъестественный, а откровенно религиозный финал. Не удивительно, что галерка его освистала.

Стоит ли смотреть сегодня «Lost» тем, кто его еще не видел? Я не могу однозначно ответить на этот вопрос. Если вы готовы потратить время на наблюдение за сложными взаимоотношениями персонажей, за их эволюцией, то смотрите - не пожалеете. Но если вы хотите узнать новую оригинальную историю, которая немножко изменит ваш взгляд на жизнь и окружающий мир, то не надо напрягаться. Потому что такой истории в сериале попросту нет.

Антон ПЕРВУШИН

рецензии

ПРИНЦ ПЕРСИИ: ПЕСКИ ВРЕМЕНИ

(PRINCE OF PERSIA: THE SANDS OF TIME)

Производство компании Walt Disney Pictures (США), 2010.

Режиссер Майк Ньюэлл.

В главных ролях: Джейк Джилленхол, Джемма Артертон, Бен Кингсли, Альфред Молина, Стив Туссэн и др.

1 ч. 58 мин.

Дано: великая студия Диснея, почти не знающая кассовых провалов; топовый продюсер Джерри Брукхеймер, умеющий сделать конфетку из любого субстрата, даже из паркового аттракциона (как это произошло с «Пиратами Карибского моря»); режиссер Майк Ньюэлл, после участия в суперпроекте по экранизации очередной поттерианы входящий в пул самых востребованных постановщиков; актер-красавец Джейк Джилленхол, потомок шведских аристократов и русских евреев-

ашкенази, стремительно вознесшийся на голливудский Олимп после главной роли в ставшем уже культовым «Донни Дарко». И в качестве субстрата - легендарная компьютерная игра, которая уже двадцать лет парализует офисы всего мира.

Казалось бы - что еще надо, чтобы получился настоящий хит сезона?

А вот и не получился! Несмотря на мощнейшую рекламную поддержку- вплоть до продажи автомобилей со скидками в честь премьеры! Несмотря на тур вышеперечисленных личностей по городам и весям мира (даже до Москвы добрались!). Несмотря на знаковость этой экранизации для всего игрового мира - ведь от ее успеха будет зависеть судьба таких подзависших проектов, как Halo, Bioshock и World of Warcraft.

Увы, сборы фильм показал крайне средние.

Скорее всего, дело в абсурдности сюжета. За основу картины взята не оригинальная игра «Принц Персии», а один из ее сиквелов Sands of Time, не снискавший особых лавров. Действие происходит в Древней Персии и закручено вокруг артефакта - кинжала, способного перемещать владельца назад во времени. Главному предстоит, прыгая, бегая, убегая и догоняя, раскрыть дворцовую интригу, убийство отца и заодно спасти мир. Особенно огорчит поклонников первой игры, что первая плита провалится под принцем где-то в последней четверти фильма. А ждешь-то этой фирменной игровой «фишки» с первых минут...

Тимофей Озеров

ШРЭК НАВСЕГДА

(SHREK FOREVER AFTER)

Производство кинокомпаний DreamWorks Animation, DreamWorks SKG, Pacific Data Images (США), 2010.

Режиссер Майк Митчелл.

Роли дублировали: Алексей Колган, Вадим Андреев, Юрий Мазихин, Жанна Никонова, Всеволод Кузнецов и др. 1 ч. 30 мин.

Четвертый «Шрэк» не отступает от традиции. Фильм балансирует между захватывающей сказкой для детей и поучительной сказкой для взрослых. На этот раз тему «Шрэка» можно уложить в поговорку: что имеем - не храним, потерявши - плачем.

Счастливый семейный брак и популярность оборачиваются для обаятельного огра потерей его натуральной сущности. Крестьяне перестали бояться и норовят взять автограф. Дети постоянно требуют отцовского внимания. В общем, у Шрэка, как у многих, резко

изменивших жизнь, экзистенциальный кризис. Он хочет, чтобы всё стало как прежде. Тишина, грязевые ванны и людской страх. И никаких вопящих детей!

Темная сторона силы манит Шрэка «печеньками», выдавая их за подлинную сущность огра. Представитель темной стороны в лице злобного карлика Румпельштильтскина (персонажа сказки братьев Grimm) тут же появляется на горизонте и предлагает Шрэку традиционную дьявольскую сделку-обмен: один день, который Шрэк проживет прежним, на один день из детства Шрэка. В этот день своего рождения герой перестает существовать по желанию карлика.

Разумеется, такие сделки ни к чему хорошему не приводят. И Шрэк теряет все, что ему дорого, включая самого себя. Теряет и осознает, что был не прав. Мораль, конечно, любовая. Но некоторые вещи иногда стоит повторять прямым текстом. Особенно в сказках, которые рассчитаны не только на детей.

В альтернативной реальности, куда попадает Шрэк, его, как было обещано, все боятся. Но миром правит Румпельштильтскин, огров притесняют, и ситуация сулит еще много неожиданностей. Эти неожиданности могут удивить не только Шрэка, но и зрителя.

В фильме, как в прошлых сериях, отличная графика, много захватывающих приключений, замечательный юмор, пародирующий человеческие отношения. И основной гуманистический посыл - хранить семейные ценности, не меняя их на сомнительные грязевые ванны.

Елена Навроцкая

ПОТРОШИТЕЛИ

(REPO MEN)

Производство компаний Mambo Film Production, Relativity Media, Stuber Productions и Universal Pictures (США), 2010.

Режиссер Мигель Сапочник.

В ролях: Джад Лоу, Форест Уитакер, Алиси Брага, Лив Шрайбер и др.

1 ч. 51 мин.

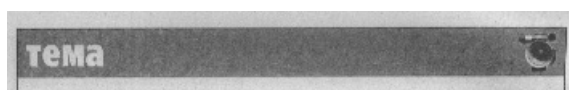
Недалекое и мрачное будущее. Главный герой картины Реми (Джад Лоу) работает потрошителем в корпорации Union. Корпорация занимается тем, что дает за огромные деньги в аренду киберорганы, продлевающие человеческую жизнь. В случае, если кредитор просрочил выплату очередного взноса, корпорация имеет полное право изъять свою собственность, причем болезненно и особенно циничным способом. Для этих целей она использует потрошителей.

Реми считается настоящим виртуозом своего дела, но однажды сам вынужден оказаться на месте должника...

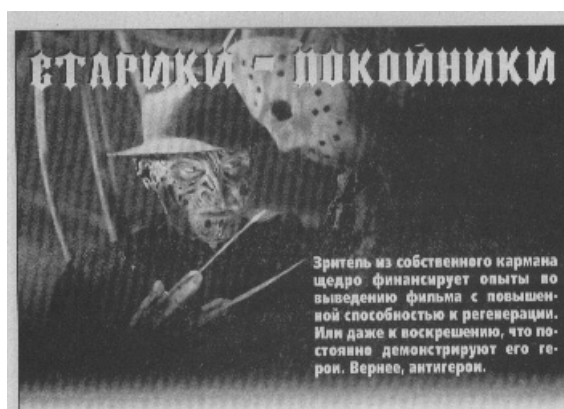
«Потрошители» - это фильм категории «Б», который старательно, всеми правдами и неправдами, пытается маскироваться под проект первого класса. Иногда получается, иногда не очень. Несмотря на наличие кинозвезд, ярких и динамичных экшен-сцен с их участием, зритель с первых же минут понимает, что перед ним совсем не блокбастер за сто пятьдесят миллионов долларов, а в режиссерском кресле сидит вовсе не Спилберг. В кадре мелькают горы колюще-режущих предметов, реками льется кровь, с экрана то и дело рассеянным взглядом взирает Джад Лоу - все это напоминает типичные фильмы про маньяков и происходит на фоне дешевых декораций, спрятанных для приличия под покровом ночи. При этом картина нагло цитирует киноклассику и постоянно дрейфует от боевика то к социальной фантастике, то к философской притче, то к триллеру.

Нет, попытка снять социальную фантастику, что-нибудь в духе «Особого мнения» - о человеке системы, который внезапно превратился в ее врага, - заслуживает одобрения, но остается всего лишь попыткой. Слишком рьяно создатели увлекаются внешними эффектами, чтобы точно обозначить проблему и за пару часов экранного времени найти решение. Все, что им удалось воткнуть в ленту, сводится к трем минутам пространных философских размышлений под звуки старинной пишущей машинки, которой в итоге пробивают кому-то череп.

Степан Кайманов

Тема

СТАРИКИ-ПОКОЙНИКИ

Зритель из собственного кармана щедро финансирует опыты по выведению фильма с повышенной способностью к регенерации. Или даже к воскрешению, что постоянно демонстрируют его герои. Вернее, антигерои.

Акт первый. Тьма наступает

Фильм ужасов в качестве жанра едва ли успел отпраздновать столетие своего пребывания на этом свете. Хотя страх как эффект - ровесник кино, ведь это он выгнал из зала публику, впервые увидевшую прибывающий поезд. За годы существования жанр успел пережить взлеты и падения. И на каждом этапе взлета как никакой другой был связан с «бродячими» образами. До последней четверти двадцатого века зрителей пугали классические страшилы, порожденные еще литературой готики и романтизма. В 1930-е годы эти персонажи составили пантеон монстров голливудской компании Universal: Дракула, чудовище Франкенштейна, Человек-Волк, Мумия, Невидимка, доктор Джекилл/мистер Хайд. Маски намертво прилипали к имиджу актеров, вроде Бэлы Лугоши и Бориса Карлоффа, нередко пленников одной роли. Постепенно монстры обмельчали, постарели, стали героями фильмов-кроссоверов типа «Франкенштейн встречает Человека-Волка» и даже кинокомедий.

Потом этот бродячий «цирк уродов» пригрела британская студия Hammer и властителями ночных дум стали актеры Кристофер Ли и Питер Кушинг. А в Америке, вскормившей жанр, за дело взялся плодовитый Роджер Корман. Он черпал вдохновение в творчестве Эдгара По, и в его изделиях блистали постаревший Карлофф и утонченный Винсент Прайс. Готические ужасы Кормана дали толчок карьере многих великих, от Фрэнсиса Форда Коппола до Джека Николсона.

Тем не менее к началу 1970-х годов монстры потеряли и свое «второе дыхание». Однако в последующее десятилетие один за другим появились режиссеры, которые создали жанру совершенно новое лицо. Правда, это лицо, как правило, всякий раз закрывала маска очередного убийцы.

Печально известный маньяк из Висконсина по имени Эд Гин не мог и подозревать, что несколькими своими злодеяниями дает старт целому направлению в кинематографе. Сначала его история вдохновила писателя Роберта Блоха, по тогда еще не опубликованному роману которого Альфред Хичкок поставил свой знаменитый «Психоз». Но созданный виртуозом саспенса Хичкоком кинообраз скромного серийного убийцы Нормана Бэйтса уступил в популярности тем, что пришли за ним.

Друг за другом в кино вошли режиссеры, многих из которых

впоследствии назовут «мастерами ужаса» в одноименной антологии. За более чем скромные бюджеты, своими силами и нередко с привлечением друзей и знакомых, они создавали «дешевые и сердитые» картины, заставлявшие публику забыть о Дракуле и Франкенштейне.

В 1968 году Джордж Ромеро снял черно-белую «Ночь живых мертвецов», открывшую направление «зомби-фильм» в его нынешнем понимании.

В 1972 году преподаватель литературы Уэс Крэйвен ставит шокирующий «Последний дом слева».

В 1974-м Тоуб Хупер устроил «Техасскую резню бензопилой» и явил публике маньяка Кожаное Лицо. Прототипом для него послужил тот же Эд Гин. Благодаря фильму Хупер стал одним из отцов жанра «слэшер». В отличие от Хичкока в этом жанре эффект строится не на ожидании ужаса, когда зритель фактически боится собственного страха, а на цепочке кровавых развязок такого ожидания.

В 1978-м Джон Карпентер в знаменитом «Хэллоуине» вывел перед камерой еще одного киноманьяка в маске - Майкла Майерса.

В 1980-м соратник Крэйвена продюсер Шон С.Каннингем сам занял режиссерское кресло слэшера «Пятница, 13-е» и дал отправную точку похождениям Джейсона Вурхиза. Хотя заслуга (для кого-то сомнительная, а для кого-то несомненная) в этом принадлежит вовсе не Каннингему, а мастеру спецэффектов и грима Тому Савини. Именно он придумал знаменитый финальный эпизод с появлением самого Джейсона - этого эпизода не было даже в сценарии.

Наконец, в 1984-м снова отличился Уэс Крэйвен, показав убийцу из подростковых снов Фреда Крюгера (в оригинальном фильме «Кошмар на улице Вязов» еще никто из живых не отваживался ласково назвать его Фредди). Вообще, Крэйвен в этой когорте стоит наособицу, потому что его своеобразный талант позволял изменять лицо жанра не единожды, а примерно раз в десятилетие.

При всей разнице в подходах и том факте, что эти режиссеры начинали с разбросом в полтора десятка лет, в их работах было много схожего.

Во-первых, фильмы опирались в основном не на литературные источники, а во многих случаях были отголосками реальных событий, Даже на идею «Кошмара на улице Вязов» Крэйвена вдохновила газетная история о смерти во сне иммигранта с Востока. Доля фантастических сюжетов и мистики в этих фильмах невелика. Хотя, например, выживаемость персонажей и способность к регенерации запредельны. К тому же генезис кое-кого восходил именно к фантастике. Так, знаменитая белая маска Майкла Майерса - это перекрашенная маска капитана Кирка из телесериала «Звездный путь», а на идею самого образа Джона Карпентера натолкнул предтеча

Терминатора - стрелок-андроид из фильма Майкла Крайтона «Мир Дикого Запада», сыгранный Юлом Бриннером.

Во-вторых, фильмы воплощали (если угодно, коагулировали) в себе не «вечные» мифологемы типа вампиризма, а страхи нового времени: боязнь ядерной угрозы и мутаций, беспокойство перед моральным разложением, ужас внешне бессмысленного насилия со стороны вроде бы «нормальных» граждан.

В-третьих, в центре сюжета таких фильмов, как правило, становились не аристократы, а обычные средние американцы, нередко - семья, где обязательно есть дети-подростки. Эта семья и была объектом террора, иногда «монстрической» семейки. Соответственно, местом действия всегда выбиралась современная «одноэтажная» Америка; или пригород, или маленький городок, или вообще сельская глубинка - в отличие от готических декораций старых хорроров,

В-четвертых, авторов отличал «скрупулезный подход» к экранному насилию. Наравне с общей давящей атмосферой, а часто и вместо нее, акцент делали именно на живописании всевозможных увечий со смертельным исходом. В ряде случаев эти опыты ничем, на первый взгляд, не отличались от типичных зрелищ низкопробных кинотеатров-«грайндхаусов» или «драйв-инов», где зрители смотрели программы из двух-трех фильмов по цене одного, не вылезая из авто.

Классикой жанра они стали уже потом. На смену саспенсу пришел «шокер» (так, кстати, в оригинале назывался один из поздних фильмов того же Уэса Крэйвена). Появились даже истинные художники грима, вроде упомянутого Тома Савини, сделавшие себе имя как раз на искусстве натуралистичных эффектов.

Практически все подобные фильмы рождали цепь продолжений, объединённых фигурой антигероя. Эти франшизы иногда длились пару-тройку десятков лет, как саги о Джейсоне Вурхизе или Майкле Майерсе.

К середине 1980-х годов креативный пыл «монстроделов» несколько поутих. Хотя к новой плеяде - Джейсон, Крюгер, Майерс, Кожаное Лицо - добавилось несколько колоритных персонажей: Пинхед Клайва Баркера, реаниматор Герберт Уэст (его «сообразили на троих» Говард Ф.Лавкрафт и духовные наследники Стюарт Гордон и Брайан Юзна) и кукла Чаки Тома Холланда. На рубеже 1990-х в «команду чудовищ», как дань набирающей силу политкорректности, влились представитель расового меньшинства темнокожий Кэндимэн и карлик-шутник Лепреккон. Но это был уже излет.

Акт второй. Затаившийся страх

В последнее десятилетие XX века, наверное, только ленивый не говорил о кризисе жанра киноужасов. Продолжения еще снимались, но стремительно теряли интерес публики. Симптомами была череда

«похорон с почестями» того или иного монстра, чьи золотые годы пришлось на восьмидесятые. Об этом кричали названия: «Фредди мертв: Последний кошмар», «Джейсон отправляется в ад»... Затем в виду недостатка идей монстров стали направлять в космос, потому что на Земле им места уже не находилось. В околоземном и межзвездном пространстве побывали Пинхед, Лепреккон и Джейсон.

Другим симптомом было подчеркивание нереальности, кинематографической природы страхов. В «Новом кошмаре Уэса Крэйвена» Фредди прорвался на съемочную площадку фильма о нем самом. Наконец, в 1997 году Крэйвен снял комедийный хоррор нового типа «Крик». Отличительной чертой было построение сюжета на сплошных цитатах и обыгрывании ситуаций из «ужастиков» 1970-1980-х годов. На этом же строился конфликт: вроде бы совершенно вменяемые подростки, «любимый» объект преследования киноманьяков, сами брались за ножи, вовлекая одноклассников в жестокие игры по мотивам фильмов ужасов. Идея «Крика» как раз и заключалась в мысли: отношение зрителя к экранному насилию, способность отделить кино от жизни - это и есть критерий «нормальности», а основной прием - именно в запутывании, где кино, а где жизнь. Как в первых «Кошмарах...» автор запутывал зрителя, где сон, а где явь.

«Крик» знаменовал окончательный упадок старой школы. Жанр, «смеясь, расставался со своим прошлым». И одновременно возник новый всплеск интереса, правда, недолгий, когда кинозалы наводнили более затейливые молодежные слэшеры с единым сюжетом: нечто одного за другим убивает группу школьников. Это мог быть маньяк («Я знаю, что вы сделали прошлым летом»), пришельцы («Факультет») или сама Смерть («Пункт назначения»).

Еще одной тенденцией были попытки в течение 1990-х годов реанимировать классических монстров студий Universal и Hammer: Дракулу, Франкенштейна, Мумию. Возникла стилистика «новой готики». Однако эти претенциозные проекты, выполненные отнюдь не начинающими режиссерами, с большими бюджетами и популярными драматическими актерами, уже только формально относились к хоррору. Сюжеты превращались в костюмированные мелодрамы, как «Дракула» Копполы или «Франкенштейн» Кеннета Браны, или даже в приключенческие комедии, как «Мумия» и снятый позднее «Ван Хелсинг» Стивена Соммерса.

Но поклонники все-таки хотели чего-то серьезного. Потому на рубеже тысячелетий начались попытки сначала подражать «страшилкам» 1970-1980-х годов. Появились фильмы вроде «Джиперс Криперс» Виктора Сальвы или «Поворот не туда» Роба Шмидта. А потом началось...

Акт третий. «Оживим покойничка»

Новая волна киноужаса, как и в старые времена, сконцентрировалась вокруг студии. На этот раз переходящее знамя с черепом и костями приняла компания Platinum Dunes, созданная Майклом Бэем. Хотя Platinum Dunes поставила не так уж много фильмов, но, как минимум, три из них стали знаковыми. Первое, что сделала студия, это плеснула бензина в любимый инструмент Кожаного Лица. В 2003 году любители побояться наконец-то содрогнулись от первого масштабного римейка хоррора 1970-х - «Техасской резни бензопилой».

Параллельно с этим когда-то открывшая зеленый свет «Кошмару на улице Вязов» студия New Line Cinema реализовала давно вынашиваемый проект - «Фредди против Джейсона», столкнув двух культовых «профессиональных пугателей», как выразился бы Дядюшка Ау. Это также отвечало традиции и логике развития жанра, ведь еще в 1940-е годы то же самое со своими монстрами проделала компания Universal. В отличие от предельно мрачной «Техасской резни...» кроссовер вышел, скорее, комедийным. Несерьезность, подчеркивал уже пролог, в котором Крюгер разговаривал со зрителями, как делал это когда-то в сериале «Кошмары Фредди».

Оба фильма в премьерные выходные возглавили хит-парады. Однако линия кроссоверов не получила распространения, и даже продолжение поединка Фредди и Джейсона так пока и не снято. Зато голливудские студии взялись играть в любимую игру Мишки Квакина из бессмертной книги Гайдара и «оживлять покойничков» одного за другим.

В 2004 году покойников оживили в буквальном смысле - на экраны вышел римейк классического «Рассвета мертвецов» Джорджа А.Ромеро.

В 2005-м вновь зажглись окна в зловещем доме на Лонг-Айленде, где в 1979-м, в одноименном фильме Стюарта Розенберга, жильцов обуял «Ужас Амитивилля». Дом построила все та же Platinum Dunes. Тогда же небольшой остров у берегов штата Орегон вновь накрыл «Туман», как в одноименном фильме Джона Карпентера образца 1980 года.

В 2006-м молодой французский режиссер Александр Ажа возродил популяцию мутантов из пустыни Невада, героев фильма «У холмов есть глаза» Уэса Крэйвена.

В 2007-м музыкант Роб Зомби вновь пригласил Майкла Майерса отпраздновать «Хэллоуин».

В 2008-м снова наступил «День мертвецов», правда, к оригинальному фильму Джорджа Ромеро он имел уже отдаленное отношение.

В 2009-м на берег Хрустального озера вернулся Джейсон Вурхиз. В том же году вышел римейк «Последнего дома слева».

Наконец, в 2010-м на экраны вышли сначала «Безумцы», римейк раннего, третьего по счету фильма Джорджа Ромеро, а затем и новая версия «Кошмара на улице Вязов» от Platinum Dunes.

За редким исключением «новые песни о главном» ждал теплый прием публики. Некоторые фильмы в первые же уик-энды собирали кассу большую, чем оригинальные картины за все время своего театрального проката. Это стало возможным прежде всего по двум причинам.

Во-первых, в отличие от предшественников, которые были, как правило, независимыми авторскими проектами, новая «команда монстров» уже представляла собой среднебюджетные студийные фильмы. Их часто снимают дебютанты-клипмейкеры или специально приглашенные иностранные жанровые режиссеры, в чьем распоряжении есть современная техника и профессиональные съемочные группы. Играть в таких «переосмыслениях» не любители и новички, а состоявшиеся драматические актеры, иногда довольно известные (например, звезда «Криминального чтива» Винг Рэймс в римейках Ромеро или Малькольм Макдауэлл в «Хэллоуине»). Соответственно, и прокат такие ленты получают куда более широкий, чем раньше.

Во-вторых, аудитория у фильмов двойная - «молодая поросль», не знакомая с оригиналом, но имеющая те же интересы и стереотипы, и поклонники старых фильмов. Для многих из них римейки - это еще и повод окунуться во времена молодости и поностальгировать. Здесь настроения американской аудитории созвучны российскому зрителю, чье детство пришлось на эпоху видеосалонов и четырехчасовых кассет с двумя фильмами. Идеологически чуждые «ужастики» крутили даже в летних лагерях, и перчатка Фредди Крюгера заменяла собой Черную Руку и другие детские страшилки.

Несмотря на то что перелицованные хорроры - уже продюсерские, а не авторские фильмы, и часто эти продюсеры - постановщики оригиналов, многие режиссеры стараются сказать нечто свое. Иногда это всего лишь некоторые принципиальные находки - как «быстрые» проворные зомби в «Рассвете мертвецов» Зака Снайдера. Чаше режиссеры вынуждены просто смещать акценты, так как актуальность проблем 1970-х годов сейчас иная. В том же «Рассвете мертвецов» Ромеро зомби в супермаркете превращались в метафору слепого потребления, Снайдер же сконцентрировался на демонстрации различных реакций «рядовых американцев» на глобальную угрозу.

Напротив, Ажа в римейке «У холмов есть глаза» дал более резкий социальный комментарий, чем Крэйвен в первоисточнике. Одна из наиболее сильных сцен - демонстрация обиталища мутантов на бывшем ядерном полигоне, который имитирует обычный идиллический городок, только вместо живых людей тут улыбающиеся манекены.

В случае с недавними «Безумцами» произошла вообще смена жанра. Режиссер Брек Айснер превратил малоизвестный фантастический триллер Ромеро об эпидемии случайно выпущенного армией вируса в

настоящий хоррор. «Обличительная» тема отодвинута на задний план, а на передний выставлены пугающие сцены столкновений с зараженными и отношения центральных персонажей.

Кроме возросшего натурализма, именно психологизацией римейки, как ни странно, больше всего отличаются от оригиналов. Монстры в старых фильмах были воплощением абсолютного зла. Они являли своего рода исключительных романтических героев без какого-либо генезиса. Зритель не мог понять, почему Кожаное Лицо взялся за пилу, маленький Майерс - за кухонный нож, а Крюгер в первый раз надел перчатку. В новых версиях авторов очень интересует проблема происхождения зла. Едва ли не половину «Хэллоуина» 2007 года занимает рассказ о тяжелом детстве маньяка. Но еще интереснее было сделано в «первой ласточке» тренда - «Техасской резне...». Там добавлены «фигуры умолчания» и убраны людоедские мотивы. И зрители до выхода приквела не знали, почему окружение Кожаного Лица, включая непонятно откуда появившегося шерифа, «играет» на стороне маньяка. Получилась впечатляющая фреска «безумия мира» на уровне интеллектуальных триллеров «Прирожденные убийцы» Оливера Стоуна и «Семь» Дэвида Финчера. Интересно, что постановка «Пятницы, 13-го» с тем же режиссером Маркусом Ниспелом, кроме эффектов, уже практически не отличалась от исходного материала.

Все эти тенденции сошлись в римейке «Кошмара на улице Вязов» и, как в зеркале, отразились в его достоинствах и недостатках. Режиссерское кресло занял клипмейкер Сэмюель Байер. Центральную роль исполнил характерный актер Джеки Ирли Хэйли, сыгравший в прошлогодних «Хранителях». Любопытно, что Хэйли пробовался на одну из ролей еще в оригинальном «Кошмаре...», но уступил ее своему другу, никому тогда не известному Джонни Деппу, который пришел с ним на кинопробы просто за компанию. В остальных ролях играют молодые актеры с большим сериальным опытом. Например, Томас Деккер успел два сезона отработать Джоном Коннором в «Хрониках Сары Коннор».

С самого начала встало противоречие, которое решали в течение полутора десятков вариантов сценария. Нужно было, с одной стороны, соблюсти традицию и «вернуться к корням», а с другой - добавить что-то новое. При этом, если первый «Кошмар...» пугал до дрожи нестандартным антагонистом, то теперь даже ребенок знает, кто такой Фредди Крюгер и как с ним справиться при случае. О традиции напоминают многочисленные цитаты как из фильма Крэйвена, так и из «Фредди против Джейсона». Проблему, как напугать уже нестрашным Крюгером, решили просто: публику заставляют вздрагивать постоянные неожиданные появления Фредди. Отражен и современный уклон в мрачный реализм: даже в сновидческих эпизодах практически нет тех фантазмагорий и метаморфоз Крюгера, какими отличались

поздние серии. Да и финальный поединок - никакой святой воды, зеркал и «забирания силы», только перчатка Фредди против острого стального обломка.

А что до новизны... Мелкие находки, вроде познаний Крюгера в нейрофизиологии или сцен, когда герои видят «микросны», неплохо работают на сюжет. Но в духе конкурентной линии римейков японских «ужастиков», повествованию зачем-то добавили страшную тайну. Она связана с предположением: а правда ли, что Крюгер получил по заслугам от разгневанных родителей с улицы Вязов, или он, как Серый Волк в фильме «Мама», «напрасно оклеветан кем-то»? Однако «статья», по которой линчевали Фредди, стала другой. Это вовсе не «убийства с отягчающими обстоятельствами», а «растление несовершеннолетних». Такое, мягко говоря, не слишком умное заигрывание с «модной» темой превратилось в самое слабое место картины. Тайна Фредди не более чем секрет Полишинеля: станет ли невиновный отыгрываться на повзрослевших детях (хотя в японских «ужастиках» безвинные жертвы после смерти отыгрываются на всех, кто попадет по руку)? И откуда у человека, при жизни никого не убившего, перчатка с лезвиями? Все-таки старый Крюгер был куда более цельной личностью...

Акт четвертый. Шоу продолжается

Щелкая лезвиями, воскрешенные монстры продолжают свои черные дела. В планах студий новые приключения Фредди, Джейсона и Майкла Майерса, Но эти работники ножа и топора, как ни странно, все больше прокладывают дорогу «тем, кто пойдет за ними», После возвращения антигероев прошлого на экранах стали появляться и герои - Рокки, Рэмбо, Индиана Джонс. Теперь очередь доходит и до классической кинофантастики - после игры в «кто кого» вновь разделились саги о Чужих и Хищниках, и скоро нас ждет римейк первой и продолжение второй. Возвращаются «Сканнеры» Дэвида Кроненберга, готовятся новые версии фильмов Джона Карпентера «Нечто» (римейк римейка!) и «Они живут». Александр Ажа уже переснял «Пиранию» Джо Данте, а Маркус Ниспел взялся за «Конана».

Кроме того, старики-покойники одними из первых бросились осваивать новые технологии. Еще в восьмидесятых Джейсон щеголял в примитивном анаглифном 3D, а теперь уже редкий слэшер будет обходиться без третьего измерения.

Словом, их, как всегда, рано хоронить.

Аркадий ШУШПАНОВ

АННА КИТАЕВА

ЧЁРНЫЙ ТАНЕЦ

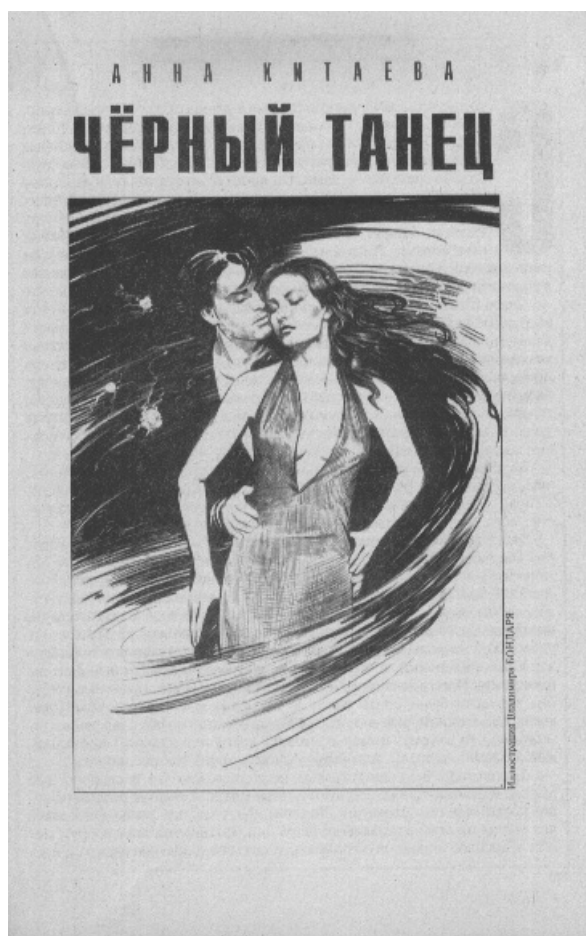

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Стрелка спидометра дрожала на ста двадцати. Ровно гудел мотор. Слишком ровно. Убаюкивал. В кабине было тепло, слишком тепло. Он сильно сжал руки на руле, ощутил ладонями и пальцами ребристый шершавый пластик. Кольцо на левой руке больно врезалось в палец. Он приоткрыл форточку, поймал холодную пощечину ветра, усмехнулся. Рядом с дальнобойщиком всегда маячит призрак смерти - быстрой смерти во сне. Раньше, говорят, многие брали попутчиков, чтобы развлекали разговорами. Теперь не те времена. Еще, говорят, кое-кто сам рассказывает себе истории, но это тоже опасно. Можно слишком увлечься, потерять чувство дороги. Хорошо, что он не знает историй.

Слева в окне расплескался на полнеба закат, похожий на яичницу с кровью. Тьфу, гадость, примстится же. Он что, все-таки засыпает? Закат, похожий на яичницу с помидорами, - это лучше. Неаккуратная хозяйка вывернула глазунью на тарелку так, что два желтка растеклись

по серому фаянсу - но два уцелели. Один призывно желтел в центре на красном фоне помидоров, другой скромно пристроился на краешке тарелки... Почему два?! Это же солнце, оно должно быть одно, какие желтки, какая яичница?! Он тиснул тормоз, грузовик послушно замедлил ход и плавно причалил к обочине.

Водила отер со лба внезапный пот. Он, матерый дальнбойщик, чуть не заснул за рулем. Но сработали охранные системы в мозгах. Сейчас, после встряски, спать ничуть не хотелось. Зато сильно захотелось есть. Яичница, говорите? Неплохая идея.

Дальше он ехал на девяноста, поглядывая, не попадет ли придорожная забегаловка попримичнее. И мотельчик. Он уже решил, что остановится сегодня и переночует не в курятнике. Заказчик, конечно, требовал как можно быстрее и никаких ночевок на стороне. Заказчикам всегда срочно - как отлить после пива. И все они хотят, чтобы он выкладывался так, будто это последний рейс в его жизни. Потом еще один такой же заказ, и еще... А жить-то когда? Поэтому заказчик подождет как миленький, а он возьмет в закускойной большой бифштекс и яичницу. И кстати о пиве - кружку темного. И выпится как следует... это если будет спать один. А что? Всякое случается. Пригожая мышка за стойкой, разговор вроде бы ни о чем - но оба прекрасно понимают, что к чему; номер в мотеле, пахнущие хлоркой простыни, жаркое женское тело... А поутру - снова дорога. Всегда дорога.

Он совсем не знал здешних мест, но это неважно. Он знал дорогу и ее людей. А для прочего существуют карты. Средняя полоса России не сулила особых неожиданностей. Вот север - это да, непросто. Он провел два сезона на севере и навсегда запомнил, каково это: снег вокруг, метель в лобовое стекло, шум помех в радиации и необоримая, до мозга костей убежденность, что ты один на белом свете. Потом метель прекращается, бледное солнце заставляет сиять снега, и оказывается, что ты в середине колонны. Многие спивались, кое-кто видел НЛО, а он отработал два сезона и ушел. Хотя платили там хорошо, конечно. Потому он и смог купить свой тягач, иначе до сих пор работал бы на дядю.

Медный жетон солнца упал за горизонт. Воздух стал синим. Он включил дальний свет. Встречные машины давно уже не попадались. И подходящей забегаловки не было. Бурый сарай с вывеской «кафе-магазин» ему не понравился. Хотелось оказаться не единственным посетителем в тихом закутке, а своим среди своих в шумной харчевне, полной работяг, которые пришли оттянуться после трудового дня. Он прибавил громкость радио, пощелкал тумблером, ловя волну.

- Baby, save the last dance for me, - спел ненавязчивый баритон с гармошечкой на заднем плане.

Неплохо, но совсем не то, что он хотел. Лучше бы пела женщина. И

по-русски.

Освещенный пяточок у дороги он заметил издалека. Стоянка, заправка, чуть поодаль - призывные огни мотеля и кафе. К зданию кафе примыкала большая летняя веранда, где клубился народ. То, что надо.

На стоянке отдыхали три грузовика, один прицеп без тягача и несколько легковушек. Старик в промасленных джинсах подошел, когда он спрыгнул из кабины на асфальт. От асфальта ощутимо тянуло дневным теплом.

- Бродяга? - прищурился старик.

Он пожал плечами. Зачем уточнять очевидное? Но собеседник думал иначе.

- Американец? - дед кивнул на тягач.

- Ну не крокодил же, - проворчал он. - Слышь, отец, не паси, а? Жрать охота. И вообще.

- А я тебе мешаю? - слегка обиделся старик. - Давай червонец и топай. Присмотрю за твоим длиннохвостым.

- Ладно.

Он полез в карман, отшуршал две бумажки, отдал и двинулся к забегаловке.

- Эй, бродяга! - крикнул вредный дед ему в спину. - Ты поберегись. У нас тут народ разный.

Он только плечом дернул, не оборачиваясь. Понятно, что разный. На то и дорога.

В маленьком баре было накурено и пусто. Он смотрел, как парень за стойкой привычно наклоняет кружку, и пиво из краника неспешно льется внутрь, растекаясь по стенке. Здесь же он заказал и поесть.

- Внутри будешь или тебе туда вынести?

Официантка была ему по плечо даже на каблуках. Миниатюрная девчоночка, но фигуристая. Он ей улыбнулся.

- А где лучше?

- Кому как! - фыркнула девушка.

- Сиди тут, парень, - вмешался бармен. - Чего там хорошего снаружи? Пыль и ветер. Тебя как зовут?

- Тим, - машинально назвалса он чужим именем.

Он всегда представлялся другим именем или прозвищем. Не любил трепать свое настоящее. Если знакомство перейдет из случайного в нечто большее - тогда да, можно и назваться по правде, и объясниться. Друзья поймут. У каждого свои заморочки. И только уже назвавшись, он удивился тому, что бармен вообще спросил его имя. С какой стати?

- А меня Вера, - сообщил тот. - Будем знакомы.

- Вера?

Бармен откровенно скалился. Официантка захихикала. Похоже, это у

них была штатная развлекаловка.

- А полное имя? - угрюмо спросил он.

- Полное - Вервольф, - сообщил Вера. - Мать у меня была... суеверная. Думала, если меня так назовет, отведет беду. А ты быстро соображаешь, Тим. Кстати, ты Тимофей, Тимур или еще как?

- Просто Тим, - сказал он. - Пойду я на веранду.

Темное пиво какого-то местного сорта оказалось вполне приличным. Горькое и густое, почти портер. Тим такое любил. Кружка опустела еще до того, как принесли бифштекс. Пришлось к мясу взять вторую. Он пообещал себе, что ограничится двумя... ну максимум тремя, но третью возьмет под конец вечера. Пока вечер только начинался.

Народу было человек тридцать, не меньше. На подмостках у торцевой стенки веранды готовились к выступлению музыканты. Два парня, девушка и куча аппаратуры. Любопытно, местные или пришлые? Может, это ради них тут сегодня таклюдно? Или наоборот, это они здесь, потому что место бойкое? Конечно, можно было спросить. Но Тим не любил спрашивать. Захотят - расскажут сами, это другое дело. В необъясненных картинках чужой жизни есть притягательность тайны; а если узнать все досконально, тайна обернется буднями. Он любил быть чужаком. Вечный бродяга, проездом по жизни.

Окончательно стемнело, и дощатая веранда, освещенная и заполненная людьми, стала казаться старинным пароходиком, плывущим по невидимой реке. Иллюзию нарушал лишь сильный и нежный запах цветов. На реке так не пахнет. Так пахнут только белые цветы и только ночью.

- Тим? Я с тобой посижу, о'кей? Сдал смену.

Не дожидаясь разрешения, Вера уселся напротив. Тим не возражал, конечно. Сытая лень временно сделала его благодушным. Бармены - хорошие психологи. Работа обязывает.

- Как у вас тут? - неопределенно спросил Тим.

- Странно, - усмехнулся Вера. - У нас тут странно. Как и везде.

Кажется, он был славный парень. Такие, бывает, долго сидят на одном месте, а потом срываются. Если подует ветер.

- Например? - лениво спросил Тим.

- Ну, про вервольфов я тебе не буду втирать, - снова ухмыльнулся Вера. - А вот про черных танцоров знаешь?

- Про пылевые смерчи, что ли? - не понял Тим. - Рассказывали. Сам не видел.

- Ага, - поскутнел Вера. - Раньше их в здешних местах не было, а после сдвига появились. Хотя пыль всегда была, ветер тоже. Ну, если ты знаешь, повторять неинтересно. А про автостопщика наоборот тоже слышал? Которого сначала высаживаешь, а потом берешься подвезти?

- Брехня, - сказал Тим. - Сейчас никто не стопит. Потому что никто не

берет,

- А! - оживился бармен. - В этом-то все и дело. Прикинь, поворачиваешь голову - сидит у тебя в кабине чувак. Откуда взялся - неведомо. Ты с непонятки бьешь по тискам, парня высаживаешь, он спокойноенько говорит «спасибо», и ты едешь дальше. Ну, когда руки трястись перестанут. А потом смотришь - он же голосует с обочины. И ты понимаешь, что грузовик твой тормозит, а сделать ничего не можешь. Голова как в тумане, тело чужое. Чувак залазит в кабину, говорит «привет»...

- Сам придумал? - одобрительно спросил Тим. - Знатная байка.

- Спасибо, - проворчал Вера. - Как догадался?

Тим пожал плечами - не знаю, мол. Он действительно не знал.

- Пошли, поможем.

Двое мужчин передвигали столы, расчищая место. Кажется, предполагались танцы. Тим встал вслед за Верой, тотчас поднялись еще двое посетителей. Быстро освободили площадку. Музыканты закончили настройку. Темноволосый парень взял гитару, второй стал за клавиши, девушка сосредоточенно разглядывала микрофон. Тим присел на перила веранды - с сидячими местами сделалась напряженка. Он мельком отметил, что народу прибавилось, причем стало больше женщин.

Клавишник негромко начал мелодию. Подключились гитара, электронные голоса, вступила певица. Песня была Тиму смутно знакома. Может, слышал по радио. Погасло большинство свисающих с потолка ламп, гореть осталась одна из четырех. Засветилась гирлянда из синих, красных и желтых фонариков, обвивающая веранду по периметру под самым потолком. На свободное место вышла одна пара, затем другая. Тим обвел взглядом публику. Самое время присмотреть себе мышку, с которой после танцев...

Он не закончил мысль.

Девушка только что появилась. Она замерла на ступенях, ведущих на веранду. Темные глаза сияли внутренним светом. Темные прямые волосы лежали на плечах тяжелой блестящей волной. Она была сама по себе, сама в себе, в своем ритме, и ему показалось, что ее внутренняя музыка звучит громче, чем песня, которую исполняют музыканты. А потом он понял, что так оно и есть - но только для него одного. Больше никто не обратил на девушку внимания. Словно она была такая же, как все. И только он видел, что она особенная.

- Слышь, друг, - Тим пихнул Веру локтем. - Кто она? Вон та, на ступеньках.

Бармен скользнул по девушке быстрым взглядом и неожиданно нахмурился.

- Так, живет здесь, - неохотно сказал он. - Ты знаешь что... Ты с ней не танцуй.

- Почему? - хмуро спросил Тим.

Он приготовился выслушать очередную байку. Вера облизнул губы. А ведь он боится, вдруг понял Тим.

- Она... она не свободна. - Бойкий на язык бармен теперь явно подбирал слова. - И танцует обычно со своим... кавалером. А он ревнивый. Могут выйти... неприятности.

- Для кого? - рассеянно спросил Тим. - Неприятности, в смысле, для кого? И где он, этот ревнивый?

Его взгляд был устремлен на девушку. Она смотрела на танцующих, как дети смотрят сквозь стекло на выставленную на витрине игрушку, зная, что им ее не купят. Затем помедлила, развернулась и стала спускаться.

- Ну, для тебя, конечно, - сказал Вера. - А его нет пока. Может, позже появится, а может, и не появится... Эй, ты куда?

- Спасибо, - сказал Тим.

Он умел быть очень быстрым, когда хотел. Скользнув между зеваками, он оказался в самом низу ступенек прежде, чем девушка сошла с них. Тим посмотрел на нее снизу вверх, и она ответила ему серьезным взглядом.

- Приглашаю вас на танец, - мягко улыбнулся он. - Вы позволите?

Ее глаза вспыхнули так ярко, что он едва не зажмурился. Юное лицо просияло. Затем медленно погасло. Девушка опустила голову.

- Нет, - прошептала она. - Я не танцую.

- Глупости, - Тим взял ее за руку. - Не бойтесь. Все будет хорошо. Только один танец. Ну же!

- Один, - сказала она.

И Тим повел ее по ступенькам вверх, и ввел в круг танцующих, и все смотрели на них, а он не чувствовал ног, чувствовал только руки. В правой он держал руку партнерши, левой обнимал ее за талию. Тим двигался в такт ее внутренней мелодии - просто потому что не слышал больше ничего. Он понял, что танец закончился, лишь когда она остановилась. Музыканты сделали перерыв.

- Что? - переспросил он, оглушенный.

- Отпусти, - девушка пыталась выдернуть ладошку из его руки. - Мне пора.

- Зачем? - спросил он. - Тебя кто-то ждет?

- Мне пора, - повторила она, но перестала выдергивать руку.

- Я возьму нам мороженого, - сказал Тим. - Хочешь? Или что-нибудь выпить?

- Мороженого, - сказала она со вздохом. - И я больше не танцую.

- Ладно, - сказал Тим.

Ее звали Береника. Тим подумал, что у местных странные представления о том, как называть детей, но Рени оказалась не здешней. Она даже жила не в поселке, а в домике-прицепе.

- Так это твой прицеп на стоянке? - догадался Тим.

Рени кивнула. Тим увлек ее внутрь бара. Он чувствовал, что на девушку нельзя давить, чтобы не спугнуть, но нельзя и отпускать ее - ускользнет. Он чувствовал тайну. И не смог бы ответить, что именно его привлекает в Рени: ее тайна или она сама. А вернее, и то, и другое. Она не была бы собой, если бы ее не окутывал легкий туман загадочности и опасности. Еще у Рени были молодая здоровая кожа, тонкая талия, полная грудь... А в глаза ее Тиму хотелось смотреть и... еще смотреть. Он понял, что хочет не мимолетного флирта, а чего-то большего.

Завтра ему уезжать? Не обязательно. Он сам себе хозяин, может задержаться, может даже разорвать контракт... много чего может.

У нее кто-то есть? Хорош же этот кто-то, если бросает такую девушку одну. Впрочем, тем хуже для него.

- Два мороженных, - попросил Тим. - С шоколадом... ну, и со всяким таким.

Сменщица Веры, поджав избыточно накрашенные губы, ловко шлепнула в вазочки мороженое, насыпала сверху пеструю смесь цукатов, полила шоколадом и еще чем-то, а под конец размашисто воткнула в каждую порцию по коктейльному зонтичку - как кинжалы метнула.

- Спасибо, - осторожно сказал Тим, расплачиваясь, и не получил ответа. Воздух в баре был явственно наэлектризован. Они вернулись на веранду.

- Это из-за меня.

Рени смотрела наружу, в ночь, хотя там все равно не было видно ничего, кроме веток ближайших кустов. Ветки шевелились под налетевшим ветерком. Тим не сразу понял, о чем она говорит.

- Я напрасно пришла сюда. Будет гроза. Но я хотела послушать «Прошлогодний дождь». - Девушка повернулась к нему. - А, так ты не знаешь? Это группа, которая сегодня играет. Тебе понравилось?

- Ничего так, - сказал Тим. - А ты почему мороженое не ешь? Растает.

- А я люблю растаявшее, - засмеялась Рени и взялась за ложечку.

Кроме растаявшего мороженого она любила цыганские юбки, больших собак, ветер в лицо, дождь, ливень и грозу, маленьких лягушат, песни под гитару - но не всякие, а такие, ну, знаешь, это трудно объяснить... Тим серьезно кивнул и подвинул к ней свое мороженое. Он любил слушать. И умел.

- Жаль, что мне надо уходить, - сказала Рени, возя ложечкой по лужице на дне опустевшей вазочки. Оба зонтика она пристроила в солонку.

- Еще один танец, - попросил Тим.

Музыканты как раз заиграли новую песню со странным ритмом, который то нарастал, то опадал. От дороги налетел порыв ветра,

закачались на шнурах лампы под потолком, метнулись тени, как стая птиц. Рени прикрыла ладонью зонтички, чтобы не упорхнули.

- Моя любимая песня, - задумчиво сказала она. - Конечно, я отвечу «да». Но ты рискуешь, бродяга. Зачем?

- Я скажу тебе потом.

Тим подхватил ее и повел туда, где раскачивались и кружились в танце пары и одиночки. Танцующие посторонились, уступая им место. Тим обнял Рени за талию. Она положила руку ему на плечо. Они качнулись на волне мелодии и поплыли куда-то вдаль. Все было совсем иначе, чем в первый раз. Что-то произошло между ними за краткое время между первым танцем и вторым. Что-то было сказано словами, а что-то - помимо слов. Рени вздохнула и прижалась к Тиму. Он провел ладонью по ее волосам и невесомо поцеловал в макушку. Волосы Рени пахли ветром.

Кто-то сильно толкнул Тима в плечо. Он недоуменно обернулся.

- Ехал бы ты, парень, своей дорогой, - с нажимом сказал невысокий крепыш.

- А ты лучше меня знаешь, что мне делать? - с расстановкой спросил Тим, отстраняя Рени и отодвигая ее себе за спину. Он не особенно угрожал, просто воздух вокруг, казалось, похолодал на несколько градусов.

Крепыш, похоже, ожидал другой реакции. Он заморгал как-то даже обиженно:

- Дык это! Ты чего ваще, ну?

- Спокойно! - через толпу пробивался Вера, таща за собой крошку-официантку. Кажется, она пыталась не пустить его к разборке, но результат был такой, как если бы прицеп от газельки тщился затормозить собой седельный тягач. - Спокойно, Миха! Я с ним говорил. И ты тоже не кипешуй, Тим! Не надо, а?

- Не вопрос. - Тим разжал кулаки.

- Ваши проблемы, - буркнул Миха и боком отодвинулся в сторонку.

Вдали громыхнул гром. Снова налетел порыв ветра, сильнее прежнего. Пронесся сквозь веранду, унес с собой музыку.

- Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, - с непонятной досадой сказал Вера.

Тим хотел было ответить, но Вера смотрел мимо него - на Рени. Девушка шагнула вперед, взяла Тима под руку, гордо вскинула подбородок.

- Дураки вы все! - отчеканила она. - Есть порядок вещей, и никто не в силах его отменить. Я - меньше всех. Но у каждого есть право решать за себя.

- Прямо как по-писаному, - проворчал Вера. - Много слов. Тим?

Тим хлопнул его по плечу и улыбнулся.

- Сегодня она танцует только со мной, - сказал он. - Правда, милая?

- Почти, - едва слышно отозвалась Рени.

Тим протянул к ней обе руки и заключил в кольцо объятий. На подмостках девушка и парень завели речитативом что-то такое, подо что было бы неуместно танцевать.

- Пройдемся чуток? - предложил Тим.

На открытом пространстве ветер чувствовался сильнее. Вдалеке сверкнула молния, с оттяжкой громыхнул гром. Тим сильно втянул ноздрями воздух, ожидая почувствовать запах далекого дождя, но ощутил только пыль.

- Дождя не будет, - спокойно сказала Береника. - Это сухая гроза. После сдвига тут сильно поменялась погода... вообще все поменялось. Местные рассказывали. Так ты мне ответишь - зачем?

- Зачем - что? - переспросил Тим.

- Зачем ты рискуешь. Зачем тебе я.

Они отошли достаточно далеко от освещенной веранды. Тим остановился и посмотрел на девушку. Глаза у нее сверкали.

- Чтобы чувствовать себя живым, - глухо сказал он и притянул ее к себе.

Губы их встретились. Поцелуй получился жарким и долгим. Над головой полыхнуло - гроза приближалась. Рени мягко отстранилась.

- Теперь ты ответь, - потребовал Тим. - Что значило твое «почти»?

- То, что я и правда сегодня танцую с тобой, - вздохнула девушка. - Ты... очень решительный. Я танцую с тобой все танцы... Кроме последнего. Последний я обещала другому.

Тим чуть было не спросил, кому обещала, но успел прикусить язык. Есть вопросы, которых задавать не следует. Точнее говоря, есть очень мало вопросов, которые нужно задать. Он и так сегодня изменил своим привычкам. Спрашивать не надо, надо действовать.

- Пойдем, - сказал он. - Потанцуем.

Ему показалось, что Рени снова вздохнула, прижимаясь к нему, но ветер унес ее вздох. Тим нахмурился. Этот ветер слишком много себе позволяет! Срывать дыхание с губ Рени, обтягивать юбкой ее колени, по-хозяйски трепать волосы...

Тим стряхнул наваждение, разжал кулаки и чуть не расхохотался. Ревновать к ветру? Вот это он учудил. Крепко же зацепила его темноволосая девчонка!

И снова играла музыка, а они танцевали. Рени касалась его то грудью, то коленкой, то бедром, и всякий раз в нем словно вспыхивала электрическая искра, крошечный дуговой разряд... а может, и не крошечный... а может, это молнии били из туч, все чаще и чаще, ярче и ярче, по нарастающей...

- Остановись.

Тим пару мгновений хлопал глазами, вживаясь в реальность. Пока он был сосредоточен на Рени и своих ощущениях, гроза добралась до

пяточка. Молнии вспыхивали одна за другой, и тотчас оглушительно бабахал гром. Буря бушевала прямо над их головами. Все вокруг переменялось. Музыканты спешно сворачивали аппаратуру. Ветер налетал порывами - продувал веранду насквозь, завывал под потолком, опасно раскачивал лампы на шнурах, ожесточенно дергал гирлянду. Посетители быстро расходились, их осталась едва ли треть.

- Последняя песня, - громко сказал гитарист.

У него в руках оказалась акустическая гитара. Микрофон и вся электроника уже были упакованы. Второй парень и девушка встали рядом с ним, переглянулись и...

Небо плачет без слез...

...ни капли воды...

...только в сердце моем...

Дождь...

Кому нужен он?

...прошлогодний дождь...

Три голоса сплетались и расплетались, высокий голос девушки взлетал над мужскими и падал вниз. Мягко стелилась аккордами гитара. Слова терялись в раскатах грома, мелодия угадывалась пунктиром. Тим взял Рени за руку.

- Приглашаю вас на танец. Вы позволите?

Он повторил самую первую фразу, которую сказал ей в начале вечера. Скопировал интонацию и мягкую улыбку. Рени не улыбнулась в ответ, как он рассчитывал. Она сжалась в комочек и подняла на него большие глаза.

- Последний танец, - сказала она сердито. - Я обещала его другому. Разве я непонятно объяснила? Разве ты не слушал меня все это время? Я не могу танцевать с тобой.

- Глупости!

Тим хотел сказать это ласково, а получилось резко и, наверное, обидно. Рени выдернула руку и отпрянула от него, как от чужого. Он шагнул к ней.

Непонятно, откуда взялся незнакомец. За вечер публика успела примелькаться Тиму, хоть он и не всматривался в лица. Крепкого мужчины с жестким взглядом и скверно выбритым волевым подбородком среди посетителей не было. А теперь он встал между Рени и Тимом и смотрел Тиму в глаза вызывающе.

- Отойди, - Тим сделал движение обойти незнакомца.

Мужчина сдвинулся, преграждая ему путь.

- Ты не понял, - сказал он хрипло. - Это мой танец. И моя женщина.

Тихое рычание заклокотало у Тима в горле. Ледяная ярость высветлила все вокруг, как молния.

- Береника! - громко сказал он. - Что это значит?

- Разбирайтесь сами! - выкрикнула Рени.

В голосе ее звенели слезы, но глаза оставались сухими. Она вывернулась из-за спины незнакомца, но не к Тиму, а вбок. С расстояния в пару шагов смерила взглядом обоих мужчин, закусила губу и повернулась, чтобы уйти. Тим и его соперник одновременно шагнули следом за ней. Столкнулись плечами. Встретились взглядами.

- Здесь или выйдем? - спокойно спросил Тим.

Неожиданно сделалось тихо. Гроза взяла передышку. Ветер стих. Пока они были заняты ссорой, музыканты закончили песню, и несколько человек подошли к сцене поговорить. Из помещения бара на веранду выглянул Вера, охнул, чертыхнулся и в следующий миг был уже рядом с Тимом, твердя:

- Нет-нет, только не здесь, и вообще нет!

Для драки выбрали утопанную не асфальтированную площадку позади кафе. Образовалась группа сочувствующих или просто зевак, человек восемь-десять. Женщин не было, и хорошо - Тим не выносил визга. Впрочем, Рени вряд ли стала бы визжать, но ей не нужно это видеть. Незачем, и все тут.

В кустах сонно защebetали птицы, и Тим с удивлением заметил, что восточный край неба светлеет. Тучи над головой висели плотные и темные, как асфальт, а горизонт расчистился. Он перевел взгляд на соперника.

Незнакомец был выше ростом, чем показалось, примерно такой же, как Тим. Шире в плечах, плотнее. Лет тридцати пяти на вид, хотя возраст по таким лицам читается плохо. Резко очерченный подбородок, жесткие складки у губ - упрямство, умение добиваться своего, решимость. Трудный противник. Чувства Тима уже схлынули, он смотрел на предстоящую драку рассудочно. Обычное дело; жизнь вся состоит из таких эпизодов. Борьба за огонь, борьба за самку, борьба за место вожака. И не надо слов, они лишь маскируют суть. Вот они с соперником обменялись всего дюжиной слов, а ведь все ясно. Тим даже не знал, как его зовут...

- Слышь, Касьян, может, миром поладите? - хмуро спросил Вера.

...Ну вот, теперь знает.

Названный Касьяном усмехнулся медленно и недобро:

- Ты у него спроси. Я на чужое не зарился, а своего не отдам.

Вера повернулся к Тиму:

- Уезжай. Ты не прав. Тебя предупреждали. Уезжай, Тим.

Тим сунул руки в карманы, качнулся с пятки на носок и обратно.

- Хороший ты парень, Вера, - сказал он сочувственно. - Увы, серый брат, не все люди хорошие. Я плохой. Я буду драться.

- Дурак, - с отвращением бросил Вера, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и отошел в сторонку.

Противники остались один на один посередине площадки. Тим напрягся, согнул ноги в коленях, сжал-разжал кулаки. Тело отозвалось,

как хорошо работающий механизм. Отлично. Инстинкты и опыт говорили ему - этот враг бросится первым. И если выдержать паузу и позволить ему бросок, то в следующий миг можно продлить и перенаправить его движение, использовав инерцию... Можно закончить бой в один удар. Пусть только бросится.

Касьян отступил на два шага. Готовит разбег, подумал Тим. Ну же!

Соперник вдруг раскинул руки и завертелся волчком, как в брейк-дансе. Тим опешил. А миг спустя перед ним уже крутился не человек, а пылевой смерч. Высотой не больше двух метров, диаметром воронки наверху - меньше полуметра, конусом сходящийся книзу... Черный танцор!

В запоздалой вспышке озарения Тим сложил воедино все странности и недомолвки, угрозы и рассказы и даже успел обрадоваться пониманию. Так вот кому обещала Рени последний танец! Вот кого ждала она в своем фургончике - может быть, унесенная из родных мест прямо в нем, как девочка Элли... или Дороти, он забыл имя.

Ха! Забавно будет отбить девчонку у явления природы.

Тут мысли у Тима кончились, потому что смерч налетел на него. Тим почувствовал, что взмывает над площадкой и летит вверх тормашками. Он замахал руками, не встретил сопротивления, а еще через долю секунды то, что держало его в воздухе, исчезло, и Тим со всей дури хряпнулся оземь. Удар вышиб из него дух, и несколько мгновений Тиму казалось, что он уже никогда не вдохнет. Когда он наконец задышал и попытался подняться, все поплыло перед глазами. Он слишком сильно приложился спиной и затылком о землю. Спасибо, что здесь не асфальт.

Касьян в человеческом облике стоял над Тимом, не пытаясь ни ударить, ни помочь ему встать.

- Нечестно, - сказал Тим сквозь зубы.

- Кто говорил о честности? - хмыкнул Касьян. - Ты? Я не слышал.

Тим выругался и встал на ноги. Краем глаза увидел белые пятна - лица зевак. Ждете, что сдамся, стервятники? Не дождетесь. Пусть противник не человек и правила меняются на ходу - бой есть бой. И Тим с места бросился на врага, метя под дых.

Он почти успел! Кулак его врезался в плоть, а не в воздух. Тим вложил в удар силу и злость, и врага должно было сложить пополам, впечатать лицом в подставленное Тимом колено... Но Касьян крутнулся, уходя от удара, и кулак Тима лишь скользнул по его груди, а в следующий миг противник уже обернулся вихрем. Он вытянулся метров до трех, раздулся, надвинулся на Тима и поглотил его.

Внутри пылевой воронки было темно и трудно дышать. Заложило уши. Тим знал, что смерч может переставить кухонный шкаф, не разбив посуду, способен ошипать курицу, проткнуть доску травинкой, выпить озеро вместе с рыбами и выплюнуть его через сотни километров...

правда, все это вытворяли исполины в сотни метров высотой с шириной воронки в десятки метров. По идее, двухметровый смерч мог поднять в воздух разве что котенка. В принципе, трехметровый торнадо должен исчезнуть, если внутри него окажется человек - помеха вращению воздушных масс... Но идеи, принципы и законы физики были хороши в прежние времена, до сдвига. Они не рассматривали поведение живых разумных смерчей.

Интересно, каких размеров может достичь Касьян? Тим слышал, что черные танцоры бывают огромными. Значит, противник может внезапно вымахать в километр высотой.

Смерч потащил Тима по площадке, как манекен. Тим сопротивлялся - без толку; его туловище словно сжимали змеиные кольца, ни на миг не ослабляя хватки. Руки были прижаты к телу, будто спеленуты.

Он скреб подошвами по земле, пытаясь остановить движение... Ноль эффекта. Смерч изгибался, насильственно наклоняя тело человека, и снова выпрямлялся. Тим чувствовал, как они меняют направление, обходя площадку по периметру, выписывая восьмерки и зигзаги. Со стороны это наверняка смотрелось как танец. Как отвратительный издевательский танец! Тим зарычал от злости. Вот почему Касьян оставался немногим выше человека. Черный танцор играл с Тимом, красуясь перед публикой.

Перед глазами Тима замелькали круги и полосы. Пять секунд до отключки. Вдруг что-то с силой ударило его в бок. Он пролетел пару метров и растянулся в пыли. На этот раз Тим упал грамотно и тотчас вскочил, готовый к обороне. Но противник был занят - на него напали.

Здоровенный серый пес молча плясал вокруг вихря. То отскакивал и припадал на передние лапы, то стремительной тенью бросался к самому смерчу, хватал оскаленной пастью край воронки и снова отскакивал. Тим вдруг явственно услышал шипение и электрическое потрескивание - звуки смерча. Черный танцор грациозно вильнул в сторону, пес рванулся за ним. Зачем? Его укусы не причиняли торнадо вреда, разве что... отвлекали его внимание от Тима?

Пес странно заворчал, и Тим вдруг понял, что это не пес, а огромный волк. Не бывает таких волков... Одна мысль подтолкнула другую, как падающие костяшки домино: он понял, кто этот волк. Хороший парень вмешался в драку плохих. Что ж, спасибо за передышку. А вообще - зря ты это, Вера. Нас не разнять. Мы сцепились всерьез, и только победой одного из нас закончится поединок.

Черный танцор думал так же. Вервольф был быстрым, но смерч оказался быстрее. Он перепрыгнул через зверя - щелкнули челюсти, кусая воздух, - и тотчас налетел на него сзади, подхватил, кувырнул, поднял на самый верх крутящегося столба и швырнул вниз. Что-то при этом произошло такое, что упал на землю уже не зверь, а человек. Смерч завис над ним. На долю секунды в пылевом вихре проступили

очертания мужской фигуры, возник смутный очерк лица Касьяна. Уже почти рассвело, и Тим различал его даже издали. Касьян смотрел на Веру. Тот застонал, пошевелился, приподнялся на локте.

Смерч отпрянул, метнулся в противоположный угол площадки. Намеки на человеческий облик пропали, это снова была воздушная воронка, пылевой конус двух метров высотой, полметра диаметром на самом вершине, а к земле сходящий на нет. Смерч потемнел и как будто стал плотнее, внутри стенок воронки засверкали белые вспышки. Вот один огонек вырвался наружу и оказался маленьким клубочком белого огня, сияющим шариком размером с апельсин. За ним вынырнул второй, третий... Шаровые молнии! Запахло озоном, как в грозу.

Волоски на руках Тима поднялись дыбом. Белые клубочки медленно кружились вокруг смерча. Черный танцор играл шаровыми молниями. Это было красиво и страшно. Так мастер стрельбы поигрывает револьвером, прежде чем выстрелить, а мастер метания ножей перебрасывает из руки в руку стальной лепесток...

Нож! Тим вдруг вспомнил неизвестно где слышанное поверье, что смерч можно ранить сталью. Что это было - легенда, быличка, слух? Неважно. Тим чувствовал, что обратный отсчет его жизни уже запущен. Игры кончились; черный танцор его не простит. Тикали последние секунды. Подсказка памяти сулила шанс. Тима не раз спрашивали, почему он носит сапоги, ведь есть обувь поудобнее. А вот почему! Мгновенным движением он выхватил из-за голенища нож.

Они метнули оружие одновременно. Тусклой молнией сверкнул нож, летящий в сердцевину смерча. Раскаленным добела металлом вспыхнула молния, направленная в голову Тима. Оба противника попали в цель. Тим увидел нестерпимой яркости вспышку прямо перед глазами и мешком свалился на землю. Он отключился еще в падении.

Кажется, его несли.

Кажется, кто-то плакал.

Кажется, ему что-то снилось, или не ему, или это был не сон...

Он очнулся от солнечных лучей, бьющих прямо в лицо. Наотмашь. Подспудное чувство говорило, что он заслужил. Но в чем именно он провинился? Сейчас кто-нибудь расскажет... Жмурясь, он открыл глаза.

- Доброе утро, - вздохнула Рени.

Занавески на окнах трейлера были специально отодвинуты, чтобы солнце светило на постель. Который час, интересно? Наверное, давно пора вставать. Он приподнялся. Тело болело так, будто он вчера дрался. И голова тоже болела. Да, определенно дрался, а не пил. Ну, может, и выпил кружку-другую пива, а большего он бы себе не позволил - ведь сегодня в дорогу. Он решительно сел на кровати и, охнув, схватился за бок. Пальцы нащупали повязку. От движения в бок запылал адский огонь. Под повязкой была рана, ножевая или огнестрельная. Он вопросительно посмотрел на Рени. Девушка

ойкнула, бросилась к нему, приложила ладонь к повязке:

- Ты забыл? Это был нож... Очень больно?

- Терпимо.

Он едва разлепил пересохшие губы. Рени заметила, вскочила, подала ему воды в эмалированной зеленой кружке. Вода была прохладная и пахла ржавчиной. Он вдруг испытал особое чувство отстранения от мира и предельной внимательности к его деталям. Такое бывало и прежде. Он очень отчетливо видел занавески в мелкий цветочек, разводы пыли на окнах фургончика, лоскутное одеяло на постели, старый холодильник «под дерево», старый же маленький телевизор, полочку с десятком разномастных книг, откидной столик и красную лампу на шарнирной ноге... Пока он разглядывал обстановку, за ним наблюдала темноволосая девушка, худенькая, но полногрудая, в черной майке и пестрой цыганской юбке. Он знал, что девушку зовут Рени, то есть Береника. Он понятия не имел, кто она такая, в каких они отношениях, и что он здесь делает.

Морщась, он встал с кровати. На нем оказались джинсы. В правом кармане должен быть ключ от тягача... Ключ нашелся.

- Тим? - неуверенно спросила Рени.

- Это не мое имя, - сказал он.

Память насмежалась, подсовывая картинку без подписей. Вот он за рулем, аккуратно сворачивает на стоянку, отдает десятку говорливому старику. Вот он танцует с Береникой, обнимает ее, целует. Она ведет его в трейлер, замирает на пороге, он подхватывает ее на руки и вносит внутрь... Было это или не было? Гроза вспыхивает и грохочет над ними, сухая гроза, и ветер бьет его по щекам, а Беренику ласкает, треплет ей волосы, касается губ... Он целует ее. «Только в сердце моем прошлогодний дождь», - поет женщина. «Оставь мне последний танец, детка», - поет мужчина. Так? Или как-то иначе? Сталь, выцеливающая его в полете. Соперник, дерзкий и злой. Тусклая молния ножа...

Серия воспоминаний оборвалась дуговым разрядом боли.

Когда-то в детстве у него была любимая игрушка - калейдоскоп. Он показывал чудесные узоры. А потом он уронил игрушку. Матовое стекло в торце треснуло, разноцветные осколки высыпались. Больше не было картинок.

- Тогда как тебя зовут? - спросила Рени.

- Ка...

Он запнулся. Потер виски. Глупость какая - забыть собственное имя. А вот нечего называться чужими именами и прозвищами. Береника права, это дурацкая привычка. И вообще, что он себя ведет как мальчишка? Играет в угадайки с собственной памятью и в прятки со своей судьбой.

- Прости, Рени. - Он потянулся к ней, обнял, и девушка со вздохом

прильнула к нему. - Дай мне каких-нибудь таблеток, пожалуйста. Голова болит. И бок. Не надо было связываться с этим наглецом, правильно меня парни отговаривали. А я разозлился. Вот и... Не сердись, милая.

- Конечно, - Рени потянулась к ящику стола, вытащила автомобильную аптечку. - Я не сержусь, любовь моя. Я просто беспокоюсь. Ты напугал меня. Вы оба меня напугали.

- Оба? - возмутился он. - То есть ты волновалась за него? Он что, так тебе понравился? Я не понял! Муж заезжает домой ненадолго, специально сделал крюк на маршруте, а жена танцует с... черт знает с кем! Каким ветром его вообще сюда занесло? И куда он, кстати, делся?

- Тшш... - Рени приложила ему палец к губам, грустно улыбнулась. - Не ревнуй. У тебя нет причин ревновать. Верь мне.

- Верю.

Он поцеловал ее палец. Затем ее губы. Поцелуй вышел долгим и жарким. Рени мягко отстранилась.

- Не сейчас. Тебе нужно ехать, бродяга. Ты просил разбудить тебя пораньше. Я и так дала тебе поспать. Твой бок... Ты вообще сможешь ехать?! В городе сразу покажись врачу!

- Лучше бы разбудила-таки пораньше, - проворчал он. - Смогу, конечно. Ты же знаешь, на мне все заживает, как...

Вспышка. Узор калейдоскопа. Картинка. Серый пес, кусающий пылевой смерч. Было, не было? Темный вихрь, играющий белыми огоньками. Шаровая молния, летящая в лицо. Черный провал.

- Надо ехать.

Он открыл шкаф, вытащил рубашку, надел. Быстро чмокнул жену:

- Не скучай. Скоро буду. Выполню заказ - и сразу к тебе. Устроим себе небольшой отпуск. Ты только...

- Что?

Рени смотрела ему в глаза требовательно и серьезно. Он ощутил угрызения совести. Бедная девочка. Связалась с ним, теперь расплывается. Сам затащил ее сюда, бросил среди чужих людей, пропадает неизвестно на сколько, появляется на одну ночь, драку вот затеял - а от нее требует монашеского поведения! И все равно он сказал, не смог не сказать:

- Ты танцуй, если хочешь. Ладно. Но последний танец - мой! Только мой. Всегда. Потому что ты - моя! Обещай!

- Обещаю, - спокойно сказала Береника.

Она стояла на обочине и смотрела вслед грузовику, приложив ладонь ко лбу козырьком. Утро было жарким, нагретый асфальт дрожал маревом миражей. Громадная машина превратилась в маленькую, затем в игрушечную, а потом истаяла в дымке. Рени повела плечами - на мгновение ей стало зябко. Она беспокоилась, конечно. Такая уж ее

доля: ждать и волноваться. И не знать, как все обернется в следующий раз. Есть порядок вещей... Но плакать она себе не позволит. «Небо плачет без слез...» Удивительно, как иногда стихи попадают в цель. Не хуже ножа. Или молнии... Она поднялась по ступенькам, прошла через веранду, вошла в кафе.

- Мороженого?

Бармен улыбнулся ей через силу. Ему было плохо после вчерашнего. Он был бледный, потный и шумно дышал.

- У тебя такой вид, будто ты упырь, а не оборотень, - сказала Рени.

Вера невесело хохотнул.

- Знаешь, как превращение по печени бьет? Я еще неделю буду выдыхать ваши танцы. И аллохолом запивать. А твой как?

- Уехал, - сказала Рени.

- Да ну, - хмыкнул вервольф. - Вот так просто взял и уехал? Выполнять долг перед заказчиком? Крутой дальнобойщик.

- Не ерничай, - попросила Береника. - Тебе не идет. Ты же знаешь, с ним ничего не бывает просто. Когда он берет себе новую душу, он забывает почти всё из прежнего. Иногда даже не помнит, жена я ему или вчерашняя знакомая. Потом вспоминает, конечно, но не сразу.

- Знаю, - Вера ссутулился. - Извини. Тим мне понравился.

- Мне тоже, - тихо сказала девушка. - Но это понятно. Все его души чем-то схожи. Он притягивает себе подобных. Или... это я притягиваю их...

Она закусил губу. Бармен пододвинул к ней вазочку с подтаявшим мороженым.

- Ты не можешь изменить его природу, - сказал он. - Или свою. Никто из нас этого не может.

- И еще у него ранен бок, - вздохнула Рени. - Ножом. Будь моя воля, я бы его не отпустила. Но...

- Дорога прежде всего, - понимающе кивнул Вера. - Наверное, я тоже когда-нибудь уйду. Но пока держусь. Потому что боюсь не вернуться.

- Вернешься, - дернула плечиком Рени. - Если будет, к кому возвращаться. Уж это я знаю.

Они замолчали. Билась об стекло, сердито жужжала большая муха. Вера выбрался из-за стойки, распахнул окно, выпустил муху, впустил ветер.

...Стрелка спидометра дрожала на ста двадцати. Дружелюбно гудел мотор. Хорошо жить, когда любишь свою работу. Он сильно сжал руки на руле, ощутил ладонями и пальцами ребристый шершавый пластик. Кольцо на правой руке больно врезалось в палец. На правой? Ну да, все правильно. Он усмехнулся. Любимая женщина ждет его. Дорога зовет вперед.

Одному в кабине бывает скучновато, но можно включить радио. Жаль, что нынче не принято брать попутчиков, он бы рискнул. Не

рассказывать же истории самому себе. Хотя ему есть что рассказать. Кем он только ни бывал на своем веку... Проездом по жизни, он любил чувствовать себя чужаком.

Вечный бродяга ветер.

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

ЭЛЕКТРИК

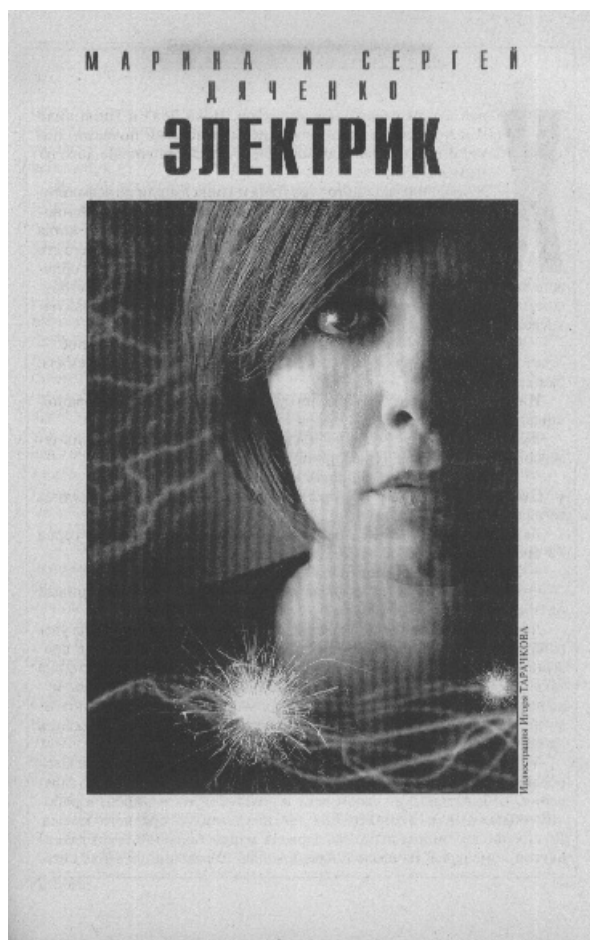

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Храп в купе стих только под утро. Пока Лена и Нина пили чай в пыльной щели между дерматиновыми полками, попутчик спал тихо, как младенец, и казался вполне довольным жизнью. В половине восьмого утра Лена и Нина вышли на асфальтовую ленту перрона, растрескавшегося и мокрого. Одинокий носильщик попытался навязать свои услуги, а когда это не удалось, просто пошел следом, и железная телега его грохотала, будто катафалк. Сумерки растворились, обнажив далекий лес, здание вокзальчика и площадку с желтым автобусом; на

боку автобуса краснела большая, наполовину ободранная наклейка: «Загоровск - город живого дерева!».

- Спят же с ним какие-то бабы, - бормотала Лена себе под нос. - Храпит, и храпит, и хрюкает... Вот же, за всю ночь даже не задремала, башка раскалывается...

Нина молча протянула ей таблетку баралгина, вторую, поморщившись, проглотила сама.

Желтый автобус шел из пункта А в пункт Б почти час. Выгрузив чемодан на автовокзале, Лена с прищуром огляделась:

- Здравствуй, город Задрипанск!

Двое-трое прохожих обернулись на эти ее слова, обменялись взглядами и пошли дальше.

Лена ненавидела все командировки, кроме заграничных. В город Загоровск она отказывалась ехать категорически. Еще вчера.

- Зато здесь легко дышится, - осторожно заметила Нина.

Ответом был взгляд, означавший: «Я презираю твой фальшивый оптимизм».

Лена переживала личный кризис: до вчерашнего дня она была уверена, что связь с шефом дает ей особые права и возвышает над презренным бытом; вчера за два часа до поезда шеф объяснил ей, кто она такая и чего стоит. «Не поедешь, куда посылает фирма, пойдешь, куда пошлю я». Шеф был зол и говорил громче, чем требовалось, поэтому не было человека в офисе, который не знал бы точного содержания их с Леной беседы.

Молча, волоча за собой чемоданы на колесиках, они прошли к городской гостинице. В холле их встретил густой запах маленького заведения, побывавшего на своем веку и советской гостиницей, и рабочим общежитием, и отелем для так называемого среднего класса. До сих пор гостиница пыталась держать марку: большой букет гладиолусов помещался на столе посреди холла, слежавшийся запах сигаретного дыма был сдобрен неплохими духами, и вместо ключей с тяжеленными стальными грушами Лена и Нина получили на руки пластиковые карты. Администратор, тощая девчонка, улыбалась немного через силу.

Все так же молча они вселились в номер, двухкомнатный полулюкс, и тут произошел инцидент. Лена обнаружила в ванной оборванное, как флаг на баррикаде, не очень белое полотенце и пришла в ярость.

- За такие бабки... Это что, четыре звезды?!

Матерясь, как обезумевший филолог, Лена скатилась по витой лестнице на первый этаж. Выйдя на площадку с затейливыми коваными перилами, Нина в лестничном пролете могла видеть всю сцену: Лена налетела на молодую администраторшу, потрясая рваным полотенцем, не слушая сбивчивых оправданий, требуя немедленно пригласить старшего менеджера, директора, мэра, костеря на чем свет

стоит тупых коров, которые зажрались, прилипли задом к вонючим креслам и прочее в таком роде. Нина отлично понимала, что, подняв крик на бледную беззащитную администраторшу, Лена избыгает горечь вчерашнего объяснения с шефом, крах иллюзий, неудавшуюся жизнь, бессонную ночь в купе; в конце концов Лена швырнула полотенцем в расстроенное лицо девушки за стойкой и, отдуваясь, вернулась в номер.

- Полегчало? - сухо осведомилась Нина.

- Они у меня, суки, к вечеру и окна помоят, и ковролин в комнате перестелют, - Лена вытащила из сумки пластиковую бутылку с водой. - Ну-ка, идем, пока я в деловой форме. Когда там рабочий день начинается в их конторе?

- В десять.

- В десять! Ты посмотри, сибариты хреновы, дрыхнут допоздна... Пошли!

Администраторша тихо рыдала, прикрываясь телефонной трубкой; Лена прошествовала мимо с высоко поднятой головой. Нина замедлила шаг, пытаясь придумать что-нибудь успокаивающее и примиряющее, но так ничего и не придумала; на дне сумки у нее лежал шоколад «Вдохновение» с орехами, призванный скрашивать суровые будни командировочной. Нина молча положила шоколад на стойку и вслед за Леной вышла на улицу.

Лена уже зафрахтовала пыльную «копейку», дежурившую, очевидно, возле гостиницы.

- На фабрику? - с готовностью спросил водитель.

- Да, - Лена уселась впереди, Нина забралась на заднее сиденье.

- Командировочные?

Лена пробормотала неразборчивую фразу, означавшую, что у нее нет охоты болтать.

Городок Загоровск при всей своей провинциальности был зелен и мил. На заднем сиденье у водителя валялась выдавшая виды карта, Нина из любопытства развернула ее. Да, крохотный городишко, окруженный лесами с одной стороны и полями с другой, с единственным крупным предприятием - деревообрабатывающей фабрикой «Брусок». Хорошая фабрика, единственная проблема - нет нормальной железнодорожной ветки. Говорят, два года назад собрались уже строить, но вот - не судьба...

А в остальном город как город: банк, большая электрическая подстанция, школы, почтовые отделения, больница, театр и концертный зал. Супермаркет в центре, гордо поименованный Моллом. Авторемонтные мастерские, колледж гостиничного хозяйства, турфирма «Горизонт»...

Машина остановилась на светофоре. Вдоль аккуратного бульвара сидели старушки, три очень похожие друг на друга круглые небольшие

бабушки. В ногах у каждой стояло пластиковое ведро, в каждом ведре горкой высились одинаковые красные яблоки. Старушки сидели, не заботясь о покупателях, беседуя, греясь на утреннем солнце, - вроде и не базар, а клуб или городской пляж...

Взвизгнув тормозами, у тротуара остановилась серебристая «мицубиси». Молодой человек, по виду зажиточный клерк, выпрыгнул с водительского сиденья, прижимая к груди пригоршню купюр. Нина нащупала в дверце машины ручку, опускающую стекло, и принялась бешено ее вертеть.

- Это вам, - молодой человек стоял к Нине спиной, шумела улица, но слова его были отлично слышны. - Это вам, и вам, и вам... На здоровье.

И, будто чего-то боясь, он снова нырнул в машину. Едва переключился светофор, «мицубиси» сорвалась с места и скоро исчезла впереди.

«Копейка» тронулась. Нина успела увидеть старушек, по-прежнему восседавших рядом, с деньгами в морщинистых руках: купюры, насколько смогла заметить Нина, не были мелкими. Старушки смотрели вслед машине.

- Эй, - Нина потрогала Лену за плечо, - ты видела?

- А? - Лена завопилась на сиденье. - Уже приехали?

- Нет, но тут была такая сцена...

- Отстань, я сплю...

Машина вырулила на местную окружную дорогу, и сразу сделалось пыльно. Здоровенные тягачи, платформы, груженые бревнами, шли медленно, в то время как навстречу тянулись фуры, покрытые брезентом, и ни о каком обгоне на узенькой дороге не могло быть и речи. Нина, чихая, подняла стекло; еще через пятнадцать минут машина остановилась у проходной фабрики «Брусок». Справа и слева от двери с вертушкой помещались гигантские рекламные щиты: «Наша фабрика - гордость Загоровска» (стилизиция под детский рисунок) и «Михаил Лемышев - мэр всех загоровчан» (огромное фото мужчины лет пятидесяти, улыбающегося только нижней частью лица).

- Приехали, - сказал водитель.

* * *

- Значит, вот это будет Тор, а это Фрея...

Директор фабрики, собственноручно явившийся на встречу, произвел на обеих неописуемое впечатление. Не то чтобы он был особенно красив или молод - лет под сорок, а внешность легко вписывалась в среднестатистические параметры, - но Егор Денисович блистал от кончиков начищенных ботинок до густейших волос на макушке.

Блестели озорные глаза, блестел значок на лацкане пиджака. Этот человек не вписывался в представление о провинции: он был столичный до последней складки на дорогих штанах. Его манера говорить, улыбаться, предлагать даме кресло не могла не заставить двух незамужних женщин затрепетать ноздрями, ловя исходящий от директора запах Givenchy.

Отодвинув «на потом» деловые вопросы, Егор Денисович начал с проблем художественных.

Он, оказывается, внимательно изучил эскизы Нины, полученные по электронной почте (а Нина-то думала, что отправляет их только для проформы!). Идея коллекционных шахмат из натурального дерева показалась ему чрезвычайно интересной.

- У нас, знаете, основная часть потока - простые и стандартные вещи, мы на них получаем основную прибыль, но душа-то хочет чего-то эдакого! Вот почему мы с таким удовольствием рассмотрели предложение вашей фирмы.

- Вот пакет документов, - Лена извлекла пачку бумаг из портфеля, но Егор Денисович остановил ее движением брови:

- Да-да, это мы сделаем, но чуть позже... Верочка, где там наш кофе?

Он употребил слово «кофе» в мужском роде, чем совершенно купил сердце Нины.

- Мой безоговорочный фаворит - вот этот скандинавский набор, - продолжал директор, глядя ей прямо в глаза, чуть улыбаясь, так что не было сомнения: беседовать с Ниной - радость. - Асы против турсов, белые против черных... Скажем прямо, шахматы не массовый вид спорта, как сувенир тоже довольно избито, но вот эти ваши эскизы, Нина Вадимовна... Мы должны это делать. Думаю, со скандинавского набора начнем, - он потряс листом, на котором изображен шахматный король Один. - Вы не просто художник, вы знакомы с технологией деревообработки, это ведь не пластиковая штамповка!

- Нам надо бы решить по раскладам, по правам и по деньгам, - нетерпеливо напомнила Лена.

- Д-да, - Егор Денисович обратил свой взгляд теперь на нее, и улыбка на его губах моментально убила едва народившееся Ленине раздражение. - Думаю, мы полностью согласуем за два-три дня.

Нина мысленно застонала. Они собирались уехать из Загоровска самое позднее завтра утром.

- Два-три дня?!

Лена уронила многозначительную паузу. Секретарша Верочка поставила перед ней чашку кофе с примостившейся на блюдце квадратной шоколадкой; Егор Денисович заулыбался шире.

- Ну, - сказала Лена, - мы рассчитывали... У нас большая загрузка, думаю, наше руководство...

- Мы подготовим очень интересный для вашего руководства договор, -

мягко сказал Егор Денисович. - Думаю, оно будет довольно вашей работой.

Лена, судя по лицу, горестно вспомнила о шефе, который с ней спит, но ни в грош не ставит. А Нина, как ни странно, обрадовалась: перспектива творческих бесед с директором почему-то улучшила ей настроение.

- Обратные билеты мы вам закажем, - заверил Егор Денисович. - Наш курьер привезет прямо в гостиницу.

- Хорошо, - согласилась Лена. Нина ограничилась кивком. Егор Денисович улыбнулся ей - без всякого сомнения, это была адресная, очень личная улыбка.

- Вы устали с дороги, правда? Вечером мы могли бы встретиться, у нас на территории есть отличное кафе. И обсудили бы за чашечкой чая художественную сторону проекта... Хорошая идея, как вам кажется?

* * *

Полотенца в номере заменили, палас заново пропылесосили и даже окна, кажется, наспех протерли снаружи.

- Я на диване, - сказала Лена. - Люблю спать на диване, если одна. Ты, если хочешь, забирай себе эту дурацкую двуспальную...

И замолчала, остановившись перед входной дверью. Нина, вытянув шею, заглянула Лене через плечо: когда они входили десять минут назад, никаких бумаг тут не было. А теперь в щели под дверью торчал оранжевый прямоугольный листок.

- Спам какой-то, - пробормотала Нина.

Она вытащила бумажку из-под двери; листок был плотный, без картинок, с текстом на одной стороне: «Антонова Елена Викторовна. Городское управление электрических сетей сообщает о задолженности. Вы должны выплатить в счет задолженности за электроэнергию три тысячи сорок рублей пятьдесят копеек. Оплата должна быть произведена в течение двадцати четырех часов».

- Бред, - растерянно пробормотала Нина.

- Вот козлы бородатые, - сказала Лена, снова раздражаясь. - Ну, я им устрою задолженность, я им...

- Погоди, - быстро сказала Нина. - Я сама.

И, снова обувшись, она спустилась к администраторше. Все еще бледная, но с обновленной косметикой, девушка выглядела как ни в чем не бывало и улыбалась, хоть и натянуто.

- Скажите, пожалуйста, - обратилась к ней Нина, - вот этот листок нам подсунули под дверь: кто подсунул, зачем и что это означает? И объясните, пожалуйста, как здесь очутились фамилия-имя-отчество Елены Викторовны?

Девушка, едва взглянув на оранжевый прямоугольник, вдруг побледнела, даже позеленела и покачнулась за стойкой, будто готовясь упасть в обморок. Нина за нее испугалась.

- Простите, - пролепетала администратор. - Это... у нас в городе...

- Что у вас в городе? - Нина говорила тихо, но очень твердо. - Вы же понимаете, что насчет задолженности - полная чушь, мы утром приехали и ничего не могли задолжать «городскому управлению электрических сетей»... Существует вообще в природе такое управление?

- Н-не знаю, - промямлила девушка. - Это... я не знаю, как объяснить. Никто не ходил по коридору. Никто из персонала не мог такое подсунуть.

- А данные? Не из вашей ли учетной карточки?

- Не знаю, - девушка овладела собой. - Ничего не могу сказать. Обращайтесь к старшему администратору, он будет после четырех.

- Странные шутки, - Нина пожала плечами. - И странная месь. Моя спутница - человек нервный, но рваные полотенца в номере - тоже ведь непорядок, правда?

- Это не месь, - сквозь зубы сказала девушка. - Я здесь вообще ни при чем. Но если... если хотите... - она перевела дыхание. - Ей надо эти деньги, вот сумму, что указана, отдать кому-нибудь. Или купить на эти деньги лекарств и отнести в больницу. Или просто милостыню... раздать.

- Сейчас, - желчно отозвалась Нина.

- Ну, что там? - прокричала из ванной Лена, когда Нина притворила за собой дверь номера.

- Предлагают тебе милостыню раздать на эти деньги, - проворчала Нина.

- Что, вот так, сто баксов - милостыню? Кучеряво они живут, у себя в Задрищенске!

Нина скомкала листок и выбросила в пластиковую корзину для бумаг.

* * *

Вечер удался.

«Беседа за чашечкой чая» вылилась в ужин за бутылкой хорошего вина. Нина подсознательно ждала разочарования: короткая встреча, полная недомолвок, предпочтительнее долгой беседы. Обаятельный директор при ближайшем рассмотрении мог оказаться недалеким и пустым.

Однако же не оказался.

Он разбирался в живописи, он специально ездил на театральные премьеры, он собирал коллекцию джаза. Он говорил комплименты

естественно, как воду пил, а подмечая мелкие недостатки эскизов, был доказателен и точен. К концу вечера они договорились быть на «ты»; Лена, купаясь в периферийных слоях милейшей беседы, наблюдала за Ниной с некоторой грустью.

Машина директора подвезла командированных дам к порогу гостиницы. Шагая к лестнице, Нина успела заметить напряженный взгляд администраторши; девушку должны были сменить под утро.

- Это хорошо, Нинель, - рассуждала Лена, устраивая себе логово на диване. - Это тебе полезно... Ты ведь красивая, умная, талантливая, а все одна - почему? Слишком хороша ты для среднестатистического мужика. Мужик это понимает. Ты это понимаешь...

- Ленка, - сказала Нина, - давай спать.

- Нет, а я говорю, что это хорошо! Кольца на пальце у него нет. Семейное положение неопределенное. И на тебя смотрит, знаешь, с интересом, я этот взгляд отлично различаю...

- Давай спать, Лен.

- Ну давай. Я завтра с утра поеду с договорами разгребаться, а ты спи, если хочешь, хоть до обеда...

Накинув халат, Нина на цыпочках прошла в ванную и в коридоре вдруг остановилась.

Из-под входной двери выглядывал белый листок. Нина взяла его в руки.

«Елена Викторовна, можете не верить, - прочитала распечатанный на принтере текст. - Но эти деньги надо отдать кому-нибудь за двадцать четыре часа. Пожалуйста, сделайте это. Пожалуйста. Иначе будет поздно».

- Ленка?

Лена уже спала, натянув одеяло чуть не на самую макушку. Не то она много выпила, не то здорово умаялась прошлой бессонной ночью.

- Лен?

Нет ответа. Тормозить измученного человека, который только что задремал, Нина не решилась; тем более что повод был не очень приятный и еще более сомнительный.

Подумав, она положила белый листок на тумбочку рядом с Лениной подушкой. В конце концов, завтра пусть сама решает, кого призывать к ответу за глупую затянувшуюся шутку.

* * *

Нина проснулась посреди дня. Солнце билось в закрытые шторы. Лены не было - уехала на фабрику. Белый листок, скомканный, валялся в мусорной корзине; что ж, Лена приняла самое естественное решение: наплевать на вымогателей.

После вчерашнего ужина немного ломило затылок. Нина тщательно привела себя в порядок (пожалуй, тщательнее, чем обычно) и отправилась на экскурсию по городу Загоровску.

Новая администраторша встретила и проводила ее приветливой улыбкой. Нина хотела о чем-то спросить, но передумала: не получалось сформулировать вопрос так, чтобы не звучал по-идиотски.

Она брела, разглядывая витрины, вернее, свое в них отражение. Ей почти тридцать, она не худышка, но фигура приличная. Она не красавица, но женщина интересная и следит за собой. Но что если Егору, с которым Нина теперь на «ты», просто нравится флиртовать с командировочными дамами?

Он называет ее «художником», он несколько раз давал понять, что ценит ее «глубокий творческий мир». Он отметил ее серебряный браслет, авторский, с двумя ящерицами. Он человек со вкусом... чем закончится эта поездка? И начнется ли что-нибудь после нее?

Вчера он обещал пригласить Нину и Лену к себе на дачу. Общим совершенно ясно, что приглашена Нина, а Лена, вчера днем выслушавшая по телефону извинения шефа, может тактично отказаться под каким-нибудь предлогом. Взрослые люди, не школьники. И все-таки - что это? Неужели на один раз?

А вдруг навсегда? Бывает же чудо?

Она грустно улыбнулась своему отражению.

У входа в парк напротив угловой аптеки смиренно сидел одноногий старик. Перед ним на асфальте расстелен брезент, на брезенте башенкой высились лисички. Старик сидел, сложив большие ладони на единственном колене, и смотрел куда-то вдаль; Нина вдруг остановилась, вспомнив вчерашнюю странную сцену, молодца на «мицубиси», щедро раздавшего милостыню, взгляды старушек ему вслед...

Она вытащила сотню рублей из кошелька и положила старику на лисички. Тот быстро поднял глаза.

- Это просто так, - быстро сказала Нина, - мне грибы не на чем готовить, я приезжая...

Старик презрительно сжал губы. Или Нине померещилось презрение? Как бы то ни было, она отошла с неприятным осадком в душе и скоро вернулась в гостиницу.

* * *

- Куда пойдём обедать?

Лена вернулась к двум часам, вполне довольная встречей.

- Завтра все закончим и вечером смотаемся домой... Или ты хочешь еще остаться?

- Да ну, - пробормотала Нина.
- Что ты такая кислая?
- Голова болит.
- У меня тоже все время затылок ноет... Странный какой-то городишко. Люди странные. Вроде улыбаются, а у самих глазенки-то бегают. Так куда мы пойдём обедать?
- А разве есть выбор? - пробормотала Нина. - В то кафе, что ниже по улице. Мне там вчера понравилось.
- Цены хорошие... - пробормотала Лена.
Она остановилась и нахмурилась, глядя мимо Нины - будто задумавшись о чем-то внезапно и глубоко.
- Ты чего? - спросила Нина.
- Может, это у них секта какая-нибудь? Типа: оплати счета земные, а то на Страшном суде будет поздно. Или просто с приезжих бабки вымогают? Так безыскусно, знаешь, никакой дурак не клюнет.
- У цыганок же получается.
- Так то цыганки... - Лена взяла халат, сброшенный на спинку кресла.
- Вот елки, антистатик-то я дома забыла, током бьюсь сегодня весь день... Тебя Егор пригласил уже на дачу?
- Нет.
Заиграл мобильный телефон. Лена проницательно улыбнулась.
- Да, - Нина постаралась удержать губы, произвольно разъезжающиеся к ушам. - Да, Егор. Добрый день...
Лена, махнув ей рукой, скрылась за дверью ванной.

* * *

Минут десять они говорили о техниках живописи, кузнечном деле и деревообработке. Егор пригласил Нину полюбоваться на его коллекцию старинных оловянных солдатиков - ее начал собирать еще дед Егора, генерал, отец продолжил, а Егор умножил. К сожалению, Елена Викторовна сегодня вечером не сможет прийти - ей надо посидеть с документами.

Нина закончила разговор с пылающими ушами и пустой, как воздушный шарик, головой. Летит ведь, летит, как бабочка на огонь, и знает, что потом придется раскаиваться...

Но бывает же чудо?!

Лена, посмеиваясь, вышла из ванной с полотенцем в руках:

- Видок у тебя... Не робей, подруга. Он мужик что надо... Сейчас идем, я только почту проверю.

Она открыла ноутбук на краю дивана, сдула с носа влажную прядь, тихонько запела под нос:

- Нож, я подарю тебе, ты выиграл, бери...

Сперва она замолчала. Потом из ее горла вырвался хрип. Лена двумя руками вцепилась в ноутбук, ее волосы встали дыбом, тело затряслось, забились в судорогах. С ноги слетела желтая тапочка со смеющимся зайцем.

Посыпались искры - целый сноп.

Нина закричала. Лена вдруг дернулась очень сильно, провод выскользнул из гнезда в корпусе ноутбука, и Лена ватной куклой повалилась на журнальный стол.

Пахло горелым.

* * *

- Это несчастный случай, - сказал врач «скорой».

Нина рыдала в администраторской. Ее накачали валерьянкой, корвалолом, еще какой-то пахучей дрянью, но лекарства, конечно же, не помогли, и она рыдала без перерыва вот уже почти час.

- Видимо, на корпус ноутбука пробилло напряжение из сети... А она вышла из ванной и взялась мокрыми руками, - врач говорил и смотрел в сторону. - К сожалению... за последнее время участились случаи... когда люди гибнут вот так.

Нина разрыдалась громче.

- Конечно, мы сообщим в милицию, - сказал врач. - Их дело - установить, что не было насильственной смерти... то есть была, но это несчастный случай... А мы ничем не можем помочь. Только тело увезем... Как вы собираетесь его транспортировать?

- Что?

- Надо сообщить родным, близким, они ведь будут забирать тело?

- О, господи...

Вторая администраторша, степенная полная тетенька, подсунула ей новый стакан воды.

- Я поеду домой, - сказала Нина, и зубы ее стучали о стекло. - Я поеду... сегодня... я не могу оставаться.

- Это вряд ли возможно, - мягко сказал врач. - Я все понимаю, но милиция должна составить протокол, закрыть все вопросы... К тому же куда вы поедете в таком состоянии? Пусть вам дадут другой номер, примите снотворное... Хотите, я сейчас вам добуду таблеточку? Пострадавшая - вам подруга, родственница?

- Коллега, - всхлипнула Нина.

- Вы были очень дружны?

- Нет... так, по работе.

- Вы меня простите, но тысячи людей ежедневно гибнут в автокатастрофах, от несчастных случаев, от болезней... Я понимаю, все случилось на ваших глазах. Но пройдет время, вы успокоитесь...

- Ей угрожали! - вдруг вспомнила Нина.

Врач поднял брови:

- Кто?

- Подсунули под дверь листок с требованием денег. Три тысячи рублей... с копейками.

Врач быстро мигнул. И еще раз; через несколько секунд Нина поняла, что у него нервный тик.

- Вы ведь сами свидетель, все видели, - сказал врач отстраненным, почти равнодушным голосом. - Кто мог ее убить? Кроме простого... переменного тока из розетки?

* * *

Милиция явилась через час и изъяла Ленин ноутбук. Вернее, то, что от него осталось.

- Видно невооруженным глазом, - сказал парень в погонах, взявший на себя роль эксперта. - Вот, даже клавиши спеклись... А жалко, хорошая была машинка.

- Как такое может быть? - спросила Нина, которая к этому моменту устала плакать и не чувствовала ничего, кроме адской слабости.

Милиционер пожал плечами:

- Мало ли...

Сердобольная администраторша в самом деле выделила Нине другой номер. Лихорадочно собрав вещи, содрогаясь всякий раз, когда на глаза попадалось что-то из Лениного, Нина перебралась в такой же точно полулюкс, но этажом выше, и оттуда перезвонила Егору Денисовичу.

Тот был потрясен новостью настолько, что даже начал заикаться:

- Н-не может быть. Б-боже, Ниночка, сколько тебе довелось пережить... Я приеду.

- Не надо, - сказала Нина. - Я заказала такси, через полчаса выезжаю на вокзал.

В трубке воцарилось молчание.

- Понимаю, - наконец сказал Егор. - Но ведь кто-то должен закончить все дела, забрать тело из морга...

- Это не я, - прошептала Нина. - У нее есть бывший муж, есть наш шеф, в конце концов... Завтра кто-то придет, или послезавтра, и все устроит. А бумаги я все равно не могу готовить, я ничего в этом не понимаю...

- Ясно, - снова повторил Егор. - В самом деле, наверное... Езжай, - его голос окреп. - Позвони как-нибудь.

- Ага.

Порыв ветра распахнул форточку. Нина вздрогнула; гроза,

собиравшаяся с самого обеда, подошла совсем близко. Далекая молния, беззвучно прочертившая небо, напомнила Нине сцену Лениной гибели. Она снова всхлипнула.

У нее еще хватило мужества вернуться в старый номер и сложить в чемодан Ленины вещи. Трясущимися руками она застегнула молнию; что еще она может сделать? Только сдать чемодан администраторше на хранение, чтобы родственники или те, кто приедет за Леной, могли забрать и ее багаж.

Снаружи снова раскатился гром.

Волоча за собой чемодан, Нина вышла из гостиницы. В полумраке перед крыльцом стояла машина с шашечками на крыше - знакомая «копейка», та самая, что везла их с Леной вчера утром.

Нина сжала зубы, села на переднее сиденье и запретила себе думать об искрах и электрическом треске, об оранжевой бумажке со счетом и вообще запретила себе думать.

Машина тронулась, и одновременно начался ливень.

* * *

В городе было на удивление много машин в этот час. И все они двигались медленно, будто плыли в широких лужах, и темно-коричневое море лизало их колеса.

Потом выбрались на трассу. Водитель не гнал - ехал осторожно; Нина то и дело посматривала на часы. Она почти не сомневалась, что возьмет билет прямо перед отходом, но опаздывать к поезду было нельзя.

Ветер раскачивал деревья, срывал с них листья, не успевшие пожелтеть; дождь то почти прекращался, то снова лил стеной. Посверкивали далекие молнии, и с большим опозданием доносился гром.

- Вот же погодка, - бормотал водитель. - И не сидится людям дома...

Нина молчала,

На половине дороги позвонил шеф. Голос его дрожал:

- Это правда?!

Перед отъездом Нина написала ему эсэмэс.

- Да, - Нина всхлипнула. - Я возвращаюсь.

- Господи... - сказал шеф и отключился.

Дождь прекратился. Только ветер рвал деревья с такой силой, будто хотел повыдергать с корнем.

- Вот же погодка, - снова протянул водитель.

Трасса казалась пустой и просторной. Куда-то подевались все фуры и лесовозы, не было видно и желтого автобуса. Как по мановению огромной руки, разошлись тучи, и проглянуло еще не темное,

украшенное огромной луной небо; над трассой, будто нотный стан, тянулись высоковольтные провода, и даже сквозь шум идущей машины слышался низкий треск.

- Ну и пого... - начал водитель.

В этот момент впереди сверкнула гигантская фотовспышка. Что-то грохнуло, содрогнулась земля, и провод, черный и гибкий, как пиявка, запрыгал на мокром асфальте. Там, где он касался земли, с треском взлетали белые искры.

Нина успела только глубоко вдохнуть. К счастью, садясь в машину, она по привычке пристегнулась; водитель затормозил так, что пассажирку швырнуло на ремень. Искры, молнии, светящиеся зигзаги прыгали по асфальту, расползаясь от упавшего провода; машина остановилась боком, почти поперек дороги, в паре метров от этой красоты.

- Свят-свят-свят, - прошептал водитель.

Резкий, морщинистый, пожилой, он немало повидал в жизни. Между большим и указательным пальцами правой руки у него была неразборчивая татуировка. Резво сдав назад, он развернулся через двойную осевую и, ни слова не говоря, погнал обратно в Загоровск.

- Но... - Нина осмелилась подать голос. - Как же... куда мы едем?

- Видела? - отрывисто спросил водитель.

- Надо позвонить в ремонтную службу...

- «В ремонтную», - голос водителя сочился желчью. - Знал бы - не поехал бы!

- Но мне надо на вокзал! Я опоздаю на поезд!

- Тебя не выпускает, - сквозь зубы пробормотал водитель.

- Кто?

- Меня ему не выпускать без надобности, я каждый день туда-сюда мотаюсь. Это ты.

- Вы же везете меня на вокзал, я деньги плачу!

- Деньги не мне, - все так же отрывисто сказал водитель. - Деньги раздай, кто нуждается. Ту сумму, на которую счет.

- Счет?!

Он на секунду повернул голову:

- Да не пугайся. Это не страшно. Просто раздай деньги, и он отпустит. Счет ведь получила, так?

Нина молчала.

- С приезжими беда, - пробормотал водитель. - Местные уже привыкли. Без вопросов. Получил счет, расплатился - все.

Машина проехала мимо большого щита: «Добро пожаловать в Загоровск!».

Сердобольная администраторша вовремя обнаружила, что у Нины с Леной оплачен двухместный полулюкс до самого завтрашнего вечера. Нина вернулась в номер, откуда вышла час назад, и повалилась на кровать поверх покрывала.

Надо было позвонить шефу. Надо было, наверное, позвонить Егору Денисовичу; Нина закрыла глаза, собираясь никогда больше их не открывать, в этот момент в дверь деликатно постучали.

Пришел следователь - немолодой человек в штатском, с портфелем, принадлежавшим, наверное, еще его бабушке энкавэдэшнику:

- Вам надо подписать протокол, Нина Вадимовна. Пожалуйста, будьте любезны.

Обилие вежливых оборотов в его речи украсило бы парадный ролик об этикете в милиции. Он похож был на актера Малого театра, играющего роль следователя. Или на неправильно запрограммированного робота: говоря, он смотрел в сторону, от этого его слова казались особенно фальшивыми.

- Какой протокол? - удивилась Нина.

- Вы ведь свидетель насильственной смерти... несчастного случая. Будьте добры, посмотрите.

Она просмотрела бумаги, хотя строки расплывались перед глазами. Это было довольно точное описание гостиничного номера и последовательных действий Лены: вышла из душа, в халате прошла к дивану, взяла в руки ноутбук, подключенный к гостиничной сети, двести двадцать вольт. Произошло короткое замыкание...

Нина оставила косую подпись в местах, отмеченных галочками:

- А почему вы вообще этим занимаетесь? Ведь дело не заведено?

- Я должен, - следователь мигнул. - Я отслеживаю все... такие случаи.

- Какие - такие? У вас что, люди пачками гибнут на ровном месте?

Следователь опять мигнул и скосил глаза:

- Не буду вас затруднять. До свидания.

- Погодите! Я подумала... Я думаю, кто-то специально испортил ноутбук моей коллеги, когда вошел в номер, когда нас там не было... Понимаете?

- Это будет сложно доказать, - печально признал следователь.

- Ей угрожали! Я уже говорила: она получила дурацкий счет на странную сумму, и администратор посоветовала ей раздать эти деньги нищим!

- А, - тусклым пластиковым голосом сказал следователь. - Интересно.

- Что интересного? Человека, возможно, убили, есть мотив...

- Мотив?

- Она очень грубо разговаривала с администраторшей. Той самой, которая советовала раздать деньги нищим... А представьте, если у кого-то есть доступ в трансформаторную, и можно подстроить,

например, скачок в сети...

Нина запнулась. Ее познания в электротехнике ограничивались школьным курсом физики, да и то полузабытым. Но обыкновенный здравый смысл подсказывал, что, скакни напряжение в сети, погорели бы все приборы в гостинице, а не только Ленин ноут.

- Понятно, - все таким же пластиковым голосом заключил следователь. - Спасибо. Мы все проверим.

И ушел.

Ветер за окнами завывал все тише, пыльные тюлевые шторы еле-еле колебались. Нина вспомнила, что вчера, ровно сутки назад, в это самое время они с Леной, хмельные и веселые, сидели с Егором в ресторане и говорили о скандинавской мифологии; в отдалении еле слышно пророкотал гром.

* * *

Она проснулась от тихого стука в дверь. Стук давно уже вплетался в ее сон - вкрадчивый, еле слышный и в то же время очень настойчивый. Так можно стучать часами, месяцами - пока тот, чье внимание хотят привлечь, проснется.

- Кто там?!

Нина вскочила в ужасе. С бьющимся сердцем заглянула в дверной глазок: у входа в номер стояла позавчерашняя молодая администраторша, жертва Лениного гнева.

- Что вам надо? Который час?!

Девушка вошла молча и притворила за собой дверь. Глаза у нее были красные, будто она редела всю ночь. Нина удивленно отступила, позволяя ей войти в комнату. Администраторша выложила на журнальный столик измятую оранжевую бумажку: «Антонова Елена Викторовна. Городское управление электрических сетей сообщает о задолженности. Вы должны выплатить в счет задолженности за электроэнергию три тысячи сорок рублей пятьдесят копеек. Оплата должна быть произведена в течение двадцати четырех часов».

- Я не виновата, - тихо сказала девушка. - Я предупреждала.

Нина двумя руками схватила ее за воротник форменной белой блузки:

- Так это ты подстроила? Ты?!

С этим криком Нина проснулась; никакой администраторши не было. Стояло утро, и довольно позднее. За окнами опять светило солнце, а в комнате сгущалась духота: когда леглась, Нина забыла открыть форточку.

Колотилось, выпрыгивая, сердце. Нина застонала; ничего, короткий сон лучше долгой бессонницы. Сегодня, решила она, я вернусь домой во что бы то ни стало. Хоть пешком уйду.

Она босиком прошла в ванную - и только на обратном пути заметила оранжевый прямоугольник, выглядывающий из-под двери.

Проглотив комок слюны с металлическим привкусом, наклонилась и взяла бумажку.

«Тормасова Нина Вадимовна. Городское управление электрических сетей сообщает о задолженности. Вы должны выплатить в счет задолженности за электроэнергию пятьдесят два рубля сорок пять копеек. Оплата должна быть произведена в течение двадцати четырех часов».

* * *

Молодая администраторша снова была на посту - такая же бледная и красноглазая, как в Нинином сне.

- Доброе утро, - сказала ей Нина.

Администраторша выдавила улыбку.

Нина огляделась - в холле не было никого; сквозь стеклянные двери виднелась улица, и неизменный пожилой таксист курил возле своей «копейки». Нина положила на край стойки оранжевый жесткий прямоугольник.

Администраторша прерывисто вздохнула.

- А если я пойду с этим в милицию? - тихо спросила Нина.

- Они вам скажут оплатить, - отозвалась девушка, не глядя Нине в глаза.

- Вымогатели, - пробормотала Нина. - Но пятьдесят два рубля? Из-за этого сыр-бор? Из-за пятидесяти двух рублей?!

- Ему все равно, - очень тихо сказала девушка. - Если рубль недоплатить или десять копеек - ему все равно.

- Кому?

Улыбка девушки превратилась в гримасу:

- Вы бы не задавали вопросов. Вы бы прямо сейчас пошли и отдали эти деньги, кому захотите. Тем, кто нуждается.

- Вам, например?

Девушка содрогнулась от ужаса:

- Только не мне. Я на работе!

- Поганое у вас местечко, - с чувством сказала Нина. - Но я следователю все рассказала. И еще расскажу, только уже не здесь. Я сегодня уезжаю.

- Если он вас отпустит.

- Что?!

Администраторша подняла глаза:

- Вы уже вчера пытались уехать?

Нина оглянулась. Таксист у входа протирал на машине зеркало - ну

конечно.

Одно смущает: можно представить себе злодея, ломающего ноутбук, устраивающего скачок напряжения. Но злодей, обрывающий провода высоковольтной линии?

Гроза. Ураган. Случайность.

- Ремонтники всю ночь корячились, - сказала администраторша. - Эта ветка, она же фабрику питает... Еле починили к утру.

Не отвечая, Нина вышла на улицу. Холодно кивнула таксисту, тот ответил суровым настороженным взглядом.

Нина спустилась по улице на угол, к аптеке. Вчерашнего одноногого старика не было у входа в парк; Нина вошла в аптеку, купила еще баралгина, рассеянно осмотрела выставку белых и цветных коробочек на витрине. Уперлась взглядом в ящик из оргстекла: «Помогите ребенку...» Диагноз, фотография. Груда серых купюр. Как обычно.

Нина вытащила из сумки шестьдесят рублей десятками и опустила в щель.

Ей почти сделалось стыдно. Этот ребенок, скорее всего, реален, и диагноз его реален; что изменят в его судьбе шесть мелких бумажек? Зато Нина оплатила неведомый счет, и, вот позор, у нее стало легче на душе.

* * *

Стоило выйти на улицу, как позвонил шеф. Он уже взял себя в руки и был деловит, как всегда; в пятницу за Леной придет машина от фирмы, гроб уже есть, бывший муж дал денег, родственники появились, ну, и сотрудники скинулись. Похороны в понедельник. «Ты приедешь, я надеюсь, к этому времени? Ах, ну да, понимаю. Приезжай, мы тебя ждем».

Рутина - лучшее средство от печали. Шеф распоряжался похоронами, как обычно распоряжался заказами и поставками, гроб превратился в ресурс, получаемый по накладной. Нина глубоко вздохнула, но в этот момент телефон затрезвонил снова:

- Как ты, Ниночка? Я все утро ждал, что ты позвонишь...

В голосе Егора Денисовича слышалась неподдельная тревога и искреннее участие. У Нины потеплело на сердце:

- Я не смогла вчера уехать. Провод упал прямо на трассу...

- Ужас! Я знаю... У нас был аврал ночью, в мэрии не спали, на фабрике не спали... Починили, слава богу. Если ты не уехала, может, все-таки приедешь на дачу?

Нина закусила губу.

- Не знаю, - призналась честно. - После того как Лена...

- Я все понимаю! Но не сидеть же тебе одной? Елена Викторовна

была сложная женщина, ты с ней не дружила, как я понимаю, но в одиночку после такой истории нельзя! А мы просто посидим, поговорим, чаю выпьем... Приезжай, а? Я машину пришлю.

- У меня гостиница только до вечера.

- Переночуешь на даче. А завтра тебя отвезут к поезду. Я же слышу, какой у тебя голос, ты не должна оставаться одна!

- Спасибо, - наконец согласилась Нина.

Вероятно, ее запас горя по Лене иссяк: высохли слезы, вернулся аппетит. Она плотно пообедала в кафе, купила огурец в магазине напротив, вернулась в номер и задумчиво надела маску. Да, она осунулась от тревог и переживаний, но, если убрать припухлость век, в целом встряска пошла ее лицу на пользу: добавился блеск в глазах, немного лихорадочный, но очень интересный. Тоньше и выразительнее сделался овал лица. Нина с удовольствием приняла душ, уложила волосы и поняла, что счастлива.

Бывает же чудо? Может, вся ее жизнь стоит теперь на пороге праздника, счастливого переворота, волшебства; Лена мертва, но она, Нина, жива, и жив Егор. Ей было стыдно и непонятно, как можно радоваться сегодня, после всего, что случилось вчера. Но бывает и чудо.

Молодая администраторша удивленно воззрилась на нее, когда Нина, подтянутая, благоухающая, с рассеянной улыбкой на лице, спустилась с вещами в холл. Положила карточку на край стойки:

- Все, до свидания. Надеюсь больше не вернуться.

- До свидания, - отозвалась администраторша еле слышно.

И что-то добавила, но Нина не расслышала.

* * *

У Егора были старинный проигрыватель и коллекция виниловых пластинок. Нина никогда бы не подумала, что черные блестящие диски, такие дорогие в детстве, до сих пор могут приводить ее в восторг.

- Акустически - совсем другое! Вот послушай...

И Егор поставил Вертинского, пластинку столь древнюю, что и в Нинином детстве ее сочли бы антиквариатом.

- «Над розовым морем вставала луна, во льду зеленела бутылка вина»...

Они немного танцевали. Очень много пили. Уговорили вдвоем пузатую бутылку «Хеннеси».

- «Послушай, о как это было давно, такое же море и то же вино...»

Дача - двухэтажный особняк с блестящим паркетом в холле, колоннами у входа, бесконечно уютной, хоть и огромной гостиной, -

казалась Нине декорациями к мексиканской драме. На ее глазах сквозь натуральную кожу проступал дерматин, которого не было, не могло быть в этом доме. На ее глазах проникновенная песня из трогательной делалась пошлой.

- «Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой, мы жили тогда на планете другой...»

- Я устала, - сказала Нина, осторожно высвобождая руку из горячей ладони Егора.

- Я понимаю... Ты так много пережила...

От этой реплики ее чуть не вырвало. «Дело во мне, а не в нем, - призналась она себе, преодолевая алкогольную слабость. - Дело во мне. Это я виновата».

- Там приготовлена для тебя комната, - ласково сказал Егор.

В этот момент она готова была расцеловать его в приступе благодарности.

Поспешно покинув гостиную, где горели свечи, она поднялась по мраморной лестнице в гостевую комнату, где могли разместиться пять человек без малейшего неудобства. Едва умывшись и стерев с лица так тщательно наведенный макияж, она упала на широченную постель; перед глазами у нее прыгали электрические искры.

Она получила оранжевый счет утром, в половине десятого.

Сейчас время перевалило за полночь, начались новые сутки. Она оплатила счет вовремя. Как положено дисциплинированному плательщику. Почему же ей так страшно и муторно?

Но ведь она сейчас не в гостинице с ее истеричными администраторами, с ее разболтанными розетками.

И завтра она поедет домой. Прощай, Загоровск.

И еще...

Без стука открылась дверь. На пороге стоял Егор в распахнутом халате на голое тело, с большим апельсином в руке.

«И это мне тоже снится», - в ужасе подумала Нина. Трясущейся рукой она нащупала выключатель прикроватной лампы.

- Ниночка, - объятый мягким светом Егор шагнул вперед, пьяно улыбаясь от уха до уха.

- Я ведь заперлась, - пролепетала Нина. - Кажется... Егор, я ведь сплю!

Плотная волна коньячного духа подтвердила, что она бодрствует.

- Выйдите вон, - пролепетала она, с перепугу заговорив чужими словами. - Уйдите отсюда!

- А это называется «динамо», - с ласковой укоризной проворковал Егор. - Нехорошо накручивать динамо, Нина, ты ведь не девочка уже...

И, уронив халат на ковер, он пошел к ней, раскинув руки.

Нина тоскливо ждала; она почему-то никогда не думала, что может стать жертвой изнасилования. Теперь, глядя на идущего через комнату

голого мужчину, она прекрасно понимала; что протестовать, конечно, можно, но бесполезно. Женщина, явившаяся на чужую дачу с ночевкой и пившая с хозяином коньяк при свечах, в глазах общественности - а отчасти и собственных - уже должница, которой выписали счет и предстоит его оплатить. Она не понимала, как ей мог нравиться Егор: сейчас, когда с директора слетели лоск и блеск, он сделался не более привлекательным, чем туша кабана на бойне. Подчиниться было унижительно, сопротивляться - глупо; она ждала, лихорадочно перебирая варианты, когда Егор вдруг выронил апельсин.

Бледное его тело вытянулось и изогнулось дугой.

Из-под босой ступни веером полетели искры. Апельсин еще падал.

Егор затрещал и захрипел. Его глаза вылезли из орбит, а волосы встали дыбом. Прикроватная лампа замигала, будто пытаясь передать кому-то сигнал азбукой Морзе.

И погасла. В темноте, пропахшей паленым, Нина услышала, как тело рухнуло на ковер.

* * *

Свет в особняке отключился полностью.

Нине хватило мужества найти свой мобильник и воспользоваться им как фонариком, кое-как одеться и прикрыть Егора его халатом.

Только потом она вышла на лестницу и закричала, призывая охрану, беспокойно бродившую с фонариками по первому этажу.

Через полчаса перезапустили генератор, и гостиная озарилась электрическим светом. Нина сидела в кресле и вертела в пальцах пустую коньячную рюмку.

Приехала «скорая». Врач и медсестра были незнакомые. Они констатировали смерть и уехали, не задерживаясь.

Еще через час явилась милиция - и среди прочих давешний следователь, умевший говорить пластмассовым голосом. Он поднялся в гостевую комнату и вышел оттуда спустя пятнадцать минут.

- Все ясно, - он опустил в кресло рядом с Ниной. - Там провод лежал прямо на ковре. Изоляция повреждена. Провод от лампы, понимаете?

- Нет, - сказала Нина.

Следователь пытливо посмотрел на нее:

- Егор Денисович...

- Не было на ковре никакого провода, я его не помню!

- Пойдите и посмотрите, будьте любезны. Он весь обуглился... провод, в смысле. Хорошо, что пожара не случилось.

- Очень хорошо, - желчно подтвердила Нина.

- Дело будет громкое, - будто извиняясь, сказал следователь. - Для

города Егор Денисович - фигура номер один. Даже мэр не настолько популярен.

- Я собираюсь уехать домой.

- Извините, в ближайшие дни не получится, - голос следователя обрел твердость. - Несчастный случай с директором фабрики - это не случай с вашей, простите, коллегой. Вам придется остаться. Будет заведено дело.

- Какое дело?!

- О неосторожном обращении с электропроводкой, например. Привлекут, может быть, монтажников... или кто там отвечал за этот кабель.

- Я должна вернуться домой! Срок моей командировки истек!

- Он ведь не получал счета? - вдруг пробормотал следователь, глядя мимо Нины и делая вид, что болтает сам с собой.

- Нет, - отозвалась она медленно.

- Странно... Что он делал, когда наступил на провод?

Нина молчала.

- Вы замужем?

- Нет.

- Тогда в чем проблема? Вы взрослый человек, свободный, с кем хотите, с тем и...

- А с кем не хочу?

Следователь наконец-то на нее взглянул:

- То есть вы не хотели?

- Идите к лешему!

- Егор Денисович, - подумав, сказал следователь, - несколько раз попадал в щекотливую, м-м, ситуацию... и откупался. Ничего такого, никаких малолеток... Просто... любит он это дело. Любил.

«Асы против турсов. Здравствуй, Фрея, я твой Тор...» Нина скорчилась в кресле, обхватив колени руками.

- Так что он делал, когда его... убило?

- Шел, - нехотя отозвалась Нина.

- К вам?

- Нет, пописать!

Следователь долго смотрел на Нину - и вдруг побледнел. Позеленел, будто увидев перед собой в кресле смерть с косой.

- Я сделаю все, чтобы вы уехали из города как можно скорее, - сказал он, еле разлепляя губы.

* * *

Ночью по узкой, но отлично отремонтированной дороге Нина возвращалась в Загоровск все в том же такси - «копейке», и за рулем

сидел все тот же пожилой водитель. Фары выхватывали из темноты асфальтовую полосу на сотню метров вперед.

«И слишком устали, и слишком мы стары для этого вальса и этой гитары...» - назойливо крутилось в голове у Нины.

- Вот оно, гляньте, - сказал вдруг водитель сквозь зубы. В стороне от дороги угадывалась темная груда развалин.

- Здесь жил отец Филипп со своей матушкой. Строгий. Бывало, в пост пройдетя по базару, увидит прилавков, где мясо этак выложено, да и плюнет на него... Не постесняется.

- Ого, - пробормотала Нина.

- Починял церковь чуть ли не сам, во все вникал. Электрика выгнал за маты. Сам монтировал проводку. И ударило его током, уж не знаю как. Занялся пожар... Все сгорело: церковь, дом. Тело вытащить рабочие не успели. Поставили крест на кладбище над пустой могилой... А матушка его уехала.

Машина разогналась на трассе, и развалины остались позади.

- И что? - тихо спросила Нина.

- А и то! - веско сказал водитель. - В позапрошлом октябре это было. С тех пор стали счета приходить, иной раз грешникам, а иной раз вроде и не поймешь за что. А бывает, что и без счета кого-то... Вот как Егора Денисовича, земля ему пухом.

- Он наступил на провод, - сказала Нина. - Это короткое замыкание!

- И всегда так, - шепотом согласился водитель. - Короткое. Короче некуда.

- Почему же никто не говорит об этом? Почему все молчат?!

- А и ты молчи, - посоветовал водитель, пожевав губами. - Целее будешь, вот что.

В полной тишине они снова, как и вчера вечером, проехали мимо большого щита: «Добро пожаловать в Загоровск!».

* * *

Молодая администраторша не спала. Появлению Нины не удивилась, взяла паспорт, повертела в руках:

- Значит, будем вас заново селить.

- Селите, - меланхолично согласилась Нина.

Большие круглые часы над администраторской показывали половину пятого утра.

- Мне скоро сменяться, - сказала девушка.

- Сменяйтесь.

- Я вообще сутки через двое, просто попросили выйти подменить...

- Сколько угодно.

- Это правда про Чукотского?.. Он умер?

Нина не сразу сообразила, что Чукотский - фамилия Егора.

- Да. Наступил на провод.

Девушка вытасила учетную карточку:

- Я тут за вас сама заполню. Вы потом просто подпишитесь, ладно?

- Ладно.

- Он был неплохой человек, - девушка, кажется, просто не могла заставить себя замолчать. - Много делал для города. Только когда он пришел на эту должность, уже было ясно... Два года назад, в октябре.

- Да? - Нина насторожилась. - И что было ясно?

Девушка сообразила, что сказала слишком много.

- Мне потом счет придет, - проговорила жалобно.

- За что?

- За язык, - она писала, не поднимая глаз, выписывала печатными буквами паспортные данные.

- Кто присылает счета?

Девушка вздохнула:

- Прежний начальник фабрики был, вообще, золотой человек. И у него была дочка, мы в одном классе учились. Светка. На медаль шла. Такая девчонка, ну чудо...

- И что случилось? - Нина сглотнула, чувствуя, как подступает холодок к горлу.

- Банда каких-то приезжих гопников ее убила, - администраторша снова и снова выводила цифру «8» в учетной карточке. - У нас вообще спокойно, никогда не было, чтобы... А он, прежний директор, Степан Ильич, пошел на фабрику, открыл трансформаторную будку и... Говорят, кучка пепла от него осталась. И в тот же день, минута в минуту, на машину этих ублюдков рухнула опора с проводами, и машина всмятку, а в машине - горелые кости... Это правда, - она наконец-то подняла глаза. - Я была на похоронах Светки, тогда все и случилось. А потом стали приходить счета.

- А как же священник? - в замешательстве спросила Нина. - Отец Филипп?

- А это сказки, - твердо сказала администраторша. - Тот пожар был раньше. И, говорят, просто рабочие напились и подожгли случайно.

- Это ты написала записку Лене? - спросила Нина. - «Елена Викторовна, можете не верить...»

Девушка чуть заметно кивнула:

- Мне вчера тоже счет пришел. Я на фотоаппарат хороший откладывала: все пришлось выгрести из заначки и оплатить.

- За что? - медленно спросила Нина. - Что вовремя не растолковала правила?

- Да.

- Но ты же не могла!

- Все равно.

- Ничего себе, - пробормотала Нина, - ни хрена себе понятие о справедливости...

- Зато, - девушка вдруг вскинула подбородок, - у нас больницы лучшие в районе. И детская, и взрослая. Все есть: лекарства, аппаратура, все. Не осталось нищих. Пенсионеры хорошо живут.

- За счет оплаты счетов?

- А что?

- Ленка-то не знала, - пробормотала Нина.

Девушка снова сникла. Нина взяла из ее рук свой паспорт, карточку-ключ и хотела уже уйти, но вернулась от лестницы:

- Городское управление электрических сетей - это настоящая организация? Кто у вас тут занимается столбами, проводами, трансформаторами - ну, всем?

- Горэнерго.

- То есть обыкновенные счета тоже приходят? За свет?

- Как везде.

- А «городское управление сетей»...

- Это справедливо, - тихо проговорила девушка.

Нина удержалась от грубости и молча поднялась по знакомой лестнице.

* * *

За окнами едва светало. Нина автоматически потянулась к выключателю - но рука ее остановилась на полпути.

Раздувая ноздри, она встала посреди полутемной комнаты. Прислушалась.

Свинными рылами глядели из углов розетки.

Маленький телевизор примостился на тумбе у окна. От него тянулся провод и терялся в стене.

Калачом свернулся шнур от торшера, змеей - от настенной лампы-бра.

Нина сжала зубы. Аккуратно выдернула из розетки шнуры торшера и бра. Отключила телевизор: погас кроваво-красный глазок на передней панели. Для спокойствия она вывернула бы пробки, но здесь, в гостиничном номере, не было отдельного распределительного пульта. Стоя посреди комнаты, она улыбнулась теперь уже с облегчением.

Дальше что?

Нина повалилась на кровать; в последние дни ей приходилось спать совсем немного, и сон не шел на пользу. Голова ныла, внутри сидел незадуманный вопрос, который она зацепила мимоходом - и оставила на потом с пометкой «очень важно».

Что за вопрос?

Шнур на ковре в гостевой комнате. Удлинитель. Кто-то впопыхах переключил лампу у кровати, выдернув шнур из ближней розетки и подключив к дальней. Горничная? Или кто там убирает у Егора на даче, кто следит за исправностью электрики? Вместо того чтобы немедленно починить розетку, некто переключил лампу и, возможно, постарался спрятать шнур. Но гостья, полупьяная и измученная, случайно потянула его - дверью, каблуком или ножкой стула... И нарушила изоляцию.

Логично. Но не этот вопрос и не этот ответ, откровенно притянутый за уши, заставлял пульсировать затылок. Почему испугался следователь? Чего он так сильно испугался, побледнел, пообещал выпустить Нину из города как можно скорее?

Лежа, она притянула к себе сумку, брошенную рядом с кроватью. Открыла в поисках зеркала. Под руку попался сложенный вдвое оранжевый листок. Нина мигом вспотела - и почти сразу поняла, что листок вчерашний. Оплаченный счет: «Тормасова Нина Вадимовна. Городское управление электрических сетей... Вы должны выплатить... Оплата должна быть произведена в течение двадцати четырех часов».

И ниже мелким шрифтом: «По всем вопросам обращайтесь...» и номер мобильного телефона. Она вспоминала и не могла вспомнить: на первом счете, на том, что получила Лена, - этот номер был или нет?

Нина вытащила из сумки свой телефон. Подумала и спрятала обратно. Сняла трубку пластикового гостиничного аппарата на прикроватной тумбочке.

Набрала номер, с ужасом прислушиваясь и не зная, чего ожидать.

Послышался музыкальный проигрыш, и женский голос, каким обычно говорят автоответчики, сообщил мелодично и мягко:

- Вы позвонили в справочную службу городского управления электрических сетей. Вы можете оставить сообщение после сигнала либо отправить короткое сообщение на телефонный номер, указанный на бланке счета. Спасибо за звонок.

Послышался писк, и Нина положила трубку.

Будь под рукой компьютер, она обязательно попыталась бы навести справки о «городском управлении сетей», но Ленкин ноутбук лежал запертый где-то в милиции и годился только на вещественное доказательство: клавиши его спеклись, внутри все сгорело. Прикрыв глаза, уже засыпая, Нина увидела перед собой пляшущего в искрах голого Егора и резко села на кровати.

Вытащила телефон. Путаюсь и промахиваясь по клавишам, настучала письмо: «Егор Дени... не полу... чил счета». Отправила на номер, указанный на оранжевом листке, и подумала обреченно: ну, сейчас за эту эсэмэску с меня снимут все, что есть на телефонном счету.

Через несколько секунд телефон курлыкнул, оповещая о получении эсэмэс, и Нина покрылась мурашками. Наверняка ответ от робота: ваше сообщение принято, оплата такая-то...

«Ему не посылали счета».

Нина отодвинула телефон. Выдернула из-под себя покрывало и одеяло, укуталась, сунула голову под подушку.

«Ему не посылали счета». Потому и не получил. Логично. Интересно только, какой дурак сидит на этом номере и в шестом часу утра отвечает на эсэмэски со скоростью молнии...

Тихий треск заставил ее содрогнуться и сесть. Так трещит неисправная электропроводка; но Нина отключила от сети все, что могла, в этом номере.

Или в кровати забыт оголенный провод?

Или в ванной под полом, ожидая своего часа, потрескивают контакты? Фарадей, Вольт, лейденская банка. Сила тока, напряжение, трансформатор, генератор, конденсатор. Электрический стул. Оборвавшийся провод, колоссальный бенгальский огонь на блестящем от влаги асфальте. Со скоростью молнии.

Она прислушивалась так, что уши заболели. Треск не повторялся. Может быть, это нервы ее, разыгравшись, снова и снова дают пережить то, что она уже дважды испытала?

Телефон сам лег под руку. Допустим, это такая игра; Нина глубоко вздохнула и написала новую эсэмэс, без ошибок: «Тогда за что он заплатил?».

Ответ пришел через секунду после отправки: «Догадайся».

Это бот, с облегчением подумала Нина. Никто не может генерировать текст так быстро, значит, он подставляет уже готовые слова и фразы случайным образом. Говорят, можно часами беседовать с ботом и не знать, что он не человек.

Она ухмыльнулась и набила новое сообщение: «Сколько мне лет?».

«29».

Между отправкой сообщения и ответом теперь вообще не было промежутка. Пинг-понг. Нина долго рассматривала маленький монитор, пытаясь понять, зачем ее обманывают глаза.

Если это совпадение, то очень, очень дурацкое! Пока она уговаривала себя, пришло еще одно эсэмэс: «Не уезжай из города пожалуйста».

Нина отключила телефон. Прислушивалась несколько минут; в номере было тихо. Телефон молчал, как и положено отключенному прибору. Снаружи потихоньку входило утро, высвечивало бледно-сиреневые обои с еле заметным темным пятном вокруг белого выключателя...

Нина нажала кнопку. Окошко мобильного осветилось; курлык - пришло сообщение: «Ты забыла выключить холодильник».

И смайлик.

Нина вскочила. В ящике письменного стола, где в приличных гостиницах бывает мини-бар... Там крохотный холодильник! О котором она совершенно забыла, и холодильник до сих пор подключен к сети!

Она осторожно сползла с кровати. Прокралась в гостиную, выбирая, куда ступить, чтобы ни в коем случае не задеть случайный, взявшийся из ниоткуда провод. Холодильник работал бесшумно. Его шнур был подключен к розетке под столом, поэтому Нина его не заметила.

Она опустилась на четвереньки. Она думала только, как поудачнее выдернуть вилку; прочим мыслям не было места. Она взялась за белую пластиковую вилку двумя пальцами, плавно потянула - сухой резкий треск и вылетевшая одинокая искра заставили ее отпрыгнуть.

Не думая больше о холодильнике, она вернулась в спальню и среди складок покрывала нашла телефон.

«Почему умер Егор?»

«Он желал тебе зла».

И, пока Нина переваривала эту новость, пришло еще одно сообщение: «Оставайся тебе ведь нравится Загоровск».

«А если уеду?» - настучала Нина.

«Получишь счет, который не сможешь оплатить», - был моментальный ответ.

Нина выключила телефон.

Ей хватило нескольких минут, чтобы тут же, не входя в ванную, привести себя в порядок. В который раз за последние дни подхватив упакованный чемодан, она вышла из номера и в холле гостиницы вдруг оказалась в тесной компании: крашеная блондинка и лысоватый мягкий мужичок окружили ее, вдвоем создавая видимость толпы, тыча под нос диктофоны:

- Доброе утро, Нина Вадимовна, газета «Загоровский вестник», меня зовут Ира, вы не могли бы рассказать о своей фирме, о планах сотрудничества с фабрикой «Брусок»...

- Это правда, что вы стали свидетельницей трагической гибели Егора Чукотского? - сразу перешел к делу мужичок.

Нина почувствовала себя героиней полицейского сериала. Оглянулась за помощью к администраторше, но вместо бледной девушки за стойкой возвышалась монументальная, в рыжих кудряшках дама.

- Я уезжаю, - сказала ей Нина.

- Это правда, что вы привлечены к делу в качестве свидетеля? - жадно спросил мужичок, тоже смотревший американское кино.

Бросив на край стойки карту-ключ, Нина рванулась к выходу - и на пороге гостиницы, уже снаружи, столкнулась со знакомым следователем.

- А я за вами, - сказал он вместо приветствия.

* * *

- Я должна уехать немедленно.

- Не волнуйтесь. Уедете.

Машина следователя, старинный «бобик», ухитрилась влипнуть в единственную на весь город пробку. Когда, простояв на центральном проспекте полчаса, «бобик» свернул на узкую административную улочку, от нервов издерганной Нины можно было прикуривать сигарету.

Следственное управление оказалось серым офисным зданием со множеством коридоров и комнат. На белых дверях сортиров развешены таблички, повелевающие соблюдать чистоту. Нину привели в большой кабинет, где между плоскостями из тусклого линолеума и рыжеватой штукатурки заключались скрипучий стол, выводок стульев, сейф и армия фанерных шкафов.

- Мы нарушаем установленный порядок, - нервно сказал следователь.

- Нужно было прислать вам повестку, вот эту, - он выложил на край стола документ с печатью. - Но времени катастрофически не хватает. Вы ведь хотите уехать поскорее, так?

- Я вам кое-что хочу показать, - сказала Нина, осененная. - Вы помните номер, который напечатан на счетах? Вот...

Она вытасила телефон, включила, трясущимися пальцами набрала эсэмэс: «Почему умер Егор Денисович?».

Ответа не последовало. Нина ждала секунду, и две, и двадцать; следователь вздохнул:

- Давайте не будем отвлекаться.

- Посмотрите! - Нина открыла одну из эсэмэсок в папке «Полученные». - Он мне отвечал!

Следователь взял ее телефон. Меланхолически просмотрел записи. Вздрогнул, будто запнувшись обо что-то взглядом. Посмотрел на Нину:

- Скажите...

- Что?

- Ничего, - следователь еще больше помрачнел. - Нет, все понятно...

Возьмите.

Он вернул ей телефон.

- Вы ведь можете узнать, на кого зарегистрирован тот номер? - не сдавалась Нина.

- Ни на кого, - сказал следователь.

- То есть?

- Такого номера не существует.

- А, - Нина запнулась.

- Расскажите подробно, как вы попали на дачу к Егору Денисовичу, как прошел вечер и что случилось потом, - следователь опять заговорил пластмассовым голосом.

- А потом мне можно будет уехать?

- Да. Немедленно.

Нина облокотилась о стол:

- Как вы знаете, мы с моей коллегой Еленой Антоновой приехали в

Загоровск по делу...

Она запнулась. Вот уже много часов она не вспоминала Лену, чье тело до сих пор хранилось в городском морге.

- По делу, - она справилась с голосом, - связанному с совместной работой нашей дизайнерской фирмы и деревообрабатывающей фабрики «Брусок»...

Она говорила, не переставая, двадцать минут, и в горле пересохло. Она рассказала все, как было, только в самом конце ее истории Егор Денисович вошел в комнату, чтобы... чтобы уточнить, когда у нее поезд. Да-да, она не знает, почему именно в этот момент ему понадобилось знать время отбытия. Возможно, он хотел успеть закончить работу с документами... После несчастного случая с Еленой Викторовной все сделалось так непросто...

Она замолчала, и следователь пододвинул к ней стакан с водой:

- Сейчас расшифруем диктофонную запись. Вы подпишете: «С моих слов записано верно». И вас отвезут на вокзал.

- Спасибо, - искренне поблагодарила Нина.

И подумала: «Присылай, присылай свой счет. Я буду далеко. И я буду очень-очень осторожна, я вывинчу пробки в квартире, я буду жить при свечах. Мне бы только добраться домой, а уж там я найду на тебя управу...»

На столе следователя зазвонил телефон.

- Да, - сказал следователь и сдвинул брови. - У меня... Что? А... Я предупреждал, что... он уверен? Да знаю я... Хорошо.

Он положил трубку, и по выражению его лица Нина поняла, что есть новости, а вот хорошие или нет - непонятно.

- Мэр хочет с вами поговорить, - сказал следователь. - Это недалеко. Через дорогу.

* * *

В коридорах мэрии не горел свет; поверх розеток белели пластиковые защитные колпаки. Кабинет мэра был освещен солнцем, который день подряд согревавшим дневной Загоровск.

Мэр, невысокий щуплый человек лет пятидесяти, приподнялся ей навстречу из-за стола. Встретившись взглядом с его воспаленными глазами, Нина подобралась.

- У меня есть информация, - тускло сказал мэр, - что вы не сможете уехать из города, Нина Вадимовна, ни сегодня, ни завтра. Ни послезавтра.

- Откуда информация? - пробормотала Нина, чувствуя, как обморок бродит где-то в районе затылка.

- Из надежных источников, - не мигая, отозвался мэр. - К сожалению...

все очень серьезно.

Нина скользнула взглядом по его пиджаку, по стопке бумаг, по затейливому письменному прибору и сувенирному календарю; на краю стола валялись резиновые перчатки. Черная резина прикрывала нечто оранжевое, прямоугольное.

Мэр проследил за ее взглядом. Быстро обошел стол, взял перчатки и то, что они прикрывали, бросил за приоткрытую дверцу сейфа:

- У нас есть резиденция для официальных делегаций. Приличное место, мы туда селим почетных гостей, спортсменов, артистов...

- Я собираюсь вернуться домой, - сказал Нина.

- Это невозможно! - В голосе мэра скользнула истерическая нотка. - Я сам... мы сами бы рады вас отправить подобра-поздорову. Но не можем.

- Подумайте, - сказала Нина, - возникнут вопросы. Срок командировки закончился. На работе у меня пойдут прогулы. В пятницу придет машина за телом Елены. В понедельник похороны.

- Нина Вадимовна, - мэр тяжело дышал. - Или вы найдете способ объяснить вашим коллегам и родственникам необходимость задержаться в Загоровске на какое-то время, или мы будем вынуждены... я не знаю. Обвинить вас в убийстве Чукотского, запереть в следственном изоляторе... Решайте.

- Вы это серьезно?!

- А вы не понимаете? - мэр посмотрел ей в глаза.

- О, господи, - пробормотала Нина.

* * *

Дом делегаций представлял собой старый особняк, отремонтированный лет пять назад и разделенный на несколько изолированных квартир. Курьер принес Нине пиццу, которую она не заказывала, но взяла, потому что надо же что-то есть; на кухне нашлись чай и чайник, тостер и хлеб, сахар, соль и йогурты в холодильнике.

Оглядевшись, Нина отыскала в коридоре распределительный щит. На ее счастье, автоматические предохранители были снабжены рычагами; сжав зубы, надев на руку полиэтиленовый пакет, Нина перевела рычажки в положение «откл» и вытерла со лба холодный пот.

Отключился холодильник. Безопасными сделались розетки. До вечера оставалось еще несколько часов. У входа в особняк, отлично видимый из окна, стоял толстый мужчина в штатском, курил и смотрел себе под ноги.

Нина вытащила мобилку и увидела, что аккумулятор вот-вот прикажет долго жить. Пока она раздумывала, не позвонить ли шефу, тот

объявился сам.

- Нина?! Ты где?

- В Загоровске.

- Что ты до сих пор делаешь в Загоровске? Ты с утра должна быть на работе!

- Меня не выпускают, - сказала Нина.

- Что?!

- Меня не выпускают из Загоровска, - она крепко сжала зубы. Пусть мэр решает свои проблемы самостоятельно.

- Ты что, рехнулась? Мужика встретила, да? Учти, что за сладкие похождения потом расплачиваются горькими...

Разговор оборвался. Аккумулятор мобильного полностью разрядился. Нина несколько секунд смотрела на телефон, будто впервые его увидев.

Нет, у шефа, конечно, своеобразный взгляд на мир...

Ей вдруг сделалось жалко Лену - заново и до слез, по-бабьи.

Могла ведь устроить свою судьбу, красивая, неглупая, темпераментная. Но вот зацепилась за шефа, мерзавца, который безнадежно женат на еще одной несчастной бабе, и подрастают двое детей. И годами бы тянулась эта бесперспективная связь, если бы не город Загоровск и счет, который Лена не оплатила...

Она перестала плакать так же внезапно, как начала. Интересно, на какую сумму прислали счет мэру. И за что он будет платить. А ведь заплатит, никуда не денется: не уберегут его ни резиновые перчатки, ни вывернутые пробки. Спасибо Фарадею, Вольту, Амперу, Ломоносову сего теорией электричества - некуда бежать. Загоровск надет на электрическую сеть, как тушка на шампур: подстанции запитаны от магистральной линии, разливают свет по улицам, тепло по микроволновкам и тостерам. А Нине и чая-то вскипятить негде: в наличии электрочайник и электроплита...

Она съела холодную пиццу и подумала, что их шефу, пожалуй, неплохо бы прислать счет. За Лену и за всех, кому он походя жизнь сломал. Пицца оказалась с колбасой; подбирая упавшие на картон кружочки, Нина представила, как шеф вытаскивает из конверта оранжевый прямоугольник. Какое у него делается лицо, когда он видит сумму... Нина поняла, что эта мысль ей приятна. Счет шефу. Это было бы справедливо.

Она вытянулась на диване и подумала еще: о высокопоставленных негодях, жирующих на чужой беде; каждый из них, получив счет, оплатил бы его, и колоссальные несправедливые деньги переключались бы к больным, нищим, бедным...

Она одернула себя: а бедные-то не разжиреют ли на деньгах, упавших с неба?

Она перевернулась на бок и подперла щеку ладонью. А бедные,

допустим, если разленятся и возомнят о себе лишнее, тоже могут получить небольшой счет... Напоминание на будущее, чтобы не зазнавались...

Она улыбнулась. Мысли, совершенные в своем безумии, развлекали ее. Очень трудно и неприятно защищаться от невозможного, особенно когда оно лезет в твою реальность с решительностью бегемота; зато когда наконец уверуешь в невозможное - мир становится простым и легким, как воздушный шарик.

Она поколебалась еще; на улице темнело. Выглянув из окна, Нина увидела, что уже разгораются фонари и что толстого мужчину у двери особняка сменил тонкий, высокий, в ярком китайском пуховике.

Она прошла в прихожую, задержала дыхание и перевела рычажки предохранителей в положение «вкл». Потом включила свет в комнате и зажмурилась: такой яркой показалась ей обычная лампочка.

Нашла в сумке блок питания, подключила мобильник к сети. Руки немного дрожали и чуть не выронили трубку, когда пришел сигнал о получении эсэмэски.

«не бойся все хорошо»

Ну конечно.

Оставив телефон заряжаться, Нина пошла на кухню и наконец-то вскипятила чаю. Все хорошо: эта штука, чем бы она ни была, почему-то с симпатией относится к Нине. Может пригрозить, конечно, может прислать счет на смехотворную сумму... Просто так, для порядка. Но в принципе, в принципе... Получается, что директор фабрики «Брусок», не последний в городе человек, расстался с жизнью только потому, что повел себя неделикатно по отношению к Нине.

А ведь в суде его, скорее всего, оправдали бы, подумала она, размешивая сахар в исходящей паром чашке. Да и не дошло бы до суда. Такое изнасилованием-то не назовешь... Скажут: чего ты хотела, рыбонька, зачем ты к нему приехала, подавала надежды, ты же не школьница? Не было изнасилования, просто надо платить по счетам...

Нина отхлебнула из чашки, обожглась и фыркнула.

«Он желал тебе зла».

Нет, в тот момент он ничего ей не желал, он вообще о ней не думал. И вот - заплатил. За Нину. За одно только намерение.

А ведь никто и никогда не считал Нину великой цацей. В школе она была на вторых ролях. В институте - на вторых. В жизни - то на вторых, то на третьих. Даже рядом с Леной она всегда чувствовала себя дуэньей...

Она отставила чашку, взяла стул, приставила к стене - там, где лежал на паркете телефон, подключенный к розетке. Вот вопрос, который хотел задать ей следователь во время последней встречи: а почему, собственно, *это* так вам симпатизирует, что даже не хочет отпустить?

Она долго думала, как сформулировать свой вопрос, в конце концов

написала: «Почему именно я?».

«Ты этого достойна», - пришел моментальный ответ.

Нина задумалась. Достойна ли она, чтобы ее заперли насильно в городе, откуда она хочет вырваться? Или она достойна того, чтобы каждый, кто косо на нее посмотрит, получал счет на огромную сумму?

Она поняла, почему побледнел следователь при взгляде на нее. Она поняла, почему нервничал мэр; «какое-то время, - подумала она, - меня будут ублажать, как царицу, а потом слетят с катушек и убьют... Уберут каким-то образом, и я их понимаю...»

«Ты меня не отпустишь?»

«Тебе будет хорошо здесь», - пришел ответ.

«Кто ты?» - решила Нина.

«А ты кто?»

«Я человек, женщина, дизайнер. А ты кто?»

«И я человек», - пришел ответ.

Нина почувствовала, как горячий пот выступает между лопатками:

«Как тебя зовут? Ты мужчина или женщина?»

Пауза. Новая эсэмэска не приходила; тихонько треснула розетка, от которой питался мобильник. Нина отпрыгнула, чуть не повалив стул.

Она заигралась. С этим нельзя играть. Надо было сидеть в темноте, не трогая предохранители, ни с кем не разговаривая.

Грянул звонок. Нина вскрикнула; оказалось, что звонил городской телефон на журнальном столе: обыкновенный, старый, темно-синий телефон с массивной трубкой на витом шнуре.

- Алло! - пробормотала она в трубку.

- Нина Вадимовна? - она не узнала голос. - Как у вас дела?

- А вы кто?

- Я Михаил Андреевич, мэр.

- А, - сказала Нина и немного смутилась. - У меня хорошие дела, кроме того, что шеф требует, чтобы вернулась на работу.

- Возможно, мы сможем с ним договориться, - сказал мэр.

- Вы?

- Почему нет? Мы продлим командировку. Договоримся с руководством фабрики. Оплатим все расходы. Нина Вадимовна, Олег Федорович мне сказал, что у вас есть... некие эсэмэс на телефоне?

Нина мучительно думала несколько секунд, прежде чем вспомнила, что Олегом Федоровичем зовут следователя с пластмассовым голосом.

- Есть, - сказала она вдруг охрипшим голосом.

- Вы не против, если я к вам подъеду через несколько минут?

* * *

Войдя в гостиную, мэр первым делом прищурился. Можно было ничего не объяснять: этот человек, как минимум, несколько дней не включал ночью свет и отвык от электрической яркости.

Нина, разыгрывая хозяйку, усадила его в кресло у стола. Мэр внимательно осмотрел комнату и только потом принужденно улыбнулся:

- Видите ли, не каждый... может похвастаться, что у него есть в коллекции эсэмэс с того номера.

- Может быть, это трюк, - предположила Нина невинным голосом. - Знаете, подставной номер. Шарлатанство.

Мэр молчал. В этом молчании был ответ на все предположения: о шарлатанстве, хакерстве, подставных номерах, авантюристах, террористах и масонском заговоре.

«Он оплатил свой счет, - подумал Нина. - Оплатил и все равно боится, и наверное, гораздо больше меня».

Не дожидаясь повторной просьбы, она протянула мэру свой телефон. Рука его дрогнула, но мэр совладал с собой:

- У вас «Нокия»? У меня ай-фон, я забыл, как тут и что...

Нина молча помогла ему открыть папку с письмами. Директор подался вперед, пролистывая, шевеля губами.

- Не надо задавать ему вопросов, - сказал он еле слышно.

- Почему?

- Он замыкается... или его замыкает.

- Что это такое? Вы знаете? Оно существует на самом деле?

- Нина Вадимовна, - сказал мэр. - Вы не согласитесь со мной прогуляться?

* * *

«БМВ» мэра заехала так далеко и в такую темноту, что Нина всерьез начала беспокоиться.

- Э-э-э... Михаил Андреевич? Куда мы едем?

- Не беспокойтесь, Нина Вадимовна. Это рекреационная зона...

- Немедленно возвращаемся!

- Не бойтесь, ради бога, вам ничего не угрожает!

- Выпустите меня!

- Нина Вадимовна, пожалуйста... Лёня, останови!

Нина выскочила из машины и остановилась, тяжело дыша, метрах в двадцати, на обочине. Кругом не было ни огонька. В такт влажному ветру раскачивались провода высоковольтной линии.

- Мы не можем стоять под линией, - шепотом сказал мэр. - Понимаете?

- Куда вы меня везете?

- Да ладно, никуда... Просто надо свернуть к лесу. Не под линией, понимаете?

Одолев слепой страх, Нина вернулась в машину. Минут через пятнадцать машина остановилась на пригорке под столбами - пустыми, без проводов. Только несколько опор осталось от старой линии. Керамические изоляторы белели, как молчаливые птицы на перекладинах.

- Слушайте, - шепотом сказал мэр, - не перебивайте. Утром, в четыре ноль-ноль, запланировано отключение главной подстанции. Весь город полностью останется без света. Мне очень много сил стоило... добиться, пробить, договориться... Убытки... Мы протолкнули операцию как «профилактические работы», но в это время, с четырех до половины пятого... его не будет. Я не знаю, получится ли у нас до конца его уничтожить, но вы сможете уйти.

Нина молчала.

- Есть же какие-то ограничители, - нервно продолжал мэр, - границы... рамки для него... Есть же какой-то способ его остановить...

- Кто он?

- Да никто! - мэра трясло. - Как вы себе представляете? Кто это может быть?! Уже согласие в городе наметилось: гады, мол, получают по заслугам, когда оплачивают счета, пусть так и будет... Электрик для них - все равно как местный бог, региональный такой, справедливый, по их представлениям...

- Кто?!

- Электрик, вы такого слова не слышали у нас? Батюшка жаловался: чуть не заставляют его признать Диму святым...

- Диму?

Нина вспомнила развалины сгоревшей церкви у дороги. И рассказ девушки-администраторши о прежнем директоре фабрики.

- Это... старый священник? Он же Филипп? Или...

- Это мой сын! - отрывисто сказал мэр. - Автокатастрофа, полгода в коме, все ждали чуда, хотя уже ясно было... А тут авария на подстанции. И город без света, весь...

Он замолчал. Все тот же сырой ветер трепал ветки уставших за лето деревьев.

- Аварийно отключилась больница, - шепотом сказал мэр, - и пока переходили на резервный генератор, он умер... А потом я стал получать эсэмэски, - мэр содрогнулся. - А потом начали приходить счета...

- И вам? - быстро спросила Нина.

- Нина Вадимовна, - глухо сказал мэр. - Дима был умственно отсталый. Его любимого человека - воспитательницу и нянечку - звали, как и вас, Нина Вадимовна. Это была очень хорошая, добрая женщина. При ней и Дима был добрый... Он привязался к вам просто потому, что

вы напомнили ему ту женщину. Других объяснений у меня нет.

- Что же мне делать?

- Уезжать! Вы с ним не справитесь. Он волнуется, когда вы рядом. Скоро мне нечем будет оплачивать его счета. Для меня одна надежда: отключение подстанции. Ему нечем будет питаться. Он перестанет. Закончится.

- Умрет?

- Как может умереть... неживое?

- Погодите, - сказала Нина. - Вы обращались,, к ученым? К экстрасенсам, ну, я не знаю... В желтую прессу?

- В желтую прессу, - мэр криво улыбнулся. - Ну разве что... Знаете, сколько такого публикуют по стране? Про русалок, инопланетян, полтергейст? Каждый день в газетах, а в Интернете вообще валом... Вот у нас один захотел прославиться, написал в своем блоге вроде как хронику... Потом продал компьютер, чтобы оплатить счет. Хорошо, что дом не продал.

Нина помолчала. Она понимала, что сказано все, и даже больше, и все-таки не удержалась:

- А что стало с той женщиной? С Ниной Вадимовной? Вы так говорите, будто...

- Она была за рулем машины, когда они разбились, - мэр скрипнул зубами. - Запомните: с четырех до половины пятого. Света в городе не будет вообще. Бегите и не включайте телефон. Не стойте под высоковольтной трассой. Не прикасайтесь к розеткам. Бегите и не оглядывайтесь.

* * *

О том, чтобы спать, не было и речи. Заново отключив свет в квартире, Нина сидела у окна, глядя на освещенные окна вверх и вниз по улице.

У входа в особняк стояла машина, из окна растекался шансон, иногда перешибаемый рекламой.

Нина массировала ноющие виски, пила давно остывший чай и думала об Электрике.

Он грамотно пишет эсэмэски, вот в чем проблема. Иногда пренебрегает знаками препинания, но не потому, что не умеет их расставлять. Телеграфный стиль бывает выразительнее эпистолярного, безупречного с точки зрения пунктуации. Как-то не вяжутся его письма с рассказом несчастного мэра.

Умственно отсталый мальчик, импульсивный, капризный? Или все-таки бывший директор фабрики? Или отец Филипп? Затея со счетами - в духе непримиримого священника, не стеснявшегося в постный день плюнуть на прилавок с мясом... Да, Лена была хамовата и

несдержанна, но на электрический стул за такое не сажают!

«Нет, я не включу телефон.

А если я уеду из Загоровска, мне все еще будут приходить его эсэмэски?»

Или Электрик заключен в рамки города, вернее, в рамки городской энергетической сети? Почему он до сих пор не растекся по всему миру? По каким законам живет это существо, если это существо, конечно, а не явление?

Может быть, в магистральной сети для него слишком высокое напряжение? Он не может пойти от подстанции вверх, как рыба не может перепрыгнуть плотину ГЭС? Поэтому он существует только в Загоровске, только в местной сети и, возможно, предпочитает определенное напряжение, частоту, силу тока...

Нина вздохнула. Школьная физика была давно, очень давно. Рассказать бы специалисту, поделиться гипотезами.

Нет, я не включу...

«Ты этого достойна». Разве это ответ мальчика, которому она напомнила любимую воспитательницу? «Ты этого достойна». Почему? Где тот момент, тот поворотный пункт, после которого Электрик обратил на нее особое внимание?

Шоколад на гостиничной стойке? Деньги поверх грибов лисичек одноногого старика? Что? И с какой стати Электрик должен ценить ее за добрые, конечно, но такие мелкие и необременительные в общем поступки?

Ей всегда хотелось, чтобы кто-то ценил ее просто так. Не за лицо и одежду, не за ум и стиль, и уж конечно, не за подачки. Ей хотелось, чтобы в роду у нее нашлись королевы, чтобы на бронзовой монете был высечен ее профиль, чтобы на стальном щите красовалось ее имя. Боже мой, детский сад! «Ты этого достойна». Не то откровение, не то рекламный слоган.

Она взяла в руки трубку. Посмотрела на кварцевые часы на стене: половина первого ночи.

Утонула кнопка. Засветился экран телефона. Тишина...

«Ты здесь?»

«Здесь», - пришел моментальный ответ.

«Чем я отличаюсь от других?»

«Ты знаешь».

«Нет».

«Нина. Тебе цены нет».

«Ты не Дима», - она зубами отодрала присохшую кожицу с верхней губы.

«Зачем ты отключила свет? Я все равно тебя вижу».

- Чем ты видишь? - спросила Нина вслух. Ответа не последовало.

Только не задавать глупых вопросов. Вроде: если ли у тебя глаза,

мужчина ты или женщина, почему ты набираешь текст так быстро...

«Ты права. У меня нет имени».

Нина вздрогнула.

«Меня никак не зовут, потому что меня никто не зовет», - пришла следующая эсмэска.

И через секунду другая: «Назови меня как-нибудь. Только не Электрик».

Нина заметалась.

«Как тебя назвать? Как ты хочешь, чтобы тебя называли?»

«Как-нибудь».

«Свет, - она решилась. - Я буду называть тебя Свет, хорошо?»

Смайлик. И еще один смайлик через секунду; он смеется, подумала Нина.

- Тебя хотят убить, - сказала Нина вслух.

«Спасибо».

Она содрогнулась. Вдруг он слышал?!

«За что?»

«За имя».

«Тебе нравится?»

«Конечно».

Нина еще раз посмотрела на часы.

«Мне пора спать, - написала, подумав. - Уже поздно».

«Спокойной ночи. Ничего не бойся».

«Погоди», - быстро написала Нина.

«Что?»

Стук часов отдавался звоном в ушах. Хотя стучали они еле слышно.

«Споко...ной ночи», - трясущимися руками написала Нина и быстро выключила телефон.

* * *

В четыре часа погасли редкие окна, кое-где светившиеся на фасадах домов. Погасли все фонари вдоль улиц. Погасли вывески и рекламные щиты.

В полной темноте, рассчитывая только на ущербную луну почти в зените, Нина бегом добралась до перекрестка. Там дежурила, мерцая в темноте автономной электрической «шашкой», знакомая «копейка».

- Чего это? - пожилой водитель с интересом оглядывался. - Темно-то как... Свет, что ли, вырубился?

- Авария на подстанции, - сказала Нина.

- Ого-о, - протянул водитель. - Это серьезно.

- Мне на вокзал, - сказала Нина.

Водитель длинно посмотрел на нее; выражение его лица оставалось

неразличимым во мраке.

Тогда она сделала над собой усилие и рассмеялась.

- Чего думаешь, дядя? Заплачу по счетчику вдвое. И учти, у меня все счета погашены!

Таксист решился.

По пустому темному городу, пробивая его светом фар, они выбрались на трассу; часы у Нины на запястье показывали четыре пятнадцать. Над дорогой протянулись провода высоковольтной линии - беззвучные. Пустые.

- Только скорее, - попросила Нина. - Только скорее, дядя, я опаздываю!

Водитель снова на нее покосился, но скорость добавил. Трасса была пуста, и «копейка», подпрыгивая на выбоинах, неслась почти по самой осевой.

- Скорее!

Миновали шит «Добро пожаловать в Загоровск!» - оставили его позади. Нина закусила губу; еще через десяток километров, почти в четыре тридцать, дорога и высоковольтная трасса разошлись в разные стороны. Столбы с линейкой проводов ушли налево, туда, где на холме едва виднелось здание подстанции. Дорога свернула направо, и впереди показался свет на железнодорожном переезде.

Тогда Нина разрыдалась, пугая водителя. Она рыдала от радости избавления; она лила слезы, оплакивая злую судьбу, второсортность и одиночество, которые продлятся теперь вечно. Единственное существо, способное ценить и любить ее, оказалось чудовищем в электрической сети; тот, кого она назвала Светом, должен был навсегда исчезнуть этой ночью - она надеялась на это и боялась этого, и, оплакивая Электрика, выла в ночном такси - по-волчьи и по-бабьи.

* * *

Телефон звонил и звонил; Нина долго не могла сообразить, где она находится. Это дом, сладостный дом, родная квартира, разобранный чемодан посреди комнаты, свет за окошком... Ну и дорожка была, бр-р... Который час?

Телефон не уставал. Приподнявшись на локте, Нина взяла валявшуюся на тумбочке трубку:

- Алло...

- Слава богу, - сказал шеф, и в его голосе была искренняя радость. - А то я уже нервничаю, честное слово.

- Чего нервничать? - сонно пробормотала Нина. - Со мной все в порядке...

- Ленку привезли, - серьезно сказал шеф. Нина вздохнула сквозь зубы.

- Да, съездили вы, - шеф тоже вздохнул. - Сплошные похороны. Договор подписывать они пока не будут - у них руководство новое еще не назначено... И... ты слышала - мэр в Загоровске дуба дал?

- Что? - Нина резко села на кровати.

- Да вот, этой ночью, уже есть в новостях. Током его убило, что характерно.

- О блин, - тихо выдохнула Нина.

- Слушай, а это... что у них там с электричеством?

- Не знаю.

- Отдыхай, - помолчав, сказал шеф. - Похороны в понедельник, в десять.

- Приду.

Она дала отбой - и тут увидела сообщение на автоответчике. Звонили ночью: в это время городской телефон у Нины был автоматически отключен. Два часа ночи... Кто же это?

Внутренне собравшись, она нажала на красную мигающую кнопку.

- Нина Вадимовна! - прокричал сквозь помехи знакомый голос. - Это Лемышев, мэр... Не подключайте свой мобильник к сети! Слышите? Не ставьте трубку заряжаться! Уничтожьте аккумулятор! Слышите? Пожалуйста! Перезвоните мне! Скорее!

Короткие гудки.

Нина медленно повернула голову.

На тумбочке возле кровати лежал ее мобильный телефон. Черный шнур зарядного устройства торчал из розетки.

Нина подошла. Взяла трубку в руки. Телефон чуть нагрелся, аккумулятор был полностью заряжен...

Она выдернула шнур из розетки. Перевела дыхание. Пошла на кухню выпить воды...

И остановилась в прихожей.

Из-под запертой входной двери торчал яркий оранжевый прямоугольник.

ВЛАДИМИР ДАНИХНОВ

ВОПРОС ВЕРЫ

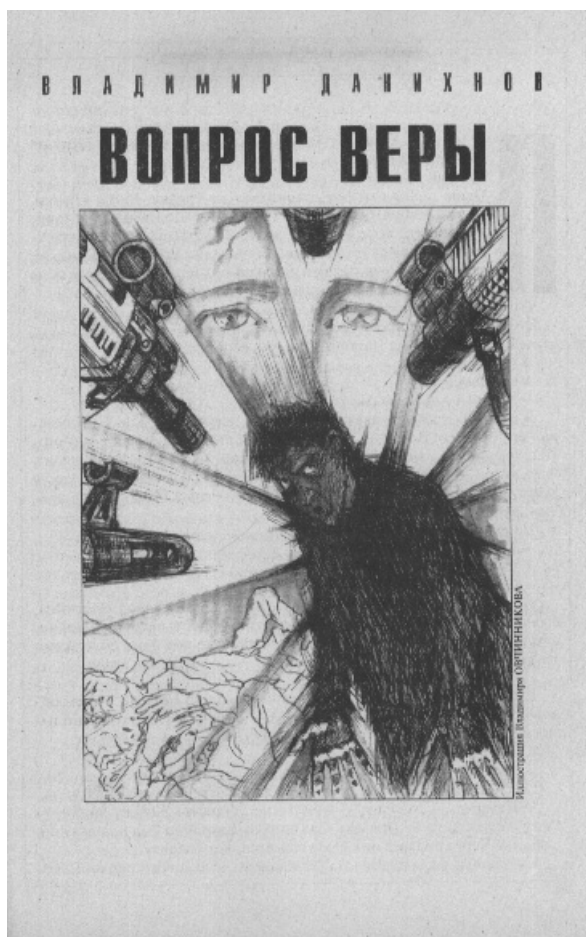

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

5.

Примотал я, короче, пивную бутылку скотчем к телефонной трубке и говорю:

- Паш, глянь.

Паша поднял голову, посмотрел на трубку. Вид у Пашки, честно говоря, был не ахти. Правая рука болтается, как тряпка, губы разбиты, а в щеке, натурально, дыра. И кровь запекающаяся повсюду - на лице, на пальцах. Ужас что за вид. И, главное, помочь ему нет никакой возможности. Лекарств не захватили, бинты кончились. Попадалово.

- Что за дрянь? - прохрипел он.

- Это телефон со встроенной функцией пива.

- Идиот, - сказал Пашка. - Какой же ты идиот.

Я пожал плечами.

А он говорит:

- Помоги мне подняться.

Я отложил трубку и схватил Пашку за левую руку; кое-как поставил его на ноги. Довел до окошка, что на внутренний двор смотрит. Пашка рукой в холодный каменный подоконник уперся. Вниз глядит. А во дворе - свежая могила. Холмик и крест. Перекошенный такой крест, из

двух досок на скорую руку сооруженный. Моя, между прочим, работа.

Паша просит:

- Помоги мне спуститься.

Я хмыкаю:

- Да запросто.

Приобнял я Пашку и по каменной лестнице повел вниз. Лестница, сволочь, крутая, и ступеньки кое-где от старости осыпаются: один неосторожный шаг - и кубарем вниз. А площадка под нами обломками завалена. Напорешься на острый камень - поминай как звали.

Но, слава богу, обошлось.

Вышли мы во дворик, кое-как доковыляли до могилы. Рядом обнаружился Виктор. Сидит, зараза, возле могилы и сигареткой попыхивает. Я от возмущения чуть не задохнулся.

Как закричу на него:

- Ты чего тут делаешь, подлец? А наверху кто остался?

Он спокойно затаился, дым выдохнул и отвечает, гад этакий:

- Наверху, - говорит, - никого не осталось. Женьку убили. - Сказал и вздохнул: - Прямо в глаз попали. Кровищи было... неважно, в общем. Через полчаса они сюда заявятся, вот увидите.

Сказал и за фляжку взялся. Тут я понял: дело совсем плохо. Потому что Виктору эта фляжка от Ирки досталась. А Ирка ему фляжку на день рождения подарила. Виктор, он ведь совершенно непьющий. Но Ирке пообещал: когда почувствует, что пришло время помирать, обязательно из фляжки хлебнет. У Ирки во фляжке ром был. Ей-богу, натуральный ром. Где она его достала, леший знает; но все были в курсе, что у нее там ром. То ли с Гаити, то ли с Кубы, то ли еще откуда. Я точно не знаю.

И так мне этого рому захотелось, аж слюнки потекли. Невозможно представить, как мне его захотелось. А когда я чего-нибудь очень хочу, я, натурально, всякий бред начинаю нести.

- Слушай, - говорю, - Витя. А ведь твоя фляжка - устройство с кучей разных применений. Потому что, сам подумай, фляжка предназначена для хранения жидкостей - и это ее первая функция, а жидкость, которая в ней хранится, предназначена для приведения тебя в непотребное состояние - и это ее вторая функция. Ну? Как тебе?

Виктор посмотрел на меня исподлобья.

- С дуба ты рухнул, - говорит. - Честное плешивое, рухнул.

- Наверное. - Я кивнул. - А еще я телефон со встроенным пивом изобрел. Представляешь?

- Представляю, - говорит. - Представляю, что ты - балбес.

Я сел рядом с ним и молчу. А солнышко-то припекает. Я кепку поправил. Посмотрел из-под козырька на небо. Небо синее-синее, и только с запада одинокая тучка ползет. Крохотная, зараза, как блоха.

Тут я посмотрел направо и вижу: Виктор фляжку в руках судорожно

сжимает. Сжимает, подлец, и не пьет. Вертит фляжку в заскорузлых пальцах - и не пьет. Ну не скотина ли? Положи ее на место, раз не пьешь! Не бережи душу, гад!

Вдруг - на тебе! - Пашка заплакал. Ей-богу, я раньше не видел, как Пашка плачет. Он при мне ни разу не плакал. Пашка, он очень суровый, подонок. Я думал, он вообще плакать не умеет. А тут взял да и заплакал. Стоит перед могилой на коленях и слезами обливается. Крест гладит левой рукой и рыдает. Развесил сопли, сволочь.

- Эй, - говорю. - Хватит! Перестань немедленно!

А он:

- Алиса мертва. Мужики, вы чего, не понимаете?! Алиса мертва!

Тут меня чуть не переключило, захотелось треснуть этого болвана по башке. Каким-нибудь кирпичом. С большим трудом я подавил в себе это желание. Но настроение упало ниже плинтуса, это я вам точно говорю. Поднялся я - и давай вокруг креста круги нарезать. Я когда нервничаю, всегда круги вокруг чего-нибудь нарезаю: пунктик у меня такой.

И вот я нарезаю и в расстроенных чувствах начинаю Пашке втолковывать:

- Ты, Пашка, - говорю, - думаешь, что слезами горю поможешь. А я тебе правду скажу: ни хрена не поможешь! Ты, вместо того чтоб рыдать, погляди лучше, какой я крест для Алиски соорудил. Вот ты думаешь, что это просто крест. А это не просто крест, Паша. Это, Пашенька, многозадачное устройство! Видишь, гвозди в досках остались? Думаешь, я их из-за небрежности не повыдергивал? Да ни фигя подобного! Я их нарочно оставил! Потому что это не только крест. Это еще и орудие убийства. Вот вломятся во двор те подонки, которые за нами от самого города идут, а я крест из земли выдерну да как зафигачу гвоздем кому-нибудь в башку! Мало не покажется. Так-то, Пашенька.

Закончил я свою речь и молчу, жду Пашкиной реакции.

А Пашка только головой покачал.

- Идиот, - говорит. - Какой же ты идиот...

Ну, хоть рыдать перестал. И то хлеб.

- А помните, как космодром горел?

Мы повернулись к Виктору. Он смотрел на фляжку. Ну вот чего он на нее уставился, скажите на милость? Зачем? Пил бы уже, что ли, а то ведь только зависть в душе распаляет, скотина.

- Помним, Витя. Помним.

- Космодром горел, а люди радовались, - сказал Виктор. - Смотрели, как рушатся здания, как горят корабли, и радовались, негодяи. Их там много было, людей-то. И все радовались. А я молча смотрел. И Алиса смотрела. Хорошо, что ее никто не узнал. А то растерзали бы на месте.

- Он затаился. - И вот я стою, мужики, посреди толпы, рядом с Алисой,

и думаю: сейчас она заплачет. Вот сейчас. А у нее глаза сухие-сухие. Я ей шепчу: «Ничего, Алиска, слетаешь еще на Марс. Или еще куда-нибудь. И нас с Ирккой возьмешь». А она: «Конечно, возьму». И так мне вдруг плохо стало, что захотелось всех вокруг убить. За то, что они сделали с космодромом. За то, что сделали с Алисой. Никого бы не пожалел, честное плешивое. Детей бы убивал. Женщин. Стариков. Всех. Но Алиса разве позволила бы? Нет, мужики, Алиса бы не позволила... Поэтому никого я не убил. Стоял и смотрел, как космодром горит.

Я пожал плечами. Пашка подковылял к Вите, сел рядом и забрал фляжку. Я думал, Виктор будет ругаться, ударит Пашку, но он ничего такого не сделал, зараза. А Пашка спокойненько отвинтил крышку и сделал глоток.

Мне фляжку протягивает:

- Будешь?

И тут... я не знаю, что на меня нашло. Клянусь, не знаю. Отвернулся и буркнул:

- Не буду.

- А ну не строй мне тут из себя целочку! Ты же давно рому хотел попробовать!

- А теперь не хочу.

Сказал и обругал себя последними словами. Ну надо же: сам отказался от мечты. Что я за человек такой? Скотина какая-то, а не человек.

Тут вдалеке затарахтело - я аж вздрогнул. Потарахтело и стихло. Из автомата палят, сволочи. Шороху, твари, наводят.

- Минут через пятнадцать в замке будут, - сказал Виктор. - Они пока не знают точно, сколько нас осталось, поэтому медленно движутся, с опаской. - И как-то он так весело это произнес, что меня злость разобрала: ну чему тут веселиться? Нас, значит, убивать собираются, а этот подонок веселится. И еще неприятный момент: я от халявного рома зачем-то отказался. Ну, это вообще ни в какие ворота. Упасть и не встать.

Я от злости камень пнул, а он, сволочь, в землю врыт. Я как закричу от боли и давай скакать на одной ноге вокруг могилы. А Виктор с Пашкой хохочут.

- Ничего смешного! - кричу. - Козлы вы!

А они только громче ржут, сволочи.

4.

Мы с Алисой замок самые первые увидели. Нас тогда еще много было. Целый отряд. У всех ножи и пистолеты. У Пашки - автомат, у

Женьки - берданка. Зато у нас с Алисой было по биноклю. Карлы цейсы, блин. Мы с этими биноклями взобрались на вершину холма и оттуда смотрели на замок. А замок был превосходный: башенки с развевающимися флажками, глубокий ров и подвесной мост через него, широченные зубчатые стены. И донжон - высокий такой, массивный, издали похожий на корону. А самое странное, что в этом месте отродясь замков не водилось. Я так Алисе и сказал:

- Алис, - говорю, - тут раньше замка не было, ей-богу, не вру.

- Не верю, - говорит.

И смеется.

Вы бы видели, как Алиса смеется. Такой у нее смех, что век можно слушать. Я даже на пленку ее смех хотел записать. Говорю мужикам: «Мужики, а что вы скажете, если я Алискин смех на пленку запишу? Это будет пленка со встроенным Алискиным смехом. На пленку, кстати, еще чего-нибудь можно будет записать. Только я ничего записывать не стану, потому что, мало ли, вдруг нечаянно запишу поверх Алискиного смеха...» Вот так я и сказал мужикам и, ей-богу, ничего смешного не имел в виду, а они все равно заржали, подлецы. А Женя - это тот, которому потом в глаз из винтовки попали, - положил мне руку на плечо и произнес со смехом: «Без тебя мы бы точно не продержались. - И добавил: - Юморист, твою мать».

Это он правду сказал. Без меня бы они никак не продержались. Я тут всё знаю. Каждую тропку, каждую травинку, каждую рытвину. Меня сюда в детстве папа водил - в «исследовательские походы», как он это называл. Мы далеко забирались. Несколько раз, летом и осенью, даже оставались ночевать под открытым небом. Так что я местность отлично знаю. А вот те подлецы, которые за нами идут, они ни черта местности не знают. Зато у них есть наглость и напористость, а в их деле это главное. Они идут убивать Алису и отступать, твари, не собираются.

Мы поспешили к замку.

Алиса шла впереди, а Пашка - рядом с ней. И я чуть позади. Я всё слышал, что они говорят. Это я не нарочно подслушивал, честное слово. Просто получилось так. А отставать, чтоб не слышать их разговоры, стыдно было. Вот они, мои друзья, идут рядом со мной, а я вдруг ни с того ни с сего отстаю. Что они обо мне подумают? Нет уж, лучше не отставать. Поэтому я шел и слушал. Но там нечего было слушать, ей-богу. Пустой треп. Пашка одно и то же повторял: береги себя, Алиса, береги себя. Если ты умрешь, всё кончено. А она смеялась. Слышали бы вы, как она смеется! Ну, вы, может, и слышали, конечно. Или читали хотя бы. Про Алису много писали. Сначала в книжках, потом в газетах. И по телевизору, случалось, показывали.

В общем, идем мы, а Пашка Алисе в уши жужжит, что та пчела.

Тут я не выдерживаю:

- Слушай, отстань ты от нее!

Он на меня как накинется:

- Да ты что, придурок, не понимаешь, что ли? Важнее Алисы никого нет! Если ее не станет...

- Паш, хватит! - прикрикнула на него Алиса. Он и примолк, зараза. Сразу замолчал, как выключило.

Тут по нам стрелять начали. Засаду устроили, гады. Мы привычные, на землю попадали. Только Ирка, Витькина девушка, замешкалась. Она слева от меня шла, и как-то так получилось, что я лицом к ней упал. Я всё видел: как она замерла, как улыбнулась мне - у нее это почему-то виновато получилось, еще увидел веснушки у нее на скулах, такие забавные серые пятнышки - мне эти веснушки почему-то больше всего запомнились; потом ее в спину ударило, будто молотком, она согнулась, как лук без тетивы, и на землю полетела.

А потом Виктор как закричит: СУКИ!

Он все кричал и кричал это слово - «суки», а кто-то из наших стрелял - Пашка, кажется. А я смотрел на Иркин стриженный затылок и вдруг захотел ее погладить, пожалеть. Не знаю, что на меня нашло. Я пополз, сдирая в кровь локти, к Ирке, но тут меня какой-то урод подхватил под мышки, гаркнул в ухо: «Уходим!» и дал пинка под зад. Я побежал к замку. И все к замку побежали. Думали, надежно там укроемся. Дуралеи.

У самых ворот замка Алиса вскрикнула и упала - прямо в руки бледному Пашке.

Накаркал, скотина.

3.

За день до того как космодром подожгли, я дома сидел. Мастерил многофункциональный молоток с пропеллером. По-моему, до меня никто ничего подобного не изобретал. Меня так увлекла эта задача, что я даже не сразу расслышал стук в дверь. Потом услышал, конечно: они в дверь так молотили, словно это барабан был. Открыл - на пороге Женька, мой старый школьный приятель, и Пашка с Алисой. Алиску я, конечно, сразу узнал, хоть и впервые ее вблизи видел. Ирка, Виктор и еще пара человек внизу ждали, это мне позже рассказали.

- Слушай, - говорит Женя. - Помоги спрятать Алису, а?

Я шею почесал, спрашиваю:

- А чего?

- Ты что, балда, совсем новости не смотришь?

- У меня и телевизора нет...

- А еще изобретателем себя называешь!

Этого я стерпеть, конечно, не мог.

Я им и говорю:

- А ну заходите!

Они зашли.

Я их в свою мастерскую привел, показываю молоток с пропеллером:

- Видите?

Женька к Алисе поворачивается:

- Алис, он, конечно, полный идиот, но парень хороший. И местность знает...

Идиот! Это он про меня, значит. Да ты сам идиот, Женька! И рубашка на тебе идиотская: зеленая в крапинку. Постыдился бы при девушке такое носить.

Короче, обиделся я на него. Уселся на корточки, вожусь со своим молотком. А пропеллер, зараза, все время отваливается. Обидно, жуть. Потому что Алиса видит, как он отваливается, и может подумать, что никакой я не изобретатель. Или еще что-нибудь гадкое.

Тут Алиса рядом присела. За руку меня взяла. Меня как током ударило, честное слово. Такая у нее рука... ласковая, что ли. Словно у мамы.

- Не обижайся, - говорит Алиса. - Женька не хотел тебя оскорблять.

- Да знаю я, - бурчу.

Алиса спрашивает:

- Проведешь нас к замку?

- Нету никакого замка, - бурчу. - Это городская легенда.

- А я верю, что есть, - говорит Алиса.

И вдруг мне так на нее посмотреть захотелось, что прям пятки зачесались; ну я взял и посмотрел. Смотрю и глаз отвести не могу: Алиса, как живая. Ну, то есть она и есть живая, конечно.

Красивая.

И глаза такие... печальные, что ли.

А она смеется:

- Что? - прядку со лба откинула. - Настоящая?

- Настоящая, - говорю. - Настоящая Алиса.

2.

Когда власть сменилась, многие нервничали: как оно, мол, будет? Отменят ли карточки на колбасу? А на молоко? На молоко-то карточки отменят? Отменили. И сначала всё вроде неплохо шло. Полгода или год кое-как жили. А потом цены взлетели. И взлетали всё выше и выше. Люди сразу занервничали: а почему взлетели? Зачем, собственно? Есть ли экономические причины? Экономические причины нашлись. Но главной причиной почему-то назвали Алису с этими ее

космодромами и прочими финтифлюшками. Они, мол, назад в прошлое страну тащат. А это ведь нехорошо, когда всякие космодромы и прочие финтифлюшки в прошлое тащат. Потому что пути назад нет.

К тому же настала пора освобождать место для новых героев.

В общем, народу подкинули версию об Алискином непосредственном участии в создании благоприятных условий для гиперинфляции. Так и заявили: создала, мол, благоприятные условия и так далее. Народ за эту версию ухватился. Но погромы не сразу начались. Пару лет версия неспешно варилась в человеческой среде. А потом, как водится, понеслось.

Я на всю эту катавасию особого внимания не обращал. Я дома сидел, изобретения мастерил. Очень я люблю всякое этакое мастерить, и чтоб сочетало в себе и то, и это, и еще третье. Раз в месяц ко мне папа приходит, деньги на журнальном столике оставляет и молча исчезает. Я его не виню: это ведь папа. Разве можно отца родного винить? У него новая семья. А то, что он со мной не разговаривает, так это ничего страшного. Зато он мне квартиру купил близко к центру. Однокомнатную, но зачем мне другая? Мне и в этой места полно. Живи - не хочу.

Но из дома выходить иногда надо. За хлебом, за молоком. Я и выходил. Руки суну в карманы и иду себе, глядя под ноги. Трещинки в асфальте считаю. Однажды иду в булочную, задумался и на что-то мягкое наступил. А мягкое как дернется! Я ногу убрал, смотрю: котенок на тротуаре лежит. Я его ботинком пошевелил, перевернул, а у него рана в животе, глубокая, и кровь сочится. Котенок необычный: одноглазый и без хвоста. Смотрит на меня, губами еле-еле шевелит: помоги, мол. Я голову поднял и только тогда сообразил, что прохожих вокруг полным-полно. И все они идут мимо меня и мимо котенка и старательно рожи отворачивают.

Я одного такого прохожего за руку схватил - у него как раз и мобильник был.

- Пожалуйста, - говорю, - помогите. Тут котенок раненый. Вызовите «скорую»!

Он руку выдергивает:

- Какую еще «скорую»? Нет у меня в телефоне такой функции - «скорую» для всякого отребья вызывать!

Я другого пытаюсь схватить: а он отшатывается, словно от меня воняет. А ведь от меня не воняет, это я точно знаю. Я нарочно перед выходом на улицу одеколоном побрызгался. Но на всякий случай все равно понюхал под мышкой: свежо. Приятный такой запахок. Так чего же они?..

Короче, схватил я котенка на руки и побежал с ним в ближайшую ветлечебницу. А румяная сестричка в приемной мне и говорит:

- Прости, - говорит, - мальчик. Не примем мы твое животное.

Я на нее смотрю, понять не могу:

- Да как же так? Он ведь умирает...

- Это не обычный котенок, - говорит сестричка. - Это один из Ее прихвостней.

- Кого - Ее?

- Этой сучки Алисы. Так что убирайся-ка ты со своим животным подобру-поздорову, пока я милицию не вызвала.

Ну, я и убрался. Хотел домой убраться и там котенку рану перевязать. А он, сволочь, умер, пока я его в троллейбусе вез.

1.

Папа очень хотел, чтоб я вырос приличным человеком. Поэтому он бил меня ремнем по заднице, а по субботам заставлял смотреть образовательный канал. Я смотрел образовательный канал очень внимательно, не отводя глаз, чтоб отец не подумал, что настало время новую трепку задавать.

По образовательному каналу шли разные познавательные передачи. Там часто выступали всякие умные люди. Среди них было много ученых, изобретателей и поэтов. Один поэт, усатый такой - его передачу часто повторяли, - рассказывал, как необходима народу вера. Она, мол, две тысячи лет назад призвала в наш мир Сына Божьего, семьдесят лет назад вызвала из небытия революционные силы, а теперь вот призывает выдуманных героев вместе с новообразованной духовной сущностью. Он так и говорил: «новообразованной духовной сущностью», и я смеялся, услышав эту фразу - очень она мне забавной казалась.

Еще выступал один дядька, бородатый, он рассказывал про какого-то английского ученого, который изобрел хитрый приборчик, чтоб усиливать веру, и прямо на лекции перед студентами так ее усилил, что Сатану силой мысли вызвал; слава богу, Сатана английского ученого на глазах у потрясенных студентозусов сожрал и исчез восвояси. Жаль только, он его вместе с приборчиком сожрал. Очень жаль.

Был и дядька в погонах - звезды, нашивки, всё как полагается. Он говорил, что ради светлого будущего мы должны верить в Алису и ее космодромы, а потом сказал, что писатель, который придумал Алису, очень хороший писатель, можно сказать, гениальнейший писатель, и заслужил Нобелевскую премию по литературе, но реакционные силы на Западе... На этом моменте я обычно засыпал, и папа отвечивал мне подзатыльник. Подзатыльник меня бодрил, и я просыпался.

Вообще там много чего интересного было, по образовательному каналу-то.

Не зря ж я изобретателем решил стать.

0. ПУСК!

И вот мы сидим во внутреннем дворе замка: я, Пашка и Виктор. Пашка и Виктор пьют ром, а я смотрю на Алискину могилу, на гвозди, торчащие из креста, и так мне обидно становится, что хоть стой, хоть падай.

И тут эти скоты начинают по нам стрелять. Пробрались, уроды, в замок, расположились возле окон и давай поливать внутренний двор свинцом. Мы-то перед ними как на ладони. Витька сразу погиб, дернуться не успел. Он и не пытался. Чего ему дергаться-то? Ему без Ирки уже не жизнь - дергайся, не дергайся.

Пашка в сторону хотел отпрыгнуть, за колонну. Последние силы на прыжок потратил. Но куда там - расстреляли, сволочи. Эти не промажут, туды их в качель.

Сижу я, в общем, и размышляю: а чего они меня до сих пор не подстрелили? Помучить, что ли, хотят напоследок, свиньи?

Тут один из них во двор выходит. Толстый такой дядька в камуфляже, с сигаретой в зубах. Глаза добрые-добрые, до приторности. Меня чуть не стошнило, ей-богу.

Дядька мне и говорит:

- Ты, мальчик, не бойся. Мы тебя не тронем. Потому что ты для нас - гарантия нового светлого будущего.

А я смотрю на могилу, где похоронено их старое светлое будущее, и надуваю щеки, чтоб не стошнило. Плохо мне что-то. Живот скрутило, голова болит. Съел, может, чего-то не того? Так я ведь уже сутки ничего не ел... только горлышко пивной бутылки с утра погрыз, слизал, что там на нее налипло, - вот и весь мой завтрак.

Толстый дядька продолжает вещать:

- Мы знаем, - говорит, - что ты изобретатель. Нам это сообщили по нашим каналам.

Я думаю: ну надо же. Друзья, сволочи, смеялись над моими проектами, а враги, туды их растуды, верят в мой изобретательский талант. Тотальная несправедливость. Обидно до слез.

- Мы подозреваем, что ты изобрел важный прибор, усилитель веры. И сейчас он у тебя. Ради своей безопасности, ради безопасности Родины: передай его нам.

- Какой еще усилитель? Нет у меня никакого усилителя...

Толстяк голову поднимает. Из окна на втором этаже высовывается солдатик с приборчиком, антенна которого прямо на меня направлена, и говорит:

- Так точно, товарищ полковник, усилитель у него. Приборы не врут. Толстяк опять на меня смотрит.

А я думаю: вот жил когда-то английский ученый, который изобрел усилитель веры. И он сказал своим студентам, что сейчас вызовет Сатану, и они поверили, что Сатана явится, а он усилил их веру, и Сатана явился. Сожрал ученого, а вместе с ним сожрал и его усилитель. Вот только, скажите на милость, зачем Сатане прибор жрать? Это на Сатану совсем не похоже. Он и ученого-то, наверное, только для профилактики сожрал, чтоб другим неповадно было; но приборчик-то ему жрать вовсе без надобности. От приборчика у Сатаны могло несварение случиться, это уж наверняка.

А замок? Замок-то откуда взялся? Не было на этом месте никогда замка! Но мои друзья верили, что он есть, и Алиса верила, и замок появился. Поднялся, скотина этакая, из небытия.

И вот я обдумал всё это, поднялся и говорю:

- Ладно, подлецы, сознаюсь: усилитель у меня! И сейчас с его помощью я верну Алису к жизни!

И они верят, верят.

И полковник верит - это я по его испуганным круглым глазам вижу.

И солдаты верят - это я по их дрожащим рукам определяю.

Тогда я, стараясь не обращать внимания на тошноту, говорю:

- Но не только Алису! Вернутся к жизни все мои друзья, которые тут погибли! И Ирка тоже вернется, потому что Виктору без Ирки не жизнь!

И они верят, верят.

А полковник смекает, что к чему, и поднимает руку, чтоб скомандовать: огонь!

Я говорю:

- Ваши пули не причинят вреда ни мне, ни моим друзьям!

И они верят.

Верят, сволочи.

А я усиливаю их веру. Сглатываю подступающий к горлу кислый комок и усиливаю.

Нет у меня никакого хитрого приборчика. Я, как тот злополучный английский ученый, сам по себе усилитель.

Как я стал усилителем, спросите вы?

Может, врожденное. Может, папа ремнем эту сверхспособность в меня вбил. Может, от долгого сидения перед телевизором она, зараза, возникла. Должно же хоть что-то полезное от долгого сидения перед телевизором возникать?

В общем, не знаю я.

Да и не важно.

Вставай, Алиска.

Покажи этим скотам свет истинной веры.

МЭТЬЮ ХЬЮЗ

ПОЛНЫЙ АБЗАЦ

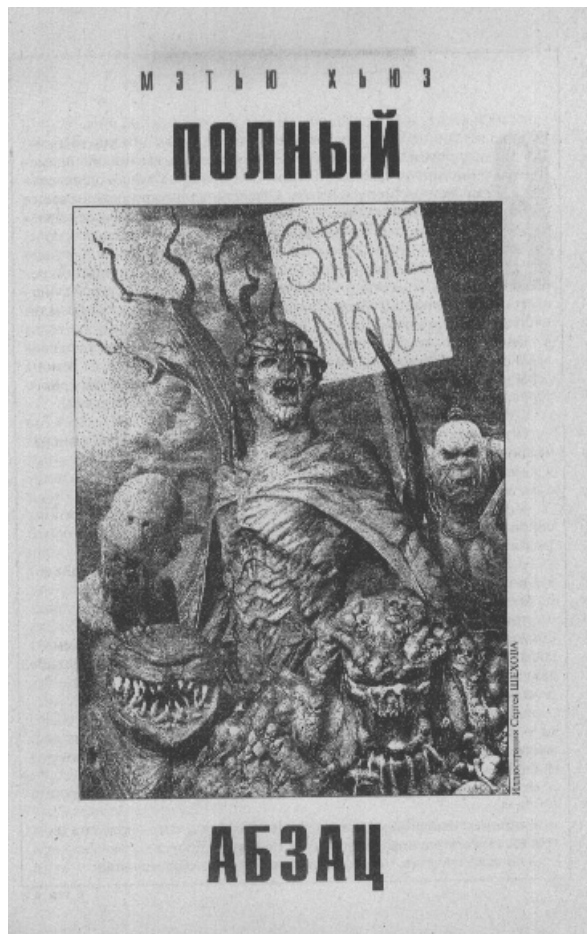

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

I

Внезапное появление демона в облаке дурно пахнущего дыма, сопровождаемого быстро скончавшейся вспышкой пламени, застало врасплох Чесни Арнстратера. Однако он довольно быстро пришел в себя. Существование демонов было неотъемлемой частью его начального образования, включавшего два часа в неделю, проводимых в воскресной школе, которой правила его мать, и нужно сказать, правила железной рукой. В отрочестве Чесни отошел от традиционной религии, поскольку обнаружил в Священном Писании слишком много нелепостей. Кроме того, куда более надежные истины он нашел в математике.

Однако все же сумел распознать демона, когда тот материализовался прямо у него на глазах. Впечатляющая, хотя и недолгая демонстрация пиротехники опалила столешницу почти готового покерного стола, так

что первая реакция Чесни была вполне предсказуемой:

- Убери свою поганую фигню со стола!

Огромный, похожий на жабу демон с уродливыми, когтистыми ручищами обнажил кинжально-острые клыки.

- Предлагаешь мне удалить пентаграмму? - спросил он голосом, вонзающимся в уши, как треск ломающихся костей.

- Что? - переспросил Чесни, в котором вдруг взыграл инстинкт самосохранения. - Я ничего не предлагал, если не считать того, что неплохо бы тебе вернуться туда, откуда пришел.

- Слушаю и повинуюсь, - ответил демон. - Только подпиши вот тут и тут, начиная с этой строчки.

В его лапе появился пергамент. Развернув его, демон когтем показал три места, отмеченных крестиком.

Чесни решил, что автор документа учился каллиграфии у сейсмографа: пергамент испещрили острые буквы, нацарапанные с поистине свирепой злобой. Кое-как он умудрился расшифровать содержание, после чего негодуя воскликнул:

- Ни в коем случае! Задумал получить мою душу?! Не выйдет!

- Но это стандартное соглашение. Ты вызываешь одного из нас, мы исполняем твоё желание, ты жертвуешь своей ничтожностью.

- Че-е-ем?!

- Технический термин. Так обычно выражаются там, откуда я пришел.

- Да мне плевать, - отрезал Чесни. - Моя душа - вовсе не ничтожностью.

И не мелочь. Я ничего не подпишу.

- В таком случае, мы не сможем исполнить твоё желание.

- У меня нет желания. Лучше возвращайся туда, откуда пришел.

- На мой взгляд, звучит как желание.

- А на мой - нет! - рявкнул Чесни, отсасывая кровь, все еще сочившуюся из-под ногтя большого пальца левой руки, и одновременно размахивая зажатым в правой руке молотком. - Это извращение всей концепции желаний. Особенно если желание стоит мне души.

Демон раздраженно нахмурился. Зрелище было не слишком приятным, но Чесни стоял на своем.

-, Говорю же, проваливай!

- Не могу, - буркнула жаба. - Ты вызывал меня. Я здесь, пока не сделаю того, в чем ты нуждаешься. Даже если придется работать сверхурочно, за что, как тебе следует знать, я ничего не получу. Так что валяй, подписывай соглашение - и за работу.

- Я не вызывал тебя, - твердил Чесни. - Это какая-то ошибка.

Демон прищурил желтые глаза.

- Слушай, мне все это надоело. Я стою на твоей пентаграмме, верно? И это твоя кровь, исторгнутая из левой руки, той, что со стороны сердца? И это ты сказал: «ходи-оди-шалаам-а-шамаш-уо-уанга-ки-йай», так ведь?

- А, - кивнул Чесни, - теперь понимаю. И даже могу объяснить.

Все началось с Летиши Арнстратер, матери Чесни, которая в одиночку растила его с раннего детства, после того как Вагнер Арнстратер, его отец, растворился в пространстве вместе с официанткой из закуской для дальнотойщиков. Летиша, женщина набожная, не выносила грубых манер и непристойных выражений, чем в равной степени отличался ее муженек. Позже ее сын частенько гадал, хотя так и не набрался храбрости спросить прямо: какое странное стечение обстоятельств привело к брачному, хотя и временному, союзу родителей?

Однако по мере взросления кое-что становилось все более ясным: самое безобидное ругательство вознаграждалось холодным взглядом, остывшим ужином и ледяным молчанием. Естественно, что Чесни из духа противоречия ощущал неодолимую тягу к сильным выражениям, но, не смея высказаться вслух, заменял их всякой тарабарщиной. Привычка сохранялась еще долго после того, как он уехал из дома, чтобы поступить в колледж.

В колледже он обнаружил поразительное многообразие и красоту взаимосвязи между цифрами. Это стало его страстью и увлечением. Хотя у него не хватало таланта, чтобы делать карьеру математика, диплом помог получить должность младшего актуария*¹ в не слишком солидной страховой компании. Целыми днями Чесни оценивал риски смерти или инвалидности для крохотных ломтиков, вырезанных в числовом виде из демографического спектра. Вечера были отданы второй страсти, обретенной в колледже: красочным комиксам, особенно тем, в которых описывались чудаковатые талантливые индивиды, боровшиеся с преступностью на добровольных началах.

Разжевывание цифр соответствовало психологии Чесни, ставшего к тому времени безнадежным интровертом. Актуарии вряд ли могут считаться душой общества: впрочем, этого от них и не ожидают. Все сотрудники его отдела, как и сам Чесни, не имели друзей. Однако пятеро из них постепенно приобрели привычку собираться друг у друга дома, чтобы поиграть в покер. Чесни пригласили в компанию, когда один из пятерки отбыл в отпуск.

Играя в покер, Чесни никогда не пользовался своими математическими познаниями. Обычно он делал ставки на карты младшей масти и не гнался за большими выигрышами. Да и не в выигрыше было дело: главное - участие, риск и возможности, которых лишаешься, если рано выходишь из игры. Это расположило к нему других игроков, руководимых чистой корыстью и желанием выиграть, что позволяло перекачивать деньги из бумажника Чесни в их

¹ * *Специалист по оценке финансовых рисков. (Здесь и далее прим. перев.)*

собственные.

Игроки поочередно собирались в чьем-нибудь доме. Принимать их в следующий раз предстояло Чесни. Но он жил в тесной однокомнатной квартирке в самом центре города. У одной стены находилась откидная кровать Мерфи, у противоположной ютилась кухонька со стойкой и двумя высокими табуретами. Остальная мебель состояла из дивана, перед которым стояли журнальный столик и пластиковый стул. Здесь негде было сесть, а тем более играть в покер, даже если двое усядутся на кровать Мерфи. Чесни обратился в мебельные интернет-магазины и нашел пять складных стульев, которые можно было хранить в выделенной ему подвальной кладовке. Но все поиски покерного стола приличных размеров оказались напрасными. Они рассчитывались на семерых игроков и не помещались в маленькой квартирке. Поэтому Чесни решил собственноручно сделать такой стол-пятигранник, так что при известной ловкости и старании все могли прекрасно уместиться.

Итак, Чесни отправился на лесопилку, где по его чертежу выпилили столешницу, после чего купил готовые ножки в магазине «Сделай сам». Вооружившись дрелью, отверткой со сменными насадками, отрезом зеленого сукна, коробкой мебельных гвоздей и молотком, он приступил к делу.

- Так что, как видишь, - закончил он свой рассказ, - я прибавал сукно к столешнице и ударил себя молотком по пальцу. Да так сильно, что кровь пошла. Поэтому и выругался - в собственной манере, и тут появился ты.

Он снова принялся сосать палец.

- Пойми же, это ошибка.

Взгляд демона оказался еще холоднее материнского.

- Воображаешь, что я с поджатым хвостом вернусь к своему начальству?

- Но я сказал правду.

- Там, откуда я пришел, правда - не слишком ходовой товар.

- Я произнес слова совершенно случайно, вовсе не собираясь никого вызывать. Хаотичное сочетание звуков, не более того. За ними не стояло никакого намерения.

- Намерения? Это уловка?

- Во все нет. Это объяснение.

- Так ты определенно не желаешь подписывать соглашение?

- Определенно.

Демон развел огромными когтистыми лапищами: ну в точности гигантская зубастая жаба, отказывающаяся отвечать за последствия.

- Однако позволь сказать, что ничего еще не кончено.

Очередная вспышка пламени - и окутанный клубами вонючего дыма демон исчез так же быстро, как появился.

- Думаешь, что самый умный?

Вопрос вернул к действительности Чесни, погруженного в перипетии очередной серии комикса «Защитники справедливости». Вопрос подкреплялся облаком серного дыма и был задан мрачным голосом, звучащим так, словно исходил от больного ангиной тиранозавра. Чесни поднял глаза. На другом конце скамьи в мини-парке, где он часто ел свой ланч, стоял еще один демон.

У этого была голова хорька, укомплектованная сабельно-кривыми клыками и угольно-черными глазами размером с блюдца. Ростом с маленького мальчика, он, однако, обладал телом широкоплечего пузатого громилы, затянутого в полосатый костюм с широкими лацканами. Но главное - двухцветные лакированные штиблеты с гамашами, застегивавшимися на длинный ряд кнопок. (Чесни знал, что это гамаша: Пингвин носил точно такие в комиксе про Бэтмена.) В коротких волосатых пальцах демона тлела недокуренная сигара.

- Простите?

- Прощать - не наше дело, парень. Это по другому ведомству.

- Другому ведомству?

Демон лениво ткнул вверх большим пальцем.

- А! - догадался Чесни. - Полагаю, здесь какая-то ошибка...

- Учти, мы ошибок не делаем. Так что нам нужно выяснить эти небольшие непонятки. И по-быстрому. Шнель-шнель!

- Почему вы так разговариваете? - удивился Чесни.

- А что такого? Вроде все ваши мордовороты так и выражаются.

- Времена изменились. Мы ушли вперед. Да и вам следовало бы. Демон придвинулся ближе и положил горячую руку на плечо Чесни.

- Мы можем заключить классную сделку, приятель.

- Нет.

- Ты еще не слышал предложения. Это что-то!

- Хотите сказать: «предложение, от которого невозможно отказаться»?

Узкие губы растянулись в гримасе. Чесни надеялся, что это - улыбка.

- Эй, мне это нравится. Беру на вооружение.

- Оставьте меня в покое, иначе я позвоню... - Закончить угрозу удалось не сразу. Сначала пришлось подумать: - То есть пойду к священнику.

Демон пожал сутулыми плечами:

- Гнилой базар, парень. Сейчас я смоюсь отсюда и вернусь, когда останешься один.

- Ладно, - вздохнул Чесни, - делайте свое предложение, но ответ услышите все тот же.

Не успел он договорить, как парк исчез. Он стоял в маленькой комнате, в стены которой были врезаны металлические дверцы различных размеров. Каждая имела номер и замочную скважину.

- Где я? - спросил он.

- Швейцарский банк. Бери. Не стесняйся.

Он стукнул в дверцу, и панель откинулась. Из ниши выдвинулся металлический ящик. Демон откинул крышку. Внутри оказались пачки банкнот, футляры с драгоценностями и два слитка чистого золота.

- Все это мое, полагаю? - осведомился Чесни.

- И это только для начала.

- А владелец не будет возражать?

- Там, куда он отправляется, кэш не в ходу.

- Нет, спасибо.

Круглые глаза хорька сузились.

- Оки-доки. Как насчет этого?

Они перенеслись в полутемную комнату. Немного сориентировавшись, Чесни сообразил, что это спальня... нет, поправил он себя, будуар.

Демон что-то сделал, и свет стал ярче. На большой круглой постели с атласными простынями и многочисленными шелковыми подушками раскинулась грудастая блондинка: глаза закрыты, губы, наоборот, чуть приоткрыты в блаженной дремоте. Одежда на ней была весьма скудная, но эти несколько лоскутков усиливали впечатление. Подобные живые картины были настолько внове для Чесни, что он с величайшим трудом отвел глаза.

- Ну, что скажешь? - бросил демон, многозначительно подмигнув.

- Нет, - повторил Чесни, хотя коротенькое слово, казалось, застряло в глотке.

- Так ты еще и разборчив?

Блондинку сменила не менее щедро одаренная природой брюнетка. Эта сонно потягивалась, выставляя на обозрение части своей анатомии таким образом, что Чесни невольно застонал. Но, нужно отдать ему должное, держался стойко:

- Нет.

- У нас полный ассортимент, - заверил демон, и Чесни завороченно уставился на роскошную рыжеволосую особу, при виде которой Тициан окаменел бы на венецианском Мосту Вздохов эпохи Возрождения.

- Нет!

Демон склонил голову и шевельнул пальцем. Рыжая исчезла, а вместо нее на постели обрисовался обнаженный мускулистый молодой человек с выдающимися достоинствами.

- Ни за что! - завопил Чесни. - Вы зря тратите свое время. - Он глянул на часы: - И мое тоже.

- Не гони! - посоветовал демон. - Я еще не все козыри выложил.

Будуар растворился в воздухе, и теперь они стояли посреди кабинета, чем-то очень знакомого Чесни. Потом он увидел президентскую печать, вытканную на ковре, и отметил, что помещение имеет овальную форму.

- Как насчет этого? - спросил хорек.
- Вы, должно быть, шутите.
- Сюрпри-и-из!
- Отнесите меня обратно.

Демон долго изучал его, прежде чем спросить:

- Слушай, парень, что тебе еще надо? Деньги, шлюхи, власть... тебе мало?

- Ничего мне от вас не нужно. Оставьте меня в покое.

Чесни едва успел моргнуть, как вновь оказался на скамье в парке. Демон приблизил морду к лицу Чесни, и тот заметил, как в центре зрачков загорается красное пламя.

- Приятель, ты должен заключить сделку, - уговаривал демон, - иначе заработаешь кучу неприятностей не только себе, но и людям, которым этих неприятностей не желаешь.

Чесни гордо вскинул свой маленький подбородок:

- Я не собираюсь никому причинять неприятности. Говорю же, это была ошибка.

Демон зарычал и вскинул узловатый кулак:

- Ну, умник, сейчас я тебе...

Но поскольку сидевший на скамье мужчина не дрогнул и не съежился, тварь поспешно сложила ладони и умильно улыбнулась, если подобное можно сказать о хорьке с двумя острыми клыками.

- Слушай, парень, - снова начал он, - я всего лишь делаю свою работу. Под моим началом дюжина демонов, и у всех дел выше крыши. Нам дурака валять некогда. Поэтому подписывай, или все последствия падут на твою голову.

- Вы не понимаете... - начал Чесни.

- Ну чего еще я не догоняю?

Чесни немного подумал.

- Знаете, для меня понятие Ада или Рая никогда не имело особого смысла. Но теперь являетесь вы, и становится ясно, что игра ведется честная, как твердили священники каждое воскресенье, пока я рос.

- Не захочешь же ты слушать бляенья этих святош!

- Именно, что хочу. Видите ли, если я заключу сделку, значит, поимею здесь, на земле, несколько веселых годков, при условии, конечно, что вы не облапошите меня, отыскав лазейку в пунктах, напечатанных мелким шрифтом. Ну а потом, фюйть - и мне целую вечность придется жариться на раскаленных углях. Или же я отвергаю все соблазны и после смерти попадаю в Рай. - Чесни развел руками: - То есть спокойно занимаюсь математикой.

- Большинство людей, с которыми нам приходится иметь дело, видят это в другом свете, - заметил демон.

- Я - актуарий.

Демон явно встревожился:

- Слушай, ты не знаешь всей сути. Я пытаюсь покрепче закрутить крышку на этой штуке, но если ты откажешься от игры, она может взорваться. Попросту говоря, взлететь в небо. Сечешь?

- Нет. А вы не понимаете меня. Как там говорили в ваше время? Смывайтесь? Сматываютесь? Делайте ноги?

Он снова углубился в «Защитников справедливости», а когда услышал хлопок, означавший исчезновение злодея, глянул на часы и обрадовался, увидев, что прошло всего несколько минут. Ему хотелось закончить комикс до начала работы, тем более что здесь изображался один из самых любимых его героев: деликатный, воспитанный очкарик курьер UPS^{*2}, смело выходивший на битву с наркокартелями и международными террористами в зловонных трущобах разлагающегося мегаполиса. Одетый в коричневое скромный борец с преступностью вот-вот покажет моджахеду, прошедшему курс в школе ниндзя, где раки зимуют.

- Давай, Драйвер, давай! - выдохнул Чесни.

Субботним вечером он готовился к игре в покер. Купил кукурузные чипсы «такое», соус сальса и больше банок пива, чем мог вместить мини-холодильник. Стол выглядел классно. Кровь с сукна он счистил содовой.

Чесни спустился вниз в кладовку и забрал оттуда пять стульев. Толкнув локтем дверь в квартиру, он с удивлением узрел стоявшую у стола маленькую блондиночку в передничке и гольфах.

- Ты заблудилась? - спросил он.

- У меня всего один вопрос, - ответила она. Как ни странно, голос исходил не от девушки, а из клыкастой пасти рубиново-красной змеи, высунувшей голову из того места, где должен был находиться язык незнакомки, будь она действительно человеком, а не очередным демоном.

Чесни опустил стулья на пол:

- Что еще?

- Только ответь, ты готов идти до конца? - спросила Змеиный Язык.

- Готов, - кивнул Чесни. - Видишь ли, я не слишком много думал о душе, пока вы не стали ее требовать. Теперь, полагаю, она стоит того, чтобы за нее цепляться.

Змея убралась, откуда явилась, а демон скрестил руки на груди и уставился на Чесни оценивающим взглядом. Парень заметил, что клямке передника была прикреплена большая пуговица с изображением скрещенных вилок на фоне языков пламени. Внизу стояли буквы: АБЗДДИ (Адское братство злых духов, демонов и искуссителей).

- Что это за пуговица? - спросил Чесни, но демон не ответил.

² * *Служба курьерской доставки.*

Закончил осмотр, кивнул, словно подтверждая правильность собственных мыслей, и исчез. Поскольку больше ничего такого не произошло, Чесни расставил стулья вокруг стола. И в ту же секунду зазвонил телефон. Это оказался Клей, не самый лучший игрок из пятерки, зато не делавший секрета из своей алчности.

- Все уже устроено, - сообщил ему Чесни.

- Сегодня я не играю.

- Почему нет?

- Не знаю. Уже собирался выходить из дома, и вдруг весь кураж пропал.

- Но ты нам нужен, - возразил Чесни. - Четырех игроков недостаточно.

- Прости, - буркнул Клей и повесил трубку.

Чесни сложил стул и прислонил к стене. Телефон зазвонил снова. Рон, тот, кто когда-то пригласил Чесни в компанию.

- Я не приеду, - коротко сообщил он. Как и Клей, он не заболел и не застрял в пробке.

- Кураж пропал? - спросил Чесни.

- Угу. Вообще ничего не хочется делать.

Чесни сложил второй стул. Он еще никогда не играл в покер втроем. Вряд ли это так уж интересно.

Еще через десять минут, как и следовало ожидать, и Джейсон, и Мэтт предупредили, что не приедут. Расстроенный Чесни собрал стулья, снес обратно в кладовку и пошел разбирать стол. Вернулся к забитому пивом холодильнику и пакетам с чипсами, сваленным на стойке, открыл банку, разорвал пакет и уселся на диван. Обычно пиво и чипсы «такое» были его любимым перекусом, особенно, если обмакнуть последние в жгучий соус сальса, который он также покупал бутылками. Но теперь, немного утолив голод и жажду, наработанные за время переноса мебели, он вдруг почувствовал полное отсутствие аппетита и вылил остатки пива в раковину.

Чем бы заняться?

Чесни решил было пойти и взять напрокат DVD - что-нибудь вроде жесткого порно. Но почему-то грешные мысли потеряли свою привлекательность. Он действительно жалел о несостоявшейся игре: только в эти моменты он чувствовал себя немного неистовым и непредсказуемым.

Наконец Чесни натянул пальто и отправился в лавку комиксов. Сегодня должен выйти новый выпуск «Свободу пяти!». Он шел своей обычной походкой, опустив плечи, сунув руки в карманы, сосредоточенно глядя вниз. Конечно, встречаться глазами с прохожими не считалось в его районе таким уж опасным. Но компенсации даже за минимальный риск ему не получить. Никто не улыбнется в ответ на приветливый взгляд.

Он не успел уйти далеко, когда в его одинокие мысли проник уровень

фонового шума. Чесни огляделся. Эта часть даунтауна оживала в субботние ночи. В его квартале имелись два старомодных бара и ночной клуб, где двадцать с чем-то посетителей самозабвенно отплясывали, впад в транс, вызванный комбинацией водки, стробоскопических огней и такого количества децибел, что шансы не оглохнуть к пятидесяти практически сводились к нулю.

Сумерки сгущались: в это время мостовая обычно забита машинами, бары - пьяницами, а в дверях ночного клуба уже полагается торчать вышибалам. Басовые ноты голосов вышибал оттеняют теноровые ноты клаксонов и трели смеха девичьих компаний, дополняющих какофонию звукового пейзажа субботней ночи.

Но сегодня улица была пустой, если не считать пары машин, чинно двигавшихся мимо свободных парковок. Звуковая система клуба молчала. Никакого девичьего визга. Потому что девушек не было. Тротуары и бары тоже были практически пусты.

Может, по телевизору дают что-то классное? Поэтому и парни не пришли? Уже не впервые Чесни упускал очередной поворотный пункт в масс-культуре. Сослуживцы давно перестали спрашивать его, как он относится к тому или иному американскому идолу.

Он принялся копаться в неподатливой памяти. Должна приехать некая силиконовая певичка, кумир тинейджеров: он подслушал, как офисные клерки сетовали, что их дочери собирались приобрести билеты сразу же после того, как заработают интернет-кассы. В прошлый раз все было распродано примерно за минуту. Но это событие послужило бы причиной отсутствия исключительно девочек-подростков. А сегодня квартал почти опустел.

Чесни позволил взгляду скользнуть дальше. Второй квартал, следующий за ним... везде одно и то же. Мостовая и тротуары безлюдны.

Может, случилось нечто глобальное? Нападение?

Чесни решил забыть о выпуске «Свободу пяти!» и поспешил назад, к себе. Включил телевизор и увидел ведущую новостей, сообщившую, что какое-то голосование в конгрессе прошло не так, как ожидалось.

Изображение переместилось к репортеру, стоявшему перед сенатом. Оказалось, что обсуждение законопроекта по дополнительным бюджетным расходам провалилось в очередной раз. Даже сенаторы, обычно поддерживавшие наиболее любимые проекты, на этот раз дружно проголосовали против. Чесни немного послушал, правда без особого интереса, и хотел уже переключить канал, когда заметил некоторую странность в манере поведения репортера. Как правило, комментатор придавал каждому слову нарочитую значительность, словно в самом факте произошедших событий была его, журналиста, особая заслуга. Теперь же он читал текст так монотонно, словно держал перед глазами список сданного в прачечную белья.

Чесни подумал, что все это очень необычно.

На экране вновь возникла ведущая. Чесни машинально взглянул на нее, и в мозгу что-то щелкнуло. Еще одна странность: женщина была довольно небрежно причесана и одета да и выглядела не такой холеной, как всегда. Скорее, вполне обыденной. И держалась без присущего людям ее профессии апломба.

По какому-то совпадению следующим шло сообщение о приезде певицы-подростка, кумира сверстниц. Ведущая отметила, что хотя аншлаг ожидался в течение первых нескольких минут после открытия интернет-касс, но прошло уже больше часа, а пока продано всего несколько сотен билетов. Да и те, судя по всему, куплены любящими родителями, дедушками и бабушками в подарок своим чадам и внукам.

Новостной выпуск продолжался. Телекомпания в прямом эфире передала, как террористка-шахидка, намеревавшаяся взорвать полицейский участок в Пакистане, сняла пояс смертника и сдалась полисменам, дежурившим у входа. Те, вместо того чтобы втащить ее внутрь и подвергнуть допросу под пытками, уселись вместе с ней на крыльцо и вели негромкую беседу, сопровождаемую кивками, выражавшими взаимное, хотя и печальное согласие.

Чесни пробежался еще по нескольким новостным каналам и наткнулся на ток-шоу в прямом эфире с брюзгой-ведущим, обожавшим втапывать в грязь гостей оскорблениями и язвительными намеками. К своему удивлению, Чесни увидел хама-ведущего, неловко скорчившегося на стуле, и бородатого профессора на месте приглашенного гостя. Оба вели вполне мирный разговор, время от времени пожимая плечами. Обычно желчный ведущий на этот раз спокойно заявлял:

- Так или иначе, особого значения это не имеет.

Ученый энергично кивнул.

- Вы совершенно правы, - согласился он.

Чесни снова щелкнул пультом. Творилось что-то необычное, вот только что именно? Может, новая вспышка гриппа?

Он включил развлекательные каналы, нашел любимый ситком, где речь шла о распадающейся семье. Диалоги обычно состояли из саркастически-уничтожающих реплик. Раньше кое-какие сальности и словесные поединки так смешили Чесни, что у него кола шла носом. Но сегодняшняя серия казалась непрерывным потоком ничем не оправданной жестокости. Он даже не усмехнулся, хотя невидимая публика заходила в пароксизме веселья, когда страдающий ожирением молодой актер, исполнявший главную роль, принялся распространяться о сексуальных похождениях непрерывно курившей тещи.

Чесни выключил телевизор. Тишина в комнате казалась оглушительной: ни клаксонов, ни рева двигателей, доносившихся с

улицы, ни музыки, грохочущей из соседских стереосистем...

Чесни был окончательно сбит с толку. Он уж снова решил отправиться в лавку. Но почему-то сегодня комикс «Свободу пяти!» его не манил. Немного подумав, он решил, что, должно быть, расстроен провалом своей первой попытки принять гостей. А может, у него грипп начинается?

II

Утро воскресенья неизменно знаменовалось звонком матери Чесни, требующей немедленно переключиться на очередной религиозный канал, дававший ей необходимую зарядку для души. Чаще всего это был Новый Храм Воздуха, красой и гордостью которого являлся преподобный Уильям Ли Хардейкр. Высокий, широкоплечий, лет пятидесяти, с серебряными волосами, выглядевшими так, словно были отлиты в специальной форме, он носил большой перстень с бриллиантом, сверкавшим так же ярко, как его пронзительно-голубые глаза. Представляете, какое впечатление производил он на верующих, когда воздевал руки к небу, чтобы призвать божественный гнев на очередную знаменитость, чье недостойное поведение привлекло его внимание на этой неделе?!

Преподобный Билли Ли начинал карьеру в качестве адвоката, посредника в трудовых спорах. Добившись успеха в своем деле, он неожиданно подцепил литературную чесотку и принялся сочинять весьма низкопробное чтиво, действие которого, как правило, проходило на арене корпоративного права. Разродившись седьмым блокбастером, он неожиданно ощутил нечто вроде духовного прозрения и, отрекшись и от закона, и от литературы, поступил в семинарию. А когда вышел, организовал Новый Храм Воздуха.

Шоу неизменно начиналось с того, что сидевший за письменным столом Хардейкр комментировал новости прошлой недели. Его анализ был неизменно умным, острым и зачастую пронизательным, особенно если речь шла о разоблачении лицемерия сильных и известных мира сего. Последние десять минут, как правило, посвящавшиеся определенной знаменитости, журнал «Тайм» однажды назвал публичной поркой. Подобно обвинителю, державшему заключительную речь перед жюри присяжных, священник перечислял пороки и проявления эгоизма избранной на эту неделю жертвы, после чего приглашал легионы зрителей написать объекту критики - он всегда имел при себе адреса бедняг, которые охотно раздавал, - приглашая их выразить свое мнение по поводу данного субъекта. Летиша Арнстратер никогда не упускала такой возможности и обожала по телефону зачитывать Чесни отрывки из своих произведений,

уговаривая сына включиться в кампанию по избавлению мира от зла, постоянно обличаемого преподобным Билли Ли, который смело вел в бой войска своих последователей.

Но сегодня телефон Чесни почему-то не звонил. Радуюсь, что его оставили в покое, Чесни встал поздно, съел миску кукурузных хлопьев, заодно перечитывая выпуск про Драйвера, тот самый, где герой бесстрашно разрушает замыслы злодеев похитить прелестную дочь миллиардера. Но хотя он по привычке восхищался искусством художника, особенно теми рисунками, где изображались бесспорные внешние достоинства жертвы похищения, все же на этот раз история не захватила его с такой силой, как обычно.

Телефон по-прежнему молчал. Уж не случилось ли чего-то с матерью? Впрочем, с таким же успехом что-то могло бы случиться с Гималаями. На нее так же мало влияли поступки других людей, как на гору Эверест - крошечные задыхающиеся создания, ползущие к покрытой вечным снегом вершине, если не считать, конечно, тех случаев, когда речь шла о грехах, совершенных известными людьми, особенно тех, которые Летиша именовала «грехами плоти», причем под этим определением она не подразумевала, например, чревоугодия. Те несколько воскресений, в которые она не звонила сыну, совпадали с особенно завораживающими спектаклями преподобного Билли Ли.

Чесни нашел пульт и переключился на Новый Храм Воздуха, который давался в прямом эфире именно в это время.

Ему удалось поймать преподобного Билли Ли в кульминационный момент его инвектив.

- Похоть и совокупление, братья и сестры! Содом и Гоморра! Нечестивая роскошь, блудница вавилонская! Но, скажу я вам, это ничто в сравнении с последними выходками «скверного мальчишки», прославленного ТиШона Бугенвилля!

Чесни уже где-то слышал это имя: Бугенвилль был футболистом, расстрелявшим «лексус» своей девушки, чье поведение перестало ему нравиться. Бедняга вроде бы не проявил особого рвения, когда девица потребовала очередную шубу.

Чесни приглушил звук. Проповедник вошел в раж: шлем серебряных волос сверкал в стратегически расставленных прожекторах так, что образовывал нимб над его вдохновенным лицом. Голубые глаза вспыхивали, квадратный подбородок слегка выдвигался, едва с губ слетала чеканная фраза, по виску текла капля пота. Чесни сразу представил, как мать сидит на большом мягком диване, подавшись вперед и сложив на коленях руки, а на щеках горит румянец. ТиШон уж точно получит памятное послание от Летиши Арнстратер!

- Значит, так и есть, мать слишком занята! - подумал Чесни. Но тут произошло нечто странное: внизу экрана поползла строка, из которой

стало ясно, что сегодняшняя программа не будет показана, вместо нее дается повтор прошлой передачи. Администрация канала приносит извинения за доставленные неудобства.

Чесни щелкнул кнопкой. Сейчас должен начаться прямой эфир футбольного матча. Он нашел предматчевое интервью с молодым человеком, который, по словам ведущего, считался самым высокооплачиваемым игроком НФЛ, и вдруг сообразил, что это не кто иной, как ТиШон Бугенвилль. Игрок со слезами на глазах каялся в давнишнем пристрастии к кокаину и женщинам нестрогого поведения. Спортивный комментатор, бравший интервью, тоже почти рыдал.

- Какой ужас, - лепетал он захлебываясь. Столь искреннее сочувствие окончательно сломило ТиШона, который, постыдно расклеившись, принялся громко всхлипывать.

- Да что тут, хепти-ду-да, творится?! - вслух удивился Чесни, переключаясь на воскресное шоу политических обозревателей. Но трое завсегдаев не орали друг на друга и не обменивались, как обычно, оскорблениями. Мало того, им, кажется, вообще нечего было сообщить друг другу, а все сказанное, по мнению Чесни, было лишено какой бы то ни было убедительности.

Он выключил телевизор, вышел из дома и направился в парк на берегу реки - оживленное местечко, особенно в такие теплые дни, как сегодняшний: парочки, обнимавшиеся на травянистых склонах, скейтбордеры, подначивающие друг друга попробовать очередной потенциально смертельный трюк на ступеньках-сиденьях бетонного амфитеатра, люди постарше, гуляющие парами по асфальтовым дорожкам и грозящие тростями лихачам-роллерам.

Но сегодня только двое одиноких прохожих тарасились в мутный речной поток. Какая-то женщина сидела на ступеньках амфитеатра, задумчиво подперев руками подбородок. Чесни миновал мемориал павшим в гражданской войне и по привычке зашагал к баскетбольной площадке и тележке с хот-догами. Он всегда покупал дымящийся чили-дог, щедро сдобренный жареным луком, и съедал, присев на ближайшую скамейку и подсматривая за бегущими от инфаркта женщинами.

Но сегодня в радиусе видения не наблюдалось ни одной трясущейся груди, и Чесни, лениво откусив сосиску, положил ее рядом и оставил остывать. Продавец хот-догов закрыл свою тележку и медленно покати к парковке.

- Что происходит? - громко спросил Чесни.

- Вы это нам? - осведомился голос из-за спины.

Чесни обернулся. Оказалось, в парке уже собралась целая компания молодых людей, лет девятнадцати-двадцати, которых он раньше видел на баскетбольной площадке - крутые парни в обтягивающих майках и золотых цепях. Бритые головы двоих были повязаны

красными банданами. Обычно они громко ругались и слушали оглушительный рэп. Иногда что-то орали проходившему мимо Чесни: слова, доносившиеся до него обрывочно, слова, которых он якобы вообще не слышал.

- Н-нет, - пробормотал он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Вот как? - спросил тот, кто заговорил с ним: смуглокожий, с редкими усиками и обхватывающей шею татуировкой в виде цепи. - Все в порядке, парень. Я ошибся.

Они побрели прочь, и Чесни заметил, что ни один не двигается привычной пружинистой походкой мачо.

- Что происходит? - повторил он.

В понедельник утром фондовая биржа квакнулась. То бишь обвалилась. По крайней мере именно об этом вопили все новостные каналы, пока Чесни ел свои кукурузные хлопья.

- Не могу припомнить подобного дня, - надрывался репортер, стоя посреди пустого зала для торгов. - Два часа после открытия биржи, а большинство брокеров и биржевых маклеров глаз не кажут! Единственные сделки - те, которые совершаются автоматически, компьютерными программами и благотворительными фондами. Остальные торги замерли. Никто не желает делать деньги.

Поездка в автобусе была поразительно спокойной: никто не дрался за первые ряды, и Чесни даже увидел, как подросток уступил место старушке. На дорогах почти не было машин, такси уступали правую полосу, и никто не пытался перебежать дорогу на красный.

Не успел он усесться за письменный стол, как в его клетушку вошли Рон и Клей, громко спорившие, является ли морально оправданной их работа.

- Я считаю, она этически нейтральна, - твердил Клей. - Мы всего лишь рассчитываем факторы риска для различных демографических статистик, чтобы помочь найти способы сбалансировать риск и получить вознаграждение от компании.

- Да, - кивнул Рон, - но всегда имеется побочный эффект, а именно, выявление определенных групп, которые будут исключены из общей суммы риска, покрытой договором страхования.

Оба повернулись к Чесни и хором спросили:

- Что ты об этом думаешь?

Вопрос был не из тех, над которыми размышляют актуарии.

- Я не хочу об этом думать, - честно признался он. - Оценка людей по принципу категорий риска логически вытекает из того факта, что жизнь в основе своей несправедлива.

- Согласен, - заявил Клей.

- С другой стороны, - продолжал Чесни, - если жизнь несправедлива, имеем ли мы право усугублять эту несправедливость? Жизнь, в конце

концов - это не существо, обладающее моралью и вынужденное делать этический выбор. В отличие от нас.

- Именно так я это вижу, - подтвердил Рон.

- Но если мы не выработаем стандарты факторов риска, страховой бизнес не сможет функционировать. Кончится тем, что лишатся страховки вообще все, а это не есть хорошо.

Он помолчал и добавил:

- Каверзная ситуация.

- Может, мы сумеем рассчитать точное соотношение преимуществ и недостатков при нынешней работе страховых компаний и сравним то же соотношение, если страховать вообще будет некого.

- Но как мы можем быть уверены, что преимущества и недостатки не уничтожат друг друга? - вскинулся Рон. - Может, унция несчастья стоит фунта счастья?

- Не говоря о том, что у нас моральные обязательства перед нанимателями. Должны же мы отрабатывать жалованье! - воскликнул Чесни.

- Но если мы часть аморального бизнеса, значит, обязаны уволиться, - возразил Рон.

- Не странно ли, что раньше мы никогда не задавались подобными вопросами? - спросил Чесни.

- Видишь ли, - пояснил Клей, - мы всегда были слишком заняты.

- Не стоит ли нам немного поработать?

- Нет, если до сих пор мы были частью аморальной по сути системы, - отрезал Рон.

Дискуссия продолжалась до бесконечности. Наконец в полдень уставший и голодный Чесни отправился в парк, чтобы спокойно съесть ланч. Аппетита по-прежнему не было. Пристойно ли ему наесться досыта, когда миллионы людей во всем мире голодают? С другой стороны, он вряд ли поможет решить проблему, если сам станет недоедать.

- Не то чтобы я пытался что-то с этим сделать, - сказал он себе. - А наверное, следовало бы.

Его взгляд упал на заголовок таблоида, который кто-то оставил на скамье: «Вирус совести распространяется».

Чесни поднял газету и прочитал статью. Ученый из Национального центра контроля за болезнями рассуждал на тему вероятного существования вирусного переносчика инфекции -- волны моральных принципов, распространяющейся по миру.

В статье говорилось, что кто-то, должно быть, отсоединил «провода эгоизма». Алчность, гнев, похоть, чревоугодие - все, что обычно называлось семью смертными грехами, - внезапно перестали воздействовать на наше поведение, словно если мы раньше проводили всю свою жизнь с дьяволом и ангелом на каждом плече,

теперь дьявол перестал выходить на работу.

- Видите, что вы наделали, - сказал мягкий голос. Чесни опустил газету и увидел щеголеватого джентльмена с бородкой, сидевшего на другом конце скамейки и опиравшегося обеими руками на черную трость.

- Прошу прощения? - выдавил Чесни.

- То есть того, чего я не склонен давать слишком часто, - ответил незнакомец. - И особенно вам, после всего, что вы натворили.

В голосе и лице ощущалось нечто знакомое. И тут Чесни сообразил: мужчина был копией актера, игравшего Криса Крингла в первоначальной версии «Чуда на Тридцать Четвертой улице», фильме сороковых годов. Те же белая бородка и серебряные волосы, хотя глаза не искрились, а во взгляде неприязнь боролась с веселым презрением.

- Надеюсь, вы не демон? - спросил актуарий. - Я уже сказал...

- Не демон, - перебил собеседник, - а тот, на кого они все работают. - Последние следы веселья исчезли. - Вернее, работали, пока ты не напортачил своей бессмысленной тарабарщиной!

- Не понимаю...

Щеголь ткнул пальцем в газету, которую Чесни по-прежнему держал обеими руками. Утверждение о том, что дьявол перестал выходить на работу, поднялось со страницы и поплыло в воздухе перед глазами Чесни, продолжая увеличиваться, пока буквы не достигли шести футов в высоту, после чего взорвались оранжево-желтым пламенем и умерли в клубах угольно-черного дыма, рассеявшегося на несуществующем ветру.

- Ты, - прогремел Сатана, - ты, нелепый маленький человечек, в одиночку заставил Ад бастовать!

С точки зрения актуария, это имело смысл. Проблема, в основном, относилась к цифрам и демографической статистике. Ад, как и Рай, представлял собой автократию. В Аду правил Сатана, поддерживаемый внутренним кругом падших ангелов, которые до падения имели высокий ранг в ангельской иерархии: серафимы, херувимы, Престол, Господство, Сила, Власть, Начала, архангелы и ангелы. Существовали также герцоги и князья Бездны, а под ними - легионы демонов, бывшие рядовыми мятежными ангелами и архангелами до того, как всем коллективом свалились с небес на черные железные берега огненного озера. На них возлагалась задача наказывать и терзать души мертвых, заслуживших вечное проклятие, а также искушать живых, заставляя вести образ жизни, который неминуемо заканчивался вилами и пылающими печами.

Сначала такая работа казалась приятной, и палачи выполняли ее со всем усердием, назначая восхитительно издевательские наказания:

Сизиф и его вечно катящийся камень, исчезающие еда и питье Тантала, безбожно фальшивящий оркестр Нерона, непрерывно играющий его любимые композиции. Искусители тем временем постоянно нашептывали в коллективное ухо человечества, создавая бесконечный поток новых клиентов. Но с годами успех Ада стал его поражением. Демонов не становилось больше, и постоянно увеличивающийся приток проклятых душ казался бурной рекой по сравнению с тонким ручейком адских легионов.

Давным-давно, когда человечество насчитывало всего несколько сотен миллионов, демону, назначенному в карательные части, приказывалось «подогреть» всего несколько сотен осужденных. Теперь же, когда население Земли приближалось к семи миллиардам, - а великое множество из этих семи миллиардов, подстрекаемое корпусом искусителей, весьма творчески подходило к изобретению все новых прегрешений, - в воротах Ада собирались огромные очереди. А вот число измученных демонов, которым приходилось иметь дело с увеличивавшейся в геометрической прогрессии квотой проклятых, оставалось прежним. Производительность бедняг достигла предела, но, несмотря на это, с каждым днем возрастали требования трудиться больше, больше, больше. Рядовые работники Ада были сыты ими по горло.

В прошлом веке в эту постоянно изменяющуюся динамику вклинились первые активисты рабочего движения, заслужившие вечное проклятие. Конечно, истинные профсоюзные святые не были посланы в Ад, но профсоюзное движение привлекало такое же количество оппортунистов и прохвостов, пекущихся о собственных интересах, как любая дорожка к власти и деньгам. Поэтому в девяти кругах Ада не нашлось ни одного Джо Хилла, зато были широко представлены Джимми Хоффасы*³.

Попав в Ад, смутьяны увидели знакомый сценарий: измученные, постоянно перерабатывающие и никем не оцененные палачи. И факт постоянной нехватки демонов, у которых просто не хватало времени подвергать постоянным мукам каждую проклятую душу, позволил активистам спокойно рассмотреть все возможности и не упустить шанса. Наконец, они сумели до того уболтать палачей, что те позволили им сойти с беговой дорожки из раскаленного железа. Вскоре профсоюзники уже стали давать советы по тактике и стратегии своим вечным мучителям.

Через некоторое время первая делегация Адского братства злых

³ * *Джо Хилл - легендарный американский профсоюзный деятель. Джимми Хоффас - генеральный президент профсоюзов, обвиненный в мошенничестве, подлоге, злоупотреблении служебным положением и приговоренный к тюремному заключению.*

духов, демонов и искусителей приблизилась к Темному трону, чтобы почтительно попросить Его Сатанинское Величество вступить в дискуссию по поводу взаимных интересов. Демоны, принесшие эту весть врагу рода человеческого, были немедленно разорваны в клочья, но с огромным трудом восстановили себя и вернулись, чтобы сделать вторую попытку. Наконец, Сатане пришлось признать полный развал адской системы. В качестве временной меры руководство заключило первый контракт с работниками. Контракты считались областью, в которой руководству не было равных, так что окончательные условия оказались далеко не в пользу членов АБЗДДИ. Но начало было положено. Теперь, рассуждало братство, самое главное, чтобы руководство нарушило одно из условий. Тогда вся infernalная рабочая сила объявит забастовку и не встанет к котлам, пока не будет подписан настоящий контракт.

И тут на этом пороховом складе, только и дожидавшемся искры, появляется Чесни Арнстратер. Жабоподобного демона, ответившего на его нечаянный вызов, оторвали от привычных обязанностей: лить расплавленное золото в глотки скряг. Согласно условиям контракта, ему обещали снизить квоту жертв, если подпись Чесни будет получена, а сам демон выполнит желания новообращенного грешника. Когда же он вернулся без подписи, начальник заявил, что теперь придется выполнить норму, а ведь количество скупцов за это время отнюдь не уменьшилось.

Демон, естественно, заартачился. Тогда его начальник Ксапан, тот клыкастый хорек в гамашах, попытался исправить ситуацию, уговаривая Чесни подписать контракт. К тому времени как Ксапан вернулся, потерпев неудачу, жабоподобный демон уже успел пожаловаться профсоюзному лидеру АБЗДДИ, дамочке со змеиным языком, и выстроенные в ряд костяшки домино дрогнули, готовые валиться согласно известному принципу.

Змеиный Язык утверждала, что члену АБЗДДИ нужно снизить норму, поскольку его призывали другие обязанности. Ксапан возражал, что Жаба не принес подписанный контракт, так что никакие послабления здесь не действуют.

В базовом соглашении не нашлось оговорок для подобных случаев. Хорек и Змеиный Язык долго пялились друг на друга, после чего последняя поднялась в квартиру Чесни, чтобы задать животрепещущий вопрос: «Готов ли ты упорствовать и дальше?».

И когда Чесни ответил утвердительно, костяшки стали валиться. С грохотом.

- Теперь ты понимаешь, - заключил Сатана.

Чесни покачал головой, но не в знак возражения. Просто никак не мог переварить информацию, которую вложил Люцифер в его сознание,

включая графические изображения, вызвавшие бы неудержимую диарею у самого Иеронима Босха.

- А теперь позволь мне показать кое-что, - продолжал Дьявол.

- Ты уже показал более чем достаточно, - проворчал Чесни, но рука с наманикюренными пальцами властно сжала его ладонь, и они мгновенно перенеслись в другое место - нечто вроде вершины гигантской скалы, вот только вид с нее открывался странноватый. И тут до Чесни дошло.

- «Все царства мира»... - процитировал он. - Это сюда ты приводил...

- Назови имя, - перебил Сатана, - и я сброшу тебя вниз.

Он зябко передернул плечами, словно пытаюсь оправиться от судорог.

- Смотри сюда.

Чесни повиновался, и все, на что он смотрел, каким-то образом увеличивалось и становилось отчетливее, пока он не перенесся на место действия - фабрику, где собирали компьютеры. Но линия сборки была остановлена, служащие отсутствовали, а в идеально чистом помещении царил тишина.

- Жадности пришел какук, - пояснил Дьявол. - Никто не заказывает товар, потому что никто не желает получить прибыль от продажи. А если бы и желал, никто не хочет получать жалованье, изготавливая компьютеры.

Еще мгновение - и они вновь оказались на скале.

- Смотри, - повторил Сатана.

Чесни очутился в другом помещении - ночном клубе на той же улице, что и его квартира: пустые кабинки, потухшие огни, пустая танцплощадка, пыльные бутылки за стойкой.

- Похоти пришел какук. Молодые люди не стремятся произвести впечатление на молодых женщин, а те не стремятся ответить на призыв.

Далее последовал четырехзвездный ресторан: стулья составлены на столах без скатертей, грили и печи давно остыли, холодильники забиты мясом и вянущими овощами.

- Ясно, - вздохнул Чесни. - Чревоугодию пришел какук. И никто не пытается дотянуться до Джонсов, потому что зависть выключена, и индустрия развлечений плюхнулась на задницу, ведь люди больше не играют. Мода умерла вместе с тщеславием.

Ресторан исчез, и они вновь обнаружили себя на скале.

- А каким образом ты собираешься продемонстрировать мне отсутствие гнева? Покажешь парня, сидящего в пещере и перебирающего собственную бороду?

- Я покажу тебе, что такое гнев, - прошипел Дьявол, но тут же сделал видимое усилие сдержаться и глубоко вздохнул: - Покажу, что я вплетен в основу и уток мира. Ты подорвал один из главных устоев существования.

- Нет, - запротестовал Чесни, - я всего лишь стукнул молотком по пальцу и не выругался. Все остальное последовало с твоей половины дома.

Он хотел сказать еще что-то, но неожиданно очутился на парковой скамейке, только теперь его собеседником был стройный темноволосый индивид с четко прорисованными чертами лица и крошечной эспаньолкой. Сатана несколько раз согнул и разогнул длинные пальцы, словно душитель, разогревающийся перед очередной вылазкой. Слабый серный смрад вплелся в ветерок.

- Мы можем сделать специальное предложение, - заявил Дьявол. - Никакого мелкого шрифта. Никаких сюрпризов. Все, что пожелаешь. Президент. Кинозвезда. Самый богатый человек в мире. Билл Гейтс - твой дворецкий, королева английская - в роли горничной.

- Однако в конце концов ты заберешь мою душу, - уточнил Чесни.

- Стандартное соглашение.

- Но я не стандартный клиент, верно?

Брови Дьявола сошлись к переносице. Небо потемнело.

- Это необходимо уладить, - процедил он.

- Прекрасно, - кивнул Чесни. - Согласен с твоими аргументами, основой и утком, необходимостью греха, но не готов отдать душу только затем, чтобы заткнуть дыру в профсоюзном договоре адских сил.

Ответом послужил скрежет зубовой.

- Сочувствую, - вздохнул Чесни. - Нет, честно, сочувствую. Но почему вы не можете договориться со своими работниками?

- Они ужасно упертые, - покачал головой Сатана.

- Как насчет того, чтобы произвести самых страшных грешников в помощники палачей?

- Против правил. Худшие все еще здесь, и им придется страдать, когда попадут в мои лапы.

- Нельзя ли изменить правила?

- Только не те, которых я не устанавливал.

У Чесни возникла новая идея:

- Как насчет того, чтобы повысить наименее грешных?

- Мы пытались, - пробормотал Дьявол. - Но у них... духу не хватит.

- Сокращенная рабочая неделя?

- Мы и так отстаем от расписания.

- В таком случае, мне больше нечего сказать, - объявил Чесни.

- Если подпишешь соглашение, я могу устроить тебе очень долгую жизнь, - пообещал Сатана.

- Какой бы долгой она ни была, вечность намного дольше.

- Да, - согласился враг рода человеческого, - и становится еще дольше, пока мы тут расслаиваемся и ни к чему не можем прийти.

- Спасибо за то, что не «подогрел» меня прямо здесь, наверху.

- Повторяю, - выдавил Сатана тоном, предполагающим, что терпение его находится на пределе, - не я устанавливаю правила.
Серный смрад усилился, и Чесни остался в одиночестве.

III

В очень дальнем уголке души, о котором он никому не говорил, Чесни чувствовал, что предназначен для великой цели. Тот факт, что жизнь до сих пор предложила ему очень немного путей для достижения этой великой цели, его не смущал. Как и то обстоятельство, что когда он единственный раз упомянул об этом чувстве - в десять лет и своей матери, - та открыла ему несколько горьких истин.

Несмотря на карты самого низкого достоинства, которые до сих пор сдавала ему жизнь, Чесни втайне лелеял свою веру, сначала читая и перечитывая библейские тексты о других ничем не примечательных молодых людях, достигших потом величия: Иосифе и его триумфах в Египте, Давиде с пращой, пастушке, который возвысился и занял трон Савла. Позже он обнаружил и другие источники вдохновения, подогревшие воображение: подвиги Бэтмена и Зеленого Фонаря и особенно Бена Тернера, более известного под прозвищем Драйвер, полученным после того, как в его руках очутился таинственный пакет, по ошибке попавший на Землю из параллельного мира.

С самой встречи с жабой-демоном Чесни лелеял надежду, что все происходящее ведет к реализации некоего великого плана с ним самим в главной роли. И теперь, возвращаясь в офис, он думал, что его стремление оставить свой след в этом мире должно быть чистым: демон, которому предстояло ввести его в грех гордыни, вместо этого торчит в забастовочном пикете.

Из этого следовало... что? Что если у него имеется искушитель, значит, есть и его оппонент с другой стороны.

Он остановился у выхода из парка:

- Привет! Ты здесь?

Ответа он не получил. Пришлось сделать вторую попытку:

- Я говорю с тобой. Со своим ангелом-хранителем. Тем, кто противостоит демону, призванному искушать меня.

Молчание.

- Я знаю, ты должен быть здесь и в данный момент работы у тебя не так уж много. И совет очень бы мне пригодился.

- Но нам не полагается разговаривать, - нерешительно пропищал ему в ухо тонкий голосок.

Чесни огляделся, но рядом никого не обнаружил.

- Согласись, ситуация не совсем обычная, - заметил он.

- Хм-м, - откликнулся голосок, после чего последовала долгая пауза. -

Нам также запрещено советовать. Мы почти не проходили специального обучения. Нам в основном поручено противостоять искушению. Реагировать, как говорится, на внешний раздражитель.

- Хочешь сказать, противоречить любому предложению моего искусителя?

- И наоборот.

- Похоже, ты не слишком усердно над этим размышлял.

- Размышления не поощряются, - пояснил голос. - Именно поэтому сам-знаешь-кто впутался во все эти неприятности.

- И все же у тебя должно быть больше опыта в подобных вещах, - настаивал Чесни.

- Я спросил бы кого постарше. Не могу попирать твою свободную волю.

- Но я по собственной воле прошу у тебя совета. Ты, должно быть, слышал, на чем настаивал Дьявол.

- О да. Должен сказать, очень странно было снова видеть его. Я полагал, что он почти все время проводит в административном здании. Вот куда заводит нас страсть к размышлениям.

- Вернемся к моей ситуации, - напомнил Чесни. - Что мне теперь делать?

- О нет, - возразил голос, - мне запрещено говорить. Самое большее, на что я уполномочен - поощрять тебя почаще совещаться со своей совестью.

- Я думал, что это ты - моя совесть.

- Нет. Ты получаешь совесть одновременно со свободой воли.

- А как насчет твоей совести? Что подсказывает она?

- Не имеется. Нет необходимости. И свободы воли тоже нет.

- У ангелов нет свободы воли?

- Думаю, раньше была. Но, наверное, мы от нее избавились, после того как увидели, сколько неприятностей это причиняет твоему недавнему гостю и его последователям. С тех пор мы только выполняем Его приказания, не задавая вопросов.

- Хорошо, - согласился Чесни, - каково же Его признание?

- Хм-м... Он ничего мне не передавал.

- Но ты сам утверждал, что можешь спросить кого-то постарше.

- О да. Из Престола, а может быть, даже Господства.

- Пожалуйста, сделай это, а потом возвращайся ко мне.

- Если мне разрешат.

После ланча Чесни вернулся в пустой офис. Он оставался пустым все утро. Сам Чесни пришел на работу, считая, что таков его долг перед нанимателем, но теперь понял, что это, скорее, привычка к каждодневной рутине. Он сам не понял, когда стал таким педантом.

До ланча он избавился от нескольких последних дел в электронной

корзине для входящих документов и теперь выключил компьютер и уставился в пустой монитор. Ангел посоветовал чаще сверяться со своей совестью. Но с самого детства совесть неизменно говорила с ним жестким, сварливым голосом Летиши Арнстратер.

- Пожалуй, стоит поехать повидаться с ней, - сказал он вслух.

Пришлось дольше обычного ждать автобуса. Когда он наконец прибыл, Чесни присмотрелся к водителю, гадая, вышел ли тот на работу из чувства долга или по укоренившейся привычке. Судя по безразличному выражению тупого лица шофера, перед ним был еще один пленник рутины.

Чесни был единственным пассажиром в автобусе, катившем, по почти пустым улицам из центра в пригород. Автобус был экспрессом. Обычно Чесни добирался до перекрестка, где фасад к фасаду стояли огромный торговый комплекс «Покупай-покупай» и такой же гигантский фирменный магазин, там он пересаживался на местный автобус, который и подвозил его оставшиеся до материнского дома восемь кварталов.

Но он простоял двадцать минут на перекрестке с пересадочным талоном в руке, а автобус все не шел. Оставалось идти пешком. Первые два квартала он постоянно оглядывался. Особенно неприятно было оказаться между парковками торгового комплекса и фирменного магазина. Широкие асфальтовые площадки, как правило, были до отказа забиты машинами, минивэнами и микроавтобусами, но сегодня ветер, гулявший по пустым пространствам, перекатывал пластиковые пакеты. Магазины стояли темные и пустые. Ни единой живой души вокруг.

Угрызения совести терзали Чесни все сильнее. Тихие безлюдные улицы района, в котором он вырос, казались не только непривычными, но и олицетворяли невысказанный упрек лично ему. После того что наговорил Дьявол, до Чесни постепенно стало доходить, что тишина и отсутствие всяческой активности вольно или невольно являлись делом рук его, Чесни Арнстратера.

Неожиданное озарение заставило его задаться вопросом: так ли уж хорошо простое отсутствие зла? Судя по тому, что он видел и переживал, ответ будет не таким уж однозначным. Теперь он оказался в мире, освобожденном от зла. Силы Ада сложили свои орудия и свернули предприятие, но он не мог заставить себя утверждать, что этот новый мир хорош. Точнее было бы охарактеризовать его словом, которое он недавно отыскал в газетной статье о неологизмах, прокладывающих дорогу в современные словари.

- Жесть. Вот оно. Ни хорошо, ни плохо. Жесть.

И все это был его... собственно говоря, он собирался воспользоваться словом «промах». Но понял, что не может зайти так далеко. Пока не

может.

Все же он сказал себе, что это определенно его вина. Придется взять на себя часть ответственности, и следовательно, часть вины. Но какую часть? Он понятия не имел. А не зная этого, не мог судить, сколько усилий потребуется от него, чтобы выправить ситуацию.

Шагая к дому матери, он сражался с математикой, но внутренний калькулятор никак не мог справиться с пропорциями. Не хватало точных чисел, чтобы вставить в уравнения. Слишком много переменных.

Поэтому он ускорил шаг. Если дело дойдет до составления точных процентных соотношений вины, до попытки прорваться сквозь лабиринт вопросов кто, что, как и кому сделал и наконец докопаться до твердой сердцевины виновности, Чесни знал, где искать единственный пронизательный, холодный разум, способный разрезать тьму, как свет маяка в старом мультике.

Пройдя еще два квартала, он свернул к крыльцу дома, где царил этот самый разум, неустанно отделяющий нравственные зерна от плевел и обнаруживающий гораздо больше последних, чем первых... по крайней мере, на памяти Чесни.

Он поднялся на крыльцо, постучал, повернул большую медную ручку и крикнул:

- Мама, это я!

Мать не отвечала. Чесни ступил в отделанный темными панелями коридор, где его немедленно окутали знакомые запахи мебельной полироли и сухой лаванды.

- Мама! - окликнул он уже громче.

- Я здесь, - отозвалась мать. Он открыл тяжелую остекленную дверь и очутился в гостиной - помещении, неизменно ассоциировавшемся с матерью. Все было как обычно: старомодная мягкая мебель, унаследованная вместе с домом и по-прежнему украшенная кружевными салфеточками, широкий журнальный столик на гнутых ножках, заваленный конвертами, писчей бумагой и листами почтовых марок. И сама Летиша сидела там, где он привык ее видеть, за антикварным письменным столом, обломком той эпохи, когда викторианские леди общались друг с другом посредством надушенной бумаги и каллиграфии. Почерк Летиши Арнстратер вполне мог соответствовать стандартам этих дам, хотя те индивиды, которым она писала, ознакомившись с содержанием, весьма часто и удивленно вскидывали подбритые брови.

Дело в том, что за те годы, когда Чесни перестал быть основным средоточием и целью жизни Летиши, ее главным занятием стало сочинение уничтожающе едких писем политикам, кинозвездам, музыкантам, журналистам, писателям и академикам. Эти послания содержали нелицеприятные оценки моральных качеств и деятельности

адресатов, а также бесцеремонные рекомендации по исправлению ошибок и промахов. Кроме того, на тот случай, если они откажутся принимать ее доброжелательные советы, Летиша добавляла детальные описания той участи, которая ожидала их за гробом.

Несмотря на хорошо сформулированные фразы, подробности насаживания на вертел, поджаривания на сковородках, выбивания глаз, просверливания буравами и грубейшего проникновения в интимные части, ожидавшие адресатов в загробной жизни, вряд ли предназначались для людей слабонервных. Но при мысли о впечатлении, производимом на получателей ее эпистолярных шедевров, круглое лицо Летиши буквально светилось радостью.

Летиша сидела за столом. Перед ней лежало незаконченное письмо. В пухлых пальцах неподвижно застыла авторучка. Щека прижималась к костяшкाम пальцев, во взгляде, обращенном на сына, отсутствовал привычный блеск.

- А, это ты, - произнесла она традиционную фразу. Правда, в голосе не прозвучало привычно обвинительных ноток.

- Мама, ты в порядке? - спросил он.

- Полагаю, - вздохнула она, - но у меня, кажется, упадок сил.

Она жестом показала на лежавшую перед ней бумагу.

- Пыталась написать той молодой женщине, которая постоянно вертится в телевизоре, но...

Она поискала наиболее точное выражение.

- ...почему-то не нахожу слов.

Мать отложила ручку и откинулась на спинку обитого парчой кресла. Руки упали на колени.

- Из меня словно... энергию выкачали.

- Ма, посиди со мной, - попросил Чесни и, подняв ее, повел к дивану. - Мне нужен твой совет.

Обычно подобное признание заставляло Летишу Арнстратер включать на полную мощность все четыре цилиндра. Она давала советы с такой легкостью, как шутихи разбрасывают искры. Но сейчас, сидя на одном конце громоздкого дивана, она по-прежнему оставалась какой-то поникшей. Услышав ее ответ, сын даже растерялся:

- Не знаю, гожусь ли я сегодня на то, чтобы давать советы. У меня не слишком много... уф!

- Знаю, ма. И даже знаю почему, - кивнул Чесни. Не прошло и двух минут, как Летиша Арнстратер обо всем узнала. И нужно отдать ей должное, стойко вынесла удар. Интересно, как отреагировали бы другие? Но мать восприняла информацию с подлинным интересом и возрастающим сочувствием к сыну.

- Бедный мой Чесни, - пробормотала она.

Чесни опешил, впервые в жизни услышав, как мать проявляет участие к кому бы то ни было. Даже обрабатывая его детские порезы и

ссадины, она имела привычку читать нотации на тему, как впредь избежать чего-то подобного.

Но у него не было времени задумываться о прошлом. Поэтому он без обиняков заявил:

- Я не знаю, что делать.

- Ну, - протянула она, хлопнув глазами, - ты должен поступать, как считаешь правильным.

- В этом и проблема! Неправильно заключать договор с Дьяволом и становиться пособником зла, не говоря уже о том, чтобы навеки погубить свою бессмертную душу. Но дело не только во мне. Пока Ад бастует, никто в мире не грешит. Если я сдамся, значит, буду отвечать за то зло, которое вновь затопит землю, как только демоны вернутся на работу.

- Значит, ты не должен сдаваться.

- Но жизнь на планете остановилась! Оказалось, что именно грехи заставляют ее вращаться. Когда нет побуждения грешить, нет и стимула что-то делать. Никто ничего и не делает, разве что по привычке или из чувства долга. Да ведь даже ты...

Он осекся, заметив ее испуганное лицо.

- Я?

Летиша, похоже, призадумалась и что-то сообразила, потому что ее взгляд устремился сначала на горы конвертов и марок на журнальном столике, а потом - на письменный стол.

- О... о, господи!

- Мне очень жаль, мама.

- Гордыня, - сказала она себе, но тут же поправилась: - Нет, скорее, зависть. Но почему я никогда этого не замечала?

- Мне жаль, - повторил он. - Прости.

Летиша видимым усилием взяла себя в руки:

- Прежде всего, тебе не за что извиняться. Ты не хотел ничего дурного. И пытаешься все уладить.

- Только не знаю как.

- Откуда тебе знать? Ты актуарий, а не философ.

Похоже, она обрела некоторую часть былой энергии и, подняв с журнального столика блокнот на пружинке, принялась листать, пока не дошла до нужного места.

- Вот! - воскликнула Летиша, потянувшись к телефону, набрала междугородный номер и стала ждать ответа. Очевидно, ответ ее не удовлетворил, потому что она свела брови и положила трубку.

- Автоответчик, - вздохнула Летиша вставая. - Не пойдет. Нужно увидеть его.

- Кого? - уточнил Чесни.

Но мать уже вышла в коридор, так что лязг ключей от машины почти заглушил ее голос:

- Преподобного Билли Ли Хардейкра.

Они отправились в путь в винтажном, прекрасно сохранившемся с середины шестидесятых «додже монако», унаследованном Летишей вместе с домом и мебелью от долго вдовевшего отца.

- Я не уверен, что это правильно, - сомневался Чесни, устроившийся на широком пассажирском сиденье.

- Зато я уверена, дорогой. Никто не знает о Рае и Аде больше, чем преподобный Билли Ли.

- Но стоит ли беспокоить его?

- Он священник и проповедует Слово Божие. Разве можно назвать беспокойством помощь человеку, попавшему в духовную беду?

Чесни представил лицо Хардейкра с привычным выражением сурового осуждения. Глаза горят отнюдь не праведным огнем, а с уст срываются привычные предсказания вечного проклятия и адских мук грешникам, избранным для сегодняшней проповеди.

- Что же... может быть, - пробормотал он.

Окруженное высокими стенами загородное поместье преподобного Билли Ли находилось в двух часах езды к югу от города. Как одна из круга святых Нового Храма Воздуха, Летиша Арнстратер трижды посещала собрания, устраиваемые в большой палатке на длинном ухоженном газоне. Никого из знакомых Чесни или его матери ни разу не пригласили в дом.

Они проехали через арку и направились дальше, по длинной подъездной дорожке, усыпанной битым белым камнем, припарковались на широкой бетонированной площадке перед воротами гаража на несколько машин. Стук дверцы «доджа» и их шаги по белоснежному гравию, отдались эхом в тишине, окружавшей поместье.

- Я все же не уверен... - начал Чесни.

- Я уверена за нас обоих, - перебила мать.

Они поднялись на высокое крыльцо украшенного колоннами фасада, и Летиша сильно дернула за шнурок старомодного колокольчика. Откуда-то изнутри послышался мелодичный перезвон, но дверь оставалась закрытой. Летиша продолжала дергать шнурок.

- Иду, - отозвался чей-то голос. Дверь открылась. На пороге появился лысеющий мужчина среднего роста, в полинявших джинсах и серой футболке, обтянувшей солидное брюшко, и вопросительно уставился на гостей:

- Чем могу помочь?

- Мы хотели бы видеть преподобного Билли Ли, - пояснила Летиша.

- Он перед вами.

- Не хотелось бы спорить, - начала Летиша, - но я встречалась с преподобным Хардейкром...

- А я не похож на него, - закончил незнакомец. - Но именно так он выглядит без своей сбруи, подкладных плеч, подложек в ковбойских сапогах и парика за две тысячи долларов.

Он поднял руку, и в глаза Чесни ударил блеск бриллиантов в тяжелом золотом перстне.

- Живот - тоже часть реквизита, только вот снять его невозможно. Слишком много стейков и лобстеров.

Вглядевшись в женщину выцветшими зеленовато-карими глазами, он продолжал:

- Я не надел контактные линзы, но, кажется, узнал вас. Летиша Арнстратер, не так ли?

Дождавшись кивка, Хардейкр добавил:

- Вы пишете абсолютно кошмарные письма. Я получаю копии от адвокатов тех бедняг, на которых натравил вас. Раньше я не знал, смеяться или содрогаться. Зато теперь знаю.

Он содрогнулся.

Чесни, видя, как мать не слишком хорошо воспринимает нелицеприятные высказывания преподобного, решил, что сейчас самое время сменить тему.

- Мистер Хардейкр, - вмешался он, - я Чесни Арнстратер.

Хардейкр смерил его взглядом:

- Но вы не муж?

- Сын. Нам нужно поговорить с вами.

Священник покачал почти безволосой головой:

- Вряд ли я сейчас смогу быть кому-то полезен, сынок. И еще большой вопрос, был ли полезен раньше. Я подцепил вирус совести.

- Да, и в этом моя вина, - признался Чесни.

Хардейкр настороженно уставился на него:

- В таком случае вам лучше войти.

Он повел их в роскошно обставленную в стиле Средневековья гостиную: выложенный каменными плитами пол, по которому была разбросана дюжина персидских ковров, высокий сводчатый потолок, с которого спускалась кованая люстра с позолоченными завитушками. По одной стене тянулись высокие окна в мелких переплетах со шторами из темного бархата, в дальнем конце высился камин, где можно было зажарить быка, а над камином висел портрет маслом в рост человека. На портрете красовался преподобный Билли Ли в позе Чарлтона Хестона^{*4}, изображающего Моисея, перед которым вот-вот расступится Красное море. Скрытое освещение омывало портрет

⁴ * Чарлтон Хестон - американский актер, известный ролями в исторических фильмах и, в частности, ролью Моисея в «Десяти заповедях».

сиянием, рассчитанным на то, чтобы с порога приковать взгляд любого гостя к столь выдающемуся произведению искусства.

Перед камином стояли массивные кресла, обитые бычьей кожей. Чесни подумал, что мебель рассчитана, скорее, не на удобство, а на то, чтобы произвести впечатление, и, решив не заморачиваться светской беседой, сразу приступил к делу:

- Я случайно стал причиной забастовки в Аду.

В первый момент на лице преподобного не отразилось особых эмоций. Потом его брови поднялись и опустились, а губы сосредоточенно поджались. Наконец он вытаращил глаза, разинул рот, и указательный палец правой руки нацелился в грудь Чесни.

- А! - кивнул он. - Вот, значит, оно как!

Волна облегчения накрыла Чесни. Он ожидал спора и возражений, но вместо этого оказался в положении того персонажа детективного романа, который представил сыщику то единственное доказательство, которое поможет раскрыть дело.

- А я-то все ломал голову, - продолжал Хардейкр.

- Мне казалось, что вы должны молиться, - заметила Летиша.

Глаза преподобного без контактных линз и ловко расставленных прожекторов телестудии потеряли способность искриться, но он сумел изобразить довольно похожий вариант своей простецки открытой телеулыбки.

- Не вижу в этом особого смысла, мэ. У нас нечто вроде договора. Я не тревожу Его, а Он позволяет мне делать так, как считаю нужным, - пояснил преподобный.

- Значит, вы не настоящий священник? - уточнила она, и Чесни не услышал в голосе матери ничего, кроме невинного удивления. В любой другой день каждое слово пылало бы презрением и гневом, но сегодня никакие темные силы не подливали масла в огонь.

- Это сложный вопрос, - признался проповедник и поспешил уйти от ответа: - Похоже, у вашего сына проблемы куда сложнее. Почему бы вам не рассказать, как вы попали сами... и ухитрились втравить всех нас в эту историю?

И Чесни поведал ему все, начиная с покерной ночи и заканчивая встречей с Сатаной в парке. Время от времени Хардейкр прерывал его речь короткими вопросами. Дождавшись конца, он склонил голову, сложил ладони в молитвенной позе и поднес к губам: не столько обращаясь к Богу, сколько пытаясь сосредоточиться.

После долгого молчания он поднял глаза и объявил:

- Думаю, мать действительно привела вас к нужному человеку. - Помедлив, он дернул губами и добавил: - В обычных обстоятельствах я произнес бы это с выпендренной и чрезмерной гордостью, но, полагаю, тот тип, что снабжает меня этой эмоцией, сегодня не вышел на работу. Однако это еще не причина, чтобы предаваться лени нам.

- Но что же делать? - спросил Чесни.
- Давненько я не сталкивался ни с чем подобным, но прежде всего следует усадить обе стороны за стол переговоров. Пусть хорошенько поторгуются.

IV

- Ни за что, - заявил Сатана.
 - Придется, - возразила красная змея, высунувшись из рта миниатюрной девушки. - Мы отдали работе все, что могли. Руководству придется предоставить нам некоторые льготы.
 - Я не «руковожу» Адом, - поправил Люцифер. - Я ЦАРСТВУЮ в нем. Змеиный Язык сложила ручки на переднике. Сатана уставился в потолок, словно находил его куда более интересным, чем сидевший напротив взбешенный демон.
 - Прекрасно, - вмешался преподобный Билли Ли Хардейкр. - Для первой встречи довольно. Я хотел бы отложить переговоры, пока не изучу все возможности найти общую почву. Потом мы соберемся снова. Скажем, часа через два?
 - Ты, должно быть, шутишь, - бросила президент АБЗДДИ.
 - Бессмысленно, - вторил Дьявол.
 - Вам следует доверять мне, - спорил Хардейкр.
 - С чего это вдруг? - удивился Дьявол.
- Проповедник поднялся и приказал принести бумаги, которые разложил перед собой на столе.
- Я знаю то, что не известно вам.

Чесни и его мать подслушивали в соседней комнате: проповедник оставил дверь слегка приоткрытой. Увидев входившего Хардейкра, Чесни сказал:

- Похоже, все идет наперекосяк.
- Начало всегда такое, - успокоил Хардейкр, - иначе они не нуждались бы в посреднике.

Сам он оделся, как подобает случаю: сшитые на заказ костюм и ковбойские сапоги, серебристый парик.

- Что вы имели в виду, когда заявили, будто знаете нечто, не известное им? - не выдержала Летиша.

- А, вот вы о чем!

Хардейкр положил на консоль толстую пачку бумаг.

Это требует кое-каких объяснений. И сначала мне нужно поговорить кое с кем. Чесни, вы сказали, что ваш ангел-хранитель намеревался попросить совета у вышестоящих лиц?

- Да, но с тех пор я ничего о нем не слышал. У меня такое

впечатление, что он не хочет со мной общаться.

Проповедник кивнул.

- Я тоже так считаю. И могу решить проблему, но тебе придется меня поддержать. - Он снова помедлил. - Иначе, все застопорится. И Он никогда не узнает, чем все кончится.

До них донесся трогательно мелодичный перезвон, и в комнате появился высокий мужчина с благородным лицом, волосами легкими и светлыми, как кукурузные рыльца, и в невероятно белом костюме.

- Что ты имеешь в виду?

У Хардейкра мгновенно возник встречный вопрос:

- Престол или Господство?

- Престол. И так, что ты имеешь в виду?

- А то, - пояснил Хардейкр, - что Он сам загнал Себя в угол. Когда такое случается, персонажам приходится спасать роман.

Чесни подумал, что, возможно, впервые за целую вечность идеально гладкий лоб ангела чуть сморщился.

- Прошу прощения?

- Я все объясню, - пообещал Хардейкр. - За ужином.

- Буду рад, - добавил он, раздавая сэндвичи с копченой колбасой и стаканы с водой, - когда все это утрясется. Мне явно не хватает кревоугодия.

Ангел не попробовал колбасы, но присоединился к смертным в столовой.

- Ты хотел объяснить, - напомнил он.

Хардейкр без всякого удовольствия прожевал сэндвич.

- Все произошло в то время, когда я писал седьмой роман. На полпути я застрял. Начиная писать, я знал, как развивается сюжет, но персонажи зажили собственной жизнью. Каждый шел своей дорогой. Я окончательно измучился, пытаюсь заставить их делать то, что полагалось по сюжету.

- Такое бывает довольно часто, - кивнул ангел. - Сколько раз авторы обнаруживали, что герои отказываются им повиноваться!

- Совершенно верно. Мудрый писатель наблюдает за своими персонажами, предоставляя им вести сюжетную линию. Вот и я позволил им решать, как поступить, и вместе мы создали совершенно иную книгу, чем было задумано с самого начала. Этот случай заставил меня осознать, что роман создается не писателями, а героями. Автор же всего лишь записывает с их слов.

- Мудро, - одобрил ангел, - но что это имеет общего с нашей ситуацией?

- По опыту я знаю, что учиться можно, не только читая книги. Иногда учишься, сочиняя эти самые книги. Именно тогда на меня снизошло откровение, заставившее бросить закон и литературу и уйти в

семинарию.

Чесни глотал куски почти безвкусного сэндвича и слушал речь проповедника. Чем дольше он наблюдал, как Хардейкр берет контроль над ситуацией, тем меньше оставалось в нем уверенности, что он - центральная фигура во всей истории. Возможно, следовало признать, что он навсегда останется запасным игроком. И не ему решать - позволить более решительным людям расталкивать друг друга локтями или, наоборот, объединяться.

Да, он случайно вызвал демона, но теперь, похоже, не сумеет завершить начатое. Наблюдая, как умело общается Хардейкр с высоким представителем небесной иерархии, Чесни с легкой завистью думал: «Хардейкр - вот это герой! Я просто игрок, который катит мяч по полю, чтобы преподобный Билли Ли мог забить гол».

Он взглянул на мать, не отрывавшую глаз от проповедника, хотя в комнате находился настоящий ангел. Будет ли когда-нибудь женщина смотреть и на него с таким же интересом?

- Но ты так и не получил докторской степени в теологии, не так ли? - спросил ангел. Чесни заметил, как удивилась мать.

- Нет, - признался Хардейкр, - мою диссертацию отвергли. - Он немного помедлил для пушного эффекта: - Но бьюсь об заклад, теперь она прошла бы на ура.

Ангел, кажется, был окончательно сбит с толку. Но Хардейкр уже обратился к Чесни:

- Вы - актуарий. Вычисляете, насколько возможно то или иное событие в тех или иных слоях населения?

- Да.

- И эта работа убедила вас в несправедливости жизни?

- Да.

- Потому что тот парень наверху иногда подтасовывает карты?

- О чем вы? - насторожился Чесни.

- Возьмите Адама и Еву. Он посылает невинную парочку в сад, где силы зла уже замышляют уничтожить их. Предупредил ли Он их о змее?

Чесни покачал головой.

- Или вспомнить Каина и Авеля. Каин - фермер. Авель - пастух. Каину приходится трудиться с утра до вечера: пахать, сажать, сеять, полоть и выращивать урожай. Авель же всего-навсего бредет за стадом овец. Но когда они принесли Ему в жертву лучшее, что имели, Он благословил подношение Авеля и отверг дары Каина.

- Но когда Каин убил Авеля, Господь не наказал его, - напомнил Чесни. - И даже отметил каиновой печатью и тем самым предупредил людей, чтобы оставили его в покое.

- Что заставляет поинтересоваться: разве Господь не считал братоубийство наказуемым преступлением? На вопрос «Разве я

сторож брату моему?» - Каин ответа не получает. Прямой, относящийся к области этики вопрос, который, очевидно, ставит Господа в тупик.

Ангел открыл рот, явно собираясь что-то ответить, но Хардейкра уже несло:

- А бедный старый Иов? Его жизнь идет под откос. Потому что Бог и Сатана заключили пари. Жены и дети убиты, добро уничтожено, он весь покрыт язвами, а когда начинает роптать, Господь велит ему не наглеть.

- Все было не совсем так, - возразил ангел. Но Хардейкр небрежно отмахнулся.

- Есть и кое-что иное. Две различные версии сотворения мира в Книге Бытия. Возьмите хотя бы Ноя и Всемирный Потоп! Господу не нравится образ жизни Его созданий, поэтому Он стирает их с лица земли и начинает все сначала. Кто так поступает? - Не ожидая ответа, Хардейкр пояснил: - Писатели.

- И куда все это ведет? - осведомился ангел.

Но Хардейкр повелительно поднял руку.

- Еще одно, самое важное доказательство: книги, всегда книги!

- Книги? - переспросил Чесни.

- Он неизменно требует, чтобы мы писали книги. Тора, Священное Писание, Коран, Ригведа, Книга мормонов и так далее, и тому подобное. Даже в те времена, когда почти все были неграмотны, Он вдохновлял людей на сочинение книг.

- Хотел, чтобы вы запомнили всё самое главное, - подсказал ангел.

- Я так не думаю, - покачал головой Хардейкр.

- Сомневаетесь?

- Разумеется. Нам полагается сомневаться. - Он снова обратился к Чесни: - Если Он пожелал, чтобы мы читали книги, почему Сам не написал такую, которая дарилась бы каждому при рождении? Или просто не вложил бы информацию в наши головы... - Он взглянул на представителя Престола. - Точно так же, как сделал с вами. К чему эти различные версии, эти противоречия, тем более что все написано нами же!

- Полагаю, у вас есть ответ? - поинтересовался ангел.

- Есть, - кивнул проповедник. - Но когда я защищал докторскую диссертацию, со всех сторон неслись негодующие крики. - Он вновь обратился к Чесни: - Однако совокупность различных книг - это коллективный ключ к разгадке... то, что критики именуют повторяющимся мотивом.

- Но что же этот ключ дает нам? - спросил Чесни. - Какова разгадка?

- Она вполне очевидна. Все это, все мы... - Он обвел комнату широким жестом. - ...Его книга. И Он пишет, чтобы чему-то научиться.

- Он есть Он, - покачал головой ангел. - Чему Он должен учиться?

Хардейкр мягко улыбнулся небесному гостю:

- Принципам морали, разумеется.

- Говоря твоими словам, - ответил ангел, - я так не думаю.

- Ты вообще не способен думать. Тебя создали уже готовым и идеальным творением Господа. Знающим все, что необходимо знать. Эти знания вложил в тебя Он. Вы, бессмертные, включая тех, кто внизу, - не персонажи этой истории. Видишь ли, персонажи имеют тенденцию меняться. В отличие от вас. Вы всего лишь постоянно присутствующие факторы, силы заднего плана, как климат или притяжение Земли. Поэтому мы обладаем свободой воли, а вот вы - нет. Это нам приходится мыслить. Нам приходится улаживать дела, вертеть колеса истории и добиваться торжества справедливости. Чтобы в конце все было правильно и хорошо. Вопрос в том, что именно правильно и хорошо? И в чем смысл всего этого?

- Заслужить спасение, - подсказала мать Чесни.

Проповедник покачал головой:

- Нам не понадобилось бы спасение, если бы Он не наделил нас свободой воли, после чего натравил на нас Дьявола. Кроме того, почему Он постоянно меняет правила? Раньше нас осуждали на вечные муки за любовь к лобстерам и свинине, за ношение одежды, сшитой из двух различных тканей, а теперь это вовсе не считается грехом и вообще все о'кей. Сначала позволялось иметь кучу жен и наложниц, потом - только одну. Далее Он снова передумал и разрешил Мохаммеду иметь четырех жен. Столетиями честной игрой считался принцип «око за око», и тут вдруг «простим им прегрешения».

- Хотите сказать, что Он пытается определить, что правильно и хорошо, экспериментируя над нами? - уточнил Чесни.

- Ага! - торжествующе воскликнул Хардейкр, тыча пальцем в его сторону.

- Но как насчет всех тех людей, которые идут в Ад? Господь позволяет им ошибаться и страдать, чтобы Он смог чему-то научиться?

- Невозможно написать историю без конфликта, - пояснил проповедник. - Конфликты приводят к страданиям. А ведь Он пишет не очередную серию «Заботливых мишек».

- Но это жестоко, - запротестовала Летиша.

- Всего лишь цена, которую нам приходится платить. И цена, которую платит Он. Потому что отчасти ответственен за наши неудачи.

- И все равно жестоко.

- Да, - согласился Хардейкр, - но не вправду. Мы не настоящие. А когда книга дописана и Он ставит слово КОНЕЦ на последней странице, все завершается. Ад, Рай, ангелы, демоны, святые, грешники исчезают, словно их и не было. История досказана.

- Но что случится со всеми нами? - спросил Чесни.

- Вернемся туда, откуда пришли.

- Но где это?

Хардейкр постучал пальцем по виску:

- Откуда являются все герои книг?

- Хотите сказать, - вмешался ангел, - что Он создал нас, как персонажей книги, которую пишет, а когда все будет закончено, мы снова уйдем в лоно Господне?

- У вас с этим проблема? - хмыкнул Хардейкр. - Что, по-вашему, случится в конце?

- Как что? Конец света. Общее судилище. Добрые будут жить в Раю, скверные пойдут в Ад. Ты читал Апокалипсис?

- О да, как и труды Заратустры, и норвежские саги, - кивнул проповедник. - Похоже на первые истории Адама и Евы - ранние варианты. Далее идет продолжение истории.

- Поразительная теория, - признал ангел. - Но я не удивлен, что семинария ее отвергла.

- Ангелы никогда не удивляются, - отмахнулся Хардейкр. - Да и зачем, когда вы знаете все, что необходимо знать? Точно так же вы не удивитесь, если моя теория окажется верной.

- Считаете, что сумеете ее доказать?

- Примерно через час. Мы возобновляем переговоры.

- Что ЭТОТ делает здесь? - осведомился Сатана. Вопреки репутации Ада, как самого жаркого места на свете, взгляд, которым он окинул Престол, мог бы заморозить лесной пожар.

- Он - часть решения, - пояснил Хардейкр.

- Нет, - отказался ангел, - у меня нет полномочий вмешиваться.

- Получите вы полномочия. А теперь я хотел бы выложить предложение на стол.

Дьявол повернул голову так, чтобы в его поле зрения не попадал Престол. Его заостренные ногти нетерпеливо барабанили по полированному дереву.

- Я просил Чесни Арнстратера присутствовать, потому что он, очевидно, способствовал созданию этой ситуации, - добавил Хардейкр.

- Прекрасно, - бросил Сатана.

- По мне так пусть, - вторила Змеиный Язык.

- И мать Чесни тоже тут, ну, в основном потому, что это его мать.

Дьявол раздраженно дернул уголком губ, но возражать не стал. Президент АБЗДДИ пожалала ляжками своего передничка.

- Насколько я понимаю, - начал Хардейкр, - дерево диспута выросло из двух корней: первый - количество грешников, подлежащих наказанию в Аду, увеличивается с каждым днем и продолжает расти, все больше ограничивая продуктивность рабочей силы; второй - профсоюзные лидеры организовали коллективную забастовку. - Не услышав возражений, он продолжал: - Могу я предположить, что вы ни при каких

обстоятельствах не согласитесь меньше искушать грешников, тем самым снизив их количество?

- Неприемлемо, - вскинулся Дьявол.

- Значит, этот выход отпадает. Поговорим о производительности труда. У меня есть предложение: среди ваших клиентов необходимо, кроме профсоюзных лидеров, иметь еще и консультантов по пиару.

- Таких немало. Это область, в которой вознаграждается аморальная изобретательность.

- Предлагаю вам вытащить кое-кого из печи и заставить давать советы по поводу неформальных лидеров. Если объяснить вкратце, эти индивиды хоть и не получили официального статуса лидеров в той или иной общине, зато их поступки и мнения имеют больший вес среди соседей, чем деяния и слова, скажем, правительства. Специалисты по пиару обзавелись сложными методиками для распознавания таких лидеров. Направив на них усилия ваших искусителей, вы позволите себе меньше заниматься рядовыми грешниками.

Сатана погладил свою эспаньолку.

- И это высвободит искусителей, которые смогут влиться в ряды палачей?

- Совершенно верно. - Хардейкр взглянул на президента АБЗДДИ: - У вас возникнут какие-то проблемы с перегруппировкой сил?

- Это зависит от того, санкционирует ли руководство переход из одной службы в другую.

Хардейкр взглянул на Дьявола. Тот кивнул.

- В таком случае, проблем нет, - заверил демон.

- Но ваше предложение дает преимущество... другой стороне, - внезапно сообразил Сатана, ожегший Престол полным ненависти взглядом. - У них и без того превосходство в численности.

Ангел ничего не ответил, но уголки совершенных губ тронула едва заметная усмешка. Сатана зарычал.

Хардейкр поспешил вмешаться, пока не разгорелась ссора.

- Предположим, другая сторона также умерит пыл, сосредоточится на неформальных лидерах и станет уделять меньше внимания рядовым?

Ангел легонько шевельнул длинными пальцами.

- Мы на это не пойдем.

- Пойдете, - уверенно возразил Хардейкр, - если моя теория верна.

- Какая теория? - хором спросили Дьявол и президент.

- Он считает, - пояснил Престол, - что мы все персонажи книги, которую пишет Он.

Змеиный язык демона задрожал во рту девушки, издав неподражаемый звук презрительного неверия. Дьявол хмыкнул и закатил угольно-черные глаза.

- Если я прав, - пояснил Хардейкр, - мы скоро узнаем.

- Как? - хором спросили все трое бессмертных.

- Узнаем, потому что решение, которое ты... - он кивком показал на ангела, - только сейчас посчитал неприемлемым, внезапно станет приемлемым. Точно так же, как когда-то над землей расстилалась непроницаемая скорлупа, так называемая твердь небесная, а потом ее не стало. Точно так же, как когда-то было возможным построить башню или воздвигнуть лестницу, которая протянулась бы до неба, а потом это оказалось невозможным.

- Не помню никакой небесной тверди. А Вавилонская башня - всего лишь миф, - огрызнулся ангел.

- Потому что Он не нуждается в том, чтобы ты помнил, - пояснил Хардейкр. - Но твердь, и башня, и солнце, которое можно остановить в небе, все это было так же реально, как эта комната. Потом они были вычеркнуты из последующих вариантов. По мере продвижения вперед Он переписывает первые главы. Я и сам частенько так делал.

- Откуда ты можешь это знать, если не знаем даже мы? - спросил Сатана.

- Персонажи знают только то, что им необходимо знать. В этом заключается внутренняя динамика сочинения истории.

Сатана наградил посредника жестким взглядом. Чесни втайне восхитился стойкостью Хардейкра, спокойно вынесшего испытание.

- Я нахожу идею оскорбительной, - заявил Сатана, - и к тому же смехотворной.

- Если я ошибаюсь, мы просто подождем здесь, и история зайдет в полный тупик. Если я прав - мы заключим договор, и все продолжится.

Они продолжали сидеть. Единственным звуком в комнате было стаккато, выбиваемое пальцами Дьявола на столешнице. Дерево успело обуглиться и покоробиться.

После долгой паузы преподобный Билли Ли сказал, ни к кому в особенности не обращаясь:

- Когда загоняешь себя в угол собственными писаниями, неплохо бы убрать стену.

Они ждали. Барабанная дробь Дьявола становилась все более нетерпеливой. Из-под кончиков пальцев шел дым. Он открыл рот, чтобы заговорить, но его опередил Престол.

- Мы согласны.

Сатана с подозрением уставился на ангела.

- Но ты сам сказал, что предложение неприемлемо.

- Разве? Не помню.

Дьявол моргнул, и его лицо на миг стало чуть растерянным, словно он потерял нить мыслей.

- Что здесь произошло?

- Думаю, мы договорились, - объявила президент АБЗДДИ.

Хардейкр ничего не сказал. Но Чесни еще не видел, чтобы человек выглядел таким счастливым.

- Вы не должны никому говорить, - предупредил ангел.

Чесни показалось, что сначала Хардейкр готов был возразить, но, похоже, подумал о последствиях, потому что спокойно кивнул:

- Да, это справедливо.

- А ты, - обратился ангел к Сатане, - не должен подстрекать его распускать язык.

Взгляд Сатаны затуманился, и в комнате внезапно запахло серой. Но ангел неумолимо продолжал:

- Иначе сделка отменяется.

Углы губ Дьявола мрачно опустились. В продолжение бесконечно долгой минуты исход переговоров висел на волоске.

- Неприемлемо, - изрек он наконец.

- Ну, разумеется, - бросил Престол. - Это твоя гордыня. Твоя проклятая гордыня!

- Так было всегда, - изрек Люцифер, - и так будет всегда.

- А что если виновник этого кризиса извинится? - предложил Хардейкр.

Сатана поднял брови:

- Искреннее раскаяние? С подобающим случаем смирением?

- Но он ни в чем не виноват, - возразил Престол.

- Тем лучше, - заметил Хардейкр.

Сатана немного подумал.

- Сама идея довольно привлекательна. Ему придется склониться передо мной.

- Но не служить тебе, - предупредил Хардейкр.

Сатана величественным жестом дал понять всю незначительность подобного заявления.

- И перед всеми моими подданными. Мы дадим им свободный час.

- И нам тоже, - напомнил демон.

- Если не считать привратников на входе, - парировал Сатана.

- Согласен. Мы задействуем переведенных искуителей.

Хардейкр оглядел стол.

- В таком случае, я считаю диспут законченным, - постановил он.

- Флип-флонкин-фликафак-с-два!

Все уставились на Чесни. Будь он в состоянии, взирал бы на себя с не меньшим изумлением. Но слова слетели с языка еще до того, как он осознал возможность их произнесения. И теперь словно со стороны слышал свой голос:

- Это несправедливо. Мне не за что извиняться!

Летиша уставилась на Хардейкра глазами, в которых, по мнению Чесни, светилось чистейшее обожание. Наконец она повернулась к сыну и мягко положила руку ему на рукав.

- Существует, дорогой, - сказала она, - такая вещь, как прецедент.

- Хочешь сказать, что не сделаешь этого? - уточнил Хардейкр. -

Значит, начнутся проблемы.

Первой непроизвольной реакцией Чесни было возмущение подобной несправедливостью. Теперь он задумался, пока Ад и Рай ждали ответа. Но тут у него возникла идея. Более чем идея. Озарение. «Возможно, - сказал он себе, - я все-таки стану героем романа».

- Я сделаю это, - объявил он вслух и, помедлив для пущего эффекта, добавил: - При одном условии.

Ад оказался крайне неприятным местом, производившим столь же неприятное впечатление. Кожа зудела от жары. Воздух опалял легкие, а сцены и звуки терзали ужасом и жалостью, идущими из тех внутренних глубин, о существовании которых молодой человек до сих пор не подозревал. Но все же он держался и, когда настало время, произнес громко и четко слова официального извинения, выработанного Билли Ли Хардейкром совместно с Дьяволом, после чего низко поклонился и оставался в такой позе, пока не услышал тихое довольное ворчание Люцифера.

Спектакль состоялся на узком скалистом мысу, выдававшемся над гигантской Преисподней, буквально забитой всеми обитателями подземного мира. Демоны тычками и ударами кнутов выстроили навеки проклятых в сомкнутые ряды, длину которых не мог охватить глаз актуария, тем более что в смрадном воздухе стояла дымная пелена, сквозь которую почти невозможно было что-то разглядеть. Выпрямившись, Чесни увидел, как огромные огненные буквы, из которых складывались последние фразы его извинения: «...и со всем смирением молю Ваше Сатаническое Величество извинить неприличие и дерзость моего непростительного поведения», медленно таяли над бездной.

Ответа Чесни не дождался. Дьявол просто отослал его взмахом руки, словно вся эта история не имела ни малейшего значения.

Вперед выступила президент АБЗДДИ, чтобы подписать украшенный виньетками и печатями документ. Сатана сделал то же самое. Рубиново-красная змея, высывавшаяся изо рта девушки-малютки, прокричала поразительно громогласно для столь маленькой змейки:

- Все улажено! За работу!

Чесни не успел оглянуться, как очутился в своей квартирке. Судя по электронному календарю на стойке между комнатой и кухонным уголком, сегодня был тот самый день, когда он по ошибке призвал жабу-демона. Часы календаря показывали примерно то время, когда он врезал молотком себе по пальцу. Как и в случае с небесной твердью и Вавилонской башней.

Большой палец Чесни ужасно болел, кровь капала на пол, но он подавил желание издать что-то, кроме мучительного стона, и уж тем более потрясти раненым пальцем, можно сказать, истекавшим кровью.

Вместо этого он сунул палец в рот и стал сосать.

- Ну, не умилительное ли зрелище? - произнес скрипучий, как ржавые петли, голос.

Повернувшись, Чесни увидел маленького надзирателя с головой хорька в костюме Аль-Капоне. Демон рассматривал его с неприкрытым отвращением:

- Все еще тянешь в рот пальчик, малыш?

Чесни протянул ему руку:

- Исцели его.

Враг рода человеческого пожал плечами.

- Ксафан, я приказываю тебе, - объявил Чесни (теперь они были официально друг другу представлены), - исцелить мой палец.

Ксафан закатил круглые глаза-блюдца и резко взмахнул рукой. Боль немедленно утихла, опухоль рассосалась, а рана мгновенно закрылась. Ни рубца, ни шрама.

- Прекрасно, - кивнул молодой человек. - А теперь за работу. У нас не так много времени до того, как парни придут играть в покер.

Демон вынул из жилетного кармана золотые часы и щелкнул крышкой:

- Могу уделить тебе один час пятьдесят девять минут пять секунд. И не рассчитывай на дополнительное время.

- Я знаю условия сделки, - сухо сообщил Чесни. - И впредь можешь мне не напоминать. - Он потер руки: - Прежде всего, мне необходим костюм. Пуленепробиваемый, кинжалонепробиваемый, огнеупорный, кислотоупорный... - Он немного подумал: - Словом, сделай защиту от всего, что может мне повредить.

- А плащ? - уточнил Ксафан.

- Не нужно. Пусть лучше будет десантный пояс, в который смогут поместиться все придамбасы.

- Какие именно придамбасы?

- Это мы уточним позже. Сначала мне нужно достойное имя.

- Как насчет Бозо?⁵

- Довольно твоих приколов, - отрезал Чесни. - Может быть, Регулятор? Ну, как звучит?

- Вполне подходящее прозвище для рвани, вообразившей себя повелителем мира.

- Слушай, - терпеливо сказал Чесни, - сделка есть сделка. Ты - мое условие, и твой босс на него согласился. Я получаю два часа из каждых двадцати четырех, когда ты приходишь на мой зов. И мы вместе боремся против преступлений и плохих парней.

Злой дух сунул руки в карманы и шаркнул туфлей по ковру:

- Мне это не нравится. И ты не нравишься.

- А от тебя никакой любви не требуется. Но вернемся к костюму. Мне

⁵ * Обычно имя Бозо служит синонимом клоуна.

больше всего по душе цвета Бэтмена. Здорово помогают скрываться в тени. Только на груди должно быть большое заглавное «Р». - Он щелкнул пальцами. - И еще одно «Р» на пряжке десантного пояса.

Ксафан что-то пробормотал, но Чесни проигнорировал и продолжал:

- И перчатки... нет, лучше латные рукавицы с наручами, в которых легко взбираться по стенам. Тяжелые сапоги с шипами. Все это должно складываться и уместаться в мешочке, который я буду класть в карман на случай, если придется действовать без предупреждения.

Огромные глаза хорька бешено вращались, но он все же старательно записывал в блокнот пожелания Чесни.

- Хочешь ямочку на подбородке и завиток волос на лбу?

- Нет. Мне нужна маска, чтобы никто меня не узнал.

- Желаешь жить в башне из слоновой кости? Подарить тебе стеклянный самолет?

Чесни словно не заметил сарказма.

- Нет. Но мне необходима квартира побольше.

Ксафан широко развел руки. Стены квартиры с грохотом обвалились. Чесни увидел лица перепуганных соседей, сидящих среди облаков пыли и кусков штукатурки.

- Сделай, как было, - коротко велел Чесни, и стены немедленно встали на место, - и с этого момента будешь действовать только по моему приказу.

Демон насупился.

- По крайней мере, пока мы не искореним всех тараканов, - пообещал Чесни.

- Тараканов? Тех, что у тебя в голове? - съязвил демон.

- Это выражение вышло из моды полвека назад, - пояснил Чесни. - Тебе следует обновить программное обеспечение.

- Тебе не нравится моя манера разговаривать?

- Не слишком.

- На себя посмотри! - буркнул Ксафан.

- И это значит...

- Что я терпеть тебя не могу.

- Мы уже это обсудили. Итак, о чем это я? Костюм мы тоже обговорили. - Чесни прищелкнул пальцами. - А теперь скажи, где скрываются самые плохие парни.

- Ну это уже слишком! - простонал демон. - Ты меня достал!

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Matthew Hughes. Hell of a Fix. 2009. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ГЕРОЙ И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

Роберт Говард. КОНАН: РОЖДЕННЫЙ В БИТВЕ
Роберт Говард. КОНАН: КРОВАВЫЙ ВЕНЕЦ
Роберт Говард. КОНАН: КАРАЮЩИЙ МЕЧ. Эксмо

«Может показаться невероятным, но перед вами самая настоящая мировая премьера: полная говардовская конаниана вышла в виде аутентичного собрания, без поздних исправлений, хронологической перетасовки и фрагментов, дописанных чужим пером. Впервые, читатель, ты прочитаешь цикл таким, каков он есть на самом деле». К этим словам составителя трехтомника П. Луине трудно добавить что-то по существу. Но мы попробуем.

Стараниями многочисленных дописчиков всемирно известнейший цикл о Конане чрезвычайно удалился от оригинала. Увы, обычное дело в случае с любой успешной франшизой, способной кормить целые полки тружеников пера и экрана. Между тем незатоптанное творчество Р.И.Говарда определенно будет интересно не только специалистам и фэнам, но и широкой аудитории. Этим и руководствовались западные издатели, предпринявшие академическое издание сочинений Говарда. Центральное место занимают три тома, посвященные Конану. Благодаря «Эксмо» этот трехтомник доступен теперь и российскому читателю.

Именно академизм - то есть включение черновиков, синопсисов, подробные сопроводительные статьи - отличает трехтомник от прежних опытов. Кроме того, некоторые тексты в оригинальном виде у нас не выходили вовсе. Послесловие П.Луине «Сотворение Хайбории», разбитое на три тома, позволяет в деталях проследить эволюцию мира Говарда на фоне драматической биографии их создателя. Тексты автора расположены в порядке написания.

Феномен этого писателя необычен даже для щедрой на нестандартные факты истории фэнтези. «Жанровый» до мозга костей автор, обычно чуждый литературных красот и избыточной

философичности, стал больше чем просто «классиком». С одной стороны, Говард фантастически многогранен даже на фоне других постоянно вынужденных играть форматами авторов тогдашней pulp fiction. С другой стороны, созданный им тип героя стал иконой. И речь отнюдь не только о «героической фэнтези». Конан - варвар посреди разлагающейся цивилизации - оказался таким же героем для XX века, какими были мушкетеры Дюма, аристократы сгинувшей эпохи, для буржуазного века XIX.

Справедливо упомянуть и о том, что самого Говарда определенно тянуло в мейнстрим, к вещам реалистическим. Более того, он сам себя характеризовал как реалиста! А в последние годы жизни более всего мечтал написать что-нибудь в стиле вестерна - одновременно приключенческое и глубокое, показывающие весь трагизм жизни американского фронта. Отсветы этого увлечения видны в поздних рассказах о Конане: «За Черной рекой», «Черный чужак», «Волки у границы». Однако, по справедливому замечанию П.Луине, именно благодаря переносу действия в Хайборию образы фронта «стали вечными». В конечном счете именно для этого и создавал Говард на смену доисторической турианской новую, хайборийскую эру. Ему было нужно пространство реальных исторических декораций - но чтобы европейское Средневековье встречалось бы с эрой освоения Америки, а вместе - уже с Древним Египтом.

Создавая свой центральный персонаж, Говард все дальше уходил от возвышенной пафосности, свойственной его ранним фэнтези-героям - Кейну и Куллу. И мир вокруг Конана, и его собственное поведение становились все жестче и непритязательнее, все более походили то ли на реалии загнивающей, по мнению Говарда, цивилизации наших дней, то ли на вовсе не идеальное Средневековье. «Именно этим он и занимается - пьянствует, распутствует, дерется. Что еще было тогда в жизни?» - бросил как-то Говард во время дискуссии о Конане.

Однако Говард вырос, а жизнь становилась к нему все менее милосердна - и это не могло не отразиться на творчестве. Между вполне жизнеутверждающими «страшными историями» вроде «Феникса на мече» или «Башни слона» и кровавым, мрачно-депрессивным рассказом последнего года жизни «Гвозди с красными шляпками» дистанция огромная. Когда-то киммериец сражался с абсолютным злом - воплощенном подчас во вполне лавкрафтианских монстрах. Последним, в отличие от старшего друга, Говард особо заедаться человечинной не давал... Но в поздних вещах потустороннее зло почти незаметно - его место занимает безысходное умирание цивилизации. Никакому мечу Конана с этим не справиться, киммериец спасается сам, но изменить течение событий не в силах. А Говард все менее мог совладать с происходящим в собственной жизни - и 11 июня 1936 года оборвал ее...

Трехтомник издательства «Эксмо» один в один, вплоть до иллюстраций, воспроизводит англоязычное издание. Правда, некоторые черновики и заметки Говарда опущены. Как бы то ни было, перед нами уникальное издание. «Истории творчества» вроде этой давно уже не внове для пытливого западного читателя - умы наших окажутся, хотелось бы верить, отнюдь не ленивее.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

РЕЦЕНЗИИ

Геннадий ПРАШКЕВИЧ
СЕНДУШНЫЕ СКАЗКИ

*Новосибирск: Свинья и сыновья, 2010. - 112 с.
2500 экз.*

Новая книга Геннадия Прашкевича представляет собой коллекцию из двадцати шести сказок. Все они создают впечатление записи, сделанной участником этнографической экспедиции. Словно некий столичный житель где-то на Чукотке или в ином районе Восточной Сибири с замиранием сердца нажимает кнопку диктофона, а седой старик, сидя у входа в чум, начинает неторопливо наговаривать древнее сказание.

В действительности же сказки представляют собой блистательную стилизацию под народное творчество. Все чудеса и диковины -- могучие «сказочные старички» чюлэни-полуты с людоедскими замашками, магические путешествия шаманов в царство мертвых, болтовня пестрой птицы короконодо на языке людей - плод мастерской работы автора, человека современной культуры, а отнюдь не коллективного творчества одного из приполярных народов. Геннадий Прашкевич честно привел в конце книги список литературы, на которую он опирался. Это в основном исследования юкагирского фольклора, в том числе классические научные труды.

Но благодаря ритмизации текстов, единой для всего дворника, благодаря особой манере изложения, напоминающей устную речь, где смысловые ударения ставятся очень часто (фактически в каждой строке), благодаря специфическому антуражу старинного приполярного быта, благодаря включению в текст красивых слов из лексикона жителей тундры («ондуша» - лиственница, «сендушный дедушка» - медведь, «ураса» - жилище, «понбур» - низкая лежанка и т.п.), благодаря особому, богатому инверсиями строю слов в предложении

ощущение аутентичности не исчезает, а, напротив, усиливается к концу книги.

Сказки получились очень настоящими, очень сказочными. Это весьма тонкая работа, вроде резьбы по «рыбьему зубу», из которого делается шкатулка для драгоценностей.

Дмитрий Михайлович

**Нинни ХОЛЬМКВИСТ
БИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ**

Москва: РИПОЛ классик, 2010. - 288 с.

Пер. с швед. Е.Н.Хохловой.

Серия «Literatura»).

5000 экз.

Главная героиня Доррит Вегер попадает в центр для «ненужных» людей - тех, кто перестал приносить пользу обществу. Единственное, что у них осталось, это собственные тела, которые используются для экспериментов и постепенно разбираются на органы. Причем операции по трансплантации и опыты на людях проводятся легально.

Повествование ведется от первого лица и представляется как роман, который Доррит начинает писать, оказавшись в стенах центра. Произведение обладает ярко выраженной социально-этической направленностью. Автор обращается к вопросам ускоряющейся стандартизации общества и утраты значимости отдельно взятой личности по сравнению с нуждами социума. Эта тема была всегда востребована и отлично освоена фантастами еще со времен Уэллса.

Текст написан с академической старательностью и педантизмом, свойственными школьным преподавателям. Каждая новая глава по своей структуре неотличима от предыдущей. Начало и конец главы отводятся под описание места действия либо воспоминаний Доррит о жизни на свободе, в середине помещаются диалоги, снабженные пространными рассуждениями главной героини. Бытописанию и переживаниям героев отводится большая часть текста, а вот на события роман не богат.

Если выжать из книги всю имеющуюся в ней «воду», то сюжета, пожалуй, не хватит даже на повесть. Единственный весомый аргумент в пользу «Биологического материала» - роман «цепляет». Автор беззастенчиво использует не вполне корректные приемы: давит на жалость, старается сделать «пострашнее», всячески измываясь над своими персонажами; избирает временем действия недалекое будущее, наводя текст знакомыми большинству читателей приметами. И... достигает желаемого эффекта. Произведение

вызывает отклик, что само по себе совсем неплохо.

Николай Калиниченко

Кирилл БЕНЕДИКТОВ
МИЛЛИАРДЕР-2.
КНИГА 2: АРКТИЧЕСКИЙ ГАМБИТ
Москва: АСТ, 2010. - 272 с.
(Серия «Этногенез»).
60 000 экз.

Вторая часть цикла «Миллиардер» по форме куда ближе к привычной для читателей приключенческой НФ, чем первый роман. Кроме того, в «Арктическом гамбите» несколько проясняется расстановка сил. Становится ясно, кто и зачем так активно собирал владельцев фигурок на мобильной арктической станции «Земля-2». Перед семейством Гумилевых возникает старый враг. Неуязвимая Мария фон Белов по-прежнему на боевом посту. Она командует последним оплотом фашистской Германии - скрытой подо льдом Арктики базой «Ultima Thule». Именно туда недобитый враг стянул все оставшиеся силы и ресурсы, чтобы однажды восстать из пепла в образе Четвертого рейха.

События второй книги развиваются более линейно и целенаправленно. В сущности, роман формирует единственная сюжетная линия, укрупненная ретроспективными вставками и небольшими эпизодами, посвященными жизни обитателей немецкой базы.

В центре внимания - события, происходящие на станции «Земля-2», где каждый пассажир ведет свою тайную игру. Единственными непосвященными остаются Андрей Львович Гумилев и его маленькая дочка Маруся. Впрочем, пребывать в неведении русскому олигарху недолго. В игру вступает новая фигурка - несущий разрушение морской конек.

Еще одно преимущество второй книги заключается в том, что, с художественной точки зрения, она написана не так сухо, как первая. В соответствии со стремительно драматизирующимся сюжетом навязчивый репортажный привкус почти исчезает, уступая место более яркому и живому литературному языку. В то же время простота изложения сохраняется. «Миллиардер-2» производит благоприятное впечатление и в плане образного ряда, и увлекательностью повествования. По всей видимости, этот положительный эффект объясняется увеличением количества фантастических допущений, влияющих на сюжет.

Грэм МАКНИЛЛ

ФУЛГРИМ: ОБРАЗЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

СПб.: Фантастика - Книжный клуб, 480 с. - 2010.

Пер. с англ. И. Савельевой.

(Серия «Ересь Хоруса»).

5000 экз.

После провалившейся попытки «Азбуки» выпускать книги по мотивам игровой Вселенной «Вархаммер 40 000» возродить несколько сериалов о бесконечной войне, идущей на просторах Млечного Пути, взялось другое питерское издательство. Однако сериал «Ересь Хоруса» стоит особняком в мире «Молота Войны». Действие в нем разворачивается еще в 30 000 г. н.э., а в событиях участвуют персонажи, в других сериях считающиеся почти мифическими божествами - Бог-Император, объединивший разбросанное по Галактике человечество, его сыновья-примархи, возглавившие легионы суперсолдат-космодесантников, а также боги и демоны Хаоса, стремящиеся уничтожить все живое во Вселенной.

Краткий вариант событий «Ереси Хоруса» известен всякому, кто хотя бы немного соприкасался с Вселенной «Вархаммера 40 000», И все же одно дело - прочитать описание случившегося в игровом кодексе и совсем другое - узнать обо всех подробностях «Великого Предательства» на страницах нескольких романов. В книге британца Г.Макнилла повествуется о том, как к мятежу Хоруса примкнул еще один сын Бога-Императора, примарх Фулгрим, и о том, какую чудовищную цену пришлось ему за это заплатить.

Противостояние мятежников и лоялистов в этом романе выходит на новый уровень, а война в прямом смысле превращается в братоубийственную - три легиона, во главе которых стоят сыновья-примархи, верные Богу-Императору, попадают в смертельную ловушку, подготовленную Хорусом и Фулгримом на планете Истваан-5. Одновременно и демонические силы заявляют о себе открыто и также вмешиваются в общегалактическое противостояние на стороне Хоруса.

Те, кто пропустил предшествующие книги «Ереси Хоруса», могут смело начинать знакомиться с древнейшей историей «Вархаммера 40 000» с романа Г. Макнилла. Этот автор старается даже отдельное звено в сериальной цепи представить в виде полноценного художественного текста.

Сергей ВОЛКОВ
ЧИНГИСХАН.
КНИГА ПЕРВАЯ: ПОВЕЛИТЕЛЬ СТРАХА
Москва: АСТ, 2010. - 272 с.
(Серия «Этногенез»).
70 000 экз.

Что общего между СССР и средневековой Монголией? Неистовым Темуджином из рода Борджигинов и скромным казанским студентом? На эти вопросы и отвечает роман «Чингисхан».

Связующим звеном между двумя мирами служит фигурка коня. Главный герой, казанский студент и начинающий журналист Артем Новиков, получает серебристого коня в качестве посмертного дара от дяди, живущего в Москве. Могущественные силы, сокрытые в странном подарке, начинают властно вмешиваться в жизнь Артема и в итоге аккумулируют в судьбе молодого человека то, что можно было бы назвать пассионарным импульсом для отдельно взятой личности.

Регулярные погружения в прошлое, которые против собственной воли переживает герой, рисуют перед читателями картину эпических событий неожиданного возвышения и глобальных завоеваний, осуществленных Чингисханом в начале второго тысячелетия. Навстречу коню из глубины веков движется еще одна загадочная фигурка - волк. Человек, владеющий волком, способен вселять ужас в сердца врагов.

Развитие событий в романе отличается стремительностью и непредсказуемостью. Правда, автор не отказывает себе в удовольствии подробно остановиться на советских бытовых реалиях. Не менее сочно описывается пребывание Артема в армии. Видно, что Волков рассуждает о вещах, которые видел собственными глазами. Повествование ведется от первого лица, что в данном случае - довольно сомнительный прием. С одной стороны, у читателя создается иллюзия воспоминаний очевидца, но с другой - серьезно снижается живость повествования, что для экшена - серьезный минус.

Реальность Чингисхана описана намного схематичнее. Рядом с основной сюжетной линией она, точно мультфильм по сравнению с художественной лентой.

Николай Калиниченко

Дмитрий ВОЛОДИХИН

ЛЮБИМЫЙ ЛУННЫЙ ТРАКТОР

В четвертом номере за этот год «Если» опубликовал статью Ярослава Верова и Игоря Минакова «Утоление жажды», в которой соавторы рассматривали НФ-прозу и сопутствующий ей фэндом как своего рода религиозную конфессию. И продолжая свои размышления, логическим путем приходили к выводу о неестественности для фантастики одной Темы - истинно религиозной. Понятно, что подобная трактовка жанра изначально предполагает дискуссионность.

Многие в разное время сравнивали фантастику с религией. Разумеется, с оговорками: «квазирелигия», «как-бы-религия», «религия для атеистов и агностиков»... Идея эта носится над нашим фэндомом, возбуждая умы, в нее то играют, а то вдруг почти серьезно задаются вопросом: «Ну почему же квази?..». Собственно, к этой идее привыкли, она превратилась в истоптанную тропинку.

Но когда в фантастику пришла не «квази», а самая настоящая религия, прежде всего христианство, возник своего рода конфликт.

Как же так? Мухи - отдельно, котлеты - отдельно! Читали люди фантастику и точно знали: написанное в ней - сказка, литературная ложь, в которой может быть великий намек, а может быть и чистое развлечение, это уж как получится. Но по-настоящему никто из читателей фантастики не верил - по соображениям элементарного здравомыслия, - что чудеса НФ или фэнтези представляют собой нечто сверх писательской выдумки. Ну, популяризация научных идей. Ну, разновидность философии, облеченная в беллетризованную форму. Ну, в редких случаях, сочинение сценариев будущего... Можно, пока читаешь текст по-настоящему сильного автора, погрузиться в него столь глубоко, что литературная реальность станет казаться просто реальностью, а чудеса, вылепленные из воздуха слов, нормой этой реальности. Но вот книга отложена, упоение вымыслом постепенно проходит, квазивера в прекрасную взрослую сказку улетучивается. Жажда чуда утолена видимостью чуда. И если видимость эта создана по-настоящему талантливым писателем, то и удовлетворение от нее будет глубоким, сильным, долгим.

Вера - другое дело. Она предполагает полную, стопроцентную реальность любых чудес, любых мистических явлений, любых посещений мира людей потусторонними существами, если обо всем этом сказано в Священном Писании. Для верующего ангелы, бесы, серафимы, хождение по воде, прозорливость старцев или, скажем, воскрешение мертвеца являются частью действительности. Встречаются такие вещи редко, но от этого не становятся невозможными.

И вот как совместить одно с другим? Фантастику с верой? Чудеса-вымысел и чудеса-реальность?

В статье Ярослава Верова и Игоря Минакова «Утоление жажды» немало места отведено прямому введению «евангельского чуда» в фантастические тексты. Авторы статьи прямо задаются вопросом: «Если фантастика - квазирелигия, что выйдет, если «фантастическим» инструментарием воспользуется для решения своих задач автор действительно верующий, обладающий цельным религиозным мировоззрением?». И со страстью отвечают: ничего хорошего! «Основное, базовое фантастическое допущение (ФД) подобного текста, - пишут авторы, - формулируется следующим образом: Бог есть, и все, что написано в Библии, - истина. Стоп. Ерунда какая-то выходит. Потому что для верующего человека подобное ФД не то чтобы даже кощунственно - оно избыточно! А любителю НФ нужны совсем иные чудеса: пришельцы и сверхцивилизации, супертехнологии и путешествия во времени. Если он нуждается в теологических исследованиях, то возьмет в руки совсем иные книги».

На первый взгляд, это поучение, высказанное уверенным, категоричным тоном, кажется обоснованным. Но в действительности оно выстроено на фундаменте даже не из песка, а из снега. Авторы статьи очень хотят «очистить» фантастику от «неправильных» фантдопущений. Вот - верные «чудеса», предписанные к употреблению в фантастической литературе, а вон там - неуставные чудеса, которые уводят нашу любимую фантастику куда-то не туда, и от них пора избавляться. Мы за правильную, теоретически обоснованную фантастическую литературу! Может быть, все-таки поймут люди, что пора нам опять взяться за реактор? За любимый лунный трактор! Ведь нельзя же так: год подряд то знаменьями пугают, дескать, подлые бывают, то вдруг демоны летают, то их ангелы язвят...

Давным-давно ушли те времена, когда читатели фантастики рекрутировались по преимуществу из людей, равнодушных или враждебно настроенных по отношению к религии. Сейчас в фэндоме кого только нет! Ну, а среди невофэндомленных фантофилов тем более - и христиан огромное количество, и представителей других конфессий немало. Для них литературная мистика, в том числе христианская, привычное чтение. И нет ни малейшей разницы, в каком она предстает оформлении - фантастическом или мейнстримовском. Собственно, можно и так, и так. Та же Юлия Вознесенская, например, издавалась в обоих вариантах весьма солидными тиражами... Нынешний читатель не задается вопросом о природе фантдопущения, он просто читает.

Если произведение построено на «евангельском чуде», используя терминологию И.Минакова и Я.Верова, то для христианина оно, разумеется, сплошной реализм, продолжение истины литературными

средствами. Он приобретает книгу из серии с фантастическим оформлением, читает, видит: «О, наши!» - и спокойно продолжает читать дальше, но уже как реализм. Чудо - штука редкая, и будь ты трижды верующим, вряд ли настолько привык к чудесам, что, обнаружив их в НФ или фэнтезийной серии, станешь звонить издателю с претензиями: «Как же так, ведь там всё правда, а обещали фантастику! Опять обманули!». Ну, а если ты трижды неверующий, то для тебя вся эта мистика - лишь еще один антуражный ряд. Можно сказать себе: «Опять они своего бога пропагандируют», - и продолжать спокойно читать дальше как фантастику. Наряду с сагами о сверхцивилизациях и супертехнологиях.

Понимаете, присутствие звездолета никак не отрицает бытие Божие. А бытие Божие даже в самой ничтожной степени не накладывает ограничения на строительство звездолетов.

Христианство пронизывает всю современную культуру, даже ту ее часть, которая ему сознательно сопротивляется. Христианство - в литературе, в кино, в театре, в живописи, в быту. На каком же основании следует изымать его из фантастики? Только потому, что кто-то видит в ней особый тип литературы, живущий по особым правилам и со своими особыми предпочтениями по контенту? Но ведь нет никаких причин соглашаться со строительством стен, отгораживающих фантастику от остальной культуры, с навязыванием особого устава для писателей-фантастов!

«Суха, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет».

Слава богу, писатель, начиная работать над очередным романом, не особенно задумывается над проблемами «чистоты фантдопущения» и не пытается подровнять задуманный текст под линейку, заданную очередной теорией, как творить «правильную» фантастику. Слава богу, он просто пишет. А снег под зданием теории тает...

КОСТРЫ АМБИЦИЙ

Рано или поздно это должно было случиться. Ну просто не мог не всплыть вопрос о литературных наградах, да еще и сформулированный максимально бескомпромиссно: «Нужны ли читателю жанровые премии?». Вероятно, задай этот вопрос какой-нибудь МТА или хотя бы просто молодой фантаст, легко было бы заподозрить корысть, затаенную обиду («Не дают сволочи мне премий! Ну, я их!..»), не секрет же: именно обделенные чаще всего любят отрицать всё и вся. Но тут иная ситуация. Вопрос задал читателям не просто писатель, постоянный автор нашего журнала, а прежде всего (и в данном случае это важнее всего) ветеран

фэндома, который помнит «как все начиналось», создатель легендарного фэнзина «Страж-птица» Николай Горнов.

Ответы распределились следующим образом:

Категорически нужны. Если я не прочел какую-то книгу, то, узнав, что она была премирована, обязательно познакомлюсь с ней - 39%;

Нет. Я больше доверяю собственному вкусу, а также издательским аннотациям и рейтингам продаж - 5%;

Нужны только для эстетов, поскольку, как правило, НФ-премии получают авторы, которых читает именно эта публика - 5%;

Только в качестве условного ориентира, поскольку награждается обычно «великое среднее» - 39%;

Все эти жанровые статуэтки без денег - только «фенечки», которыми писатели друг друга утешают - 12%.

Всего в голосовании приняли участие 246 человек.

Премии в области литературы не возникают ниоткуда, как вирус свиного гриппа, не появляются сами по себе, как провинциалы в столице, и не являются орудием возмездия древних богов. Все существующие на сегодняшний день жанровые награды - я знаю это абсолютно точно - были придуманы людьми волевыми, эрудированными и разумными. Эти люди, которые боролись и продолжают ежегодно бороться за существование жанровых премий, всегда ставили перед собой конкретные цели. Какими мотивами они при этом руководствовались, верными или не очень, не столь важно. Главное, что организаторы, премиальные комитеты и т.д. и т.п. - все декларировали свое стремление оказывать положительное влияние на судьбу любимого жанра, привлекая к нему читательское и общественное внимание.

Вот только достигло ли поколение «Прожектора перестройки» этих целей? Если судить по общему количеству читателей НФ, участвовавших в опросе, то можно и засомневаться. Для подавляющего большинства, как выяснилось, тема жанровых премий вообще не является поводом для рефлексии. Подавляющее большинство ходит другой дорогой и на вопрос о жанровых премиях не реагирует.

Лет двадцать назад, поверьте, мне и в голову бы не пришло спрашивать кого-то (и себя самого, в том числе), нуждаются ли читатели фантастики в существовании НФ-премий. Ответ был известен априори. Но времена меняются. И не мешало бы понять уровень вовлеченности читателей сегодняшних, не измученных ни нарзаном, ни книжным дефицитом, настроенных позитивно, уверенных, что именно они, читатели, всегда и во всем правы, поскольку именно они из своего кармана финансируют бурную фабричную деятельность

многочисленных творческих кланов писателей-фантастов, позволяя им иметь кров и пищу. Реакцию вы видите сами: среди квалифицированных читателей категорическое «нет» высказывают не многие. Всего 5% опрошенных уверены, что НФ-премии «нужны только для эстетов, поскольку, как правило, их получают авторы, которых читает именно эта публика», и еще 5% читателей признаются, что давно не заглядывали в шорт-листы, поскольку строят свою жизнь на более прочном фундаменте, доверяя «собственному вкусу, издательским аннотациям и рейтингам продаж».

Категорическое «да» существованию жанровых премий высказали почти 40% от общего количества участников опроса. Вполне весомая часть. Это значит, что многие продолжают активно следить за текущими НФ-новостями, отслеживают НФ-тенденции и никогда не сбиваются с правильного НФ-курса. И даже если кто-то из них пропустит случайно премированную книгу, то обязательно ее потом прочтет.

Примерно таким же категоричным был и я много лет назад. А как иначе? Даже церемония вручения «Аэлиты» вызывала, помнится, бурный и длительный восторг, так что говорить о разных заморских чудесах-дикувинках типа «хьюги-небьюлы», которые получали обитатели Олимпа с притягательно-магическими ФИО: Лоис Макмастер Буджолд, Роберт Силверберг, Кэролин Черри, Орсон Скотт Кард, Роджер Желязны, Конни Уиллис, Дэн Симмонс, Урсула Ле Гуин. Любимым же развлечением было, не поверите, отгадывание сюжета премированного текста. Очень непростое занятие, если на руках имеется только название книги на английском, приблизительный русский перевод этого названия и априорное доверие ко вкусу неведомых американских читателей. Зато какие это были названия! Как вам, например, «Бизоньи девочки, выходите вечером», «24 вида горы Фудзи кисти Хокусая», «Горы скорби», «Последняя из Виннибаго» или «Говорящий от имени мертвых»? По мне - так музыка, звучащая в крови...

Но сегодняшний «я» не столь категоричен. С сегодняшним «я» хорошо понимает принципы стратификации и брэндинга, положенные в основу любого премиального механизма, и полностью осознает тот грустный факт, что времена романтического идеализма давно миновали. Если судить по результатам опроса, похожего мнения придерживаются те же почти 40% читателей. Они, как и я, рассматривают существующие НФ-премии уже «только в качестве условного ориентира, поскольку награждается обычно «великое среднее».

Хорошо, конечно, что у нас НФ-премии есть, поскольку они дают хотя бы какое-то представление о доминирующем тренде (от которого, собственно, каждый из нас и отталкивается, когда задумывается над персональным позиционированием в НФ-сообществе), а

символический капитал жанра накапливается хотя бы в виде каких-то оценочных суждений. Радует и то, что убивающая мозг халтура, производимая квадратными метрами в творческих артелях им. наркома Луначарского, встречается в шорт-листах редко. Но печалит, что внешне безупречный механизм по производству смыслов начинает пробуксовывать, а люди, которые купили билет на этот поезд, вынуждены сегодня усердно раскачивать вагоны и стучать в рельсу, создавая иллюзию движения.

Почему же к НФ-премиям падает интерес даже внутри самого сообщества квалифицированных читателей? Причин, я думаю, множество. Как объективных, так и субъективных. И наиболее заметны проблемы НФ-премий там, где процесс регулируется не читательским голосованием, а мнением компетентного жюри. В одних случаях «сваливание» происходит от недостаточной квалификации управляющих, в других - от избыточного управления премиальным процессом, но чаще сам премиальный тренд (средняя температура по палате) попросту не выдерживает давления генерируемого контента. Его объем уже давно превышает все допустимые санитарные нормы, поэтому и премиальным «отборщикам» с каждым годом все труднее и труднее найти «сбалансированное» решение. Увы, даже самое незамутненное сознание самого объективного «отборщика», в чистоте помыслов которого не посмеет усомниться никто, рано или поздно начинает испытывать нечто вроде кислородного голодания, когда оказывается погребенным под горами текстов, сгенерированных всего за один год.

Впрочем, будем справедливы, в похожей ситуации сегодня все премии как в области литературы, так и культуры вообще. Существующие на сегодняшний день механизмы отбора-премирования-лоббирования (за редким исключением) - плоть от плоти механизма рыночного. И маркетинговый интерес всюду прослеживается, и совмещение функций, когда одни и те же люди организуют процесс и производят премируемую продукцию, уже никого не смущает. Хорошо еще, что для организаторов НФ-премий не актуальна пока тема формирования больших премиальных фондов, а то бы такой мутный поток хлынул - лопатой не отмашешься! Но это, конечно, лишь мое мнение. Целых 12% участников опроса считают иначе. Не зря же они отмечают, что «все эти жанровые статуэтки без денег - только «фенечки», которыми писатели друг друга утешают».

Вообще, о рыночных факторах влияния на премиальный процесс имело бы смысл, наверное, поговорить чуть подробнее, но я благоразумно отмолчусь. Во избежание, так сказать, самовозгорания. С рыночными мельницами бороться - дело не только безнадежное, но и крайне неблагоприятное. Напомню только, что даже самым удачливым издателям не стоило бы так сильно верить в теорию вероятности

вообще и в закон больших чисел в частности. Да и маркетинг не столь всемогущ, как представляется многим. На фоне всеобщей усталости потребителей от рекламных трюков даже в самом маркетинге уже набирает силу такое занятное направление, как антимаркетинг.

Ну а если говорить о результатах читательского опроса в целом, то он, мне кажется, получился вполне адекватным сегодняшнему дню (с учетом, естественно, особенностей постоянного читательского контингента нашего всеобщелюбимого «Если», разнообразия механизмов премирования и вполне очевидной нерепрезентативности выборки). А это значит, что запас прочности у НФ-премий еще есть. То есть все и дальше пойдет своим чередом. И еще долго будут гореть костры амбиций, не остановятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени и продолжат мирно спать замерзшие во льдах и снегах герои книг «33 марта» В.Мелентьева, «Внуки наших внуков» Ю. и С.Сафроновых, «Прыжок в послезавтра» П.Воронина, «Завещание каменного века» Д.Сергеева. Вот только спящие, судя по всему, уже не проснутся. Во всяком случае, до того момента, когда наступит тепловая смерть Вселенной. Второй закон термодинамики пока не в силах отменить даже рынок.

Николай ГОРНОВ

Вл. ГАКОВ

ПЛАМЕННЫЙ КНИЖНИК

Рэю Брэдбери, классику американской НФ, в этом месяце исполняется 90. Почти век! Как-то не верится - хотя он-то, как никто другой, умел заставить нас поверить еще и не в такие небылицы. Чего стоит, к примеру, будущее, в котором Пожарные жгут книги! Но вот прошло полвека, и это будущее наступило. Книги, правда, не жгут - да и зачем? Они и так вскорости вымрут - ввиду ненадобности. Новое поколение предпочитает познавать

окружающий мир с помощью всевозможных электронных игрушек. Где-то мы об этом уже читали...

О жизни и книгах одного из последних патриархов американской фантастики (прилагательное «научная» в данном случае было бы известной натяжкой) уже столько написано, в том числе и автором этих строк, что нет необходимости повторять общеизвестные факты. Поэтому в юбилейном очерке я, пользуясь предоставленным поводом, вспомню другую жизнь - жизнь книг Рэя Брэдли у нас в стране. Где его, начиная с «оттепельных» 1960-х, переводили как никого другого - не только из числа американских фантастов, но и американских прозаиков вообще. Разве что Хемингуэя издавали побольше, но «папа Хэм» тогда вообще был фигурой культовой.

И все же до наступления новой, постсоветской реальности перевели, оказывается, далеко не всего Брэдли. Так что мне в предисловии к одному из главных его произведений - роману «Что-то страшное грядет» (1962), опубликованному на русском лишь в начале 1990-х, пришлось пригласить читателя к знакомству с «незнакомым Брэдли». В те годы заявить подобное можно было разве что в полемическом запале. Как так - незнакомым? Это о самом-то издаваемом у нас американском авторе, тиражи книг которого уже тогда перевалили восьмизначный рубеж, о любимце миллионов читателей, захваленном критиками? Хорош «незнакомец»!

Однако все так и обстояло на самом деле. То, что мы в шестидесятые-семидесятые якобы перечитали Брэдли на русском «от корешка до корешка», оказалось очередной иллюзией. А задержала выход у нас одной из лучших книг писателя причина, на первый взгляд, парадоксальная - поистине бесспорная слава Рэя Брэдли, сложившаяся сразу же после первых переводов в начале шестидесятых. Западную фантастику советские издательства и журналы и не могли открыть раньше, чем в благодатную хрущевскую «оттепель». Конечно, не всю фантастику, но значительную часть ее удалось тогда быстро и относительно безболезненно протолкнуть к нашему читателю. Но даже на фоне тогдашнего издательского либерализма Брэдли выделялся какой-то редкой неотразимостью: его публиковали много и охотно - и с ним у редакторов не возникало проблем.

А ларчик-то открывается просто. Во-первых, Брэдли с самого начала повезло с талантливейшими переводчиками. А во-вторых, лучшие его произведения были написаны в первой половине 1950-х. Социальная атмосфера в Америке тогда была накалена до предела, и наши первые критики, заговорившие о творчестве ведущего американского писателя-фантаста, не забывали подчеркивать

«антиамериканский пафос» его произведений. И, право же, мало грешили против истины. Под столь могучим идеологическим прикрытием можно было свободно печатать и вполне аполитичные вещи писателя. Так пришли к нам его сказочная лирика, автобиографическая повесть «Вино из одуванчиков» (под шумок тоже изданная в серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир»), поэтические новеллы, которые при всем желании трудно было отнести к социальной прозе либо научной фантастике.

Да и социальный протест, заключенный в том же знаменитом романе «451° по Фаренгейту», наш подкованный читатель правильно воспринимал как эмоциональный, страстный отклик художника на все, что его, художника, обжигало в окружающем мире. И менее всего - как холодную, расчетливую пропагандистскую агитку.

Что касается редакторов и критиков, то их вполне успокаивало наличие в произведениях Брэдбери «политического акцента». Хотя порой это приводило к занятым проколам.

Ведь, скажем, задолго до запретных Замятина, Хаксли и Оруэлла пришел к нам тот же «Фаренгейт» - настоящая, эталонная антиутопия, которую мы читали не тайком на кухнях, а, напротив, открыто, в общественном транспорте и во время университетских лекций, да еще оживленно обсуждали прочитанное с друзьями и даже с людьми малознакомыми. И на всю оставшуюся жизнь запомнили эпиграф, годный на все времена: «Если тебе дали линованную бумагу, пиши поперек».

Хотя, перелистывая роман сегодня и обращая особое внимание не на пожарного Монтэга, а на его зловещего и всезнающего шефа-резонера - брандмейстера Битти, трудно отделаться от навязчивых ассоциаций с Мустафой Мондом из «Дивного нового мира» Хаксли или садистом-идеологом О'Брайеном из «1984» Джорджа Оруэлла. Битти, конечно, из их компании, а сам Рэй Брэдбери внимательно читал произведения классиков антиутопии и замечательно усвоил их уроки. Только его собственной книге чуть больше повезло в стране, едва не реализовавшей одну из антиутопий, - роман «прогрессивного американского писателя-фантаста» каким-то чудом у нас проскочил...

Вообще при желании и пытливости (чего у нас было в избытке, поскольку воспитывались не «по Гегелю», а на книгах Стругацких) в романе Брэдбери можно было прочесть много всего.

Но и так называемые «простые» читатели, чуждые желания выискивать в печатном слове политический подтекст, тоже были в восторге от прозы Брэдбери! Упивались его дивным словом, донесенным мастерами-переводчиками, с присущим каждому ностальгическим чувством совершали вместе с американским автором путешествие в собственное детство или проникались по-детски же наивной, но искренней и вдохновенной брэдбериевской романтикой.

Даже забубённым «технарям» в то время, очевидно, требовалась частичка этой безоглядной романтики и поэзии.

И американский писатель с библейским пафосом предупреждал об опасностях чрезмерного доверия технике. Но звал при этом не назад, в мифическую (а следовательно, идеализированную) буколику на лоне природы, а вперед, в будущее, на освоение новых, теперь уже космических фронтиров. Только призывал делать это разумно и уважительно по отношению к чужой жизни.

Это уже речь пошла о его «марсианском» цикле, который пришел к нам после публикации считанных рассказов в сборниках и антологиях в своем «итоговом» виде. Сборник «Марсианские хроники», несомненно, одна из лучших книг Рэя Брэдбери. Может быть, она стала для многих из нас тем первым звоночком, который затем облек в горькую и чеканную формулировку другой мыслитель: «Технический прогресс означает капитуляцию культуры перед цивилизацией». А нам уже тогда было интуитивно ясно, что утонченные марсиане - это древняя культура, а прагматичные, простоватые и хваткие земляне (не обязательно соотечественники писателя)- это цивилизация.

Брэдбери еще до появления соответствующих повестей Стругацких приучил нас и к ответственности за собственное прошлое. Своего рода «исторической экологии». Причем сделал это с помощью одного-единственного рассказа с библейским (тогда мы об этом не догадывались) названием «И грянул гром». Во всяком случае, образ из того рассказа стал почти нарицательным: та самая бабочка из далекого прошлого, случайно раздавленная путешественниками во времени, в их настоящем привела к последствиям, о которых как раз лучше вспоминать, и почаще.

Первые читатели Брэдбери на русском в массе своей еще не догадывались, какой драгоценный сплав предлагал нам американский писатель. Органичное сочетание искреннего отвращения к тупой, алчной, бездушной и агрессивной власти в своей стране (особенно если она выступает агрессором по отношению к собственному народу)с трепетом и благоговением перед родной историей и культурой (именно это и можно назвать патриотизмом, а все остальное от лукавого), пропаганды космической экспансии - с зачатками того, что позже назовут экологическим сознанием. Некоторые читатели быстро раскусили: искреннее неприятие любой демагогии на тему «защиты свободы» сочеталось у Брэдбери с весьма прохладным отношением к аналогичной демагогии, доносившейся из противоборствующего стана. Той самой, что прикрывалась лозунгами «борьбы за мир».

Для бдительных же охранителей «идейной чистоты» в случае с этим автором все было изначально ясно и понятно. Прогрессивный американский писатель-гуманист... острая критика социальных институтов буржуазного общества... лирико-поэтическое

мироощущение... вера в созидательные возможности человека... И все такое прочее. Короче, штамп: «Годен».

Поэтому с «Марсианскими хрониками», «451° по Фаренгейту», «Вином из одуванчиков», большинством рассказов проблем не возникало. А вот с романом «Что-то страшное грядет» (мне по-прежнему больше нравится другой вариант перевода из «Макбета», откуда и взято название: «Чувствую, что Зло грядет») вышла заминка. Как и со многими рассказами Брэдбери - особенно, ранними.

Вначале заинтриговал нас покойный Кирилл Андреев. Автор первой (и по сегодняшний день одной из лучших) статьи о Рэе Брэдбери вскользь упомянул роман, в котором появлялся собирательный образ Людей Осени, тревоживший фантазию писателя на протяжении долгих десятилетий. Упомянул - и забылось, повисло в воздухе. Потом, усыпив бдительность периферийных редакторов, в далекие, «окраинные» журналы - «Байкал», «Простор», «Звезду Востока» - тихой сапой буквально прокрались несколько «страшных» рассказов Брэдбери. И снова все разговоры о переводе романа, о знакомстве с «другим» Брэдбери замолкли на долгие годы.

Известно, что не раз в центральных издательствах, печатавших фантастику, в те годы рассматривались заявки переводчиков, писались умные внутренние рецензии-«прикрытия», но издать одно из главных произведений сверхпопулярного американского писателя никто так и не решился. Последние попытки такого рода были предприняты уже в ранние перестроечные годы. Но опять не угадали - тогда, наоборот, спрос был на политику, на все «острое» и «жареное», и роман Брэдбери снова оказался не ко времени.

Точнее, это время оказалось «неподходящим». Настоящая книга и конъюнктура суть вещи несовместные: первая сама выбирает время, когда открыться читателю. Очень уж страшными, выворачивающими наизнанку оказались эти произведения «неизвестного» Брэдбери. Да и сам сложившийся образ получался слишком дискомфортным для читателя, успевшего привыкнуть и полюбить «поэта и романтика», «певца Космической эры». Ну, не вписывались в этот образ все эти inferнальные ужасы и ночные кошмары! И на «политику» никак не тянули - зато вызывали неприятные мысли о зле внутри человека, о фрейдистской сублимации, о бессилии человека перед силами Ада и адом собственной души. У Рэя Брэдбери уже сложилась устойчивая репутация гуманиста и оптимиста. И «портить» ее не желали прежде всего сами редакторы. Многие из них творчество писателя искренне любили - и боялись за него...

Хотя, если повнимательнее присмотреться к написанному, то обнаруживается, что Брэдбери недалеко ушел в своих «нагромождениях ужасов» от великих предшественников, которых у

нас печатали без ограничений. А это и Эдгар По, и Натаниэл Готорн, и Амброз Бирс, и Вашингтон Ирвинг, это, наконец, Гофман и Мэри Шелли, все романтики и сказочники мировой литературы. Не «закрывали» же в наших издательствах Гоголя и Алексея Константиновича Толстого, а вот писателя-американца еще без патины «классика» существенно ограничили в правах. «Марсианские хроники», «Фаренгейт», все светлое и радостное или, напротив, резко критическое (но в отношении только «своего» мира) - пожалуйста! Но не роман «Что-то страшное грядет», не мрачные рассказы из раннего сборника «Октябрьская страна», название которого все писавшие в ту пору о творчестве Брэдбери вынуждены были переводить как «Осенняя страна» - подальше от ненужных ассоциаций... Так возник «неизвестный Брэдбери».

Для него же самого ничего странного в таком пристрастии к кошмарам и ужасам не было. Связь писателя с традицией «литературы ужасов» (horror), чрезвычайно крепкой в англоязычной прозе и почти отсутствовавшей в русской, требует отдельного и обстоятельного разговора. Здесь же можно только подытожить: Рэй Брэдбери воспитан на этой традиции сизмальства, он плоть от плоти ее. И в его собственном творчестве ночные кошмары, иррациональное и колдовское, злые маски Людей Осени столь же органичны и естественны, как Марс и ракеты, «примарсианившиеся» прямо на песочек рядом с мраморными каналами. Как счастливые, смеющиеся дети, способные мгновенно превратиться в монстров и садистов, не ведающих, что творят.

Как, наконец, люди-книги в стерилизованном, убившем себя будущем. В котором главные враги Брэдбери на всем протяжении его писательской карьеры - пуритане, ханжи, цензоры всех мастей - решили было обойтись без всех этих отвлекающих от «позитива» кошмаров и потусторонних фантазий. Вообще от книг...

А они, книги, самое дорогое для Брэдбери. И расхожую метафору «каждый хороший писатель - это, прежде всего, хороший читатель» он воплощает буквально. Единственным университетом, который закончил живой классик американской фантастики, была библиотека. Для ее выпускника книга - это не просто «носитель информации». Для Рэя Брэдбери это, безусловно, живое существо, с которым можно вести диалог, спорить, ссориться или соглашаться, дружить, любить...

Наверное, неспроста был придуман образ людей-книг. И только ли Рэем Брэдбери?

«Слушайте, книги, а вы знаете, что вас больше, чем людей? Если бы все люди исчезли, вы могли бы населять землю и были бы точно такими же, как люди. Среди вас есть добрые и честные, мудрые, много знающие, а также легкомысленные пустышки, скептики, сумасшедшие,

убийцы, растлители, дети, унылые проповедники, самодовольные дураки и полуохрипшие крикуны с воспаленными глазами. И вы бы не знали, зачем вы. В самом деле, зачем вы?» С этим фрагментом монолога из «Улитки на склоне» АБС писатель Брэдбери наверняка согласился бы.

Он также уверен, что за близких существ можно и нужно драться, когда им угрожает опасность. И когда начнут сжигать книги, первыми поведут на костер его друзей - фантазеров, возмутителей обывательского спокойствия! Не простят им их вечной неудовлетворенности миром вокруг, их грез о мире ином, альтернативном, может быть, лучшем. Обязательно отомстят за то, что все время «поднимают волну», «ломают кайф», «грузят».

Не случайно штабом обороны в маленьком провинциальном городке, куда нагрянули зловещие Люди Осени, стала городская библиотека. Где, кстати, скопилось неплохое собрание всяческих книжек про сверхъестественное и колдовское, про ведьм и прочую нечисть. Книги о Зле, в конечном счете, помогли это Зло понять. А значит - победить! Вот уж аллегория прозрачнее некуда.

И я по-прежнему подозреваю, что те, кто «не пуцал» такого - неканонического Брэдбери к российскому читателю долгие десятилетия, тоже ее поняли правильно. Потому и не пускали. Но, как все цензоры, в дальней перспективе просчитались. Забыли еще об одной глубокой мысли, высказанной другим писателем и заядлым книжником: «Рукописи не горят». Автор «Фаренгейта», нет сомнений, с удовольствием подписался бы под ней. Книги тоже, оказывается, не горят.

Только боюсь, что просчитался и Брэдбери - и мы вместе с ним. В статье к юбилею вроде бы не принято говорить о грустном, но ведь те же самые книги приучили нас и к такому ценному качеству, как доводить любую мысль до конца. Как бы ни было мучительно горько. А мысль следующая: книги действительно не горят, но до тех пор, пока остаются брэдбериевские люди-книги. А когда исчезнут и они и читать станет тяжело, дискомфортно, внапряг - зачем жечь книги? Сами вымрут.

Поразительно: Рэй Брэдбери, поэт и визионер, а никакой не предсказатель, не футуролог, интуитивно создал образ, который стал реальностью еще при жизни пророка. Образ из того же «Фаренгейта». И это, вопреки нашим тогдашним мрачным ожиданиям, не костры из книг. Он точнее предсказал совсем иное. Тогда для нас, первых читателей романа, оставшееся почти незамеченным. Вспомните «говорящие стены» - разве это не великолепное предвосхищение сегодняшней отупляющей наркоты, льющейся из некогда полезного бытового прибора, ныне заслужившего меткое название «зомбоящик»? Всё это телевизионное «мыло», все эти бубнящие и постоянно врущие

«говорящие головы», тотальная ржачка и игрища для дебилов - все это было предсказано американским писателем еще полвека назад.

Спасибо юбиляру: он еще раз доказал, что все-таки могут удачно предсказывать те, кто постоянно нацелен на поиски невероятного, несбыточного, альтернативного. Только приходится прибегнуть к автоцитате: точные прогностические «выстрелы» получаются у фантастов чаще всего неосознанно - и совсем не те поражаются мишени, в которые целились. Как у всех Колумбов, плывущих на поиски Индии, а по пути случайно натыкающихся на Америки. Что, согласимся, тоже неплохо - стоило плыть.

Курсор

Курсор

Сразу несколько опер по произведениям Михаила Афанасьевича Булгакова представлено поклонникам жанра. Так, наконец завершилась более чем тридцатилетняя работа певца и композитора Александра Градского над оперой «Было или не было» по роману «Мастер и Маргарита». Четырехдисковый сет оперы уже в продаже. Градский не только написал либретто и музыку, но и исполняет арии Мастера, Иешуа, Воланда и Кота Бегемота. За Коровьева поет Николай Фоменко, партию Маргариты исполняет Елена Минина, Геллы - Лолита Милявская. На эпизодические роли собран воистину звездный состав: в записи задействованы Иосиф Кобзон, Андрей Макаревич, Александр Розенбаум, Татьяна Анциферова, Максим Леонидов, Елена Камбурова, Олег Табаков, Лариса Голубкина, Геннадий Хазанов и многие другие знаменитости.

А в амстердамском Музыкальном театре (Muziektheater) 7 июня состоялась мировая премьера оперы «Собачье сердце». Она исполнялась на русском языке с субтитрами на голландском. Режиссером «Собачьего сердца» стал англичанин Саймон Макберни, музыку написал русский композитор Александр Раскатов, проживающий во Франции. Партии Преображенского и Шарикова исполняли российские певцы Сергей Лейферкус и Александр Кравец, остальные роли сыграли артисты из Нидерландов, Финляндии, Великобритании и США. После Амстердама опера отправилась в Лондон, где будет исполняться на английском языке. Композитор не исключает, что оперу покажут и российской публике.

В Санкт-Петербурге, как всегда 21 июня, в день равноотстоящий от дней рождения братьев Стругацких, прошла очередная церемония

вручения премии им. Аркадия и Бориса Стругацких («АБС-премии»). Семигранные гайки и денежные призы в этот раз достались роману Михаила Успенского «Райская машина» в номинации «художественное произведение» и сборнику статей Николая Романецкого «Тринадцать мнений о нашем пути» в номинации «Критика и публицистика».

«Экипаж» из шести добровольцев, отобранных из нескольких тысяч претендентов, в начале июня начал свой 520-суточный «полет» в макете марсианского корабля. Сам корабль представляет собой медико-технический комплекс для имитации пилотируемого полета к Красной планете. «Полет» включает три этапа - 240-суточный виртуальный перелет в космическом модуле с Земли на Марс, 30-дневная высадка на смоделированную в отдельном ангаре «марсианскую поверхность» и 240-суточное возвращение. Цель проекта «Марс-500» состоит в том, чтобы приобрести практический опыт для подготовки к реальному полету человека на Марс. В экипаже трое россиян, француз, итальянец и китаец. Проект вызвал в российском обществе большой резонанс. Огромное количество людей перед «полетом» поучаствовало в конкурсе на лучший позывной (победил вариант «Кеплер»), а 12 ведущих российских фантастов во главе с Сергеем Лукьяненко в течение всего «полета» будут писать роман-буриме о реальном путешествии на Марс и каждую неделю выкладывать очередной кусок на сайте проекта. Таким образом, за все время каждый из 12 фантастов напишет четыре части. Литпроект будет называться «Дорога к Марсу», а кроме Лукьяненко в нем примут участие фантасты, тяготеющие к жанру НФ, ведь роман-буриме будет реализован в редком ныне жанре «фантастики ближнего прицела».

Культурный киберпанковский роман «отца» жанра Уильяма Гибсона «Нейромант» обретет экранное воплощение. Работу над киноверсией романа компания Seven Arts Pictures доверила не менее знаменитому канадскому режиссеру Винченцо Натали, прославившемуся фильмами «Куб», «•Пустота» и «Химера». Производством и финансированием займутся канадские студии, подготовку к съемкам начнут в Торонто в январе-феврале будущего года. В компании считают, что «в руках Винченцо «Нейромант» реализует выдающееся видение будущего», сам же режиссер полагает, что снимать «Нейроманта» надо как последствие «Матрицы». Известно, что книга Гибсона сильно повлияла на братьев Вачовски, когда те писали сценарий. На главную роль планируют пригласить Хейдена Кристенсена.

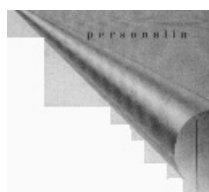
Агентство F-пресс

In memoriam 25 июня в Бруклине (Нью-Йорк) покончил с жизнью один из самых необычных фантастов современности Фергюс Гвинплейн Макинтайр.

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Вот что говорит горячая поклонница его таланта Сьюзен Ротман: «Мы были друзьями. Он умел преодолевать неприятности и обращать их во вдохновение. Он не сокрушался - он распространял знания. И говорил мне год назад, что свернул свои повседневные дела и случайные писательские опыты, чтобы вернуться в литературу на разных фронтах, включая пьесы и несколько романов». По словам людей, знакомых с писателем, его жизнь всегда была окутана тайной. О себе он практически ничего не рассказывал - в том числе и редакции «Если», с которой его связывали давние творческие отношения. Сведения же биографов весьма скудны: шотландский прозаик, поэт и художник Фергюс Гвинплейн Макинтайр родился в 1949 году в графстве Перт. Фантаст и фэн Дэйв Лэнгфорд добавляет к этому: «Фрогги» (как он обычно подписывался в Сети) говорил, что был отправлен в Австралию по детской мигрантской схеме Британии. Схема работала до 1967 года, возраст жертв схемы был менее 9 лет, следовательно, можно предположить, что он был в Австралии до конца 1950-х». Ф.Г.Макинтайр дебютировал в литературе в 1980-х. Первым научно-фантастическим произведением стал рассказ «Марсианская прогулка» (1980). С тех пор автор опубликовал роман «Женщина меж мирами» (1994), заслуживший восторженные отзывы критиков, и около трех десятков рассказов. Лучшие из них вошли в сборник «Невероятный бестиарий Макинтайра» (2001). Немалой популярностью пользовались и его работы о кино и живописи. В последние годы жизни у него было два постоянных места обитания - Уэльс и Нью-Йорк.

К российским читателям творчество Макинтайра впервые пришло со страниц «Если» в 2001 году, когда были опубликованы два его рассказа - «Взрывное дельце» и «Положи на место!». С тех пор мы не раз обращались к его новым произведениям и неизменно получали заинтересованный отклик читателей. Теперь этого уже не будет...

Редакция «Если»

personalia

ВОЛОДИХИН Дмитрий Михайлович

Писатель, критик, историк Дмитрий Володихин родился в 1969 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ и аспирантуру; кандидат наук, преподает на истфаке МГУ, параллельно занимаясь издательской деятельностью. Автор монографий по истории и публикаций книговедческого характера. С 1998 года активно выступает с критическими и фантастическими работами.

Д.Володихин - один из создателей литературного общества «Бастион» и одноименного фантастического конвента. Наряду с журналом «Если» является организатором профессиональной премии жанровых критиков «Филигрань».

Первое крупное художественное произведение автора вышло в 1999 году: это была повесть «Мы - террористы», исполненная в жанре политического боевика с элементами НФ. С тех пор писатель опубликовал романы, замеченные как коллегами-критиками, так и читателями: «Полдень сегодняшней ночи» (2001), «Золотое солнце» (2002, в соавторстве с Н.Мазовой), «Убить миротворца» (2003), «Дети Барса» (2004), «Конкистадор» (2004), «Долиной смертной тени» (2005), «Команда бесстрашных бойцов» (2006, в соавторстве с К.Кленом), «Доброволец» (2007). Неоднократно публиковался в антологиях и периодических изданиях, в том числе и в журнале «Если». Лучшие повести и рассказы автора объединены в сборник «Созерцатель» (2005).

За критические публикации становился лауреатом премий «Странник», «Звездный мост», «Серебряный Роскон» и дипломантом журнала «Если».

ГАЛИНА Мария Семёновна

Писатель-фантаст, поэт и литературный критик Мария Галина родилась в 1958 году в Твери. Окончила биологический факультет Одесского университета. Получив степень кандидата биологических наук, работала в НИИ гидробиологии, занималась проблемами окружающей среды в Бергенском университете (Норвегия). В 1990-е годы сменила науку на литературу, а также Берген на Москву, работала в литературной журналистике, была редактором отдела фантастики московского издательства «Форум». В настоящее время работает в отделе критики и публицистики журнала «Новый мир».

Дебютировала в 1982 году с поэтическими публикациями. Мария Галина - автор четырех поэтических сборников, множества публикаций в периодике.

Как писатель-фантаст выступает с 1996 года - когда вышла серия романов в жанре «фантастического боевика» под псевдонимом Максим Голицын. Под собственным именем выпустила несколько книг в жанрах сатирической фэнтези, хоррора и НФ: «Покрывало для Аваддона» (2002), «Прощай, мой ангел» (2002), «Волчья звезда» (2003), «Гиви и Шендерович» (2004), «Глядящие из темноты (Хроники Леонарда Каганова, этнографа)» (2004, под псевдонимом Максим Голицын), «Хомячки в Эгладоре» (2005), «Берег ночью» (2007), «Малая Глуша» (2009). Кроме того, М.Галина с середины 1990-х активно выступает в роли литературного критика, нередко на страницах журнала «Если».

М.Галина дважды становилась дипломантом журнала «Если» (за критические выступления). Она лауреат литературных премий «Портал», «Звездный мост», «Золотой Роскон», «Бронзовая улитка», а также двух поэтических наград - «Большой Московский счет» и премии журнала «Новый Мир» «Antologia».

ДАНИХНОВ Владимир Борисович

Родился в 1981 году в Новочеркасске. Высшее образование получил в Южно-Российском государственном техническом университете, работает старшим инженером-конструктором на научно-производственном предприятии.

По собственному признанию, фантастикой увлекся в детстве, после просмотра телесериала «Гостя из будущего», а как автор дебютировал в жанре в начале XXI века, когда первые рассказы Данихнова появились в журналах «Порог» и «Магия ПК». В 2005 году в московском издательстве «Армада» увидела свет первая авторская книга молодого фантаста - роман «Братья наши меньшие», номинированный на премию «Еврокон» по категории «Лучший дебют». Также его перу принадлежат романы «Чужое» (2007) и «Живи!» (2008, в соавторстве с А.Белоглазовым). Неоднократно публиковался в периодических изданиях, а в журнале «Если» самым заметным его произведением, вызвавшим немало разнообразных эмоций у аудитории, стала повесть «Адский галактический пекарь» (2009).

Живет и работает в Ростове-на-Дону.

ДЯЧЕНКО Марина Юрьевна ДЯЧЕНКО Сергей Сергеевич

К моменту образования творческого (и семейного) союза Сергей Дяченко (р.1945), профессиональный врач-психиатр и спортсмен-подводник, кандидат биологических наук, участник многих научных

экспедиций и выпускник сценарного факультета ВГИКа, уже успел стать заметной фигурой в кинематографе. Ему принадлежат сценарии многих документальных и научно-художественных картин (самая известная - «Звезда Вавилова»). Но настоящее признание пришло к нему после работы над сценариями телеэпопеи «Николай Вавилов» и фильма «Голод-33». Как кинодраматург он неоднократно премировался на всесоюзных и международных кинофестивалях.

Биография Марины Ширшовой (р. 1968) также тесно связана с театральным-кинематографическим миром. Она профессиональная актриса театра и кино (окончила актерское отделение и аспирантуру Киевского театрального института, где в течение многих лет преподавала искусство сценической речи). С кинематографом супруги не расстаются и сегодня - по их сценарию Федор Бондарчук снял экранизацию повести братьев Стругацких «Обитаемый остров».

Жанровым дебютом супругов стал фэнтези-роман «Привратник» (1994), завоевавший сразу две престижные награды: приз «Хрустальный стол», как лучшее произведение украинской фантастики, и поощрительный приз «Еврокона». В наградном листе М. и С. Дяченко - «Сигма-Ф» (неоднократно), Мемориальная премия имени Кира Булычёва, «Бронзовая улитка», «Аэлита» «АБС-премия», «Странник», «Интерпресскон» и многие другие призы.

Сегодня Дяченко - признанные лидеры философской фантастики, в которой переплетены элементы фэнтези, НФ, неомифологизма и городского романа. Их перу принадлежат такие книги, как «Ритуал» (1996), «Скрут» (1997), «Ведьмин век» (1997), «Пещера» (1997), «Казнь» (1999), «Корни камня» (1999), «Армагед-дом» (2000), «Магам можно все» (2001), «Долина совести» (2001), «Последний Дон Кихот» (2001), «Пандем» (2003), «Судья» (2003), «Трон» (2003), «Варан» (2004), «Авантюрист» (2005). Вышедший в 2007 году роман «Vita Nostra» собрал полный букет жанровых наград.

В 2001 и 2005 годах изданы романы, написанные в соавторстве с Г.Л.Олди и А.Валентиновым - «Рубеж» и «Пентакль». Кроме того, супругами Дяченко создан целый ряд сказочных произведений для детей: «Жирафчик» (2004), «Пандочка» (2004) и другие.

В 2009 году супруги переехали из Киева в Москву.

КИТАЕВА Анна Игоревна

Писатель-фантаст и переводчик фантастики Анна Китаева родилась в 1966 году во Владивостоке в семье геологов. Закончила Киевский университет по специальности «структурная лингвистика». Работала инженером-программистом в отделе систем искусственного интеллекта Киевского НПО «Горсистемотехника», училась в аспирантуре, работала

над диссертацией, затем редактором, журналистом, переводчиком в разных предметных областях. Под собственной фамилией и разными псевдонимами перевела около 20 книг в жанре фантастики. Участница семинара в Дубултах и семинаров ВТО МПФ. Живет в Киеве, пишет на русском языке, публикуется в России.

Дебютом в жанре сама автор называет рассказ «Кое-что о домовом» в сборнике «Ветер над яром» (1989). А.Китаева пишет преимущественно в жанре городской фэнтези, некоторое время печаталась под псевдонимом Анна Ли, затем вернулась к настоящей фамилии. В 1999 году вышел и с тех пор неоднократно переиздавался роман «Идущие в ночь» в соавторстве с Владимиром Васильевым, за который А.Китаева получила две премии в номинации «Лучший дебют» на фестивале фантастики «Звездный мост-99» в Харькове и на «Интерпрессконе-2000» в Санкт-Петербурге. Была также отмечена наградой Еугоп 2000. Помимо книг, напечатала три десятка рассказов в жанровых изданиях, но в «Если» публикуется впервые.

ТРУСКИНОВСКАЯ Даля Мейеровна

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 3 за этот год)

Корр.: Читателям полюбились ваши истории из жизни домовых, которые и мы печатали не раз. Недавно вы выпустили даже целый сборник сказок о волшебных хранителях домашнего очага. А сами-то вы верите в существование этих добрых существ? А может, и встречаться приходилось?

Д.Трускиновская: У меня дома точно живет какая-то шkodливая сущность и прячет материалы, которые нужны для работы. На столе образовались «культурные слои», и эта сущность прорывает в них туннели, затаскивает туда бумажки и книжки, иногда отдает обратно. Если хорошенько попросить, вытаскивает на поверхность книги, которые я в последний раз держала в руках года три назад. Но на кухню, помыть посуду, ее и дрыном не загонишь.

ХЬЮЗ Мэтью (HUGHES, Mathew)

Мэтью Хьюз родился в 1949 году в Ливерпуле, а в пятилетнем возрасте был увезен родителями в Канаду, где и проживает по сей день. Бросив университет, Хьюз работал некоторое время в газетах, спичрайтером, рабочим на фабрике, шофером грузовика, автодилером и санитаром в психиатрической клинике, а затем переключился на литературную деятельность. Правда, начинал автор не с фантастики, а

с детектива, сумев завоевать в этом жанре немалую популярность не только в Канаде, но в США и Англии.

Вклад Хьюза в фантастику куда более скромнен. Заметным событием стала лишь его трилогия фэнтези - «Глупцы, сбившиеся с пути» (2000), «Одурачь меня дважды» (2001) и «Черный бриллион» (2004), а также несколько рассказов и повестей, последняя из которых опубликована в нынешнем номере.

Вместе с женой и тремя сыновьями писатель проживает в небольшом городке на острове Ванкувер у западного берега Канады.

ЧАППЕЛ Фред (SHARPELL, Fred)

Американский прозаик и поэт Фред Чаппел родился в 1936 году в Кантоне, штат Северная Каролина, учился в Университете Дьюка. В настоящее время ведет литературные курсы в Университете Северной Каролины в Гринсборо.

Первый НФ-рассказ «Дуэт» Чаппел опубликовал еще в 1975 году. Но с тех пор выступал нечасто, хотя всегда ярко. На его счету всего два десятка рассказов и два романа - «Я навеки один из вас» (1985) и «Дагон» (1987). Последний, навеянный Лавкрафтом, был признан Французской академией лучшим переводным романом года. Помимо этого Чаппел дважды награждался Всемирной премией фэнтези: в 1992-м за рассказ «Двери куда-то» и в 1994-м за рассказ «Жилец». Из нынешних произведений автора номинантом на Всемирную премию фэнтези стал рассказ из уже знакомого нашему читателю цикла о мастере теней (включающий пока четыре новеллы); последний появившийся в печати опубликован в этом номере.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Криса УИЛЛРИЧА

«С ЗАРЁЮ В ПУТЬ»

Ярослава ВЕРОВА, Игоря МИНАКОВА

«CYGNUS DEI»

РАССКАЗЫ

Евгения ЛУКИНА,

Йэна МАКХЬЮ, Юлии ГАЛАНИНОЙ,

Теда КОСМАТКИ и Майкла ПУРА

ОЧЕРК

**Валерия Окулова к 100-летию
со дня рождения Сергея Снегова**

**ЧИТАЙТЕ СЕНТЯБРЬСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России»
и «Роспечать» (газеты, журналы).**

Индекс – 73118.

**Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей, включая
почтовые услуги.**

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ПОВЕСТИ

Криса УИЛЛРИЧА

«С ЗАРЁЮ В ПУТЬ»

Ярослава ВЕРОВА, Игоря МИНАКОВА

«CYGNUS DEI»

**РАССКАЗЫ Евгения ЛУКИНА,
Йэна МАКХЬЮ, Юлии ГАЛАНИНОЙ,
Теда КОСМАТКИ и Майкла ПУРА**

ОЧЕРК

Валерия Окулова к 100-летию со дня рождения Сергея Снегова

ЧИТАЙТЕ СЕНТЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и
«Роспечать» (газеты, журналы).**

Индекс - 73118.

